

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 18.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духо-
вой Семинаріи.

1907-го года мая 6-го дня.

Содержаніе: I. Важный вопросъ церковно-богослужебной практики.—
II. „Врагъ народный“.—III. Бесѣды архіепископа харьковскаго съ
пастырями Харьковской епархіи.

Важный вопросъ церковно-богослужебной практики.

Православное богослуженіе отличается всеобъемлющимъ характеромъ: запросы, тревоги и волненія вѣрующей души, нужды общехристіанскаго характера находятъ здѣсь глубокое и художественное выраженіе въ боговдохновенныхъ псалмахъ, гимнахъ и молитвахъ. Въ этомъ и главное условіе объединяющаго характера православнаго богослуженія, такъ какъ оно касается общихъ всѣмъ намъ струнъ вѣрующей души, ея нуждъ и запросовъ. Говоря такъ о богослуженіи, разумѣемъ не только службы круга суточного, но и чины требника.

Кромѣ нуждъ, общихъ всѣмъ христіанамъ, какъ у отдельныхъ христіанъ, такъ и у цѣлыхъ группъ, въ различ-

ные моменты могут являться такія частныя нужды, которыя требуютъ нарочитаго выраженія, спеціальныхъ, такъ сказать, молитвенныхъ обращеній ¹⁾ къ Господу и святымъ Его, а иногда и цѣлыхъ отдѣльныхъ чиноположеній. Въ церковно-богослужебной практикѣ Русской Церкви существуетъ не мало такихъ мѣстныхъ моленій и даже цѣлыхъ чиновъ, которыхъ не знаетъ требникъ, и которые хотя не получили общаго признанія, но сохраняютъ мѣстное значеніе. Такъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, по примѣру восточныхъ церквей, въ Великую субботу совершается таинство елеосвященія; особенность его состоитъ въ томъ, что оно совершается не надъ больными, а надъ здоровыми, присутствующими въ храмѣ. Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ, въ „прощеный“ день, прощаніе пастыря съ паствою совершается по опредѣленному чину, съ особыми, приуроченными ко дню прошенія и молитвою. Въ московскихъ приходяхъ нерѣдко приглашаютъ священника для совершенія обрученія на дому у невѣсты, въ день окончательнаго стовора брачующихся; при этомъ совершается особый чинъ обрученія въ разныхъ, впрочемъ, редакціяхъ ²⁾. Не мало встрѣчается мѣстныхъ церковныхъ обычаевъ и въ нашихъ южныхъ епархіяхъ; таковы, на примѣръ, пассія, чинъ освященія кладбищъ, освященія свѣчъ, „печатаніе“ умершихъ и молитва при возливаніи на умершаго еля, который сберегается послѣ елеосвященія надъ больнымъ до его смерти.

Предстоящій всероссійскій соборъ, который не можетъ не коснуться и нашей церковно-богослужебной практики,

¹⁾ Вселенская Церковь частнымъ церквамъ предоставляетъ въ этомъ вопросѣ свободу, давая имъ право вносить въ богослужебную практику свои мѣстные чины и прошенія, вызванныя нуждами времени; такъ, въ послѣднее время русской церковной властію введены были на богослуженіяхъ прошенія во время войны и по случаю общественныхъ волненій.

²⁾ Интересная замѣтка объ этомъ была помѣщена въ мартовской книжкѣ „Душенолезнаго Чтенія“ за настоящій 1907 годъ.

долженъ будетъ сказать свое авторитетное слово и объ этихъ мѣстныхъ богослужебныхъ чинахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ ихъ одобренія, въ виду того, что редакціи такихъ мѣстныхъ моленій различны, избрать изъ нихъ болѣе соотвѣтствующія своему назначенію, болѣе удачно составленныя. Тѣмъ временемъ духовенство по епархіямъ должно бы заняться на страницахъ епархіальныхъ органовъ приведеніемъ въ извѣстность, собираніемъ мѣстныхъ обычаевъ. Собранный такимъ образомъ матеріаль черезъ мѣстныхъ депутатовъ, членовъ предстоящаго собора, могъ бы быть представленъ для окончательнаго сужденія вниманію предстоящаго собора. Одобренные и признанные соборомъ мѣстные чины въ одной исправленной и дополненной редакціи должны быть напечатаны, какъ мѣстное (русское) дополненіе къ требнику.

Такая мѣра была бы полезна въ двухъ отношеніяхъ: 1) она содѣйствовала бы распространенію нѣкоторыхъ чиновъ, а чрезъ нихъ и благотворнаго воздѣйствія на народъ, по всей православной Руси; такое благотворное вліяніе могли бы оказывать, напр., пассія, чинъ Прощенія предъ Великимъ постомъ. 2) Та же мѣра внесла бы единство въ мѣстные обычаи; въ настоящее время, при отсутствіи въ мѣстныхъ обычаяхъ общихъ опредѣленныхъ руководствъ, замѣчается большое разнообразіе въ нихъ (обычаяхъ) даже въ сосѣднихъ приходяхъ.

Заслуживаетъ вниманія предстоящаго собора и другой, болѣе частный, вопросъ церковно-богослужебной практики.

Кромѣ мѣстныхъ обычаевъ и нуждъ, у каждаго христіанина бывають особыя положенія, свои частныя личныя нужды, радость, горе, въ которыхъ онъ прибѣгаетъ съ молитвою къ Богу; и чѣмъ больше растетъ и осложняется наша общественная жизнь, вліяющая на жизнь частную, тѣмъ разнообразнѣе и сложнѣе мотивы и поводы, въ которыхъ христіанинъ обращается за помощію къ Богу; посредникомъ въ такой молитвѣ онъ проситъ быть священника. Въ такихъ

случаяхъ православный человѣкъ любить совершать молебное пѣніе. У святыхъ мощей, чудотворныхъ иконъ перебываютъ десятки тысячъ богомольцевъ; мѣсяцами, а иногда и годами, собирается скудная лепта на то, чтобы имѣть возможность побывать у мощей угодника, помолиться, отговѣть и непременно совершить молебенъ. Каждому священнику, а особенно тѣмъ изъ насъ, которые свой пастырскій трудъ несутъ у знаменитыхъ святынь, приходилось наблюдать, какую массу нуждъ самыхъ разнородныхъ несетъ къ святынь православный народъ и ищеть себѣ удовлетворенія, утѣшенія и отрады въ молебнѣ. Записки, какія подаются на молебны, нерѣдко поражаютъ своею наивностію, непосредственной простотою, безысходнымъ горемъ. Встрѣчались пишущему эти строки молебныя записки на такія темы: „отъ соблазна“, „чтобъ мужъ не биль“, „за коровы“, за огородъ“, „противъ запоя“ и др.—„За коровы“—какъ будто наивно, а на самомъ дѣлѣ сколько трагизма оказалось въ двухъ этихъ словахъ. Все состояніе и источникъ содержанія бѣдной женщины составляли двѣ коровы, и вдругъ онѣ перестали давать молоко—прекратился единственный источникъ пропитанія для вдовой семьи, и вотъ свою нужду она стремится излить въ молитвѣ къ Богу.

„Среди русскаго народа широко распространено вѣрованіе, что тотъ или другой святой является преимущественнымъ помощникомъ и ходатаемъ за насъ предъ Богомъ въ какихъ-нибудь извѣстныхъ и опредѣленныхъ случаяхъ—болѣзняхъ, несчастіяхъ и нуждахъ. Въ силу этого вѣрованія, народъ обращается преимущественно къ однимъ святымъ съ молитвами объ исцѣленіи болѣзней, къ другимъ—объ избавленіи отъ извѣстныхъ бѣдъ и несчастій; къ однимъ онъ прибѣгаетъ въ нуждахъ тѣлесныхъ и духовныхъ; другихъ считаетъ нарочитыми покровителями извѣстной отрасли человѣческой дѣятельности и т. п. Въ этомъ случаѣ земная жизнь того или другого святого является основаніемъ, почему къ нему именно обращаются съ молитвами о помощи

въ извѣстномъ случаѣ¹⁾. Въ народѣ весьма распространено „сказаніе, какимъ святымъ каковыя благодати во исцѣленіи отъ Бога даны и когда память ихъ“.

Молебныя пѣнія ко святымъ построены всѣ по одному общему типу, и въ нихъ нѣтъ прямого отношенія къ настроенію, горю, нуждѣ молящагося. Въ самомъ дѣлѣ, слушая молебенъ, можно ли сказать, о чемъ молится тотъ, кто просилъ отслужить его? а между тѣмъ молитвенное настроеніе еще выше поднималось бы у молящагося, если бы онъ слышалъ, что Церковь не пренебрегла и его *личнымъ, собственнымъ* горемъ, радостію или нуждою. Въ болѣзняхъ, напр., народъ обращается къ разнымъ святымъ, но, по нашимъ наблюденіямъ, особенное впечатлѣніе производитъ на молящагося больного, если къ молебному пѣнію святому присоединяются прошенія изъ молебна объ исцѣленіи недужныхъ. Этимъ стремленіемъ стать ближе къ нуждѣ и состоянію молящагося, думаемъ, объясняется широкое распространеніе на Юго-Западѣ молебныхъ прошеній изъ уніатскаго требника. Прошеній такого частнаго характера на необъятномъ пространствѣ православной Руси существуетъ не мало; весьма важно было бы всѣ ихъ собрать, исправить, объединить и напечатать. Этимъ достигалось бы и то, что эта область религіозной жизни народа была бы очищена отъ примѣси суевѣрій и предразсудковъ.

Предстоящій соборъ долженъ бы заняться составленіемъ новыхъ прошеній и молитвъ по самымъ разнообразнымъ случаямъ въ жизни православныхъ христіанъ,—разумѣется, по тѣмъ случаямъ, которыхъ не предвидитъ нашъ требникъ. Что это возможно и что это можетъ входить въ компетенцію собора, видно хотя бы изъ того, что въ одной изъ предсоборныхъ комиссій было составлено нѣсколько (примѣрныхъ) отлученій отъ Церкви сектантовъ и еретиковъ для произнесенія ихъ въ храмахъ. Есть несчастія на Руси, которыя

¹⁾ Чудотворныя иконы. Священника М. Едлинскаго.

приобрѣли эпидемическій характеръ, но доселѣ не нашли себѣ надлежащаго выраженія въ церковныхъ молитвахъ. Разстройство семьи и семейныхъ началъ, пьянство приняли у насъ грандіозные размѣры,—это главнѣйшіе поводы, по которымъ обращаются къ священнику обиженные и униженные съ просьбой отслужить молебенъ. Для пастырей было бы весьма полезно имѣть молитвы и прошенія, въ которыхъ нашло бы себѣ выраженіе горе обездоленныхъ, помощи Божіей требующихъ; пусть эти послѣдніе имѣютъ возможность въ храмѣ со священникомъ выплакать свое горе и испросить помощи у Бога.

Трудно пересказать, а тѣмъ болѣе трудно предвидѣть всѣ случаи въ жизни, въ которыхъ обращаются къ священнику за молитвой въ домѣ ли просителей, или же въ храмѣ. При поразительной смѣнѣ событій въ русской жизни, священнику не мало можетъ встрѣтиться и въ общественной жизни такихъ явленій, на которыя онъ долженъ отвѣтить молитвой и при томъ молитвой не своей личной, а общественной, при народѣ. Не слѣдовало ли бы расширить право священника въ такихъ случаяхъ своими слабыми устами, при помощи Божіей, выразить вслухъ общее настроеніе и общее желаніе въ прошеніи къ Богу или молитвѣ? О покойномъ о. Рождественскомъ, такъ много потрудившемся надъ отрезвленіемъ петербургскихъ рабочихъ, очевидцы рассказываютъ, что онъ тысячамъ трезвенниковъ, давшимъ обѣтъ воздержанія отъ вина, совершалъ молебны, читалъ при этомъ молитвы и прошенія, имъ самимъ составленныя, и они производили на молящихся сильное впечатлѣніе, потрясали души, вызывали слезы. Какъ смотрѣть на это явленіе,—допустимо ли оно и въ какихъ предѣлахъ? Вопросъ важный, заслуживающій самага серіознаго вниманія...

Священникъ В. Пестряковъ.

„Врагъ народный“.

(Набросокъ съ натуры).

— Я такъ и зналъ... Такъ и зналъ... Какъ только увидѣлъ ваше лицо, вашъ взглядъ, такъ сейчасъ же и понялъ—быть оскорбленіямъ. Знаю уже такихъ... Присмотрѣлся... И вы, конечно, думали обидѣть меня? сдѣлать мнѣ больно? Но вотъ что скажу я вамъ: оскорбить вы меня оскорбили, но больно сдѣлать мнѣ не могли. Да... Я уже такъ привыкъ къ этимъ оскорбленіямъ, такъ привыкъ, что и не чувствую отъ нихъ боли. Закалился...

О. Василій повернулся къ окну и уставился глазами въ черное звѣздное небо.

Въ грязномъ купѣ третьяго класса кромѣ о. Василія было еще три человѣка. На верхнихъ скамьяхъ усталымъ, мертвымъ сномъ спали два мужика.

— Тра-та-тахъ... Тра-та-тахъ...—гремѣлъ вагонъ, покачиваясь то въ одну, то въ другую сторону. Въ тактъ съ вагономъ покачивались и сонныя тѣла мужиковъ, и можно было подумать, что они совсѣмъ неживыя. Только когда раздавался пронзительный свистокъ локомотива, или поѣздъ останавливался на развѣздахъ, мужики чуть-чуть приподнимались и иногда сквозь сонъ спрашивали:

— А? Што?

И сейчасъ же опять грузно опускались и начинали громно храпѣть.

Въ углу на нижней скамьѣ противъ о. Василія сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ въ высокой бараньей шапкѣ и ватномъ чистомъ пальто. Лицо у молодого человѣка было интеллигентное, нервное и блѣдное. Изъ-подъ тонкихъ, дугообразныхъ бровей зорко смотрѣли маленькіе, острые и блестящіе глаза и какъ бы фиксировали о. Василія.

— А онъ сильно говорить,—думалъ молодой человѣкъ объ о. Василіи и хотѣлъ было что-то сказать, но о. Ва-

силій быстрымъ движеніемъ повернулся къ нему отъ окна и продолжалъ:

— Когда-то раньше... Виновать... Когда-то раньше и мнѣ было больно отъ этихъ оскорбленій. Очень было больно. Случалось даже, что отъ боли своей—какъ это ни странно и ни дико—отъ боли я забывалъ и о священствѣ своемъ, озлоблялся на все вокругъ, на себя переставалъ походить. Знаете? Иногда случалось, что мнѣ хотѣлось нарочно выставить себя на оскорбленія, на позоръ. Бейте, моль, бейте. Издѣвайтесь. Но тогда—думалъ я—тогда я уже и на дѣлѣ буду такимъ, какимъ вы меня на словахъ представляете. Я паразитъ? пѣвка? врагъ народный? Хорошо. Бейте. Но знайте, что я и буду такимъ, какимъ вы хотите. Буду паразитомъ, пѣвкой. Да. Сниму съ себя рясу и тогда... увидимъ.

О. Василій бросилъ взглядъ на мужиковъ.

Они спали, и тѣла ихъ покачивались, какъ мертвые.

— Бейте, думалось мнѣ иногда раньше. Я буду только радоваться. Зло буду радоваться, потому что я буду мстить. Вотъ какъ! Вотъ что можетъ быть отъ вашихъ оскорбленій! Они человѣка безчеловѣчнымъ дѣлають, въ изступленіе его приводятъ; они погубить человѣка могутъ. И только Богъ, милость Его, благодать спасаютъ. Я, конечно, всегда гналъ отъ себя безумныя, дикія мысли и желанія, боролся съ ними, подавлялъ ихъ. Но онѣ были. Робко, воровски они въ душу входили. Это фактъ. Мимолетный, можетъ быть, но фактъ. П, согласитесь, естественный. Вѣдь да? да?

— Позвольте,—возразилъ собесѣдникъ:—это было бы естественно, если бы васъ оскорбляли незаслуженно, безпричинно...

Лицо молодого человѣка чуть-чуть насмѣшливо улыбалось, а тонъ у него былъ такой, какъ будто каждое его слово становилось достояніемъ исторіи.

— А заслуженно это дѣлается?—вспыхнулъ о. Василій!—по прич... по достаточнымъ основаніямъ? Ну, скажите по совѣсти, положи руку на сердце,—скажите: я врагъ на-

родный? Боже, какъ это смѣло! Какъ это страшно смѣло! Врагъ народный!... Но что же? Я, какъ хулиганъ, хожу по своей деревнѣ съ дубиной и бью всякаго, кто говоритъ о народномъ благѣ, народномъ счастьѣ? Не желаю я народу хорошаго житья, достатка? Не хочу, чтобы вотъ эти мужики сытно ѣли, жили въ просторныхъ и свѣтлыхъ домахъ, хорошо и красиво одѣвались, были образованными, трезвыми? Не хочу я этого? Почему вы думаете, почему вы можете думать, что я этого не хочу? Вы видите душу мою? Сердце мое видите?... Вы смѣтаетесь... По почему вы подозрѣваете мою искренность? Если вы не вѣрите мнѣ только потому, что не хотите, то вѣдь и я вамъ могу не повѣрить, и я вамъ могу сказать: все, что вы ни говорите о своей любви къ народу,—все это ложь, фальшь. Вы не другъ, а врагъ народный, и до народа вамъ столько же дѣла, сколько до прошлогодняго снѣга. Вы знаете только себя. Свои только цѣли преслѣдуете. Да. И я могу сказать...

—Но видите ли,—улыбнулся своей насмѣшливой улыбкой собесѣдникъ:—дѣятельность-то ваша говорить не въ вашу...

— Дѣятельность? А какая моя дѣятельность? Вы знаете? Вся моя дѣятельность въ томъ, что я учу, проповѣдую: „не нужно дѣлать зла, нужно дѣлать только добро“. Богослуженіемъ, словомъ, жизнію я проповѣдую это. Я говорю, всю жизнь вкладываю въ то, чтобы люди, вотъ эти темные люди были добрыми, хорошими. Видите? Я, очевидно, служу культурѣ. Высшей, духовной культурѣ, безъ которой невозможна никакая другая культура. Народный врагъ! Конечно, конечно, я никого не учу добиваться счастья дурными средствами. Конечно, я никого не учу бить, жечь и грабить. И именно потому, что это зло, что это портитъ душу, подавляетъ въ ней лучшее, благородное, потому что это деморализуетъ, развращаетъ. Коротко говоря—потому, что это некультурно... Опять смѣтаетесь? Хорошо, хорошо... Только я вамъ вотъ что скажу. Я проповѣдую въ деревнѣ по-своему, проповѣдую

добро въ цѣляхъ и средствахъ, и видите, что изъ этого получается? Вотъ рядомъ съ вами мои ученики, мои питомцы. Не мои лично, а вообще—церковные. Учившіеся только въ церкви и около нея. Мы съ вами сидимъ рядомъ съ ними и ничего не боимся. Мы спокойны. У васъ есть револьверъ? Нѣтъ? У меня тоже нѣтъ. Видите? Положимъ, они сейчасъ спятъ, но они проснутся, а мы все же будемъ спокойны. Мы знаемъ, что это люди, а не звѣри, что имъ совсѣмъ не чужда культура и что къ нашимъ добрымъ цѣлямъ они могутъ идти съ нами рука объ руку, какъ братья. Да. А скажите, что бы могло быть безъ моей, безъ нашей христіанской проповѣди? Что было бы, если бы мы прекратили свою проповѣдь добра, мира и любви и стали бы говорить: бейте, жгите. Знаете что? Вотъ что: мы съ вами дрожали бы за свой костюмъ, за свою жизнь. Мы съ вами сидѣли бы здѣсь и все время держались бы за револьверъ. Мы имѣли бы дѣло съ варварами, съ дикарями. Можетъ быть, тогда мы и не ѣздили бы по желѣзнымъ дорогамъ. Слышали? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне останавливали поѣзда, разрушали рельсы и прочее. Это культурно? А теперь вотъ послушайте, что было у меня въ деревнѣ, гдѣ я служу. Когда стали распространяться въ народѣ всѣ эти прокламаціи съ обѣщаніями всяческихъ благъ, что начали было поговаривать мужики? Знаете вы? Смотрите: вотъ это лучшая моя ряса. Видите? Она вся выцвѣла, въ пятнахъ. А мужики говорили мнѣ:

— Ужъ больно нарядно. Все изъ фабрики. Зря шибко барствуете. Собрать бы со всѣхъ баръ всякіе эти наряды да намъ на онучи.

И повѣрьте, послѣ первыхъ вспышекъ нашей революціи я не малое время принужденъ былъ ходить почти въ лохмотьяхъ. На каникулы пріѣзжали изъ города дѣти, и всѣ мы боялись хоть чѣмъ-нибудь обращать на себя вниманіе крестьянъ во внѣшности. Одинъ сынъ только что поступилъ въ семинарію. Сдѣлали ему кое-какую форму. Всего-то стоитъ

одиннадцать съ чѣмъ-то рублей. Но синіе канты, свѣтлыя пуговицы,—все это, конечно, занимало мальчишку. По развѣ онъ могъ одѣться въ форму въ деревнѣ? Боже сохрани! Это было страшно... Интересно, какъ бы чувствовали себя въ деревнѣ разные эти цилиндры да бобровые воротники... Увѣрю васъ, мы стѣснялись готовить что-нибудь получше на кухнѣ. А вдругъ увидятъ? Вдругъ увидятъ жареную телятину или баранину, не особенно постную? Вѣдь это раздражаетъ. Не потому, что этого у мужиковъ нѣтъ, а потому, что этого не должно быть у священника. У священника ровно ничего не должно быть. Священникъ все долженъ отдавать другимъ. Такъ писалось въ прокламаціяхъ. А мужики прокламаціи читали. Да. Такую пору мы пережили въ деревнѣ... Но я вамъ не все еще рассказалъ. Главнаго не расказалъ. Одинъ мужикъ говоритъ мнѣ разъ:

— Сколько ты за сына-то платишь въ семинаріи?

— Семьдесятъ рублей,—говорю.

— Семьдесятъ рублей!—ахнулъ мужикъ:—вѣдь это двѣ коровы! А вотъ съ насъ берешь шестьдесятъ копѣекъ за обѣдню и прочее такое. Бралъ бы по двугривенному, а сына-то не училъ бы. Зачѣмъ это? Грамотѣ знаетъ,—и ладно. Обѣдню прочитать можетъ,—вотъ намъ и попъ. Какая тамъ еще семинарія?

Слышите, молодой человѣкъ? Сына-то, говоритъ, не училъ бы. Зналъ бы грамоту,—вотъ намъ и образованный. Культурно это?

— А зачѣмъ,—говоритъ еще мужикъ:—газету выписываешь? Вонъ она, бають, шесть рублей стоитъ. Цѣлая овца. А што въ ней, въ газетинѣ-то этой... Такъ только... Для ради своего удовольствія.

А? Каково, молодой человѣкъ? Вы требуете, чтобы я во всемъ стоялъ съ вѣкомъ наравнѣ, а мнѣ мужики даже дешевой газетки не даютъ читать. Почему не даютъ? Да вы же требуете отъ нихъ. Вы требуете, чтобы мужики грабили и жгли все, что есть въ деревнѣ болѣе или менѣе культур-

наго, чтобы они гнали отъ себя все, что служить ихъ образованію и просвѣщенію, а прежде всего ополчались бы на „попа“, ибо „попъ“ врагъ народный, паразитъ... Да... И мнѣ долгое время приходилось стѣсняться книгъ и газетъ. Что, если бы и всѣмъ такъ пришлось? И въ городахъ, и въ редакціяхъ? Пожалуй, многимъ и многое бы въ другомъ свѣтѣ представилось! Многіе бы, пожалуй, сказали, что для того, чтобы подняться на высшую ступень культуры, вовсе не нужно стараться сдѣлать народъ некультурнымъ. А меня, вотъ, за то, что я держусь такого убѣжденія, всѣ считаютъ долгомъ поносить, оскорблять. Ну, и что же? Бейте. Бейте. Уже привыкъ. Обтерпѣлся... Вотъ, и сейчасъ на вокзалѣ. Сажу въ третьемъ классѣ, спрашиваю сосѣда мужика, куда онъ ѣдетъ. Мужикъ говоритъ, что въ Сибирь. Я разказываю ему, какъ ѣздили въ Сибирь мужики изъ села, гдѣ служу я, какія мѣста тамъ находили, какъ устраивались и подобн... Проходятъ мимо, направляясь къ залу второго класса, два гимназиста. Одинъ—рослый такой,—элегантный, въ золотомъ пенснэ, съ лихо сакрученными усами—говоритъ другому, тоже нарядному и красивому.—Вонъ,—говоритъ,—долговолосый...—Народъ на евреевъ натравляетъ. Да. Ну, что же, думаю себѣ. Бейте, моль, бейте... Смотрю, напротивъ меня сидитъ какой-то священникъ. Вглядѣлся—мой портретъ. Такая же ряса, такой же сѣрый, печальный и согбенный и смотритъ на меня такими спокойными, уже застывшими на выраженіи скорби глазами. Видно было, что и онъ такой же гонимый, но обтерпѣвшийся, какъ и я.

— Да и не всѣ ли мы такіе?—пришла мнѣ въ голову мысль.

И показалось мнѣ, что отъ мысли этой я буду еще равнодушиѣе ко всѣмъ этимъ оскорбленіямъ и нападкамъ.

— На людяхъ, моль, и смерть красна.

Всталъ и ради любопытства заглянулъ въ залъ второго класса. Здѣсь было совсѣмъ не такъ, какъ въ третьемъ классѣ. Мужиковъ не было. Публика все чистая, опрятная, одѣтая

красиво. Блестящіе господа, дамы, студенты въ великолѣпныхъ синихъ мундирахъ прохаживались по залу, мужчины курили хорошей табакъ, сигары, непринужденно разговаривали. Многіе изъ пассажировъ сидѣли за столомъ и, закрывъ грудь бѣлоснѣжными салфетками, ѣли что-то вкусное и ароматное. Конечно, я не знаю, что именно, но во всякомъ случаѣ не баранину по три съ половиной копейки за фунтъ. И тамъ и здѣсь въ рукахъ пассажировъ были только что полученные на станціи столичныя газеты, иллюстрированныя юмористическіе журналы по 25 коп. номеръ, и никто никого не стѣснялся. Всѣ чувствовали себя бодро и весело. Я, тихо ступая, прошелся по залу. Отъ моей худой рясы и свалывшихся въ дорогѣ волосъ всѣ какъ будто брезгливо сторонились. Я чувствовалъ на себѣ насмѣшливыя взгляды и все ждалъ какихъ-нибудь ядовитыхъ словъ, ждалъ съ покорностью, совершенно готовый ко всему. Да. Ко всему. Пусть, моль, ихъ пусть... Все въ рукахъ Господа... А я ужь... я потеряю.

— Тра-та-тахъ... Тра-та-тахъ...—гремѣлъ вагонъ. Мужики храпѣли и все покачивались, какъ неживые. Заправленная въ разбитый фонарь свѣча догорала и порывисто вспыхивала. Оба собесѣдника неподвижными глазами смотрѣли на нее и молчали.

— А поздно уже?—спросилъ о. Василій:—какъ вы думаете!

Собесѣдникъ зажегъ спичку и посмотрѣлъ на часы.

— Половина четвертаго.

— Вотъ какъ уже! Это, пожалуй, пора и соснуть немного.

— Да не мѣшаетъ.

Молодой человѣкъ вынулъ портсигаръ и предложилъ о. Василию покурить.

— Благодарю васъ. Я не курю.

Молодой человѣкъ конфузливо крикнулъ.

— Вотъ освѣжиться немного надо,—проговорилъ о. Василій, и вышелъ на площадку вагона.

Когда онъ вернулся, молодой человѣкъ уже лежалъ на своей скамьѣ спиной къ скамьѣ о. Василя.

— Уже?—тихо спросилъ о. Василій.

Отвѣта не было.

Но молодой человѣкъ не спалъ. Его прежнія собственные думы во многихъ мѣстахъ путались съ мыслями о. Василя, и ему было досадно.

А о. Василій уже не думалъ о нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ, а, лежа на своей скамьѣ, во второй, въ третій разъ высчитывалъ, можно ли будетъ въ губернскомъ городѣ заказать сыну пальто и купить домой ребятишкамъ обуви, если смотритель пансіона не согласится еще мѣсяца два подождать десять рублей за содержаніе сына.

— О, Господи!—глубоко вздохнулъ о. Василій.

— Фарисействуетъ,—мелькнула было мысль въ головѣ молодого человѣка, но сейчасъ же эта мысль показалась ему нехорошей, онъ почувствовалъ себя какъ-то неловко и сталъ поправлять свою подушку.

Николай К.—вз.

Бесѣды архієпископа харьковскаго съ пастырями Харьковской епархіи.

Тяжелъ былъ для Россіи истекшій годъ. Революціонная волна съ яростью ринулась на нашу несчастную родину, захватила ее и начала жестоко бить о подводные камни въ безбрежномъ морѣ лукавыхъ обѣщаній и несбыточныхъ надеждъ.

Къ прискорбію, надо признать, что революціонное движеніе отразилось и на нѣкоторой части духовенства. Епархіальные съѣзды прошлаго года отмѣчаются исключительно нервною преподнятостью депутатовъ, выбранныхъ, въ большинствѣ случаевъ, изъ такъ называемой передовой или прогрес-

сивной части духовенства, а постановленія, выработанныя на сѣздахъ, носятъ весьма замѣтную, своеобразную печать свободолобиваго духа времени. Какъ продиктованныя бурно вскипѣвшимъ чувствомъ недовольства существующими епархіальными порядками и не пропущенныя черезъ фильтръ холоднаго разсудка, эти постановленія охарактеризовались малою приспособленностью къ обстоятельствамъ и условіямъ наличной дѣйствительности. Въ стремленіи „раскрѣпить-ся“, депутаты совсѣмъ забыли вообще о формахъ ограниченія, которымъ подчинено несовершенное бытіе, и выносили свои резолюціи, созерцая людей въ томъ ихъ состояніи, когда, по достиженіи совершенства, люди освободятся отъ обязательствъ принудительнаго внѣшняго закона и станутъ свободно, безъ принужденія, творить добро и ему одному поклоняться. „Не хотимъ надъ собою начальственной опеки, не нуждаемся и въ указаніяхъ буквы закона; мы—сами себѣ законъ“,—вотъ основной и общій мотивъ симфоній, или вѣрнѣй—какофоній, разыгранныхъ на прошлогоднихъ епархіальныхъ сѣздахъ, — по крайней мѣрѣ, на большинствѣ изъ нихъ.

Не закрывая глазъ предъ этой печальной дѣйствительностью съ ея мрачными сторонами, не будемъ намѣренно удалять съ поля зрѣнія, а остановимъ вниманіе и на свѣтлыхъ точкахъ, разсыпанныхъ по сумрачному фону картины; если внимательнѣе поприсмотримъ къ картинѣ, то такихъ свѣтлыхъ точекъ найдется не мало, и онѣ, взятыя вмѣстѣ, значительно сгладятъ первоначальное горькое впечатлѣніе отъ тяжелой картины нестроеній среди тѣхъ, которые должны были бы ревновать о поддержаніи порядка въ своей средѣ особенно въ то время, когда вокругъ все зыблется, мятется и приходитъ въ разрушеніе. Мы не намѣрены обозрѣвать всѣхъ проявленій добраго духа порядка и созидательной дѣятельности въ средѣ духовенства за истекшій годъ; мы остановимся на одномъ фактѣ, которому нельзя не придать большого значенія. Это—личные бесѣды харьковскаго архіепис-

скопа Арсенія съ депутатами, съѣхавшимися въ Харьковъ на общенархіальный съѣздъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1906 г. ¹⁾.

Въ страдныя дни лихолѣтья естественно лицамъ, служащимъ одному и тому же дѣлу, тѣснѣе сближаться другъ съ другомъ, совмѣстно выяснить трудныя положенія и въ общемъ единеніи почерпнуть силу противостать врагу. Связь пастырей съ епископомъ должна въ это время стать особенно живою. При этой связи епископъ, какъ кормчій въ бурю, управляетъ церковнымъ кораблемъ и ведетъ его впередъ смѣло и безбоязненно, такъ какъ, самъ, зная путь, не сомнѣвается въ вѣрности соработниковъ, готовыхъ во-время принять мѣры предосторожности противъ аварій и произвести необходимыя исправленія въ случаѣ порчи отдѣльныхъ частей корабля. Въ союзѣ живого единенія епископъ и пастыри, при помощи Божіей, успѣшно исполняютъ дѣло свое и, спасаясь сами, спасаютъ и души вѣрующихъ.

Харьковскій архіепископъ имѣлъ шесть собесѣдованій съ депутатами съѣзда въ промежутокъ отъ 3 по 10 сентября. Онъ заблаговременно намѣтилъ рядъ вопросовъ, по которымъ захотѣлъ обмѣняться мыслями съ пріѣзжимъ духовенствомъ, къ которому присоединились лица изъ городского духовенства, а также и нѣкоторые изъ *святскихъ* лицъ. Бесѣды велись въ вечерніе часы, такъ какъ утромъ депутаты были заняты очередными дѣлами съѣзда. Мѣстомъ для собесѣдованій избрана была домашняя церковь архіепископа; иконостасъ церкви въ продолженіе бесѣды закрывался завѣсою.

Бесѣды имѣли оживленный характеръ. Это объясняется тѣмъ, что онѣ касались вопросовъ современности, близкой

---

¹⁾ Сообщенія объ этихъ бесѣдахъ были сдѣланы въ ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1906 г, а потомъ вышли въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: „Собесѣдованія его высокопреосвященства, высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго съ оо. благочинными, выборными и др. лицами, духовными и свѣтскими, на XX съѣздѣ духовенства Харьковской епархіи“. Харьковъ. 1907. Необходимыя цитаты мы будемъ дѣлать по этой книгѣ.

каждому депутату съѣзда, а также и тѣмъ, что архієпископъ сумѣлъ освободить собесѣдниковъ отъ излишней въ данномъ случаѣ официальнойности, явившись передъ сельскими пастырями не столько въ образѣ начальника и администратора, сколько въ образѣ отца, почитаемаго и любимаго дѣтьми. Вообще надо сказать, на читателя производятъ самое отрадное впечатлѣніе полныя святой простоты и взаимнаго довѣрія отношенія харьковскаго владыки и депутатовъ съѣзда. Когда депутаты явились въ послѣдній разъ къ преосвященному, чтобы, по окончаніи съѣзда, выразить „сыновнее чувство признательности и благодарности за ту любовь и заботу, которыми были проникнуты бесѣды, обращенныя къ духовенству, и за глубоконазидательное утѣшеніе, вынесенное изъ серіи собесѣдованій по общимъ важнѣйшимъ вопросамъ изъ жизни духовенства“ (стр. 156), владыка отвѣтилъ, что со своей стороны онъ не нашелъ ничего предосудительнаго въ дѣяніяхъ депутатовъ съѣзда и нежелательнаго въ ихъ постановленіяхъ,— а что было неудобно въ бесѣдахъ, прибавилъ прямодушный архипастырь, я сейчасъ же останавливалъ (ibid.). Последнее уже потому одному не могло больно задѣвать самолюбія, что исходило отъ архипастыря—старца, умудреннаго житейскимъ опытомъ и, притомъ, заявившаго себя тою добротою и попечительностью въ отношеніи къ духовенству, которая превосходила самыя смѣлыя ожиданія ¹⁾).

ВЪ БЛДН ОТЕЦА

Мелковичей

Православной

Академии

¹⁾ Вотъ нѣкоторые примѣры доброты и попечительности владыки. Въ Харьковской епархіи, какъ и въ другихъ епархіяхъ, оказывается безъ призора много сиротъ духовнаго званія. Нужно для нихъ расширить пріютъ, а денегъ нѣтъ. „Что дѣлать съ бѣдными, просящими о принятіи въ пріютъ? Они каждый день приходятъ съ неотступными просьбами, обливаются горькими слезами, прося какъ куска насущнаго хлѣба, приставища себѣ. И надо удовлетворять ихъ просьбы. Нельзя отказывать имъ бѣднымъ въ кровѣ и пропитаніи, потому что кто имъ поможетъ? Такъ, говорилъ архипастырь при прошеваніи съ депутатами съѣзда, открывая имъ мысли добраго своего сердца. Но кромѣ пріюта для сиротъ, оказывается настоящая необходимость въ устройствѣ богадѣльни для престарѣлыхъ лицъ духовнаго званія. „Я занятъ въ настоящее время этимъ

Бесѣды начались съ обмѣна мыслями по поводу извѣстнаго письма митрополита Антонія касательно участія духовенства въ политической дѣятельности ¹⁾). Можетъ ли духовенство примкнуть къ одной изъ правыхъ партій, или лучше ему оставаться безпартійнымъ, раздѣляя однакоже идеалы тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые не отрицаютъ царя православнаго, вѣры истинной и крѣпко стоятъ за цѣлость отечества?—Голоса присутствующихъ раздѣлились. Одни доказывали необходимость для духовенства присоединиться къ той или иной партіи и, въ частности, — къ Русскому Собранію ²⁾), а другіе стояли за безпартійность и видѣли въ этомъ

вопросомъ“, открываетъ владыка другое намѣреніе сердца. „Я буду изыскивать средства, чтобы осуществить мое давнишнее и постоянное желаніе приютить бѣдныхъ, большихъ, безпомощныхъ стариковъ, и старицъ нашего духовнаго сословія“. А вотъ что говоритъ онъ депутатамъ, которые, по какимъ-то соображеніямъ постановили давать воспитанницамъ епархіальнаго училища два блюда за обѣдомъ вмѣсто прежнихъ трехъ: „Не раздѣляю я вашего постановленія объ отнятіи третьяго блюда у воспитанницъ епархіальнаго училища. Лучше, по-моему, лишить ихъ завтрака, а третье блюдо оставить. Но я буду стараться, чтобы и третье блюдо оставить, и былъ введенъ завтракъ дѣтямъ, чтобы всѣ были довольны“ (стр. 157).

¹⁾ Мы познакомятъ читателей только съ тѣми предметами бесѣдъ, которые имѣютъ не мѣстный и не частный интересъ (таковы, напр., разсужденія объ измѣненіи программы ж. „Вѣра и Разумъ“, объ особенностяхъ мѣстной богослужебной практики, о миссіонерствѣ), а общецерковный.

²⁾ Наиболѣе рѣшительно высказался по этому поводу прот. І. Х. Пичега, бывший ректоръ Полтавской семинаріи. „Раздаются голоса“, — говоритъ онъ, и „сомнѣвающіеся въ усилѣхъ политической дѣятельности духовенства и предостерегающіе отъ увлеченія ею. Но зачѣмъ же забывать такіе примѣры, какъ представительство св. Алексія, митрополита московскаго, дважды отгратившаго отъ нашего отечества великую бѣду татарскаго нашествія?! Зачѣмъ забывать подвиги преп. Сергія Родонежскаго, защитника и хранителя русскаго государства?! Зачѣмъ забывать заслуги святѣйшаго патріарха Гермогена, принявшаго даже мученичeskій вѣнецъ за вѣру и отчизну?! Зачѣмъ забывать подвиги и многихъ другихъ приснопамятныхъ служителей алгара Господня, окрылявшихъ въ свое время народный духъ и пострадавшихъ за вѣру, царей и отечество?!.. Здѣсь высказана была мысль, что партійность не должна быть. Я не пони-

залогъ успѣха участія духовенства вообще въ устроении государственнаго дѣла.—„Вы знаете“, сказалъ владыка, когда окончился обмѣнъ мыслей между присутствующими: „я самъ состою членомъ Русскаго Собранія. Но, вполне сочувствуя благимъ цѣлямъ Собранія, я убѣжденъ, что задача духовенства всѣмъ сердцемъ принадлежать къ союзу Христову. Духовенству всего болѣе приличествуетъ безпартійность¹⁾; оно не должно преслѣдовать какихъ-либо цѣлей; его цѣли должны быть общегосударственными, общехристіанскими. Это скорѣе послужитъ вѣрнымъ залогомъ успѣха на полѣ общественной дѣятельности. Вообще же ему нужно быть „мудрымъ яко змій и цѣлымъ якоже голубіе“. Своимъ авторитетомъ, жизнью и примѣромъ духовенство должно побуждать прихожанъ жить также по-христіански. „Ибо такова есть воля Божія“, говоритъ св. апостоль: чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные: не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи (1 Петр. 2, 15-16). Во имя любви къ Богу, во имя правды Христовой, мы должны выбирать лучшихъ людей и въ члены Государственной Думы. Внушая другимъ, мы и сами должны подавать свой голосъ только за тѣхъ, кто преданъ вѣрѣ, царю и отечеству, кто по своей жизни—добрый христіанинъ и хорошій гражданинъ, кто одушевленъ любовію и готовъ служить миру, порядку и благоустроению родины“. Возможно, что придется намъ и пострадать за свои убѣжденія и активное участіе въ политической жизни нашего отечества. Но что дѣлать?! Будемъ помнить, что терпѣніе благочести-

---

маю: можно ли идти противъ всякой партійности?! Неужели мы, духовенство, не можемъ принадлежать къ Русскому Собранію? Вѣдь девизомъ этого Собранія являются коренные русскіе завѣты: православіе, самодержавіе и народность. Неужели мы, русскіе, явимся противниками всего русскаго? Да не будетъ! Я членъ Русскаго Собранія. Пусть казнятъ меня, но я не откажусь отъ своихъ убѣжденій и всегда буду гордиться принадлежностью къ этому Собранію“ (стр. 22—23).

¹⁾ Практикой жизни вопросъ рѣшенъ иначе.

ваго не останется тщетнымъ“ (Сир. 16, 14), и что вся лѣтопись земли нашей полна подвиговъ многихъ и многихъ достопамятныхъ слугителей алтаря Господня“ (стр. 25—26 ¹⁾).

Вопросъ о введеніи выборнаго начала, поднятый однимъ изъ депутатовъ съѣзда, вызвалъ со стороны преосв. Арсенія слѣдующія разъясненія. „На выборное начало возлагають теперь почему-то большія надежды. Это начало кладуть въ основаніе оживленія дѣятельности приходскаго духовенства. Исходя изъ того положенія, что отличительною чертою Православной Церкви является соборность, сторонники выборнаго начала убѣждены, что оно есть именно необходимый и естественный результатъ соборности... Добрыя стороны выборнаго начала неоспоримы. По идеѣ выборное лицо должно быть, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ. И въ умственномъ, и въ нравственномъ и въ другихъ отношеніяхъ оно должно вполнѣ соотвѣтствовать должности, на которую избрано. Но въ томъ-то и бѣда, что нерѣдко получается—идея сама по себѣ, а осуществленіе ея само по себѣ... Выборное начало введено было повсемѣстно въ Россіи около 1870 года. Составлены были тогда и надлежащія правила. Однако, въ полномъ видѣ не долго существовало оно. Уже въ 1881 г. изданъ былъ указъ Св. Синода, коимъ предоставлено было право епархіальнымъ архіереямъ избирать благочинныхъ „по личному внимательному своему выбору“. Съ тѣхъ поръ выборное начало значительно сократилось. Что за причины были этого сокращенія? Да несомнѣнно, главнѣйшей причиной былъ именно выборъ малодостойныхъ и даже вовсе недостойныхъ кандидатовъ... А можно ли въ настоящее время дать право прихожанамъ выбирать себѣ священника? Едва ли. Пастыри могутъ очутиться въ такихъ условіяхъ, что созидательная работа на пользу Церкви будетъ для нихъ весьма затруднительна... Лично я не против-

¹⁾ Не приходитъ ли въ концѣ всего и харьковскій владыка къ выводу, что духовенству естественнѣе всего пристать къ Русскому Союзу Русскаго Народа?

никъ выборного начала. Какъ сами видите, участники настоящаго собранія являются не одни о.о. благочинные, но и выборные. Готовъ я и на будущее время, въ потребныхъ случаяхъ, удовлетворять желаніе духовенства имѣть выборныхъ. Но провести это начало повсюду не возможно, по крайней мѣрѣ—до всероссійскаго собора... Не будемъ забывать, что при выборномъ началѣ избранными часто оказываются, повторяю, лица совсѣмъ малодостойныя. Мнѣ кажется, что обдуманность, осторожность, а не выборное начало, скорѣе могутъ принести пользу (стр. 30—31).

Обсужденіе мѣръ къ устраненію недостатковъ въ богослуженіи, замѣчаемыхъ по разнымъ мѣстамъ Харьковской епархіи, привело собесѣдниковъ къ принципиальному заключенію о настоятельной необходимости держаться опредѣленнаго порядка въ церковныхъ службахъ и внимательно слѣдить за ихъ благообразіемъ. „Я вообще не сторонникъ отступленій отъ устава“, сказалъ владыка, „и прошу о.о. благочинныхъ подать примѣръ и наблюдать, чтобы духовенство совершало богослуженія по уставу. Если же, въ виду слабости человѣческой, допустимы сокращенія (если безъ сокращенія нельзя уже обойтись, стр. 81); то они должны быть непременно съ вѣдома настоятеля, а не по желанію о.о. діаконовъ или псаломщиковъ, и ни въ какомъ случаѣ не искажать смысла устава и характера богослуженія“ (стр. 76). Небрежность и беспорядки при нашихъ службахъ являются одной изъ причинъ уклоненія православныхъ въ расколъ и сектанство, гдѣ богослуженія совершаются гораздо строже, чѣмъ у насъ, а также являются немаловажнымъ тормазомъ къ переходу раскольниковъ и сектантовъ въ лоно Православной Церкви (стр. 87).

Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній по части недостатковъ въ чтеніи (поспѣшность и неразборчивость) и настаивая на осмысленности и выразительности чтенія, при каковыхъ служба обращается для богомольцевъ не въ тяжесть, а въ высокое духовное наслажденіе (стр. 76 и 78), владыка пе-

решель къ вопросу о лучшей постановкѣ пѣнія въ церквахъ. „Продолжаю держаться прежняго убѣжденія, сказалъ онъ: что нужно принять всѣ мѣры къ тому, чтобы развивалось у насъ пѣніе именно *обиходное*. Последнее, мнѣ кажется, имѣеть преимущество предъ вычурнымъ партеснымъ пѣніемъ. Стройно исполненное, наше простое обиходное пѣніе гораздо трогательнѣе и несравненно лучше располагаетъ душу присутствующихъ въ храмѣ къ молитвѣ, болѣе умиляетъ ихъ, чѣмъ пѣніе партесное съ несоотвѣтствующими характеру православнаго богослуженія мотивами... О.о. благочинные должны слѣдить, чтобы руководители сельскихъ хоровъ не брали при-мѣра, какъ это нерѣдко бываетъ, съ плохихъ городскихъ регентовъ. Нужно усваивать приемы только хорошихъ регентовъ“ (стр. 78—79).

Большого вниманія требуетъ теперь отъ пастыря церковная проповѣдь. Къ проповѣди надо усердно готовиться. „Заранѣе или наканунѣ праздничнаго дня“, говоритъ владыка, „священникъ долженъ прочитать евангеліе или исторію праздника и дать себѣ отчетъ, что именно онъ хочетъ сказать въ церкви; ему необходимо намѣтить главные пункты проповѣди и все тщательно продумать. Я до сихъ поръ самъ“, прибавилъ владыка, „всегда готовлюсь къ произношенію проповѣди, нишу программу слова, стараюсь воспроизвести ее, повторяю намѣченные пункты“ (стр. 88). Разсматривая причины, которыми отговариваются нѣкоторые пастыри, когда ихъ спрашиваютъ, почему они не произносятъ поученій, владыка нашель эти причины не основательными. Указываютъ, напр., что народъ предпочитаетъ концерты проповѣдямъ, и какъ только вмѣсто концерта начнется проповѣдь, народъ уходитъ изъ храма. „Печально, сказалъ на это владыка, „но мнѣ кажется, что хорошую проповѣдь народъ выслушаетъ съ неменьшимъ вниманіемъ, какъ и концертъ“. Нерѣдко, далѣе, причиною отсутствія проповѣди за богослуженіемъ служить необходимость младшему священнику имѣть согласіе на проповѣданіе отъ настоятеля, а бываютъ и такіе факты, что

младшій хочетъ произнести проповѣдь, а настоятель ему не дозволяетъ. „Прискорбно“, отвѣтилъ владыка: „что доселѣ встрѣчаются еще примѣры несогласія между священнослужителями. Во всякомъ случаѣ, самолюбіе младшихъ священниковъ нисколько не пострадаетъ, если имъ придется испросить согласія на проповѣдь у настоятеля. Неприятностей не должно быть. Священники, если ихъ нѣсколько при храмѣ, могутъ условиться, кому и въ какое время проповѣдывать. Старшіе и получившіе высшее, сравнительно и съ другими іереями, образованіе должны руководить младшими и малообразованными. Но, конечно, о.о. настоятели не должны злоупотреблять своими правами. Нужно всегда поддерживать братскія отношенія и всячески стараться, чтобы раздоры не мѣшали святому дѣлу проповѣди“. Цензура, говорятъ еще, является формой, отягчающей совѣсть проповѣдника; это своего рода трибуналъ, устрашающій многихъ проповѣдниковъ.—„Едва ли справедливо“, возразилъ на это владыка, „представлять себѣ цензуру въ видѣ трибунала. Не слѣдуетъ забывать прежде всего, что цензурѣ подлежатъ собственно такъ называемыя очередныя проповѣди, которыя должны быть особенно тщательно отдѣланы. Что же касается другихъ проповѣдей, то онѣ не представляются цензору. Но о.о. настоятели обязаны тщательно наблюдать, чтобы всѣ проповѣди отличались добрымъ направленіемъ. Не всегда и не все можно произносить съ церковной кафедръ; бываютъ проповѣди слишкомъ длинныя, тягучія, маложизненныя. Бываютъ, къ сожалѣнію, и такія проповѣди, въ которыхъ проводятъ взгляды нежелательныя. Нельзя же пропускать такія проповѣди безъ предварительнаго цензорскаго или настоятельскаго просмотра“ (стр. 88—90). „Отъ всей души желаю“, закончилъ владыка, „чтобы проповѣдничество процвѣтало у насъ въ епархіи. Пусть пастыри Церкви пользуются каждымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы сказать своимъ духовнымъ чадамъ простое, благочестивое слово, приготовляя изъ нихъ добрыхъ христіанъ и честныхъ гражданъ“ (стр. 91).

При разсужденіи о томъ, чѣмъ лучше достигается забота о поднятіи падающей въ послѣднее время церковной дисциплины среди прихожанъ, владыка настаивалъ на примѣненіи строгихъ мѣръ взысканія къ упорнымъ нарушителямъ церковныхъ правилъ, не останавливаясь даже предъ лишеніемъ на время трапезы Господней. „Пастыри обязаны, сказалъ владыка, „дѣйствовать властно на волю своихъ духовныхъ чадъ. Къ числу мѣръ взысканія, доступныхъ священнику, соотвѣтственно характера его служенія, должно отнести, прежде всего, пастырскія внушенія. Замѣчая распространеніе какого-либо порока среди прихожанъ, пастырь долженъ во-время явиться съ духовнымъ врачевствомъ и *нециадно* (Тит. 1, 13), *со всякимъ повелѣніемъ* (Тит. 2, 15) обличать уклоняющагося отъ истиннаго пути. Помните, что если пастырь, наблюдающій среди пасомыхъ уклоненія отъ здоровой вѣры или распространеніе какого-либо порока, будетъ смотрѣть на это равнодушно, то онъ явится ослушникомъ заветовъ Самого Спасителя (Мѡ. 17, 15—16)... Обличеніе согрѣшающихъ нужно дѣлать, конечно, соразмѣряясь со степенью виновности человѣка, и съ осмотрительностью въ выборѣ мѣста и времени.—Если пастырь Церкви замѣчаетъ, что словесное вразумленіе согрѣшающихъ его духовныхъ чадъ не исправляетъ послѣднихъ, то можетъ употреблять и строгую мѣру воздѣйствія, именно—можетъ лишить на нѣкоторое время трапезы Господней, т. е. не допустить ихъ до причастія Тѣла и Крови Христовой. Но къ этой мѣрѣ пастырской попечительности можно прибѣгать только въ исключительныхъ случаяхъ“ (стр. 97). Одинъ изъ депутатовъ спросилъ владыку: можно ли допустить къ причастію лицо, осужденное епархіальнымъ начальствомъ, ранѣ истечения положеннаго срока наказанія, видя искреннее раскаяніе впаваго въ тяжкій грѣхъ?—Владыка отвѣтилъ, что это можно сдѣлать, но только непременно — съ вѣдома епархіальной власти (стр. 98).

Н. Пальмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 1-го мая 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 19.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года мая 13-го дня.

Содержаніе: I. Нѣсколько словъ по поводу „Жизни человѣка“ Л. Андре-
ева.—II. Одна изъ многихъ. Разсказъ.—III. Бесѣды архіепископа
харьковскаго съ пастырями Харьковской епархіи.

Нѣсколько словъ по поводу „Жизни человѣка“ Л. Андреева.

Христіанская вѣра, прошедшая по землѣ, какъ величе-
ственный, могучій потокъ, чудно, внезапно разлитый неви-
димою рукою надъ странами міра, учитъ, что уже въ самомъ
актѣ творенія Богъ вложилъ отображеніе Своего вѣчнаго
Духа въ смертную природу человѣка и тѣмъ открылъ какъ
безконечную любовь Свою, такъ и Божественную Свою силу.
Движимый тою же любовью къ падшему человѣку, Богъ
далъ міру Своего Сына. Это высочайшая степень любви,

какую только можно себѣ представить. „Слово стало плотію“, и съ этого мгновенія всякая плоть прониклась Божественною жизнью, конечное вступило въ общеніе съ безконечнымъ, временное съ вѣчнымъ. Богочеловѣкъ возвысилъ до Себя того, кто живетъ впечатлѣніями минуты и часто является рабомъ своихъ страстей, сообщилъ ему высокое достоинство и свѣтъ вѣчной красоты. Облагодатствованный человѣкъ-христіанинъ совершаетъ свой жизненный путь, отъ рожденія до смерти, съ глубокою вѣрою, что безъ воли Отца Небеснаго ничто не совершается въ его жизни, какъ бы ни казалась эта жизнь малоцѣнною въ глазахъ людей. Сознаніе высокой цѣнности человѣческой жизни и личности, которая, по выраженію св. Аѳанасія, чрезъ воплощеніе Бога „ожила“, глубокое убѣжденіе, что Богъ никогда не оставляетъ и возрожденнаго человѣка безъ Своего любвеобильнаго промышленія, естественно наполняетъ сердце вѣрующаго самыми высокими чувствами. вмѣстѣ съ св. Григоріемъ Назіанзинымъ христіанинъ въ правѣ сказать о себѣ: „я малъ и въ то же время великъ, ничтоженъ и высокъ, смертенъ и безсмертенъ, земной и небесный! Я долженъ наследовать Христу и быть сыномъ Божіимъ и даже самимъ Богомъ“! И въ этой высотѣ облагороженной во Христѣ человѣческой природы лежитъ коренное начало и движущая сила, которыя создали всю нашу цивилизацію, съ ея высочайшими благами гуманности и свободы.

Христіанское воззрѣніе на жизнь человѣка и на отношеніе Творца къ лучшему изъ Своихъ твореній—человѣку, подъ вліяніемъ котораго воспитались и воспитываются милліоны людей, не исключая геніевъ, мыслителей, поэтовъ и величайшихъ ученыхъ, является для современнаго человѣка, рвущагося точно въ горячечномъ бреду къ ничѣмъ несдерживаемой свободѣ, устарѣвшимъ и маложизненнымъ. Гордый успѣхами своего знанія, преувеличенно оцѣнивающей слабья по существу свои силы, человѣкъ въ самообольщеніи безъ Бога хочетъ стать богомъ и собственными усиліями думаетъ

ковать свое счастье, создать свою жизнь безъ всякаго сторонняго вмѣшательства. Для него кажется нестерпимымъ вмѣшательство въ его жизнь даже Верховнаго Существа, являющагося, по его представленію, созданіемъ старыхъ народовъ, пережиткомъ стараго міра. II христіанская религія, зовущая людей къ поклоненію Тріединому Богу, къ жизни подѣ сѣнію Откровенія и Церкви Христовой, — это, говорятъ въ настоящее время, „старая пѣсня“, когда-то сладко ублаживавшая дѣтство народовъ, но устарѣлыя напѣвы которой не могутъ уже усыплять взрослое человѣчество... Отношенія человѣка къ Богу должны опредѣляться самимъ же человѣкомъ, внѣ всякихъ стороннихъ вліяній, совѣтовъ и указаній. Эти идеи, проникающія въ такой или иной формѣ, съ самыми разнообразными оттѣнками, въ жизнь современнаго общества, постепенно производятъ разрушительное дѣйствіе въ области народныхъ религіозныхъ вѣрованій и, конечно, не дадутъ человѣку счастье и внутренній миръ. Отъ нихъ вѣетъ холодомъ могилы. „Старая“ колыбельная пѣсня смѣняется пѣснями плача, неутѣшнаго горя и могильными рыданіями человѣка, похоронившаго въ бурномъ потокѣ невѣрія, сомнѣнія и разрушенія лучшія движенія и чаянія своей безсмертной души и оставшагося въ одиночествѣ съ душевною пустотой и тугами сердечными.

Такое именно непосредственное впечатлѣніе безпросвѣтной тьмы получается послѣ прочтенія „Жизни человѣка“, написанной талантливымъ беллетристомъ для сцены. Л. Андреевъ хочетъ показать людямъ, что жизнь человѣка течетъ по какому-то случайному, трудно предугадываемому пути, мало зависящему отъ его личной воли, при полномъ равнодушіи къ его судьбѣ того Невѣдомаго Существа, Которое, по ученію христіанства, своею любовію обнимаетъ все человѣчество. Андреевъ почему-то отказывается назвать это могучее существо его настоящимъ именемъ—Богомъ, а называетъ „Неизвѣстнымъ“. Въ одномъ мѣстѣ Человѣкъ обращается къ Неизвѣстному съ такими словами: „Эй ты, какъ

тебя тамъ зовуть: Рокъ, дьяволь или жизнь, я бросаю тебѣ перчатку, зову тебя на бой! Малодушные люди преклоняются предъ твоею загадочною властію... А я смѣль и силенъ и зову тебя на бой“ (239 стр.). Въ пьесѣ Андреева христіанскій Богъ теряетъ Свои отличительныя свойства и совершенства, которыя въ сознаниіи человѣка представляются неотъемлемо присущими ему: въ Немъ нѣтъ ни любви и милосердія къ страждущему человѣчеству, той любви, которая привела Богочеловѣка ради человѣка къ Голгооѣ; ни грозной, карающей правды, однимъ лишь легкимъ прикосновеніемъ къ человѣку приводящей его въ трепетъ и страхъ. Съ полнымъ равнодушіемъ и безпристрастіемъ взираетъ Пензвѣстный на людскія страданія и скорби. Чтобы ярче отгнѣнить безразличное отношеніе Его къ горю человѣка, Л. Андреевъ мастерски рисуетъ картину несчастій, обрушившихся на Человѣка, когда-то богатаго, сильнаго, красиваго и счастливаго, а потомъ обѣднѣваго и забытаго всѣми. Чаша его страданій переполнена болѣзнию сына. Положеніе безвыходное. И вотъ гордый человѣкъ сгибаетъ колѣни и молится, но какъ молится? „Вотъ я молюсь, видишь Ты? Согнулъ старья колѣни, въ прахѣ разостлался предъ Тобой, землю цѣлую—видишь? Быть можетъ, когда-нибудь я оскорбилъ Тебя, такъ Ты прости меня, прости... А если хочешь, если такая Твоя воля, накажи, но только сына моего оставь. Оставь, я прошу Тебя. Не о милосердіи я Тебя прошу, не о жалости, нѣтъ—только о справедливости. Ты—старикъ и я вѣдь тоже старикъ. Ты скорѣе меня поймешь“... (271 стр.). Обольщенный надеждами, крѣпко и радостно уснулъ Человѣкъ. Тѣмъ ужаснѣе было его пробужденіе: Сынъ умеръ... Обращаясь въ уголь, гдѣ равнодушно стоитъ Нѣкто, Человѣкъ грозно говоритъ: „Ты женщину обидѣлъ, негодяй! Ты мальчика убилъ“!.. „Ты, я не знаю, кто ты, Богъ, дьяволь, рокъ или жизнь—я проклинаяю тебя!“ Изъ устъ обезумѣваго отъ горя Человѣка слышатся ужасныя проклятія. „Я проклинаяю все, данное тобою“, говоритъ онъ, грозно протя-

гивая руку къ Неизвѣстному. Проклинаю день, въ который я родился, проклинаю день, въ который я умру. Проклинаю всю жизнь мою, радости и горе. Проклинаю себя!.. Проклинаю мое сердце, мою голову—и все бросаю назадъ въ твое жестокое лицо, безумная судьба. Будь проклята, будь проклята во вѣки! И проклятіемъ я побѣждаю тебя. Что можешь еще сдѣлать ты со мною?.. Бери мой трупъ, грызи его какъ собака, возись съ нимъ въ темнотѣ—меня въ немъ нѣтъ“... (278 стр.). Картина при чтеніи производитъ удручающее впечатлѣніе. На сценѣ еще хуже... Сатанински гордый человѣкъ, въ дни счастья не утруждавшій, по его словамъ, слуха Неизвѣстнаго „ни славословіями, ни просьбами“, въ минуты невзгодъ обращается съ требованіями къ Верховному Существо, стремится подчинить на служеніе себѣ. Его могущество, волю..., не получаетъ удовлетворенія и, оскорбленный, раздражается самыми грубыми и страшными проклятіями, которыя нравственно порядочный человѣкъ не станетъ приносить даже по адресу своихъ враговъ, какъ бы тяжело ни оскорбили его. Между тѣмъ, психологія Человѣка вполне можетъ быть понята нами, если мы всмотримся въ слѣпоту нашего духа, въ слабость и непостоянство воли, въ силу необузданныхъ страстей и въ бездну той злобы, на какую способенъ человѣкъ, вычеркнувшій изъ своей жизни и совѣсти одно только слово: „Богъ“, и поставившій въ центрѣ своей жизни и отношеній къ людямъ свое эгоистическое, животное „я“. Проклятіе, ненависть и смерть всему тому, что служитъ помѣхою этому „я“, не подчиняется его капризамъ и велѣніямъ!..

„Неизвѣстный“ по внутренней сущности, Верховное Существо по внѣшнему образу называется въ „Жизни человѣка“—„Нѣкто въ сѣромъ“. Что значитъ это странное на первый взглядъ названіе? Не случайно ли оно! Конечно, нѣтъ. Оно вполне уместно въ художественномъ замыслѣ автора. Съ каждымъ цвѣтомъ мы привыкли соединять извѣстныя представленія, которыя и выражаемъ въ обычномъ словоупотребленіи.

бленіи. Бѣлый цвѣтъ—символь невинности, чистоты; чер-
 ный цвѣтъ—знакъ печали; розовый цвѣтъ—цвѣтъ юности,
 розовыхъ надеждъ, не разсѣянныхъ еще жизненнымъ опы-
 томъ; красный цвѣтъ служить выраженіемъ яркихъ чувствъ,
 желаній и ясно выраженныхъ стремленій... А сѣрый цвѣтъ?
 Сѣрыя, не бьюція въ глаза, малозамѣтныя краски, сѣрень-
 кія лица, мимо которыхъ пройдешь и сейчасъ же забудешь,—
 такъ въ нихъ все блѣдно и безжизненно. „Неизвѣстный“,
 „Шѣкто“ и долженъ быть въ сѣромъ и только въ сѣромъ,
 такъ какъ это существо, по изображенію Л. Андреева, ли-
 шено яркихъ внутреннихъ движеній и жизни; безстрастно
 взираетъ оно на быстротечную жизнь человѣка съ ея скор-
 бями и радостями; его лице неподвижно, сѣро и каменно;
 его голосъ—холодный, твердый, лишенный волненія и страсти;
 даже свѣтъ, гдѣ живетъ оно, также сѣръ, однообразенъ,
 одноцвѣтенъ и прозраченъ.

М. Григоревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Одна изъ многихъ.

Разсказъ.

I.

Кто знавалъ Евгенію Павловну молоденькой дѣвушкой, только-что вышедшей изъ епархіальнаго училища, когда она, въ качествѣ единственной баловницы-дочери, проживала на вольной волюшкѣ у своего вдоваго родителя, о. Павла Зарѣцкаго,—тотъ, навѣрное, не узналъ бы ее сразу теперь, черезъ пятнадцать лѣтъ, въ лицѣ матушки о. Алексѣя Кудряшева, священника маленькаго села „Пчелиной Займки“. Время и житейскія обстоятельства наложили свою неизгладимую печать на внѣшность и на внутренній душевный складъ молодой женщины, измѣнивъ ихъ до неузнаваемости.

Казалось бы, во всем мѣстечкѣ „Обрывахъ“, гдѣ много лѣтъ священствовалъ о. Павелъ Зарѣцкій, пользуясь расположеніемъ небольшого мѣстнаго общества, не было дѣвушки болѣе жизнерадостной, свободолюбивой, какъ Евгенія Павловна. Восемнадцатилѣтняя поповна Жѣня, благодаря своему милому, общительному характеру, бойкому недюжинному уму и привлекательной наружности, была положительно душою маленькаго кружка интеллигентной заводской молодежи, къ которому иногда присоединялись молодые люди изъ ближнихъ селъ. Особенно оживлялась Жѣня и беззабѣтно пользовалась радостями молодой жизни въ праздничное время, въ родѣ святокъ, масляной, пасхи, когда заводская молодежь устраивала общія дружныя развлечения и увеселенія. Подвижная, умѣвшая отдаваться беззабѣтно всякому дѣлу, черноокая красавица Жѣня играла не послѣднюю роль въ придумываніи и организаціи этихъ праздничныхъ развлеченій. Задумывалась ли когда-нибудь въ это счастливое время безпечная по виду и жизнерадостная дѣвушка глубоко и серьезно надъ своей будущей судьбой, строила ли на счетъ ея какіе-нибудь положительные планы,—неизвѣстно; вѣрнѣе будетъ предположить, что на первыхъ порахъ, выпорхнувъ на волю изъ тѣсной школьной клѣтки, она, подобно птичкѣ, просто и беззабѣтно упивалась счастіемъ здоровой свѣтлой молодости.

Такое отношеніе къ жизни со стороны Жѣни было вполнѣ естественно, не смотря на ея природный недюжинный умъ. Женская духовная школа не сообщила серьезнаго направленія этому любознательному и свѣтлому уму; а привольная, сытая жизнь у родителя, который не чаялъ души въ своей единственной дочкѣ и готовъ былъ доставить ей всѣ доступныя удовольствія, еще менѣе способствовала ея умственному пробужденію. При томъ же, какъ на зло, среди полуинтеллигентной заводской молодежи не нашлось ни одного человѣка, который сумѣлъ бы расшевелить въ молодой душѣ высшіе жизненные запросы, дать первый толчекъ физически расцвѣтшей жизни къ соответствующему духовному

расцвѣту—развитію. Такъ, по волѣ судьбы, суждено было Евгеніи Павловнѣ наивно и бессознательно подвигаться по проторенному жизненному пути къ заурядной цѣли, какая ждала и ждетъ въ жизни большинство дѣвушекъ духовной среды. Судя по всему, можно было безошибочно предсказать, что теперешняя безпечная рѣзвушка Женя рано или поздно превратится въ заурядную матушку.

О. Павелъ Зарѣцкій, беззавѣтно любившій и баловавшій безъ конца свою дочь, не могъ и не думалъ съ своей стороны сдѣлать что-нибудь для измѣненія предстоящей жизненной судьбы Евгеніи Павловны. Правда, онъ не чуждался современныхъ взглядовъ на жизнь и ея задачи, его нельзя было обвинить въ тупомъ обскурантизмѣ: знавалъ и видалъ о. Павелъ, какъ дѣвушки другого положенія, другихъ общественныхъ круговъ устраиваютъ по-новому свою жизнь, стремятся къ высшему образованію, къ самостоятельному труду... Но направить по тому же новому, широкому жизненному пути родное дѣтище ему ни разу не приходило въ голову. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, было безъ нужды тревожить молодой дѣвичій умъ дочери опасными и рискованными, на взглядъ осторожнаго родителя, мечтаніями и житейскими планами? Дѣвушка на его глазахъ всегда обнаруживала полное довольство своимъ положеніемъ и своей жизнію: ясно,—что не будетъ она роптать и тогда, когда устроится ея судьба обычнымъ порядкомъ. Промѣнять, хотя и маленькое, но зато вѣрное, благополучіе на сомнительное и полное всякихъ опасеній счастье,—казалось о. Павлу дѣломъ легкомысленнымъ и совершенно не родительскимъ. Богъ съ ней,—мирно и успокоительно думалъ о. Павелъ, любуясь на свою красавицу дочь, или слушая ея безпечную полудѣтскую болтовню:—грѣхъ было бы смущать и тревожить до времени эту ангельски-чистую, кристальную душу. Пусть отдохнетъ безъ заботъ послѣ училищной жизни, заправится здоровьемъ, а тамъ—видно будетъ, что дѣлать. Не обойдутъ же достойные молодые люди изъ нашей духовной среды такой невѣсты,

заканчивалъ, не безъ самодовольства, свою родительскую думу заботливый отецъ: придетъ время—явятся, и тогда избирай, дорогая дочка, свободно достойнаго спутника жизни по сердцу!..

II.

Родительскія предположенія, какъ и можно было ожидать, исполнились скоро. Не успѣла молодая дѣвушка еще достаточно насладиться своей послѣшкольной свободой, какъ ея судьба была рѣшена уже на всю жизнь. Представилась какъ-разъ выгодная и приличная партія въ лицѣ Алексѣя Иваныча Кудряшева, достойнаго, на взглядъ родителя, жениха, окончившаго полный курсъ семинарскихъ наукъ. Безропотно, безъ разсужденій отнеслась Женья къ рѣшительному шагу въ своей жизни, и въ одинъ прекрасный день превратилась въ матушку глухого заброшеннаго села „Пчелиной Заимки“. Немного, всего какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ прошло съ той поры, но какія рѣзкія перемены произвела безпощадная суровая проза жизни съ цвѣтущей здоровьемъ и счастьемъ молодой дѣвушкой! Когда-то чудные, глубокіе, полные жизни, черные глаза Евгеніи Павловны приняли теперь, покорное, какъ бы умоляющее, скорѣе—молитвенное выраженіе. Не осталось въ этихъ чудныхъ глазахъ и слѣдовъ прежняго молодого задора и жизнерадостности. Въ порѣдѣвшихъ, когда-то черныхъ, какъ смоль, волосахъ пестрѣютъ сѣдые пряди; на блѣдномъ, худомъ лицѣ рѣдко замѣтна улыбка, обнаруживающая недостатокъ зубовъ; сгорбившійся нѣсколько станъ, отчего матушка кажется ниже прежняго роста; совсѣмъ скромное, теплое платье безъ претензій на моду—вотъ что по внѣшности являетъ теперь изъ себя прежняя красавица Женья!.. Покорностью, кроткой нотой звучитъ рѣчь Евгеніи Павловны; въ ея разговорахъ нѣтъ уже былого оживленія, не просвѣчиваютъ, какъ яркіе огоньки, блески молодого ума; безжизненно, словно по нуждѣ, выжимая изъ себя каждое слово, ведетъ она теперь свою рѣчь.

Видно по всему, не даромъ и не легко достается жизнь матушкѣ; невольно всякому, кто зналъ ее раньше въ Обрывахъ, хочется найти разгадку и объясненіе такой печальной, роковой перемены.

А между тѣмъ, эта самая перемена и настоящее положеніе въ жизни лично самой матушкѣ не кажутся какъ будто ни тягостными, ни роковыми. Она наружно умѣетъ хранить спокойный, равнодушный видъ, ни передъ кѣмъ не выражая душевной пытки или недовольства жизнью. Когда кто-нибудь изъ прежнихъ хорошихъ знакомыхъ, при случайной встрѣчѣ съ Евгеніей Павловной, вздумаетъ выразить ей свое сожалѣніе и удивленіе по поводу рѣзкой перемены въ ея наружности, она чаще всего отвѣчаетъ въ такихъ случаяхъ съ холодной и равнодушной полуулыбкой одно и то же:

— Что же васъ удивляетъ? Не все же быть молодой и безпечной, какъ раньше; годы и замужняя жизнь дѣлаютъ свое дѣло: поневолѣ измѣнишься и состаришься. Но, вѣдь, это же бываетъ со всѣми, и пожаловаться мнѣ не на что. Слава Богу, живемъ съ мужемъ, какъ и прочіе люди! Да и то сказать: съ хозяйствомъ и дѣтьми,—а ихъ у меня семеро,—думать о себѣ много не приходится. Живешь заботами о мужѣ, о дѣтяхъ—вотъ, глядишь, время и занято...

Была ли въ подобныхъ словахъ матушки одна только правда, или она намѣренно прикрывала ими отъ посторонняго любопытнаго взора глубокіе внутренніе недочеты въ своей жизни,—угадать было трудно. Но, судя по внѣшности, какъ слагалась жизнь Евгеніи Павловны, и въ самомъ дѣлѣ—во всемъ этомъ не было чего-нибудь необыкновеннаго, насильственнаго, чтобы совершилось вопреки ея воли и желанія. И первое знакомство съ Алексѣемъ Ивановичемъ Кудряшевымъ, и послѣдовавшее за тѣмъ сватовство, и самая свадьба—все это произошло просто и обычнымъ порядкомъ. Вмѣшалась тутъ въ дѣло и „счастливая“ случайность, какъ выражался о. Павелъ Зарѣцкій, было и родительское вліяніе, но принужденія не было.

Женихъ Евгеніи Павловны, только-что окончившій курсъ, застѣнчивый, неуклюже-робкій семинаристъ Кудряшевъ появился въ Обрывахъ лѣтомъ чрезъ годъ по выходѣ Жени изъ епархіального училища. Опъ приходился братомъ недавно переведенному въ мѣстную больницу доктору и теперь пріѣхалъ къ нему погостить, отдохнуть на свободѣ послѣ шестилѣтняго пребыванія въ семинаріи. Братья Кудряшевы были круглыя сироты, дѣти давно уже умершаго бѣднаго причетника; во время ученія пришлось имъ близко узнать горькую сиротскую долю. Старшій братъ, благодаря своей личной энергіи, сумѣлъ выбиться въ доктора; Алексѣй Ивановичъ оказался болѣе слабымъ, и долженъ былъ ограничиться семинаріей, рассчитывая теперь на мѣсто священника.

— Сегодня я, Женья, совсѣмъ случайно познакомился у нашего доктора съ новой личностью, удивительно прекраснымъ, достойнымъ молодымъ человѣкомъ. Это для тебя, Женичка, должно быть пріятной, интересной новостью: ты же невѣста, и, кто знаетъ, что скажетъ намъ будущее... Представь себѣ,—забѣгаю сегодня къ доктору на минутку и вдругъ вижу незнакомаго молодого человѣка. Поздоровались. Оказалось, это родной братъ нашего доктора, зовутъ его Алексѣемъ Ивановичемъ, и онъ только нынче кончилъ семинарію, а теперь будетъ жить лѣто у брата. Изъ разговоровъ съ нимъ я сразу убѣдился, какой это славный, умный и притомъ не легкомысленный человѣкъ. Пріѣхалъ онъ къ намъ еще недавно, третьяго дня, и обѣщалъ мнѣ побывать непременно у насъ, продолжить начатое знакомство.

Въ такихъ чертахъ представилъ о. Павелъ своей дочери на первыхъ же порахъ молодого Кудряшева; это были для дѣвушки первыя свѣдѣнія объ ея будущемъ женихѣ, которыя невольно заставили ее мечтательно задуматься, пробудили въ ней естественное любопытство и желаніе лично увидѣть новаго, интереснаго человѣка. Ждать долго не пришлось: Алексѣй Ивановичъ вмѣстѣ съ братомъ скоро сдѣлалъ визитъ

о. Павлу Зарѣцкому, своей скромностью и разговоромъ еще болѣе укрѣпивъ въ батюшкѣ лестное мнѣніе о себѣ.

Съ той поры обычнымъ порядкомъ расширялось и крѣпло знакомство между молодыми людьми, пріятное для Алексѣя Иваныча, и только интересное своей новизной для молодой дѣвушки. Но правдѣ, для бойкой и отчасти свѣтски-легкомысленной Жени многое не могло нравиться въ молодомъ семинаристѣ: егѡ застѣнчивость, слишкомъ тяжеловѣсныя взгляды и сужденія, серіозные предметы его обычныхъ разговоровъ. Но все же и сквозь грубоватую оболочку семинариста просвѣчивала порой молодая душа, и въ угловатыхъ, книжныхъ рѣчахъ сказывалось юное сердце: общая молодость сближала, такимъ образомъ, незамѣтно молодыхъ людей, хотя и не пробудила прочнаго, глубокаго чувства. И никто въ Обрывахъ не удивлялся тому, что въ ту же осень, когда Алексѣй Иванычъ получилъ желанное мѣсто въ Пчелиной Заимкѣ, Евгенія Павловна стала съ нимъ подъ вѣнецъ тамъ же, въ обрывинской церкви.

— Истинно Самъ Богъ устроилъ счастье моей дорогой Женѣ!—говорилъ ея вполне довольный родитель.

III.

Неприглядно, началась молодая жизнь супруговъ Кудряшевыхъ въ глухомъ однопричтномъ селѣ. „Пчелиная Заимка“ больше напоминала кладбищенскій погостъ, чѣмъ оживленное, средней руки, русское село: невысокая, потемнѣвшая деревянная церковка, въ саженьяхъ десяти отъ нея такой же невзрачный домъ священника, гдѣ поселились Кудряшевы, да черезъ дорогу два небольшіе домика-избушки для псаломщика и просвирни, наконецъ, неуклюжаго вида двухъэтажное зданіе церковной школы—вотъ что представляло собою село, гдѣ пришлось знакомиться съ прозой жизни мечтательной Женѣ. Между Обрывами и Заимкой была цѣлая пропасть, и бѣдной Женѣ казалось, что ея молодое сердце оборвалось и сразу упало

въ эту темную пропасть. Молодая женщина поняла теперь только, какой она сдѣлала рѣшительный и необдуманный шагъ, но возврата, казалось ей, не было. Главное, Алексѣй Пванычъ, ея мужъ, теперь, когда осталась она съ нимъ наединѣ и когда увидѣла она его въ новомъ санѣ, въ рясѣ и подрясникѣ, представлялся ей совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, инымъ человѣкомъ, далекимъ, чужимъ, котораго она только-что не боялась.

Теплое свѣтлое чувство и инстинктивная близость, зарождавшіяся, было, тамъ въ Обрывахъ, вмѣсто того, чтобы крѣпнуть, развиваться, сдѣлаться сознательными, теперь куда-то спрятались, если не исчезли совсѣмъ. Молодой о. Алексѣй съ своей стороны еще помогаль укрѣпляться этому отчужденію, хотя, конечно, ненамѣренно. Онъ не считаль пужнымъ посвящать молодую женщину въ свои пастырскія дѣла, въ свое служеніе, дѣлая изъ этого для нея какъ-бы нѣкоторую запретную область, хозяиномъ которой былъ только онъ одинъ.

Такъ, съ самаго начала, по собственному недомыслію лишили себя молодые супруги самой плодотворной почвы для взаимнаго умственного и нравственнаго сближенія. Оставалась еще у нихъ область практическихъ жизненныхъ интересовъ да небогатое содержаніемъ прожитое ими прошлое; но здѣсь было совсѣмъ мало основаній и поводовъ къ тому, чтобы развиться между ними глубокому, серіозному чувству и выразиться взаимному пониманію. Не могли, на первыхъ порахъ, занять молодую непрacticalную матушку грубые хозяйственные интересы и заботы; и здѣсь о. Алексѣй, извѣдавшій бѣдность и нужду, оставался одинъ искренно заинтересованнымъ лицомъ, скоро сдѣлавшись практичнымъ хозяиномъ. И опять Евгеніи Павловнѣ сама собою выпадала незавидная доля стоять въ сторонѣ и безучастно смотрѣть на непонятное для нея хозяйственное увлеченіе мужа.

И росло, такимъ образомъ, въ сердцѣ Евгеніи Павловны тяжелое чувство одиночества; сиротливой, покину-

той сознавала она себя, и беспредметная тоска до слезъ больно мучила порой молодую душу, такъ и неизвѣдавшую въ жизни свѣтлаго, творческаго чувства любви. Горько становилось молодой женщинѣ изъ-за тѣхъ неудачныхъ попытокъ, какія она дѣлала съ цѣлю сближенія съ мужемъ, стараясь завести съ нимъ простой разговоръ, вызвать его на откровенную сердечную бесѣду. Обыкновенно, ничего не получалось изъ всѣхъ ея стараній и усилій: разговоръ не клеился, выходилъ до смѣшного глупымъ, безсодержательнымъ; Алексѣй Иванычъ, съ своей стороны, вовсе не показывалъ расположенія къ болтливости, задушевнымъ рѣчамъ. Заводили, бывало, они разговоръ, за чаемъ или за обѣдомъ, о прошломъ, о школьныхъ годахъ: рассказывала Евгения Павловна о какой-нибудь не любимой всѣми классной дамѣ,—какъ надъ ней издѣвались вострушки-воспитанницы, и тутъ же замѣчала скучающее выраженіе на лицѣ Алексѣя Ивановича; онъ пробовалъ иногда рассказать про какую-нибудь проказу товарищей или про торжественный архіерейскій пріѣздъ въ семинарію,—и, въ свою очередь, улавливалъ явную невнимательность, а иногда прямо скорбное выраженіе на лицѣ матушки.

Послѣ такого неудачнаго начала супружеской жизни, трудно было ожидать свѣтлаго и радостнаго ея продолженія. Такъ оно и было на дѣлѣ. Жизнь для молодой женщины стала казаться какой-то сѣрой, однообразной дорогой, безъ конца тянущейся куда-то въ темную, холодную даль.

„Хотя бы дѣтей Господь далъ!“—мелькало иногда въ головѣ молодой женщины инстинктивное желаніе, когда она особенно сильно сознавала свое одиночество: „все же была бы цѣль въ жизни, было бы кого воспитывать, любить и ласково прижимать къ материнскому сердцу“. Затаенное желаніе матушки, къ ея великому утѣшенію, исполнилось скоро: черезъ два года родился здоровый, крѣпкій мальчикъ, который и въ самомъ дѣлѣ примирилъ съ жизнью Евгению Павловну, заставилъ испытать материнское счастье. Въ этомъ святомъ,

тепломъ, согревающимъ сердце, чувству открылся для молодой женщины новый, радостный мѣръ; оно же соединило, сблизило ее съ о. Алексѣемъ особенной нравственной связью, какъ съ родителемъ ея дорогого Павлуши. Павлуша,—такъ названъ былъ мальчикъ по дѣдушкѣ,—явился прочнымъ связующимъ звеномъ между супругами, и общее чувство къ сыну, любовь къ нему сглаживала теперь прежнюю отчужденность, дѣлала ихъ совмѣстную жизнь возможною. За первенцемъ не замедлили послѣдовать и другія дѣти; всего ихъ было теперь пять сыновей и двѣ, самыя младшія, дочери. Унылый и молчаливый, домъ Кудряшевыхъ превратился теперь въ оживленный улей, гдѣ кипѣла шумная дѣтская жизнь: домъ батюшки какъ бы оправдывалъ названіе села и тоже казался своего рода „пчелиной заимкой“. Въ дѣтяхъ, въ ихъ воспитаніи находить теперь утѣшеніе Евгенія Павловна: имъ отдаетъ она все свое сердце, всю нетронутую раньше любовь. Есть и другое высокое нравственное утѣшеніе въ жизни пчелинской матушки: это—ея глубокая, искренняя вѣра, которая успѣла укрѣпиться и расцвѣсть въ ея сердцѣ среди малоотрадной жизненной обстановки, среди постоянныхъ материнскихъ заботъ. Любитъ Евгенія Павловна ходить въ убогую пчелинскую церковь, и молится тамъ горячо и искренно. Теперь не ропщетъ уже она на свою жизнь, отдавшись заботамъ о дѣтяхъ, попеченіямъ объ ихъ отцѣ, своемъ мужѣ, и благодарна Богу за все.

Свящ. А. В—iii.

Бесѣды архіепископа харьковскаго съ пастырями Харьковской епархіи.

(Окончаніе ¹⁾).

Не имѣя возможности вдаваться въ подробности, мы не будемъ передавать полныхъ жизненности наставленій харьковскаго архіепископа о томъ, какъ духовенству установить добрыя отношенія къ прихожанамъ и членамъ причта—другъ къ другу (стр. 93, 106), и переходимъ къ вопросу объ оживленіи прихода, — вопросу, вызвавшему интересный обмѣнъ мыслей между участниками собранія. Однимъ изъ средствъ, содѣйствующихъ возрожденію прихода, являются церковно-приходскія попечительства съ цѣлями благотворительности, исполненной духовной силы. Особенно въ сельскихъ приходахъ эти попечительства могутъ принести большую пользу. „Пастырь добрый, сотворивъ молитву, самъ безъ всякаго принужденія, пойдетъ по прихожанамъ. Онъ на мѣстѣ узнаетъ всѣ нужды своихъ пасомыхъ. Помогая посильно самъ, онъ въ то же время повѣдаетъ о замѣченныхъ имъ нуждахъ и всему приходу. И, нѣтъ сомнѣнія, всѣ прихожане, возбужденные любовію и личнымъ примѣромъ любимаго пастыря, послѣдуютъ его зову и окажутъ помощь нуждающимся братьямъ. Тогда же они, безъ всякаго начальственнаго давленія, а единственно по любви къ своему пастырю и собратіямъ, могутъ разрѣшать и всѣ практическіе вопросы прихода“ (слова архіеп. Арсенія, стр. 107). Одинъ изъ членовъ собранія, указавъ на сравнительно слабое развитіе дѣятельности попечительствъ, усматривалъ причину этого въ „положеніи“ о нихъ. Благотворительный вопросъ поставленъ въ уставѣ попечительствъ на послѣднемъ мѣстѣ вмѣсто того, чтобы стоять на первомъ... На это владыка замѣтилъ, что возрожденіе прихода не слѣдуетъ сводить къ одной мате-

¹⁾ См. № 18-й за 1907 г.

ріальної помощи нуждаючимся, а съ другой стороны—добрий пастырь постарается уладить всякія недоразумѣнія при при-мѣненіи правилъ къ жизни въ томъ духѣ любви и кротости, который обезпечиваетъ успѣхъ всякаго дѣла.

Другое, существенно важное средство къ возрожденію прихода—церковные совѣты. Противъ нихъ существуютъ различныя предубѣжденія. Смотрятъ на нихъ, напр., какъ на посягательство на дѣятельность церковныхъ старость, и опасаются, что послѣдніе будутъ отказываться отъ должностей, такъ какъ не захотятъ очутиться подъ контролемъ совѣтовъ. Всѣ подобнаго рода взгляды, сказалъ преосв. Арсеній, совершенно ложны. Нужно проникнутыя убѣжденіемъ, что только въ единеніи съ прихожанами возможно въ нынѣшнее время оживленіе прихода. Конечно, есть пастыри, которые и единолично очень успѣшно дѣйствуютъ. Но эти пастыри — исключительныя, избранники Божіи, и ихъ дѣятельность отнюдь не свидѣтельствуетъ противъ справедливости того положенія, что церковно-приходская жизнь можетъ правильно развиваться при условіи совмѣстной и дружной работы пастыря и пасомыхъ. Не зная прихожанъ, не имѣя съ ними единенія, пастырю трудно руководить пасомыми, какъ трудно указать всѣ ихъ скорби и нужды. Трудно пастырю безъ единенія съ прихожанами выработать и наилучшіе способы, какъ провести въ приходскую общину стремленіе къ соблюденію заповѣдей Божіихъ и церковныхъ постановленій, къ истинному просвѣщенію, къ искорененію замѣченныхъ среди нихъ пороковъ... Взглядъ нѣкоторыхъ старость на совѣты, какъ на излишній контроль надъ ними, неоснователенъ. Приходскіе совѣты, конечно, могутъ ознакомляться съ церковными сбереженіями, какъ и вообще съ церковнымъ хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, что, по послѣднему опредѣленію Св. Синода, члены приходскихъ совѣтовъ могутъ быть даже и нарочито приглашаемы къ участию въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ, но члены совѣта, вѣ-

роятно, никогда не выйдутъ изъ границъ дозволеннаго закономъ и не забудутъ, что церковный староста съ своими двумя представителями имѣетъ свои законныя права и полномочія, нарушать которыя другимъ нельзя безнаказанно. По опредѣленію Св. Синода, въ составъ совѣта входятъ изъ мірянъ не больше двѣнадцати человѣкъ. „Но это“, разсуждалъ владыка, „вовсе не исключаетъ возможности и всѣмъ прихожанамъ, достигшимъ совершеннолѣтія, принять участіе въ религіозно-нравственной и хозяйственной жизни прихода. Всѣмъ такимъ лицамъ, за исключеніемъ подвергшихся ограниченію въ правахъ по суду церковному и гражданскому, людей явно порочныхъ и сектантовъ, можно предоставить участіе въ приходскихъ собраніяхъ“ (стр. 109).

Наконецъ, въ дѣлѣ оживленія православнаго прихода и повышенія нравственнаго уровня членовъ его немаловажное значеніе имѣютъ разныя братства, содружества и общества. Существующія въ Харьковской епархіи учрежденія этого рода достаточно доказали, говорилъ владыка, свою пользу для населенія. Усердіемъ ихъ въ мѣстное населеніе проникаютъ десятки тысячъ хорошихъ книгъ и тысячи иконъ правильнаго письма, безмездно снабжаются книгами и письменными принадлежностями нѣкоторыя изъ бѣднѣйшихъ церковныхъ школъ, неустанно проповѣдуется Слово Божіе, разсѣиваются ложныя ученія, вѣрующіе наставляются на истинный путь спасенія, въ ихъ жизни воплощается трезвость, какъ такая христіанская добродѣтель, которая состоитъ въ исповѣдываніи трезвыхъ, здравыхъ и чистыхъ религіозныхъ убѣжденій, въ соблюденіи богобоязненныхъ правилъ жизни и въ удаленіи отъ всего непристойнаго, разлагающаго добрыя христіанскіе нравы.

За послѣднее время, какъ замѣтно, стараются придать братствамъ, содружествамъ и обществамъ новый характеръ, благотворительно—хозяйственный. Какъ смотрѣть на это? Надо ли съ сочувствіемъ отнестись къ новому явленію, пойти ему навстрѣчу съ поддержкой и обезпечить существованіе,

или на него надо смотрѣть какъ на случайное, не коренящееся въ потребностяхъ сельской жизни, явленіе, побуждающее, съ тѣмъ вмѣстѣ, къ особой бдительности сельское духовенство? Большой матеріалъ по этому вопросу предложилъ собранію членъ харьковской дух. консисторіи свящ. П. Оомицъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ близко знакомясь съ отчетами благочинныхъ, о П. Оомицѣ сдѣлалъ наблюденіе, что такъ называемыя попечительства съ спеціальною цѣлью заботиться о благоустройствѣ храма и причтовыхъ помѣщеній широкаго развитія не имѣютъ и держатся не долго, пока, напр., строится храмъ, или возводятся причтовые дома. По удовлетвореніи подобныхъ нуждъ, дѣятельность попечительства постепенно ослабѣваетъ и, наконецъ, совершенно замираетъ. Между тѣмъ, благотворительныя попечительства, широко развивающія свою дѣятельность во время народныхъ бѣдствій, какъ то: пожара, неурожая, эпидемической болѣзни, падежа скота и пр., имѣютъ широкій успѣхъ и пользуются популярностью въ народѣ. „Мнѣ думается“, говорилъ докладчикъ, „что сама жизнь указываетъ направленіе, по которому должны итти наши церковно-приходскія попечительства“. „Но... эти приходскія попечительства и братства въ настоящее время стремятся принять направленіе хозяйственно-трудовое. Есть ли это явленіе самобытное, дѣйствительно вызываемое жизнью приходскою, жизнью крестьянскою, или же это явленіе наносное со стороны, подъ вліяніемъ извѣстныхъ трудовыхъ общинъ Неплюева въ Черниговской губерніи,—вотъ вопросъ, который, мнѣ кажется, могли бы выяснить именно представители сельскаго духовенства“. Въ Харьковской епархіи существуютъ приходскія трудовыя братства, какъ напр., братство въ сл. Лютовкѣ, Богодухов. у. Оно—первое по времени возникновенія въ предѣлахъ Харьковской епархіи и обявлено своимъ рожденіемъ почину гр. Флеймихеля. Оно имѣетъ уставъ, утвержденный епархіальною властью, а дѣятельность его сводится къ слѣдующему. На благотворительныхъ началахъ составляется фондъ, изъ котораго выдается помощь

населенію: въ видѣ покупки сельско-хозяйственныхъ орудій, племеннаго скота, особыхъ зеренъ для посѣва, также устройства чтеній касательно улучшенія хозяйства по всѣмъ отраслямъ и распространенія соотвѣтствующихъ брошюръ, въ видѣ также единовременныхъ денежныхъ и вещевыхъ пособій, когда окажется въ томъ настоятельная нужда. Дѣятельность братства зиждется на мысли, что церковь и духовенство готовы итти на встрѣчу обыденнымъ и насущнымъ нуждамъ населенія. Въ Старобѣльскомъ уѣздѣ, когда тамъ были обнародованы правила о церковныхъ совѣтахъ и стали открываться эти совѣты, дѣятельность ихъ сейчасъ же приняла благотворительный характеръ. Они поставили себѣ, помимо общихъ церковно-просвѣтительныхъ задачъ, еще такія цѣли, какъ: оказаніе населенію юридической помощи, устраненіе недоразумѣній и споровъ по имущественнымъ дѣламъ и дѣламъ слѣдственнымъ и судебнымъ, помощь торгово-экономическая въ видѣ устройства потребительской лавки и судосберегательнаго товарищества ¹⁾.

По поводу выслушаннаго доклада (стр. 110—117), прот. І. Х. Пичета замѣтилъ, что онъ лично склоненъ видѣть только пользу въ той постановкѣ церковно-приходскихъ совѣтовъ, какая дана, напр., совѣту при Рождество-Богородицкой ц. сл. Шелестовой. Здѣсь благотворительная и просвѣтительная задачи объединяются, а это не можетъ не содѣйствовать оживленію приходской жизни. Преосв. Евгеній высказался въ томъ смыслѣ, что, на его взглядъ, возрожденіе и обновленіе приходской жизни зависитъ не столько отъ того или иного устава попечительства, совѣтовъ, братствъ, содружествъ и т. п. учреждений, сколько отъ авторитета пастыря, отъ заботъ послѣдняго о своихъ пасомыхъ, отъ его

---

¹⁾ О. П. Ѳомиинъ предложилъ вниманію собранія выдержки изъ устава трудового братства въ сл. Лютовкѣ и прочиталъ проектъ программы дѣятельности церковнаго совѣта при Рождество—Богородицкой церкви сл. Шелестовой Старобѣльскаго у. Интересующіеся найдутъ все это на стр. 112—116 разсматриваемой книги.

умѣнія настоять, запретить, умолить, отъ его желанія объединить и воодушевить прихожанъ непостыдною вѣрою и неллицемѣрною любовію къ Богу и ближнимъ. Свящ. І. Филевскій, настаивая на мысли, что главною задачею всѣхъ братствъ должна быть именно благотворительность, а затѣмъ уже проповѣдничество, высказалъ, однако, опасеніе, какъ бы проектируемая въ опредѣленныхъ предѣлахъ извѣстнаго прихода благотворительность, создающая территориальность, не затемнила сознанія единства церковнаго авторитета. Архіеп. Арсеній объединилъ высказанное такимъ образомъ: „Въ церковно-приходской общинѣ, сказалъ владыка, важны и благотворительныя и просвѣтительныя цѣли. Трудно сказать, какія изъ нихъ должны быть поставлены на первомъ планѣ. Территориальныя раздѣленія приходовъ неизбѣжны даже съ благотворительной точки зрѣнія. „Своя рубашка ближе къ тѣлу“, говоритъ народная мудрость. Вполнѣ естественно прихожанамъ позаботиться прежде всего о помощи своимъ собратіямъ по приходу. Но это, конечно, вовсе не исключаетъ возможности дѣлать добро и за предѣлами прихода. Нужно только такъ вести дѣло, чтобы къ пастырямъ шли добровольно, а не по принужденію. Тогда только, при истинномъ единеніи пастырей Церкви и всего клира церковнаго съ прихожанами, явится прочный залогъ оживленія православнаго прихода и приобщенія его къ высокой христіанской церковной культурѣ“ (стр. 117—118).

Заканчивая бесѣду о приходѣ, который въ недалекомъ будущемъ (на соборѣ) получить новую организацію, и высказывая пожеланія, чтобы новая организація дѣйствительно возродила и возвысила религіозно-нравственную жизнь русскаго народа, владыка прибавилъ: „во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что однимъ измѣненіемъ формъ приходской жизни невозможно еще уничтожить ненормальности, замѣчаемыя нынѣ въ приходской общинѣ. Однѣ формы не помогутъ. Нужно прежде всего воспламенить въ себѣ христіанскій духъ. Нужно возстать, воскреснуть для борьбы со зломъ

внутреннимъ и внѣшнимъ, порвать старыя оковы обыденщины. На васъ, отцы и братіе, лежитъ великій долгъ; нужно проститься съ равнодушіемъ и чутко прислушиваться къ запросамъ времени, сбросить съ себя недостатки и на дѣлѣ показать, что мы можемъ быть искренними руководителями въ религіозно-нравственной жизни народа. Нужно проникнуться великою христіанскою добродѣтелью—любовью къ ближнему, отрѣшиться отъ своихъ личныхъ интересовъ, нужна особенная бдительность и осмотрительность. При такихъ только условіяхъ возможно надѣяться на обновленіе и возрожденіе приходо́въ“ (стр. 120—121).

Оставляя въ сторонѣ разсужденія о миссіонерствѣ, имѣющія въ значительной степени мѣстный интересъ, познакомимся съ возрѣніемъ владыки на одинъ изъ предметовъ послѣдней бесѣды, на монастыри.

Мысли архіепа. Арсенія о современномъ значеніи монастырей сводятся къ слѣдующему. Монастыри какъ въ прежнія времена, такъ и теперь, были и должны быть мѣстами высшихъ духовныхъ подвиговъ отрекшихся отъ міра. Въ монастыряхъ православно-русскій народъ обновляется духовно, перерождается нравственно, получаетъ утѣшеніе въ несчастно-сложившихся обстоятельствахъ жизни и подкрѣпленіе въ оскудѣвающей вѣрѣ. Но, кромѣ этого, монастыри должны, по возможности, и практически осуществлять заповѣдь Господню о любви къ ближнимъ. Давая обѣты нестяжанія и послушанія, иноки могутъ приходить на помощь народу въ отношеніи христіанскаго милосердія и благотворительности: могутъ поддерживать и вновь учреждать школы, пріюты, больницы, амбулаторіи, богадѣльни. Найдутся еще многіе и иные способы благотворительно-просвѣтительнаго вліянія на народъ, гдѣ монастыри могутъ обнаружить силу религіозно-настроеннаго и любвеобильнаго духа, въ родѣ, напр., отправки летучихъ врачебныхъ отрядовъ изъ приспособленныхъ къ дѣлу монаховъ въ мѣста эпидеміи, посылки продуктовъ въ мѣста, пострадавшія отъ недорода и пожаровъ

и т. п. Просвѣтительная дѣятельность монастырей требуетъ въ наши дни усиленія. Иноки должны не только руководить и наставлять новоначальныхъ собратій своихъ, но—преподавать назиданіе и мірянамъ, посѣщающимъ святыя обители. Монашествующіе обязаны произносить поученія, хотя бы и печатныя. Весьма желательно, чтобы обители имѣли достойныхъ проповѣдниковъ. Если предвидится особенный наплывъ богомольцевъ, а въ монастырѣ чувствуется недостатокъ въ проповѣдникахъ, то слѣдуетъ приглашать въ такіе дни стороннихъ, особенно извѣстныхъ и талантливыхъ проповѣдниковъ, какъ это было, напр., въ Саровской обители при открытіи мощей преподобнаго Серафима. Монастырскія бібліотеки должны быть предметомъ особеннаго вниманія настоятелей. Бібліотеки должны удовлетворять религіозно—нравственныя потребности не только насельниковъ монастыря, но и приходящихъ изъ міра. Цѣлямъ духовно-нравственнаго просвѣщенія служить, наконецъ, и изданіе религіозно—просвѣтительныхъ книгъ, брошюръ и листовъ. Сергіева Лавра, Кіево-Печерская Лавра, Почаевская Лавра, Аѳонскій монастырь и др. стяжали себѣ и въ этомъ отношеніи большую славу. Дай Богъ, [закончилъ владыка, чтобы и прочіе обители поревновали примѣру этихъ монастырей въ изданіи листовъ и брошюръ добраго содержанія, или хотя бы только въ распространеніи ихъ среди богомольцевъ (стр. 147—155)].

Мы передали наиболѣе интересныя пункты бесѣдъ архіеп. Арсенія съ духовенствомъ Харьковской епархіи и, въ заключеніе, ставимъ вопросъ: чѣмъ объяснить ту оживленность и непринужденность, съ какими трактовались предметы бесѣдъ присутствовавшими на собраніяхъ? Намъ представляется, что главнѣйшею причиною ѣ въ этомъ случаѣ была личность самого предсѣдателя. Помимо замѣчательно чуткаго отношенія харьковскаго архіепископа Арсенія къ явленіямъ, запросамъ и нуждамъ времени, удивительнаго умѣнья практически-цѣлесообразно разрѣшать трудныя положенія, въ ка-

кія ставитьъ служителейъ Церкви современная дѣйствительность, нельзя не отмѣтить въ духовномъ образѣ владыки той прямоты, которая, въ связи съ глубокой, сердечной добротой, не останавливается и предъ рѣзкимъ, горькимъ словомъ правды, но немедленно прелагаетъ гнѣвъ на милость, лишь замѣтитъ первые проблески исправленія и добра, и которая создаетъ между нимъ и окружающими какъ бы родственныя отношенія. Среди собесѣдниковъ онъ—отецъ, убѣленный сѣдинами, много видѣвшій въ жизни и умудренный ея опытомъ. Онъ простираетъ слово свое къ собравшимся пастырямъ, и тѣ внимаютъ ему, довѣрчиво открывая сердце свое и предлагая, какъ дѣти на судъ отца, свои недоумѣнія и смущенія. Устанавливается живое взаимообщеніе мыслей на почвѣ духовно-родственной близости.

„Благодарю васъ“, сказалъ владыка, когда по окончаніи сѣзда депутаты въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ пришли къ нему и выразили признательность за любовь, заботливость и утѣшеніе,—„благодарю васъ, и какъ встрѣчалъ васъ съ искреннею любовью и радостью, такъ и провожаю васъ съ тою же моею отеческою любовію къ вамъ и сердечнымъ расположеніемъ. Призываю на васъ и на всѣ ваши семейства Божіе благословеніе“.—Трогательно звучатъ слова владыки, обращенныя къ харьковскому духовенству, и хочется пожелать, чтобы союзъ взаимной любви, довѣрія и простоты отношеній связывалъ тѣснѣе и тѣснѣе русскихъ архипастырей съ пастырями въ наши лукавые дни, когда отовсюду духовенству грозитъ бѣда—и отъ мнимыхъ друзей и отъ явныхъ враговъ. Въ единеніи, вѣдь, сила и спасеніе!

Н. Пальмовъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 7-го мая 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года мая 20-го дня.

Содержаніе: I. Отзвуки современности.—II. Настоятельная необходимость матеріальнаго обезпеченія православнаго духовенства.—III. Нѣсколько словъ по поводу „Жизни человѣка“. Л. Андреева (окончаніе).—Замѣтки. а) Что говорить за границей о нашей церковной жизни.—б) Отрадное явленіе.

Отзвуки современности.

Замѣтки и отрывки.

1.

Наша русская жизнь, выведенная за послѣдніе два-три года изъ спокойнаго, соннаго русла событіями необычайной политической и общественной важности, продолжаетъ идти небывало ускореннымъ темпомъ. Факты, явленія глубочайшаго смысла и значенія, самые жизненные и неотложные вопросы, нагромождаясь непрерывно цѣлою массою другъ на друга, уподобляютъ теченіе современной русской жизни бурному вешнему потоку, который захватываетъ неволью каждаго мыслящаго человѣка, заставляя такъ или иначе отзы-

ваться на совершающіеся вокругъ него факты, рѣшать для себя назрѣвшіе неотложные вопросы. При пестрой и быстрой смѣнѣ проходящихъ мимо насъ жизненныхъ явленій нелегко относиться къ каждому изъ нихъ систематически-вдумчиво и разсудочно-безпристрастно. Пробужденная русская жизнь, держа постоянно умъ и сердце въ напряженномъ состояніи, оставляетъ на душѣ человѣка глубокіе слѣды, и она вынуждена отзываться тотчасъ же на явленія дѣйствительности. Понятно само собой, всѣ подобныя отклѣки должны носить отрывочный, субъективный характеръ; но, тѣмъ не менѣе, они представляютъ значительную цѣнность, какъ показатели дѣйствительнаго, живого отношенія мыслящихъ, любящихъ свою родину современниковъ къ переживаемымъ теперь историческимъ моментамъ величайшей важности и значенія. Въ этомъ смыслѣ, быть можетъ, окажутся не лишенными нѣкотораго интереса и предлагаемыя ниже отрывочныя замѣтки, вызванныя проходившими предъ скромнымъ ихъ авторомъ вопросами и фактами русской жизни. Эти замѣтки являются не болѣе, какъ именно отзвуками дѣйствительности, которыми реагировали на нее въ свое время мысль и сердце пишущаго эти строки...

2.

Начавшееся у насъ общественное и политическое пробужденіе умовъ невольно заставляетъ задуматься надъ нашимъ прошлымъ и подумать о томъ, что намъ обѣщаетъ будущее... Что остается у насъ въ прошломъ, позади, и на что можемъ мы рассчитывать въ будущемъ, впереди?..

Позади—разочарованіе въ прошломъ, у многихъ—разочарованіе въ состоятельности основныхъ принциповъ, которыми жили русскіе люди. Да. Принципы хороши, основы прочны, и живутъ они еще въ народной жизни, но чистота ихъ загрязнена, красота изуродована. Православіе... не фактъ ли дѣйствительности упадокъ вѣры, ограничивающейся подчасъ бездушной обрядностью, а наряду—безбожіе и сек-

тантство. Самодержавіе... оно оказалось обезсиленнымъ, оторваннымъ отъ народа своевольной бюрократіей. Народность... закралось сомгніе въ исторической мощи, силѣ и культурной миссіи русскаго народа; на повѣрку оказалось, что русскіе больше услаждались самолюбивой мечтой, чѣмъ дѣлали дѣло. Неудача культурной миссіи на Дальнемъ Вос-токѣ. Слабость русскаго вліянія на народности, входящая въ составъ Россіи. Въ политическомъ, военномъ, экономическомъ отношеніяхъ—слабость, отсталость: раскрыла это несчастная война. Внутри виѣшне поддерживаемое мирное благоденствіе, при смѣнѣ обстоятельствъ, перешедшее въ въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ въ анархію, слѣпыя, страшные разгромы, еще болѣе омрачившіе прошлое, заслонившіе его собой...

Прошлое, оказывается такимъ образомъ, обезцѣнено; такъ продолжать жить нельзя. Неизбѣжно должна начаться новая жизнь; ее намъ дать будущее; и ее уже ждуть съ радостными надеждами, и уже готовы новыя начала для нея; свобода всѣхъ видовъ, права, законность... Но можно ли думать легкомысленно, что новая жизнь сразу смѣнитъ не хорошее прошлое, будетъ на него не похожа, всѣхъ удовлетворить, утѣшить?.. Можно ли ожидать, что новое зданіе народной жизни будетъ прочно, уютно? Есть основаніе опасаться, что обмануть свѣтлыя надежды на новый планъ и новыя основы (свобода, права и проч.)...

Вѣдь и старыя основы были сами по себѣ прочны, но не удержали зданія потому, что строители и жители мало думали о должномъ содержаніи, поддержкѣ ихъ. Что, если такъ же отнесутся къ новымъ основамъ, не введутъ ихъ въ жизнь, а только легкомысленно стануть твердить громкія слова о нихъ, да злоупотреблять ими? Тутъ нужна созидательная работа, и смогутъ ли ее выполнить только что бывшіе разрушители? Вообще, едва ли наше поколѣніе, выросшее среди презрѣнія ко всему святому, мятежное, недисциплинированное, выполнить, какъ должно, предстоящій трудъ.

Выйдутъ ли, на примѣръ, мирные труженики-учители и руководители народа изъ деморализованныхъ массъ студенчества, и вообще—учащихся? Вотъ вопросъ...

Однако, вѣрить и надѣяться надо. Оживеть наша родина, заживутъ ея раны, и чувство самосохраненія, усилія лучшихъ людей выведутъ Русь изъ гибельной анархіи. Посмотрите, что дѣлаютъ муравьи, когда разрушена часть муравейника,—пчелы, когда взять у нихъ запасъ меда. Начинается дѣятельное возстановленіе разрушеннаго. То же бываетъ и съ человѣческимъ обществомъ. Опасность гибели неизбежна лишь тогда, когда разрушенія непоправимо глубоки. Отъ совсѣмъ раскиданнаго муравейника отступаютъ муравьи; покидаютъ ограбленный улей пчелы. Но не въ такомъ же ещѣ положеніи наша родина, и зиждительная сила стомилліоннаго народа дружно направится къ возсозданію своего положенія и возсоздастъ такъ, какъ требуютъ народныя національныя свойства, какъ бы неискусные строители ни коверкали по-своему дѣла. Вотъ въ чемъ наша надежда и свѣтлое упованіе: ими мы и будемъ ободрять, одушевлять себя!

3.

Несмотря на широкій размахъ и глубину, наше современное движеніе нельзя пока назвать ни общенароднымъ, ни патріотичнымъ. Оно не народно и непатріотично, потому что въ дѣйствіяхъ нашихъ политическихъ партій повсюду съ самаго начала видны были: презрѣніе къ общественному благу родины, ея силѣ, славѣ, могуществу и благосостоянію (во время войны), пользованіе для своихъ цѣлей ошибками, слабостями правящихъ лицъ и даже нарочитое ослабленіе національнаго могущества (помѣхой, напр., военно-заводской дѣятельности) для тѣхъ же личныхъ цѣлей. Тотъ же характеръ имѣли всѣ забастовки, какъ способы—вырвать у власти нужныя себѣ права и прерогативы, потому что въ основѣ ихъ—безнравственный расчетъ: чѣмъ больше вреда

государству причинить забастовка, тѣмъ лучше, такъ какъ власть, ради сохраненія блага государства, должна непременно будетъ дать то, что требуютъ они. Здѣсь прямо-таки, противъ воли, выражаютъ руководители движенія, что истинный интересъ и общее благо родины дороже для существующей власти, чѣмъ имъ. Программы и цѣли партій дороги и желательны для нихъ, а общее, народное, что, главнымъ образомъ, нужно народу—отодвигается на второй планъ, или вовсе отсутствуетъ. У нихъ эгоистиченъ и способъ достиженія себѣ правъ по трунамъ и крови простыхъ, наущенныхъ рабочихъ, а потомъ—лицемѣрное чествованіе убитыхъ, „защитниковъ“ ихъ правъ! Какъ это возмутительно... Что же дастъ конецъ? Каждая партія съ торжествомъ будетъ похваляться и пользоваться своими свободами; эти же партіи дадутъ изъ себя заправиль государственнаго корабля; а народъ, 80% населенія, вѣрнѣе всего не получатъ удовлетворенія въ главномъ и останется съ свободами, которыя ему собственно пока ни къ чему. Если же скажетъ народъ: а мы-то какъ же? Имъ отвѣтятъ сверху ехидно: а вы что же сплеховали и не вырвали у прежней власти, что нужно; вѣдь каждый за себя, мы и то подѣлились великодушно съ тобой, что себѣ добыли. Остальное ужъ свое сами добывайте!.. И останется народъ опять носителемъ тяготы государственной, и опять будетъ работать на новыхъ попечителей, и своимъ кровнымъ трудомъ заглаживать великое раззореніе родины, которое причинили славные борцы свободы. Чтожъ? Вѣдь народъ терпѣливъ,—такимъ онъ будетъ и въ новой свободной Россіи!..

4.

При общей опасности чувство самосохраненія побуждаетъ всѣхъ людей однородныхъ интересовъ и общественнаго положенія сплотиться, соединиться въ отдѣльныя группы, чтобы отстоять себѣ права на существованіе, не погибнуть въ общей смутѣ. Отсюда у насъ теперь масса союзовъ,

обществъ, комитетовъ, съѣздовъ разныхъ единомышленныхъ партій. Это явленіе—ясно, понятно и объяснимо. Но что за все это время представляло наше духовенство, чѣмъ оно проявило свое чувство самосохраненія, что сдѣлало, чтобы сохранить, отстоять среди другихъ группъ и союзовъ особое самостоятельное положеніе, показать, что и оно имѣетъ право на существованіе? Вѣдь надо же рѣшить: въ чемъ наша жизненная правоспособность; есть ли, наконецъ, она, и въ какомъ отношеніи должно стоять наше главное дѣло къ дѣламъ, цѣлямъ и задачамъ всѣхъ другихъ группъ. Или же духовенству быть такъ: съ купеческой группой—купцомъ, съ крестьяниномъ—крестьяниномъ, съ политикомъ—политикомъ. Но это нѣ будетъ ли значить, что само по себѣ духовенство не представляетъ самодовлѣющей группы, что оно можетъ равно работать любому господину? Не лучше ли намъ образовать свою сплоченную группу среди другихъ, выбрать свой независимый путь; но это возможно тогда, когда мы убѣжденно будемъ сознать безусловную необходимость и нужность нашего дѣла, а, слѣдовательно, и существованія своего въ общемъ строѣ народно-государственнаго организма, въ какую бы политическую форму онъ ни вылился. И у насъ доселѣ этого нѣтъ!

Впрочемъ, оказывается, что о нашей нуждѣ начинаютъ заботиться другіе и хотятъ пристроить насъ къ дѣлу. Въ одномъ мѣстномъ органѣ напечатана статья: „Какъ быть?“, указывающая намъ путь спасенія. Статья, отмѣтивъ преступную бездѣятельность духовенства и пресмыкательство предъ властію въ прошломъ, настойчиво призываетъ его загладить старый грѣхъ: примкнуть всецѣло къ освободительному движенію и работать плодотворно въ рядахъ его дѣятелей. Тогда духовенство можетъ быть спокойно за себя, и въ обновленной Россіи найдетъ себѣ мѣсто. Это значитъ: духовныя лица должны выступить дѣятельными борцами и работниками въ осуществленіи всѣхъ соціальныхъ, политическихъ и экономическихъ вождельній передовыхъ вождей освободи-

тельнаго движенія и въ этомъ смыслѣ организовать и доводить до сознательности находящіяся подъ вліяніемъ ихъ темныя массы прихожанъ. Тогда-то мы возвратимъ себѣ довѣріе и народа, и интеллигенціи и займемъ почетное мѣсто.

Кажется, чего проще: выходъ для насъ простой и ясный, но на дѣлѣ—призрачный и гибельный. Отдавшись движенію, ставъ въ ряды его борцовъ, мы тѣмъ самымъ сдѣлаемся всѣмъ, чѣмъ угодно, только не пастырями-священниками. Такой поворотъ съ нашей стороны будетъ открытымъ признаніемъ бесплодности, безжизненности своего служенія. И не произнесемъ ли мы, такимъ образомъ, сами надъ собой, надъ своимъ правомъ на особое самостоятельное существованіе, какъ необходимой и полезной силы въ государственномъ организмѣ, смертнаго приговора? Вѣдь призывающіе насъ слиться въ работѣ съ дѣятелями освободительнаго движенія только-что не говорятъ: „бросьте вы возиться съ вашимъ бесполезнымъ священствомъ, а дѣлайте наше истинно полезное дѣло“! Утверждать, что можно совмѣстить и то, и другое, было бы лицемеріемъ: какъ явится священникъ пріятнымъ и угоднымъ соратникомъ нашимъ передовымъ дѣятелямъ освобожденія, не замалчивая, не скрывая совѣмъ или не извращая дерзновенно святѣйшія истины вѣры Христовой! Не говоря уже о политикѣ, экономическихъ вопросахъ, даже въ области просвѣщенія народныхъ массъ оставаясь стойкимъ сторонникомъ господства религіознаго начала (а иначе какъ?), священникъ едва ли явится *persona grata*, удобопріемлемой личностью. Недаромъ же старались всяческими средствами привлечь къ себѣ вниманіе и заслужить благоволеніе большинства нѣкоторые наши представители въ Думѣ, и только ихъ душа да совѣсть знаютъ, что оуѣ, бѣдныя, вытерпѣли отъ своихъ славолюбивыхъ хозяевъ!

5.

Нѣтъ, не спасительный выходъ найдемъ мы для себя въ настоящемъ положеніи, если, очертя голову, перевалимъ на

сторону передовыхъ и сознательныхъ дѣятелей обновленія, станемъ въ ихъ ряды; а въ конечномъ результатѣ, когда пройдутъ теперешніе горячка и угаръ, заслуженный позоръ и осужденіе со стороны народа получатъ не устоявшіе противъ соблазна. И теперь тѣ изъ насъ, которые пытаются открыто выступить съ позаимствованными со стороны передовыми взглядами и сужденіями, едва ли являютъ достойное зрѣлище и скорѣе заставляютъ всякій разъ смущаться и краснѣть за свои вольныя рѣчи своихъ же собратій и соблазняться истинно-вѣрующихъ мірянъ. Впрочемъ, Богъ съ ними! Еще Господь сказалъ: „блаженъ, кто не соблазнится обо Мнѣ“...

Но чтѣ же намъ противопоставить соблазнительнымъ призывамъ, не дающимъ ни настоящаго дѣла, ни настоящаго выхода (оспаривать серіозность минуты, не видѣть критическаго положенія своего нельзя)? Неотложно слѣдуетъ выйти и намъ на работу, на скорую самоотверженную помощь погибающей родинѣ. Только намъ даже нечего искать выхода и нужной работы: предъ нами—не только выходъ, а ясный и вѣрный путь Христовъ, предъ нами одна настоящая работа—пастырское дѣланіе: насажденіе въ сердцахъ людей вѣры Христовой, обличеніе беззаконій, ратованіе за правду Божію, попираемую, самоотверженное дѣло христіанской любви. Неужели это—все не настоящее дѣло, дѣло всей жизни пастыря, которое именно теперь и нужнѣе и дороже всего страдалицѣ родинѣ?

Вѣдь для насъ-то, священниковъ, чѣмъ должны представляться всѣ современныя бѣдствія и страданія родины, какъ не днями гнѣва Божія за общій давній грѣхъ всей земли, всего народа, забывшаго Бога, вѣру, судъ и правду и предавшагося всякому беззаконію? И что нужнѣе можетъ быть теперь и цѣлительнѣе пророческаго, покаяннаго призыва съ нашей стороны ко всѣмъ: „покайтесь, обратитесь и живы будете“! Вотъ въ чемъ наша задача въ настоящіе грозные дни—всѣмъ содѣлаться въ нѣкоторомъ родѣ пророками, вос-

пламениться ревностію по Богѣ и Его правдѣ, вдохновиться любовію къ погибающимъ! И это не слова, это именно и есть наше настоящее прямое дѣло. Видѣть во всѣхъ бѣдствіяхъ, вмѣстѣ съ другими, однѣ только естественныя историческія, политическія причины и не признавать главной, религіозно-нравственнаго разложенія и упадка русскаго общества,—это должно быть несомвѣстимо съ міросозерцаніемъ и убѣжденіемъ истиннаго пастыря Православной Церкви Христовой.

Иначе намъ въ лицо могутъ сказать тѣ русскіе люди, которые не успѣли еще измѣнить родинѣ: нѣтъ, не стремленіе спасать православныя души, народъ, родину отъ грозной гибели, не трепеть и страхъ за эту грозящую гибель поднималъ вамъ духъ, заставилъ смущенно биться сердца,—нѣтъ, вы испугались за себя, вы бросились спасать себя самихъ. Не самоотверженіе, а самозащита—вотъ что подняло васъ, вывело изъ апатіи. И начали вы отстаивать, выскрывать прежде всего свои права, свободы, самостоятельность—совсѣмъ похоже на другія сословія, которыя вырывали у власти силой всякія льготы. Боялись и вы остаться обдѣленными. Да и тутъ подпали незамѣтно подъ влияніе и произвольную команду лицъ, которыя и раньше владѣли вами и теперь не хотѣли выпустить своего господства надъ вами. Только перемѣнили тактику.

Если хотите выхода изъ сквернаго положенія, дайте міру то, чего онъ отъ васъ сначала ожидалъ, когда вы зашевелились, и не перестаетъ ждать теперь. Обратитесь къ расточеннымъ стадамъ своимъ, оглянитесь внимательно и съ Богомъ—за созидательный трудъ... *С. В--ій.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Настоятельная необходимость матеріальнаго обезпеченія православнаго духовенства.

Въ послѣднее время въ литературѣ какъ духовной, такъ и свѣтской, очень часто приходится наталкиваться на вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи православнаго духовенства. Да позволено будетъ и мнѣ—мірянину сказать свое скромное слово по данному вопросу: въ виду предстоящей всесторонней церковной реформы и ожидаемаго помѣстнаго собора Россійской Церкви, вопросъ этотъ является настолько важнымъ и серіознымъ, что отъ удовлетворительнаго разрѣшенія его въ значительной степени зависитъ самое благо и процвѣтаніе нашей святой Православной Церкви, и потому, чѣмъ больше будетъ высказано въ литературѣ разнообразныхъ мнѣній по этому предмету, тѣмъ больше будетъ выбора для составленія чего-нибудь единаго; чѣмъ больше будетъ подготовлено, такъ сказать, сырого матеріала, тѣмъ больше получится средствъ для удовлетворительной разработки даннаго вопроса, дальнѣйшее игнорированіе котораго, по нашему мнѣнію, угрожаетъ многими опасностями для Церкви; важнѣйшею изъ нихъ нужно считать окончательную утрату благотворнаго вліянія священнослужителей на народъ (и въ особенности на нашу совершенно индифферентную по отношенію къ Церкви интеллигенцію); неуваженіе какъ къ служителямъ Церкви, такъ и къ служенію ихъ со стороны народа, и какъ конечный результатъ того и другого—неуваженіе и полное равнодушіе къ самой Церкви.

Всякая дѣятельность тогда только будетъ плодотворна и достигать своей цѣли, когда лица, посвятившія себя этой дѣятельности, будутъ вполне обезпечены во всѣхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни; при этомъ, чѣмъ менѣе реалы, внѣшне оцутительны результаты данной дѣятельности, чѣмъ менѣе они поддаются матеріальной оцѣнкѣ и учету, тѣмъ болѣе необходимо обезпеченіе лицъ отдавшихъ себя этой дѣятельности, и самая сумма обезпеченія должна быть

уравнена для всѣхъ этихъ дѣятелей съ тою цѣлію, чтобы избавить ихъ отъ слишкомъ субъективной и очень часто несправедливой оцѣнки каждаго отдѣльнаго случая ихъ труда со стороны частныхъ лицъ или общества, которому они служатъ.

Что служеніе священническое и результаты его (возрожденіе и воспитаніе въ жизнь духовную цѣлыхъ сонмовъ православныхъ христіанъ) не только не матеріальны, но прямо духовны, противъ этого, надѣмся, нечего возразить; слѣдовательно, православное духовенство въ отношеніи матеріальномъ должно быть обезпечено во всемъ необходимомъ на столько, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ его служебной дѣятельности ему не было нужды какимъ-нибудь, хотя бы едва уловимымъ, намекомъ напоминать о вознагражденіи и черезъ это унижать какъ свое личное достоинство, такъ и высокую идею и цѣль своего служенія. Вѣрность этой мысли лучше всего доказывается фактомъ обезпеченія нашего монашества. Всякій твердо вѣрующій православный христіанинъ, глубоко почитаетъ идею монашества, съ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ относится къ подвижникамъ, осуществителямъ этой идеи въ жизни; а, между прочимъ, каждый, даже простой, необразованный инокъ, едва поступитъ въ монастырь, какъ уже обезпеченъ помѣщеніемъ, одеждою, и пищею,— правда, не изысканнаго, но вполне достаточнаго для поддержанія здоровья и жизни. Цѣль такого обезпеченія, конечно, та, чтобы инокъ имѣлъ возможность свободно, не погружаясь въ мелкія заботы о насущномъ хлѣбѣ, о завтрашнемъ днѣ, отдаться тому высокому идеалу, который и привелъ инока въ монастырь, и такъ же свободно исполнять возложенный на инока монастырскимъ послушаніемъ трудъ. Если такъ обезпеченъ подвижникъ личнаго спасенія, то тѣмъ болѣе долженъ быть обезпеченъ матеріально служитель спасенія тысячъ душъ. Между тѣмъ въ какомъ положеніи въ настоящее время стоитъ нашъ труженикъ—православный священникъ въ громадномъ большинствѣ нашихъ селъ и деревень, въ какой-нибудь Оло-

нецкой, Вологодской, или Вятской губерніи, обремененный семьей, при частыхъ за послѣднее время голодовкахъ и неурожаяхъ, лишенный иногда самыхъ примитивныхъ, жизненныхъ удобствъ и при всемъ этомъ обязанный вводить въ царство небесное ввѣренную ему паству, исполнять свое служеніе такъ, чтобы на предстоящемъ судѣ имѣть дерзновеніе безъ стыда, указуя на своихъ духовныхъ чадъ сказать: *„Се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ“* (Исаи 8, 18).

Могутъ на эту мысль возразить,—служеніе священническое такъ высоко, что онъ постоянно долженъ подавать своимъ пасомымъ примѣръ твердой вѣры и не заботиться о завтрашнемъ днѣ; могутъ сослаться даже на слова Спасителя? *„Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы“* и пр. (Матѣ. 6, 26—34). Но, во-первыхъ, священникъ—все же человѣкъ, и можно ли запрещать ему желанія чисто человѣческія, конечно, не противорѣчающія его священству; во-вторыхъ, на такую высоту вѣры способна, можетъ быть, одна только вѣра Авраама, не усумнившася, по повелѣнію Божию, немедленно принести въ жертву единственнаго своего сына—Исаака. Самъ Іисусъ Христосъ всегда снисходительно относился къ человѣческому несовершенству въ дѣлѣ вѣры; напр., предъ воскрешеніемъ Лазаря, бесѣдуя съ Марѳою, Онъ внушительно вѣщаетъ: *„Воскреснетъ братъ Твой“*. Марѳа же, не смотря на явный намекъ на предстоящее чудо, со скорбью отвѣчаетъ: *„Знаю что воскреснетъ въ воскресеніе, въ послѣдній день“*. И хотя изъ продолженія бесѣды можно заключить, что Господь остался, повидимому, не совсѣмъ доволенъ (Иппокентій, архіепископъ херсонскій—*„Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа“*. Глава 2-я) отвѣтомъ Марѳы, однакоже не высказалъ никакого неудовольствія за то, что сестры Лазаревы, при всей любви ихъ къ Божественному Учителю, еще не достигли высоты Авраамовой вѣры. Наконецъ, если указанное мѣсто изъ Евангелія отъ Матѳея обязательно для священника, какъ руководство въ жизни, то оно тѣмъ болѣе обязательно для

инока, не имѣющаго семейства и ищущаго личнаго спасенія; однакоже въ дѣлѣ обезпеченія въ необходимыхъ потребностяхъ жизни отъ инока, какъ видѣли, не требуется Авраамовой вѣры.

Предпославъ соображенія нравственнаго характера, посмотримъ теперь, насколько существующій способъ обезпеченія духовенства соотвѣтствуетъ высокой идеѣ служенія священника. При этомъ заранѣе прошу,—пусть проститъ меня страдалецъ, православный сельскій священникъ за ту правду, которую я сейчасъ скажу; пусть вѣритъ тому, что эту горькую правду принужденъ сказать его искренній другъ, глубоко понимающій его нужды, соболѣзную имъ; пусть вѣритъ тому, что это говоритъ сердобольный врачъ, который прежде, чѣмъ перевязать рану, долженъ сначала снять прежнюю нерѣдко присохшую повязку, долженъ хирургическими инструментами очистить рану, а, слѣдовательно, до извѣстной степени разбередить ее.

Такъ какъ способы обезпеченія духовенства сводятся, главнымъ образомъ, къ двумъ формамъ—такъ называемому доходу и земледѣланію, то нужно проанализировать обѣ эти формы.

I. *Доходъ*. Если бы дали премію придумать что-нибудь такое, чѣмъ бы болѣе унижить, опозорить духовенство, изъ высокаго и чуднаго служенія сдѣлать чуть не ремесло, то, вѣрно, никто не придумалъ бы лучшаго средства, какъ тотъ способъ обезпеченія, который называется доходомъ. Въ самомъ дѣлѣ, священникъ отслужить молебенъ и тянетъ руку за подаваніемъ; проводить на вѣчный покой умершаго—тоже; нужно вѣнчать свадьбу—принужденъ торговаться, и хотя бы ходилъ въ Рождество и Пасху по приходу съ прекрасною цѣлію—внести въ жилища вѣрующихъ радостную вѣсть о рожденіи и воскресеніи нашего Искупителя, все-таки подавляющее большинство прихожанъ убѣждено, что онъ ходитъ съ цѣлію собирать деньги. При такомъ печальномъ положеніи, въ какое поставлено наше не только сельское, но даже и

городское (мелкихъ городовъ) духовенство, не возможно, съ одной стороны, и самому безкорыстному священнику не обнадеживать себя заранѣе мыслию о полученіи денегъ и иногда невольно, какимъ-нибудь тонкимъ намекомъ не обнаружить этой мысли предъ прихожанами; съ другой стороны, и самый непредубѣжденный прихожанинъ съ трудомъ можетъ не заподозрить священника въ той же затаенной мысли. Словомъ, что ни дѣлаетъ священникъ, во всемъ у него (по мнѣнію большинства прихожанъ) одна цѣль—деньги. Пройдите изъ конца въ конецъ всю Россію и прислушайтесь, какъ изъ-за этихъ проклятыхъ доходовъ честятъ наше духовенство, начиная отъ великолѣпныхъ гостинныхъ и до курныхъ избъ. Какая же послѣ этого польза отъ всего служенія священника? Какое нравственное вліяніе можетъ имѣть онъ на прихожанъ, если они составили себѣ разъ навсегда предвзятое убѣжденіе относительно главной цѣли всѣхъ его дѣйствій? А безъ нравственнаго вліянія что же онъ за пастырь и на что его пастырство?

Говоря о доходахъ, умолчимъ о встрѣчающихся злоупотребленіяхъ, потому что истинному сыну Православной Церкви говорить объ этомъ слишкомъ тяжело и слишкомъ грустно: и безъ злоупотребленій каждый вѣрующій принужденъ горько сожалѣть о подобномъ порядкѣ вещей въ Православной Церкви. Скажемъ только одно, что какъ бы ни возмущали душу злоупотребленія, всякій безпристрастный наблюдатель надъ бытомъ священника не осмѣлится не простить ихъ ему, а тѣмъ болѣе не имѣетъ нравственнаго права бросить въ него камень. Злоупотребленія могутъ не простить развѣ только тѣ, которые, *облекаясь въ порфиру и виссонъ и веселяся на вся дни свѣтло* (Луки 16, 19), въ то же время не замѣчаютъ лежащихъ у воротъ ихъ *голодныхъ и инойныхъ Лазарей* и въ лучшемъ случаѣ холодно и безучастно совѣтуютъ другимъ молиться да надѣяться на Промыслъ Божій, т. е. *связываютъ бремена тяжкія и неудобноносимыя, а сами и перстомъ не хотятъ двинуть ихъ* (Матѳ. 23—4).

II. *Земледѣліе*. Гдѣ земля хороша и священникъ обрабатываетъ ее собственными руками, ¹⁾ тамъ она служить хорошимъ подспорьемъ; священникъ не только съ семействомъ, но при хорошемъ урожаѣ еще и продаетъ кое-что. Зато посмотрите на этого священника,—похожъ ли онъ на священника. Вотъ онъ на пашнѣ въ старомъ кафтанишкѣ по колѣна, или вотъ онъ подсушиваетъ овинъ; возможно ли въ немъ узнать служителя Бога Вышняго? возможно ли къ нему, пропитанному навозомъ, подойти подъ благословеніе? Занятый уходомъ за скотомъ, свое прямое назначеніе онъ готовъ считать чѣмъ-то постороннимъ, чѣмъ-то только мѣшающимъ главному дѣлу. Случится требованіе въ приходѣ, особенно въ рабочую пору; съ неудовольствіемъ отрывается онъ отъ своихъ хозяйственныхъ занятій, спѣшитъ исправить кое-какъ, лишь бы поскорѣе возвратиться къ своему дѣлу, и проч. Такое положеніе есть прямое униженіе не только служителя Церкви, но и самой Церкви, вызывающее со стороны невѣрующихъ или маловѣрующихъ прихожанъ крайнее неуваженіе къ ней и кощунство надъ уставами ея, а со стороны вѣрующихъ—глубокую скорбь

Если же священникъ почему-либо не можетъ обрабатывать землю самъ, не имѣетъ средствъ нанять рабочихъ и не найдетъ арендатора на землю, тогда онъ принужденъ обрабатывать ее (во многихъ мѣстахъ великой Россіи) такъ называемою „помочью“! Собрать помочь—значитъ собрать болѣе или менѣе значительное число прихожанъ на ту или другую работу. Какъ тяжела для священника бываетъ по мѣстамъ эта работа „помочью“! Съ какимъ униженіемъ для священника сопряжено собираніе помочи! Ни для кого не секретъ, что крестьянинъ нашъ любитъ поломаться, когда въ немъ есть нужда, поэтому священникъ принужденъ каждого просить, каждому кланяться. Помочь всегда сопряжена съ угощеніемъ водкою; тутъ двѣ бѣды: не напоить крестьянина,—

¹⁾ На Руси есть такіа мѣста.

съ досады онъ работаетъ дурно; напоить—работаетъ дурно, потому что пьяный уже не можетъ работать хорошо. Кроме того, сколько случайностей, уничтожающихъ всякую производительность работы помочью; напр., послѣ обѣдни въ воскресенье крестьяне собрались на помочь; они напоены и накормлены, но... набѣжала туча съ грозою и ливнемъ, и пропало угощеніе и работа; нужно ожидать слѣдующаго воскресенья, о что значить недѣля въ лѣтнихъ работахъ? Нерѣдко одна недѣля обусловливаетъ будущій урожай или неурожай.

Но—что главнѣе всего—такой способъ обработки земли имѣетъ самыя вредныя нравственныя послѣдствія для прихожанъ. Работа помочью производится почти всегда по праздникамъ, потому что въ будни крестьянинъ ни за что не оставитъ своей работы и не пойдетъ на работу къ священнику. Какой же примѣръ своимъ прихожанамъ принужденъ подавать священникъ? Какъ онъ можетъ требовать отъ прихожанъ, чтобы они седьмой день посвящали Господу? Какъ онъ можетъ требовать отъ нихъ воздержной жизни, когда изъ собственныхъ рукъ принужденъ угощать ихъ водкой почти до-пьяна и проч.? Такъ пасторскіе способы обезпеченія приносятся священнику много униженій, а его пастырству непоправимаго вреда.

Да и по существу, скажите, уважаемый читатель: до агрономіи ли священнику, (предполагаю священника по идеѣ—*іерея благоговѣйнаго*), когда, съ одной стороны, нужно совершать богослуженіе съ необходимыми приготовленіями къ нему (предъ литургіею), съ другой—наблюдать за церковною школою; здѣсь приготовить умирающаго къ отходу въ иную неувядающую жизнь, тамъ примирить ссорящихся; сегодня приготовить поученіе, а завтра, всегда и вездѣ имѣть неусыпное наблюденіе за нравственностью прихожанъ, быть готову дать отвѣтъ на всѣ ихъ сомнѣнія по вопросамъ религіи и сектантства? При занятіи земледѣліемъ будетъ все это дѣлать священникъ и въ то же время сокрушаться и о томъ, что во время дождь не пошелъ, или сѣно не убрано, или хлѣбъ на корню пересто-

яль, а рабочихъ нѣтъ и проч. И вотъ рисуется священнику картина угнетающей нищеты и голода на цѣлый годъ, до новаго урожая, если только онъ еще будетъ?—Нѣтъ, не дѣло священника—земледѣіе и потому для нравственнаго успѣха служенія священника его необходимо разъ навсегда избавить отъ земли, чтобы онъ ничѣмъ постороннимъ и такъ тревожно хлопотливымъ, какъ земледѣіе, не развлекался, а зналъ только свое дѣло—служеніе іерейское.

Правда, что въ Малоросіи, Поворосіи, на Дону и на Кубани, благодаря плодородной почвѣ, теплomu климату и отчасти меньшему числу церквей и многочисленности приходо́въ, земледѣіе гораздо лучше обезпечиваетъ священника въ матеріальномъ отношеніи, и хотя обработка помочью въ этихъ мѣстностяхъ встрѣчается крайне рѣдко, но нравственные послѣдствія земледѣлія одинаковы для всей Россіи.

Отставн. докторъ 12 кав. див. *Вас. Николаевъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ)

Нѣсколько словъ по поводу „Жизни человѣка“ Л. Андреева.

(Окончаніе ¹⁾).

Лишенный внутренняго общенія съ своимъ Творцемъ и Промыслителемъ, отдавшимъ для спасенія человѣчества Единороднаго Сына, а вмѣстѣ съ этимъ и спасительной вѣры въ то, что І. Христосъ Своей Божественной природой покрылъ наготу и глубокія раны человѣчества и сдѣлалъ, такимъ образомъ, незамѣтными его пороки, безуміе и убожество, человѣкъ естественно ~~з~~теряетъ основу своей

---

¹⁾ См. № 19-й за 1907 г.

жизни, ея цѣль и смыслъ. Такимъ является онъ и въ изображеніи Андреева. Его жизнь съ ея повседневными явленіями представляетъ какую-то бессмыслицу; въ смѣнѣ однихъ явленій другими, радостныхъ печальными и наоборотъ, человѣкъ не можетъ усмотрѣть ничего иного, кромѣ пошлости и безцѣльности ихъ. И вывести несчастнаго и жалкаго человѣка изъ лабиринта ужасающей пошлости никто не можетъ: нить аriadнина клубка утеряна. У самаго человѣка нѣтъ силъ. Въ сторонней помощи Невѣдомаго Существа онъ неособенно и нуждается, такъ какъ это Существо представляется ему не живою личностью, предъ которою онъ можетъ излить свои чувства, а чѣмъ-то далекимъ, абстрактнымъ и даже враждебнымъ. И такъ впереди у человѣка ни свѣта, ни радости: все сѣро и безцвѣтно.

Желая показать пошлость повседневной жизни, А. Андреевъ мастерски изображаетъ въ пяти картинахъ главные моменты жизни человѣка: рожденіе, любовь и бѣдность, счастье и несчастіе человѣка, и наконецъ, смерть его. Останемся на рожденіи человѣка. По христіанскому ученію, человѣкъ есть какъ бы микрокосмъ, въ которомъ совмѣщаются всѣ разнообразныя виды и всѣ низшія ступени чувственнаго міра. Съ каждымъ новымъ рожденіемъ человѣка, природа торжествуетъ свое единеніе съ духомъ и свое призваніе къ участию въ духовной жизни. Во мракѣ слѣпыхъ и бессознательно творящихъ силъ сіяетъ, такъ об., лучъ духовнаго свѣта. Поэтому Церковь съ появленіемъ человѣка въ міръ Божій принимаетъ его подъ свой матерній покровъ и не оставляетъ его во все время земной жизни своими молитвами. Для христіанина вполне понятны и объяснимы тѣ муки, которыми сопровождается рожденіе новаго существа, а ровно и дѣйствительно великое значеніе событія, какимъ является появленіе на свѣтъ младенца. Совершенно иное мы видимъ у Л. Андреева. Могучими штрихами своего художественнаго слова онъ сразу же вводитъ читателя въ ту атмосферу пошлости, которая окружаетъ постель матери. Бесѣды старухъ, слова

отца, доктора и родственниковъ намѣренно подобраны въ пьесѣ такъ, чтобы обезцѣнить всю важность момента рожденія чловѣка.

Старухи перебрасываются словами, которыя показываютъ, что имъ безразличны всѣ страданія роженицъ.

Отецъ. Мнѣ всегда хотѣлось, чтобы у меня родился мальчикъ и былъ похожъ на меня. Вы видѣли: у него такой носъ, какъ мой, не правда ли?

Докторъ. Да носъ и глаза.

Отецъ. И глаза? Это такъ хорошо! Я вамъ заплачу больше, чѣмъ назначилъ.

Докторъ. Вы должны мнѣ заплатить еще особо за щипцы, которыя я накладывалъ.

Родственники. Вы знаете, сколько стоило для ребенка бѣлье?—Скажите, пожалуйста, я давно хотѣла у васъ спросить, какъ выводятся жирныя пятна со свѣтлой матеріи. Съ шерстяной? Пѣть, съ шелковой,

— Скажите, пожалуйста, можно здѣсь курить? Какъ странно!

На похоронахъ, я знаю, курить неприлично, но тутъ...

— Какіе пустяки! Конечно, можно. Только куреніе табаку вообще очень дурная привычка... и т. д. и т. д.

Не меньше пошлости окружаетъ чловѣка и въ другіе моменты его жизни, какъ бы онъ ни былъ богато одареннымъ и, повидимому, счастливымъ. Отъ нея онъ не свободенъ даже въ предсмертныя минуты, когда Чловѣку слышится все тотъ же акомпаниментъ пошлостей, который раздавался въ теченіе всей его жизни на землѣ. Онъ, обѣднѣвшій и жалкій въ предсмертной агоніи..., а недалеко отъ него бесѣдуютъ *старухи*.

— А вы лежали на кровати, гдѣ умерла его жена? Не правда ли, какая мягкая!

— И кроватка дѣтская такая милая. Въ ней крысы теперь завели свое гнѣздо и выводятъ дѣтей.

— Такихъ миленькихъ голенькихъ крысятъ.

— Но неужели вы не были въ залѣ, гдѣ давался балъ? Тамъ такъ весело.

— Да я была тамъ, но представьте, что я увидѣла! Темно, стекла выбиты, вѣтеръ шуршитъ обоями...

— А у стѣнъ, въ темнотѣ, на корточкахъ сидятъ гости, но въ какомъ видѣ, еслибъ вы знали!

— Какъ богато! Какъ пышно! Какъ свѣтло!

А могучій нѣкогда Человѣкъ, съ благородными порывами, смѣлыми идеями и рѣчами въ прошломъ, страдалъ въ предсмертныхъ мукахъ. Свѣча его жизни догорала. Предъ нимъ, какъ живыя, проносятся картины его безмятежнаго дѣтства, счастливой юности, любви, ему хочется жить, но не въ его силахъ измѣнить таинственную и безжалостную волю, пресѣкающую его жизнь. Въ Человѣкѣ происходитъ послѣдняя борьба съ надвигающеюся смертію. Голосомъ, полнымъ тоски и гнѣва, онъ кричитъ:

— Гдѣ мой оруженосецъ? Гдѣ мой мечъ? Гдѣ мой щитъ? Я безоружень! Скорѣе ко мнѣ! Скорѣе ко мнѣ! Скорѣе! Будь прокля... Падаеть и умираеть.

Никто въ сѣромъ. Тише! Человѣкъ умеръ!

Закрылась послѣдняя страница скорбной жизни Человѣка, но тяжелое чувство, навѣянное талантливою пьесою А. Андреева, долго остается еще въ душѣ читателя. Это и вполнѣ понятно. „Жизнь Человѣка“ отъ начала до конца проникнута пессимизмомъ и сознаніемъ невозможности выйти человѣку изъ заколдованнаго жизненнаго круга. „Смотрите и слушайте“, говоритъ Никто въ сѣромъ, читающій книгу Судебъ... Вотъ пройдетъ предъ вами вся жизнь человѣка съ ея темнымъ началомъ и темнымъ концомъ. Доселѣ небывшій, таинственно схороненный въ безразличности времянь, не мыслимый, нечувствуемый, не знаемый никѣмъ,—онъ таинственно нарушитъ затворы небытія и крикомъ возвѣститъ о началѣ своей короткой жизни... Родившись онъ приметъ образъ и имя человѣка и во всемъ станетъ подобенъ другимъ людямъ, уже живущимъ на землѣ. Ихъ жестокая судьба

станеть его судьбою.... Ограниченный знаніемъ, онъ никогда не будетъ знать, что несетъ ему грядущій часъ—минута. И въ слѣпомъ невѣдѣніи своемъ, томимый предчувствіями, волнуемый надеждами и страхомъ, онъ покорно совершитъ кругъ желѣзнаго предназначенія.

Что же, неужели человекъ созданъ—только для горя и скорби и, какъ покорный рабъ, долженъ безропотно свершить „кругъ желѣзнаго предназначенія? Можетъ быть правъ Софокль, когда восклицалъ: „самое лучшее не родиться“? Нѣтъ. Если человекъ проникнется всецѣло тѣмъ взглядомъ на жизнь, который такъ художественно выраженъ Л. Андреевымъ, то для него впереди остается только нравственная смерть. Всякая радость жизни и дѣйствія исчезаетъ, всякое благородное воодушевленіе, всякая нравственная борьба, всякое самоотверженіе въ дѣятельности представляются не имѣющими ни цѣли, ни цѣнности.

Нравственную бодрость вливаетъ въ человека только вѣра; она одна въ состояніи предохранить его отъ крушенія духа. „Ты“, скажемъ словами блаж. Августина, „создалъ насъ для Себя, и сердце наше доколѣ не спокойно, доколѣ не успокоится въ Тебѣ“. Человекъ долженъ помнить, что онъ—созданіе Божіе, падшее чрезъ грѣхъ и возрожденное чрезъ крестную смерть Богочеловѣка,—не какой-либо затерянный атомъ, но ученикъ въ царствѣ Отца. Педаромъ величайшій мыслитель XVIII в. Кантъ искалъ въ исторіи Бога примиренія и разрѣшенія того конфликта, какой онъ находилъ между „я“ и міромъ, между „чистымъ“ и „практическимъ разумомъ“. Пессимизмъ—дитя невѣрія. Онъ представляетъ собою модное поколѣнье послѣ періода жизни безъ дисциплины, жизни, исполненной однихъ наслажденій. Онъ—модная болѣзнь матеріалистическаго времени ¹⁾. Только при свѣтѣ вѣры человекъ можетъ выйти изъ состоянія

¹⁾ Е. Пфеннигедорфъ. I. Христосъ въ современной духовной жизни. Христіанское введеніе въ духовный міръ настоящаго времени. Перев. съ нѣмецкаго. С. П. Никитскаго. Харьковъ. 1907, стр. 265.

равнодушія и тоски при видѣ пошлости повседневной жизни. Вѣра призываетъ насъ любить этотъ міръ, какъ домъ Отца, любить и другъ друга, такъ какъ всѣ люди божественнаго рода. Она наконецъ возвышаетъ христіанина надъ всѣми горестями и бореніями, неизбѣжными въ земной жизни. Этой вѣры не зналъ и не хотѣлъ знать гордый Человѣкъ Л. Андреева и поэтому его уму, отравленному мыслию, что „жестокая судьба людей станетъ его судьбою и его жестокою судьбою станетъ судьбою всѣхъ людей“, вся жизнь, всѣ ея главнѣйшіе моменты, представляется съ тѣневой стороны: вся жизнь—пошлость, безцѣльное прозябаніе, игрушка въ рукахъ властнаго „Шѣкто въ сѣромъ“. Подъ этотъ унылый и тоскливый мотивъ танцуютъ юные Человѣкъ и его жена; подъ звуки его веселятся гости на балу у богатаго и счастливаго Человѣка. Неудивительно поэтому, что въ изображеніи Андреевымъ человѣческаго веселья чувствуется, что этого-то веселья, жизнерадостнаго и бодрящаго, совсѣмъ у людей нѣтъ: они движутся точно манекены по чьей-то сторонней волѣ, которой они послушны, какъ малыя дѣти. Андреевскій Человѣкъ—жалокъ по существу и потому именно, что онъ не имѣетъ въ своей жизни точки опоры—Бога и той мірорадостной вѣры въ Него, которою препобѣждается міръ. Припоминаются намъ слова знаменитаго анатома І. Гиртля: „не долженъ ли былъ Безконечный Духъ, который предугадалъ свою волю повсюду въ ясныхъ чертахъ, вложить въ наше сердце опасность безнадежнаго томленія, которое никогда не могло бы удовлетвориться? Вѣра здѣсь вступаетъ въ свои священные права... Погасите этотъ небесный свѣтъ, и это самоубійство вашей души сдѣлаетъ изъ васъ—гордаго владыки міра—не болѣе, какъ кучку беззотистаго навоза для полей“ ¹⁾. Намъ кажется что Человѣкъ Л. Андреева, и похожъ на такого „гордаго владыку міра“....

М. Григоревскій.

ЗАМѢТКИ.

а) Что говорятъ за границей о нашей церковной жизни.

Въ большомъ залѣ берлинской военной академіи прочитанъ недавно пасторомъ Дальтономъ докладъ на тему: „русская государственная церковь и ея доля вины въ настоящемъ положеніи имперіи“. Докладчикъ отрекомендовалъ себя многочисленной публикѣ, привлеченной громкимъ названіемъ реферата, знатокомъ Россіи, которая въ теченіе болѣе чѣмъ тридцатилѣтняго труда тамъ стала его второй родиной. Докладчикъ сталъ распространяться объ особенностяхъ Православной Церкви, ея внутренней и виѣшней жизни, положеніи ея служителей и отношеніи къ нимъ населенія, отличительныхъ свойствахъ въ сравненіи съ лютеранской церковію и ея организаціей и проч. На русскихъ, — докладывалъ пасторъ, — уже одно присутствіе въ церкви оказываетъ могучее дѣйствіе, и имъ безразлично, понимаютъ ли они языкъ священника, или нѣтъ, ихъ религіозную потребность они удовлетворяютъ совершеніемъ того или другого символическаго обряда, тѣмъ, напр., что перекрестятся. Съ большою похвалою онъ отозвался затѣмъ о велелѣніи православнаго богослуженія, особенно ея вокальной сторонѣ, осуждая, однако, замѣчающійся въ этомъ отношеніи спортъ и преувеличенія. Удивилъ докладчикъ своихъ слушателей описаніемъ устройства нашихъ монастырей и жизни въ нихъ, особенно же ихъ баснословнаго богатства. Далѣе онъ распространяется о нашемъ сектанствѣ, объ удивительныхъ причинахъ и поводахъ возникновенія порой новыхъ сектъ, особенно же много о преслѣдованіяхъ, „вопіющей къ небу жестокости“, какимъ тѣ подвергались не десятки, а прямо сотни лѣтъ. Затѣмъ пасторъ Дальтонъ перешелъ къ описанію положенія народнаго просвѣщенія, которое Церковью почти совсѣмъ

игнорировалось. „Теперь этимъ упущеніемъ служителей государственной Церкви широко пользуются социаллисты и нигилисты“.

в) Отрадное явленіе.

(Замѣтка сельскаго священника.)

Въ одномъ изъ №№ Вятскихъ епархіальныхъ вѣдомостей за 1906 годъ я обратилъ вниманіе на примѣчаніе Редакціи: „желающіе имѣть въ церковной бібліотекѣ брошюры о вредѣ пьянства могутъ обращаться въ Губернскій Комитетъ Попечительства о народной трезвости, откуда онѣ высылаются безплатно“. Такъ какъ въ бібліотекѣ нашей церкви не было ни одной книги на эту тему, я попросилъ Губернскій Комитетъ послать намъ книгъ и брошюръ о вредѣ пьянства. Скоро я получаю.

Въ первое же воскресенье эти книги разбираются прихожанами всѣ.

— „Ну, что прочиталъ?“ спрашиваю въ слѣдующее воскресенье крестьянина, который принесъ сдавать книгу: „Пить до-дна—не видать добра.“

— „Какъ же, какъ же, бачко, четыре раза всю прочиталъ, а нѣкоторыя статейки пожалуй до десятка разъ; ужъ очень хорошо: ровнышко про насъ написано!.. Пѣтъ ли еще такой книжки?“

Я беру у него книгу и хочу положить въ шкафъ. „Вотъ что, бачко, продолжаетъ крестьянинъ: покажось, листочекъ я попортил“. Видно, изорвалъ либо запачкалъ, думаю я. Евсигней открываетъ книгу и показываетъ: „не утерпѣлъ, написалъ!“ Смотрю, на первой страницѣ написано карандашомъ: „1907 г. февраля 6-го. Кр. дер. Пермяковъ Евсигнѣй Матвѣевъ Бѣлослудцевъ далъ отъ себя подпись, что боле впредь не буду пить вина развѣ во время болѣзни потому что оно мнѣ вредно и для здоровья“. (Орфографія сохранена). Комментаріи излишни. Вят. епарх. вѣд. №№ 16—17.

Священникъ Филаретъ Домрачевъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 15-го мая 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. № 21. Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1907-го года мая 27-го дня.

Содержаніе: I. Религія социализма. — II. Печатное слово и духовенство (окончаніе). — III. Настоятельная необходимость матеріальнаго обезпеченія православнаго духовенства (продолженіе). — IV. Забѣтки. а) Училище для глухонѣмыхъ мальчиковъ. — б) Школьные помѣщенія и народныя чтенія въ Донской епархіи.

Религія социализма ¹⁾.

Можетъ ли быть какая-либо религія въ общепринятомъ смыслѣ этого слова у представителей этого ученія, когда они открыто заявляютъ себя врагами всякой религіи, на религію смотрятъ какъ на оніумъ, которымъ представители власти и духовенство отравляютъ и усныляютъ сознаніе народа, чтобъ не дать ему „прозрѣть“ въ истину правильнаго распредѣленія благъ на землѣ? Въ обществѣ будущихъ великихъ и сильныхъ людей, дружно борющихся за разрѣшеніе

¹⁾ Мы пользовались статьей г. Бердяева въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“, кн. 85. Хотя авторъ статьи самъ склоненъ къ социализму, такъ называемому христіанскому, но отъ этого его сужденія объ идейной сторонѣ социализма вообще не теряютъ своего значенія.

величайшихъ проблемъ, не найдется мѣста для религіи. Изъ всѣхъ посылокъ социализма становится яснымъ, что религія является продуктомъ несовершенства жизненнаго строя. Эти несовершенства вызываютъ потребность въ иллюзіи будущаго, загробнаго счастья и въ представленіяхъ о сверхъестественныхъ дѣятеляхъ, которыми можно пользоваться для устроенія своихъ дѣлъ здѣсь, на землѣ, или за гробомъ („Будущее общество“ Бебеля, „Сущность социализма“ Шэфле съ прим. П. Лаврова). Такъ какъ двигателемъ цивилизаціи является знаніе, главнымъ образомъ, естественно-научное, и религія, по мнѣнію социалистовъ, враждебна этому знанію, то она враждебна и цивилизаціи. Такъ какъ истинная нравственность возможна только при свободной мысли и при свободномъ сознаніи, а религія будто бы враждебна имъ, то она, слѣдовательно, враждебна и нравственности. Религія—это предрасудокъ, это „поэзія глупости“; слѣдовательно, она не можетъ ничего дать обществу, кромѣ вреда („Сущность социализма“).

Отвергнувъ религію съ мистическими вѣрованіями въ сверхъестественное, социализмъ останавливается только на связи формъ труда съ религіозными вѣрованіями народа, ставя религію въ зависимость отъ экономическихъ отношеній²⁾. Впрочемъ, чтобы не приписывать социализму того, что несвойственно ему, надо различать, такъ сказать, нейтральный социализмъ и собственно социализмъ, какъ религію. Если представители социализма возмущаются угнетеніемъ и порабощеніемъ слабого въ обществѣ, эксплоатаціей его труда, жестокостью и безчеловѣчностью капиталистовъ, то это только почва, на которой могутъ далѣе вырасти самые разнообразные

---

²⁾ Для него закрыта та окончательная правда, что не религія зависитъ отъ экономическихъ отношеній, а экономическія отношенія отъ религіи (особенно обнаруживается эта зависимость экономическихъ отношеній отъ религіи въ жизни средневѣковой, необъяснимой материалистически).

плоды. Когда же рѣчь заходитъ не объ установленіи только экономической цѣлесообразности, не объ уменьшеніи рабочаго дня или объ увеличеніи заработной платы, то социализмъ становится вѣроученіемъ, рѣшеніемъ вопроса о смыслѣ жизни, о цѣли исторіи; исторію, мораль, философію, науку и искусство онъ оцѣниваетъ подъ своимъ угломъ зрѣнія, подчиняетъ всѣ эти проявленія духа хлѣбу насущному, небесный хлѣбъ замѣняетъ хлѣбомъ земнымъ. Тогда онъ начинаетъ обоготворять грядущее человѣчество, становится самообоготвореніемъ, жаждетъ устроить этотъ міръ не только помимо Бога, но и противъ Него. Марксизмъ и представляетъ собою законченную форму социализма религіознаго. Соціаль-демократія жаждетъ рая земного и ненавидитъ рай небесный. Она проповѣдуетъ, что религія есть частное дѣло, что религія ея не касается, но это хитрость, это только чисто-формальное утвержденіе свободы совѣсти. Въ дѣйствительности же соціаль-демократіи есть очень большое дѣло до религіи, такъ какъ она сама хочетъ быть религіей. Для нея религія не частное дѣло, для нея всякая религія есть ложь и зло, мѣшающее устроить земной рай, дурманомъ поддерживающее эксплуатацію трудящихся классовъ. Лишь по тактическимъ, оппортунистскимъ соображеніямъ соціаль-демократія, какъ политическая партія, не касается религіозныхъ вопросовъ, не ведетъ антирелигіозной пропаганды и даже допускаетъ въ число своихъ членовъ людей религіозныхъ. А свободу совѣсти развѣ признаетъ соціаль-демократія? Если признаетъ, то развѣ только на словахъ: духъ этого ученія не имѣетъ вкуса къ свободѣ совѣсти и вообще къ свободѣ; на дѣлѣ оно отмѣнитъ свободу слова, если это понадобится въ интересахъ пролетаріата, социализма и революціи. Соц.-демократія хотѣла бы изнасиловать человѣческую совѣсть во имя счастья людей, во имя земного рая, принудить хотѣла бы человѣчество къ мыслямъ и чувствамъ, избавляющимъ отъ мученій, связанныхъ съ вопросомъ о смыслѣ и цѣли жизни, о вѣчности... Богъ долженъ быть устраненъ во имя

счастія людей, во имя освобожденія пролетаріата отъ всѣхъ цѣнностей, чтобы сдѣлать его самого высшей цѣнностью.

Марксъ ненавидѣлъ самую мысль о Богѣ, о которой богоборецъ Иванъ Карамазовъ сказалъ: „до того она свята, до того трогательна, до того премудра и до того она дѣлаетъ честь человѣку“. Богоборчество Маркса совсѣмъ иной природы: это—волевое и сердечное отвращеніе къ смыслу міра, страстное стремленіе устроить міръ и человѣческую жизнь по своему субъективному, выдуманному смыслу. Марксъ полагаетъ, что злоба есть единственный источникъ добра, что нужно раздувать, усиливать зло, чтобы правда явилась въ міръ. Онъ не видѣлъ положительно источника добра въ мірѣ, не понималъ доброй стихіи. Капитализмъ есть зло, и зло это есть единственная надежда жаждущихъ социалистическаго рая. Распаденіе общества на классы, классовые антагонизмы есть зло, но только отъ разжиганія классовой ненависти и злой классовой борьбы можетъ явиться въ мірѣ социалистическое добро. Нужно злобой и ненавистью процитать пролетаріатъ, и тогда отъ него произойдетъ грядущее совершенное человѣчество. Отношеніе марксизма къ человѣческой личности безпощадно и по своей жестокости можетъ сравниться лишь съ отношеніемъ стараго абсолютнаго государства. Личность никогда не является цѣлью, всегда—средствомъ; личность сама по себѣ не обладаетъ цѣнностью и оцѣнивается лишь по полезности ея для завоеванія пролетарско-социалистическаго рая; по отношенію къ личности все дозволено во имя благихъ цѣлей социализма: можно лишить личность свободы и правъ ея, можно не уважать ея достоинства, можно давить ее, если это понадобится для справедливыхъ общественныхъ цѣлей. Нигдѣ такъ не проявляется злое начало марксизма, справедливо замѣчаетъ г. Бердяевъ, какъ въ этомъ безбожномъ и безчеловѣчномъ отношеніи къ лицу человѣческому, къ индивидуальности, и самъ Марксъ прегрѣшилъ болѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи.

Гдѣ же и въ чемъ богъ социалистической религіи? Соціалистическая религія ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ не видитъ ничего самоцѣннаго; теперь для нея никто и ничто не есть цѣль, все—лишь средство для будущаго. Не только живая личность и антисоціалистически-настроенные классы общества являются средствомъ,—самъ пролетаріатъ, обожествляемый пролетаріатъ—тоже средство для будущаго, для завоеванія социалистическаго общества. Но и всякій послѣдующій мигъ человѣческаго существованія будетъ мыслиться не какъ цѣль сама въ себѣ, не какъ цѣнность, которую нужно глубоко пережить, а какъ средство для дальнѣйшаго будущаго. Когда же цѣль будетъ достигнута, когда народится новое поколѣніе, которое будетъ само жить, а не унавоживать почву для жизни будущихъ поколѣній? Соціалистическая религія не знаетъ святыни высшей, чѣмъ человѣчество, чѣмъ человѣческое благо; она обоготворяетъ человѣческое и отвергаетъ все сверхчеловѣческое. Почему же она такъ жестока къ человѣчеству и человѣку? Тайна здѣсь въ томъ, что обоготвореніе пролетаріата, социалистическаго общества, грядущаго человѣчества, земного совершеннаго человѣческаго состоянія есть устремленіе къ новому земному богу, который явится въ концѣ прогресса и во имя котораго все и само человѣчество превращается въ средство. Соціалистическая религія хочетъ осчастливить людей, презирая людей, Предвѣчно-сущаго небеснаго Бога подмѣнить богомъ земнымъ, послѣднимъ сверхчеловѣческимъ воплощеніемъ міровой вражды къ истинному Богу,—вотъ къ чему она съ жаромъ стремится. Къ чудовищному земному богу, вырастающему на грудѣ человѣческихъ труповъ, на развалинахъ вѣчныхъ цѣнностей, ведетъ тотъ духъ, который отрицаетъ абсолютное значеніе личности и связь ея съ абсолютнымъ источникомъ бытія. Поистинѣ ужасна по своей жестокости теорія прогресса, доведенная марксизмомъ до крайняго выраженія. Будущее общество, будущее^е человѣческое поколѣніе, совершенное и благое состояніе, къ которому ведетъ

прогрессъ, это—какое-то чудовище, пьющее кровь поколѣній былыхъ и современныхъ, истязующее каждую живую личность во имя свое, во имя своей отвлеченности. И происходитъ погоня за призракомъ, каждое новое поколѣніе оказывается такимъ же средствомъ для будущихъ, какъ и всѣ предшествовавшія; все не являются тѣ счастливыя, для которыхъ уготовано царство міра сего.

Богоподобные человѣки грезятся марксистскому социализму, новая порода, но послѣдній конечный предѣлъ есть одна богоподобная сила, единое воплощеніе земной власти, отвернувшейся отъ цѣли мірозданія. Но вѣдь скажутъ: соц.-демократы прежде всего хотятъ сдѣлать всѣхъ людей богоподобными, всѣхъ уравнивать, а не одного возвеличить. Однако, это оказывается самообманомъ. Равенство людей тогда только было бы справедливымъ и праведнымъ, если бы установить равенство абсолютно всѣхъ людей, всѣхъ живыхъ лицъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ, а не только грядущихъ, всѣхъ человѣческихъ поколѣній, если бы равное право на счастье и благо было установлено. Соц.-демократія начинается съ того, что признаетъ преимущественное право на счастье за поколѣніями будущими, и этимъ устанавливаетъ аристократизмъ. Затѣмъ, устанавливаетъ преимущество пролетаріата предъ остальнымъ человѣчествомъ: только пролетаріату открывается истина, и только эта новая аристократія можетъ быть носителемъ добра. Наконецъ, соц.-демократія устанавливаетъ преимущества общественно-полезныхъ и приспособленныхъ людей и обрекаетъ на гибель бесполезныхъ и неприспособленныхъ. О вселенскомъ братствѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Жить для только человѣческаго въ другихъ людяхъ, для другихъ временъ и для призрака временнаго будущаго—вотъ жестокой и несправедливый завѣтъ религіи грядущей земной силы. Жить для сверхчеловѣческаго въ себѣ, для всего живущаго въ мірѣ во всѣ времена и для вѣчности—вотъ завѣтъ истинной вселенской религіи.

Чрезвычайно остроумно проводится аналогія между термінами релігії марксизма и термінологією христіански-релігійною. Марксисты ожидають всемірної соціальної катастрофы, невиданної соціальної революції, послѣ которой наступить соціалістическій земной рай. Эта теорія катастрофы, читаемъ у г. Бердяева, не наука и не философія, а релігія, релігійное упованіе, это—эсхатологія, ученіе о соціалістическомъ концѣ исторіи и о страшномъ соціалістическомъ судѣ. Въ соціалістической вѣрѣ въ соціальную катастрофу и наступленіе соціалістическаго рая на землѣ возрождается хиліазмъ на новой почвѣ, хиліазмъ, противоположный христіанскому. Вѣрующіе соціалісты ждуть новаго Іерусалима, тысячелѣтняго земного царства, но не Христа, а иного бога. Марксистская теорія соціальной катастрофы не выдерживаетъ научной критики и можетъ считаться вполне опровергнутой; теорія эта ничего не можетъ дать для реальной политики и отброшена практическимъ соціаль-демократическимъ движеніемъ въ Германіи, но она полна релігійныхъ надеждъ сердца, релігійныхъ предчувствій грядущаго въ міръ земного бога.

Соціалістическое общество для вѣрующаго соціаль-демократа есть какъ бы конецъ исторіи, переходъ къ процессу сверхъ-историческому, въ которомъ все будетъ по иному, наступятъ абсолютное добро, совершенное земное состояніе, совершится страшный судъ надъ зломъ. Для соціалістической релігії, формулированной марксизмомъ, до соціальной катастрофы „міръ во злѣ лежалъ“, вся культура поконилась на грѣхопаденіи, на экономической эксплоатаціи трудящихся классовъ общества, вся исторія сводилась къ злой борьбѣ классовъ. Послѣ соціальной катастрофы міръ дѣлается добрымъ, эксплоатація прекращается, борьба классовъ и самое ихъ существованіе упраздняется, и наступаетъ царство правды. До переворота царствовала въ мірѣ лишь злая необходимость, послѣ него будетъ царствовать лишь добрая свобода. Это ли не мистика, это ли не чудо! Такимъ образомъ эсхатологія

марксизма и религіознаго соціалізма противоположна христіанской: она провидить иной кінець, хочетъ закрѣпленія навѣки этого испорченнаго міра и царства князя его, а не преображенія этого міра, не сверженія безбожнаго царства.

Въ религіи соціаль-демократіи нѣтъ никакого положительнаго, творческаго содержанія. Весь ея паѳосъ отрицательный, обращенъ на отрицаніе прошлаго. Злоба къ тому, что называется „буржуазной“ культурой, есть самое сильное соц.-демократическое чувство; этой злобой живетъ и дышитъ революціонный соціализмъ, и къ ней присоединяется лишь отрицательное чувство зависти къ „буржуазнымъ“ богатствамъ. Что же ожидается въ будущемъ? Люди будутъ счастливы, мечтаютъ соц.-демократы, зло былаго насилія и угнетенія исчезнетъ, но... ничего не будетъ, не для чего будетъ жить, новымъ ужасомъ небытія будутъ охвачены милліоны счастливецевъ. По глубоко вѣрному заключенію Вл. Соловьева, ложь соціализма не въ томъ, что онъ такъ много требуетъ для рабочихъ въ матеріальномъ отношеніи, а въ томъ, что такъ мало требуетъ для нихъ въ духовномъ отношеніи.

Революціонная соціаль-демократія окончательно превращаетъ всякую человѣческую личность въ средство; безличная стихія насилія и властвованія достигаетъ своего высшаго выраженія, и уподобляется революціи по духу своему и по приѣмамъ борьбы той консервативно-реакціонной силѣ, противъ которой направлена, власть которой жаждетъ свергнуть. Просыпается звѣрь политики, взаимнаго истребленія, звѣрь, не знающій пощады... Революціонное возстаніе противъ насилія надъ личностью слишкомъ часто само превращаетъ личность въ средство, смотритъ на современное положеніе, какъ на удобреніе почвы для поколѣній будущихъ.

Соц.-демократія хочетъ насильственно, путемъ внѣшней необходимости соединить людей, создать механизмъ, а не организмъ, стадо, а не человѣчество. Ей чуждо соединяющее начало любви... Не изъ свободной любви рождается меха-

низмъ социалистической общественности, а изъ горькой необходимости, вынужденно создается изъ страха гибели ¹⁾).

Каково будетъ устройство социалистическаго общества? Самый вѣрующій социалистъ затруднится отвѣтить на основные вопросы о грядущемъ соединеніи людей. Социалистическое общество мыслилось до сихъ поръ социалистическими мыслителями исключительно экономически. Государственно-правовая теорія социализма до сихъ поръ не выяснена. Иѣкоторые социалисты пытаются утверждать, что въ будущемъ не будетъ государства, что насилія не будетъ, что всѣ договоры будутъ свободно выполняться, но сами, кажется, плохо вѣрятъ въ этотъ наивный утопизмъ. Грядущее экономическое общество будетъ принудительнымъ и насильственнымъ союзомъ людей, будетъ государствомъ и государствомъ полномочнымъ, неограниченнымъ, обожествленнымъ. Соціалъ-демократы менѣе всего анархисты, хотя тактически иногда стоятъ за анархію; они мечтають о сильной власти, о диктатурѣ временно пролетаріата, вѣчно народа-человѣчества, о принудительной организованности. Права личности, ея значеніе, ея свобода зависятъ отъ вѣтъ личности лежащаго центра жизни, отъ собранной въ государственную власть народной воли. Свобода совѣсти, слова и всякая иная свобода будутъ оцѣниваться по утилитарнымъ соображеніямъ государственной власти. Въ восточныхъ деспотіяхъ не было такой безграничной и сильной государственной власти, какая мыслится въ государствѣ социалистическомъ, устранившемъ всѣ формы гражданскихъ правъ личности.

Не ощущая и не понимая личности, религія социализма совершенно невѣрно толкуетъ равенство въ смыслѣ уравненія, смѣшенія индивидуальностей, обезличенія въ однородной массѣ. Религія социализма посягаетъ на внутреннюю сущ-

¹⁾ Авторъ статьи, существенныя мысли которой мы излагаемъ, самъ, очевидно, повторяетъ, стоитъ на почвѣ такъ называемаго христіанскаго социализма.

ность личности, на естественную іерархію человѣческихъ душъ, на индивидуальное предназначеніе каждаго лица въ міровой гармоніи. Всѣхъ хотятъ уравнять въ назначеніи и назначеніемъ этимъ признать однородную общественную пользу, обязательную службу земному процвѣтанію рода человѣческаго. Призваніе мыслителя и поэта, мудреца и художника не будетъ мѣняться, творчество не будетъ цѣниться особенно, и великія книги и картины не сдѣлаются предметомъ народной гордости и поклоненія; люди высшаго призванія и особаго положенія въ божественной іерархіи индивидуальностей будутъ разсматриваться лишь какъ общественно-полезныя единицы и не болѣе. Въ социалистическомъ обществѣ не мыслится существованіе пророковъ и мудрецовъ, великихъ учителей жизни, творцовъ и геніевъ, царей въ царствѣ духа. И социалистическая религія, пропитанная завистью и самолюбіемъ, принимаетъ мѣры къ тому, чтобы въ будущемъ обществѣ не было ничего слишкомъ великаго, способнаго вызвать къ себѣ слишкомъ большое уваженіе, а потому и зависть.

Такова ужасающая перспектива, которая должна вырисоваться всякому послѣдователю социализма, отвергающему все сверхъестественное, вмѣсто Бога христіанскаго ставящаго своего земного бога—счастливое человѣчество весьма далекаго будущаго.

К.

Печатное слово и духовенство.

(Окончание ¹⁾).

Не отрицая другихъ способовъ религіознаго воспитанія (изъ нихъ на первомъ мѣстѣ личный примѣръ, добрая жизнь духовенства), скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что можетъ сдѣлать духовенство для религіознаго просвѣщенія народа

---

¹⁾ См. № 14-й за 1907 г.

путемъ книжнымъ, при помощи печатнаго слова. Способъ этотъ приобретаетъ въ послѣднее время существенное значеніе; и естественно: по широтѣ вліянія книга несомнѣнно превосходитъ устное слово (напр., проповѣдь). Въ настоящее время, особенно въ городахъ, человѣкъ кипитъ какъ въ котлѣ; не мало есть такихъ профессій и занятій, въ которыхъ человѣкъ не видитъ свѣта Божьяго, въ церкви бываетъ разъ въ годъ. Спрашивается, какъ можетъ вліять церковь на такихъ рѣдкихъ гостей, что тутъ можетъ сдѣлать проповѣдь? между тѣмъ почитать человѣкъ все же урветъ минутку и хорошо, если бы книга-то попалась добрая и дѣльная! Книга хороша еще тѣмъ, что ее можно не только читать, но и перечитывать, продумать. Вѣдь теперь читатель нарождается пытливый, ищущій, любящій и себѣ и другимъ задать вопросы: „зачѣмъ“ и „почему“. И здѣсь книга несомнѣнно преимуществуетъ передъ устнымъ словомъ, которое въ силу ограниченности человѣческой памяти не можетъ всегда и во всѣхъ крѣпко засѣсть.

Что же можетъ дать народу духовенство въ книжномъ отношеніи?

Повышеніе писательской производительности духовенства и всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ цѣлямъ религіознаго просвѣщенія, особенно въ интересахъ средняго читателя и низшаго, пробавляющагося лубочными изданіями, — вотъ первое наше пожеланіе въ этомъ отношеніи. Догматическія истины православнаго вѣроученія народу мало извѣстны, тѣмъ менѣе ему извѣстны основанія этихъ истинъ; а между тѣмъ много ли у насъ издано книжекъ (не дорогихъ, конечно, и не обширныхъ по объему) по этимъ вопросамъ? Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ; издаются у насъ книжки по этимъ вопросамъ, но уже съ миссіонерскимъ отѣнкомъ, т. е. для тѣхъ лицъ, которыя, вслѣдствіе незнанія своей вѣры, сбиты съ толку непризванными учителями. Не лучше ли просвѣщать народъ въ своей вѣрѣ заблаговременно?

Необходимо духовенству усилить изданіе религіозно-назидательныхъ листковъ для народа. Эта форма или средство наученія народа элементарнымъ истинамъ христіанскаго ученія, какъ восполненіе наученія устнаго, всѣми признана и теперь довольно распространена; пожалѣть только приходится, что имѣеть она мѣсто, главнымъ образомъ, въ городахъ, въ соборахъ, монастыряхъ, религіозно-просвѣтительныхъ обществахъ и мало распространяется на деревню, между тѣмъ въ деревнѣ такіе листки будутъ желанными гостями: грамотность пустила тамъ уже прочные корни.—„Памъ газетъ покупать не нужно, заявилъ намъ житель захолустной деревни,—каждый день мы даромъ узнаемъ всѣ новости“. Оказалось, что почти каждый день возлѣ каждой хаты можно найти прокламацію. Политическая пропаганда и тамъ ведется уже широко. А между тѣмъ, какъ выяснилось изъ бесѣды, означенная деревня въ глаза не видѣла ни одного листка религіознаго содержанія. Тамъ, гдѣ раздача такихъ листковъ приняла широкіе размѣры, народъ интересуется ими, читаетъ и перечитываетъ ихъ, собираетъ и потомъ переплетаетъ въ книги—Духовенству нельзя игнорировать этого дѣла: есть признаки, что и этимъ средствомъ воспользуются враги Церкви не въ ея интересахъ; появились уже листки или воззванія вновь образованнаго „Христіанскаго братства борьбы“ „къ епископамъ“, „къ войскамъ“, „къ крестьянамъ“.

Плохо обстоитъ у насъ дѣло съ бібліотеками; даже больше можно сказать: онѣ у насъ почти совсѣмъ отсутствуютъ. Деревенскій читатель жаждетъ книги и не имѣеться, поистинѣ испытываетъ книжный голодъ, и какъ не жалѣть о томъ, что духовенство не идетъ на встрѣчу этой потребности. А вѣдь, кажется, могло бы идти, могло бы мало-помалу заводить бібліотеки. Фундаментъ для приходскихъ бібліотекъ есть въ каждомъ приходѣ—въ церковной бібліотекѣ; средства, хотя небогатыя, пусть гроши на первыхъ порахъ, но ихъ можно найти...

Наши церковныя школы... Сколько силъ и энергій берутъ онѣ у духовенства; сколько надеждъ на нихъ возлагалось; какія блестящія перспективы религіозно-нравственнаго подъема и улучшенія рисовались... И много ли сбылось изъ этихъ надеждъ?.. И думаемъ, зависитъ это оттого, что въ нашей школѣ заботились не о воспитаніи, а только о выучкѣ, и тѣ религіозно-нравственныя сѣмена, какія закладывались въ дѣтскія души въ школѣ, затѣмъ мало поддерживались. Како бы ни была хорошо поставлена народная школа, она никогда не можетъ напередъ опредѣлить характеръ и направленіе человѣка въ будущемъ; учиться человѣкъ долженъ всю жизнь. Поэтому и духовенству нужно думать не только о школьномъ, но и о внѣшнемъ образованіи народа и прежде всего нужно позаботиться объ открытіи при церковно-приходскихъ школахъ бібліотекъ и читаленъ.

Вѣковой инертностію нашею объясняется то, что духовенство мало пользовалось печатнымъ словомъ въ цѣляхъ религіозно-просвѣтительныхъ, и не пора ли намъ въ этомъ отношеніи учиться у интеллигенціи, которая уложила такую массу энергій и силъ въ книжное дѣло, на распространеніе книги въ народѣ. Вотъ обычная картина. Роскошно обставленный народный домъ съ бібліотекой, читальнымъ заломъ, книжной торговлей-лавкой, тутъ же чтенія, лекціи. Рядомъ—богатѣйшая по доходности церковь съ двухчленнымъ причтомъ. Первый съ наружи украшаютъ витрины, кіоски съ книгами; возлѣ второй только и видна кружка съ надписью: „на построеніе храма“. Въ первомъ каждый день жизнь бьетъ ключомъ, толпятся люди; во второмъ они собираются только въ воскресенье да въ праздникъ. Не пора ли намъ присмотрѣться къ тому, какъ растетъ читатель, какую массу печатнаго матеріала онъ поглощаетъ, и съ своей стороны дать ему матеріалъ для чтенія, открыть бібліотеки, читальни? Для деревни это будетъ благодѣяніе, котораго не забудетъ народъ.

Давно пора подумать намъ и еще объ одномъ вопросѣ капитальнаго значенія— объ учрежденіи по епархіямъ само-

стоятельныхъ типографій или, по крайней мѣрѣ, по одной типографіи на нѣсколько епархій. Дѣло изданія книгъ, брошюръ, листовъ религіозно-нравственнаго характера только тогда возможно будетъ поставить широко, когда духовенство въ типографскомъ отношеніи будетъ совершенно самостоятельно и ни отъ кого не зависимо. Возможно было учрежденіе типографій три вѣка тому назадъ въ Юго-Западныхъ братствахъ, и типографіи эти сослужили народу великую службу въ эпоху борьбы православія съ польщиной и католичествомъ. Отчего же не можетъ быть того же и въ настоящее время? Есть у насъ въ настоящее время нѣсколько типографій—синодальныя, монастырскія; но къ нимъ духовенство какъ-то мало имѣетъ касательства. Теперь же необходимы такія типографіи, гдѣ духовенство чувствовало бы себя полнымъ хозяиномъ, гдѣ было бы сосредоточено печатаніе всѣхъ религіозно-нравственныхъ изданій. Такія типографіи должны преслѣдовать не коммерческія цѣли и барыши, а именно цѣли религіозно-просвѣтительныя. Удобство состояло бы и въ томъ, что сосредоточеніе всѣхъ религіозно-просвѣтительныхъ изданій въ однѣхъ рукахъ дало бы возможность нѣкоторыя произведенія печатать бесплатно, для раздачи народу, бесплатной разсылки въ школы и бібліотеки.

Мы не признаемъ за печатнымъ словомъ и книгой значенія перваго орудія и средства въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія; есть средства болѣе важныя и орудія болѣе дѣйствительныя для той же цѣли (личный примѣръ священника, богослуженіе и др.), но и за печатнымъ словомъ, какъ средствомъ просвѣщенія, есть свои большія преимущества и достоинства, и духовенство должно использовать его, насколько можно, больше въ интересахъ вѣры и Церкви.

Свящ. В. Пестряковъ.

Настоятельная необходимость матеріальнаго обезпеченія православнаго духовенства.

(Продолженіе ¹⁾).

Мы видѣли, что обѣ формы обезпеченія духовенства—и доходъ и земледѣліе унижаютъ священника и наносятъ вредъ его пастырству, а въ концѣ всего и самой Церкви. Если такъ, то какую же форму обезпеченія нужно установить для духовенства? Отвѣтъ одинъ: назначить жалованье подобно тому, какъ оно установлено для служащихъ всѣхъ вѣдомствъ. Вопросъ только въ томъ, какое назначить жалованье? Для уясненія отвѣта на данный вопросъ необходимо на философско-экономическихъ основаніяхъ исчислить сумму, необходимую для удовлетворенія жизненныхъ потребностей культурнаго человѣка вообще.

Такъ какъ служеніе священническое преслѣдуетъ высшія, духовныя цѣли—правственное усовершенствованіе паствы и руководство ея ко спасенію, то, слѣдовательно, и работники этого служенія должны быть поставлены въ такое матеріальное положеніе, при которомъ они имѣли бы возможность всецѣло отдаться своему спеціальному труду, помня, что они обезпечены въ необходимыхъ потребностяхъ жизни; были бы способны какъ къ личному правственному усовершенствованію, такъ и къ научному прогрессу, необходимому для духовенства настолько же, какъ и для другихъ общественныхъ дѣятелей. Но какъ опредѣлить границу необходимости, и гдѣ начинается роскошь? Для обстоятельнаго отвѣта на этотъ вопросъ предположимъ слѣдующія философско-экономическія положенія.

I. Человѣкъ только тогда способенъ къ правственному усовершенствованію и научному прогрессу, когда удовлетворяются его насущныя потребности; когда онъ настолько под-

¹⁾ См. № 20-й за 1907 г.

чинилъ себѣ окружающую природу, что не имѣеть нужды вести постоянную борьбу съ нею; когда, будучи обезпеченъ во всемъ необходимомъ, онъ имѣеть излишекъ свободнаго времени для труда умственнаго. У самоѣдовъ, эскимосовъ и другихъ такихъ же дикарей усовершенствованія не можетъ быть прежде всего потому, что физическое существованіе ихъ не обезпечено, и они должны каждый день изощряться, какъ бы вырвать изъ рукъ суровой природы пищу себѣ; поэтому у нихъ въ ущербъ умственнымъ способностямъ развиваются только такія, которыя имѣють цѣлю добываніе пищи и потому приближаютъ ихъ къ хищнымъ животнымъ. (Бокль. Истор. Цивилиз. въ Англіи).

II. Подъ именемъ необходимыхъ потребностей разумѣются такія, которыя выработаны цивилизаціею и историческими привычками народа; чѣмъ выше цивилизованъ человѣкъ, тѣмъ обширнѣе для него количество такихъ потребностей, которыя считаются необходимыми, и лишеніе которыхъ дѣйствуетъ на человѣка угнетающимъ образомъ; а для того, чтобы образованный семейный человѣкъ могъ безбѣдно существовать, ему необходимо 2000 талеровъ, или же на наши деньги 1800 рублей; цифра дохода, меньшая противъ указанной, есть состояніе страданія и лишенія. (Лассаль—Сочин. Томъ 1-й; Флеровскій—„Положеніе рабочаго класса въ Россіи“).

Исходя изъ перваго положенія, заключаемъ, что если человѣкъ, при неудовлетвореніи своихъ насущныхъ потребностей, не способенъ даже къ примитивному, зачаточному прогрессу, то какимъ же образомъ, при подобныхъ условіяхъ, человѣкъ можетъ быть способенъ къ усовершенствованію высшему, нравственному, духовному, и даже тѣмъ болѣе человѣкъ, обязанный духовно и нравственно возвышать ввѣренную ему паству? Исходя изъ втораго положенія, приходимъ къ тому выводу, что если потребности, выработанныя цивилизаціею и историческими привычками народа, играютъ такую великую роль въ дѣлѣ духовнаго усовершенствованія, то имѣемъ ли право ставить человѣка въ такое положеніе, при

которомъ онъ не можетъ удовлетворять своимъ историческимъ привычкамъ и чрезъ это причинять ему вредъ? Напр., до Петра Великаго въ Россіи пили сбитень, а со времени этого государя начали пить чай, и онъ вытѣснилъ сбитень и сталъ теперь историческою привычкою русскаго народа; и потому, лишивъ возможности русскаго купца пить чай, англичанинъ пьетъ бифштексъ или ростъ-бифъ, нѣмецъ пьетъ пиво, турка куритъ табакъ, и наконецъ русскаго старообрядца куритъ ладономъ, мы тѣмъ самымъ деморализуемъ этихъ людей, дѣйствуемъ на нихъ репрессивно и ставимъ въ состояніе лишенія и страданія, парализующее духовное усовершенствованіе и научный прогрессъ.

III. Самое интересное и важное для насъ сужденіе по разсматриваемому вопросу высказываетъ нѣмецкій экономистъ, Докторъ Энгель, въ своемъ сочиненіи „Der preis der arbeit“, (оцѣнка труда), изданномъ еще въ 1866 году, въ Берлинѣ, подъ редакціею Рудольфа Вирхова и Фридриха Гольцендорфа. Вотъ что онъ говоритъ: „Такъ какъ трудъ не есть понятіе простое, а сложное, заключающее въ себѣ какъ личный трудъ, такъ и капиталъ, потраченный на образованіе работника, то и оцѣнка труда не можетъ быть простою; въ составъ ея точно такъ же должны входить тѣ же элементы, изъ которыхъ слагается самый трудъ, т. е. оцѣнка эта должна заключать въ себѣ: средства для возвращенія капитала, потраченнаго на образованіе работника; средства для сохраненія рабочей силы въ періодъ работы и средства для сохраненія жизни въ періодъ старости; если оцѣнка труда настолько низка, что не заключаетъ въ себѣ этихъ трехъ элементовъ, тогда трудъ работника продается дешевле, нежели самому стоитъ, и въ результатѣ получается неизбежное банкротство; подобно тому, какъ фабрика, или торговое заведеніе, продающія свой товаръ ниже его стоимости, неизбежно должны обанкротиться и погибнуть, такъ и человѣкъ, получившій специальное образованіе, подготовлявшійся къ исключительной дѣятельности

и затѣмъ убѣдившійся на практикѣ, что спеціальность его не обезпечиваетъ, неизбѣжно долженъ умственно обанкротиться, т. е. охладѣть къ своему дѣлу, погрузиться въ рутину и апатію, *исполнять свою службу формально и механически* и окончательно измельчать“.

Такъ какъ спеціальная дѣятельность священника, въ особенности въ настоящее время, требуетъ отъ него самыхъ разностороннихъ свѣдѣній, то и образованіе его необходимо нужно отнести къ дорогимъ, а слѣдовательно и потребности лицъ, получившихъ такое образованіе, должны быть шире и разнообразнѣе.

Въ виду того, что по каноническимъ правиламъ, согласнымъ съ естественнымъ назначеніемъ человѣка, православный священникъ предполагается всегда семейнымъ, и такъ какъ, по медицинской статистикѣ, среднее число дѣтей на каждую брачную чету исчисляется четыре, то, слѣдовательно, среднее семейство священника нужно предполагать состоящимъ изъ шести душъ, а при такомъ семействѣ нужно имѣть двѣ прислуги: одну пожилую женщину, которая будетъ кухарка, прачка и проч., и одну горничную; итого—восемь человѣкъ.

Предпославши такія соображенія, исчислимъ стоимость требованій священника. Надѣмся, что эти требованія не покажутся прихотливыми. Предметы расходовъ назначимъ только необходимые; потребление и цѣнность потребляемыхъ вещей означимъ *minimum*, но вмѣстѣ съ тѣмъ беремъ предметы, выработанные цивилизаціею и историческими привычками народа.

Квартира въ четыре комнаты съ кухней, погребомъ и сараемъ для топлива	240 р. — к.
Дровъ на двѣ печи въ комнатахъ и на одну печь въ кухнѣ, за пять холодныхъ мѣсяцевъ съ 1 ноября по 1 апрѣля, двѣ сажени по 30 р. съ доставкою	60 р. — к.

За семь теплыхъ мѣсяцевъ на одну печь въ кухнѣ	30 р. — к.
За распилку дровъ по 3 р. за сажень	9 р. — к.
Керосину 10 пудовъ въ годъ	16 р. — к.
Свѣчей стеариновыхъ одинъ пудъ.	12 р. — к.
Хлѣба ржаного по 1 ¹ / ₂ к. (солдатскій пай 3 фунта) на человѣка по 2 к. за фунтъ 12 ф.—24 к. въ день, въ мѣсяць 7 р. 20 к., а въ годъ	86 р. 40 к.
Хлѣба пшеничнаго къ чаю утромъ и вече- ромъ—20 к. въ день, въ мѣсяць 6 р., а въ годъ	72 р. — к.
Крупъ, соли, капусты, картофеля, моркови, луку, огурцовъ, гороху, пшена—кругомъ на 10 к. въ день, а въ годъ	36 р. — к.
Мыла для бѣлья—2 пуда въ годъ	8 р. — к.
Масла деревяннаго на 1 р. въ мѣсяць, а въ годъ	12 р. — к.

Такъ какъ распредѣленіе постныхъ и скоромныхъ дней зависитъ отъ времени Пасхи, празднуемой съ 22 марта по 25 апрѣля, то, принимая въ расчетъ средній день Пасхи (8 апрѣля), получимъ, отбросивъ 5 дней въ году:

Скоромныхъ дней	180
Рыбныхъ „	100
Постныхъ „	80

Всего 360 дней, а пять дней отбрасываемъ для округленія цифръ; при этомъ за постные дни принимаемъ 46 дней Великаго поста (кромѣ Благовѣщенья и Вербнаго), 13 дней Успенскаго поста (кромѣ Преображенія), всѣ среды и пятницы въ Рождественскомъ и Петровомъ постахъ, пять дней съ 20 по 24 декабря, потомъ 5 января, 29 августа, и 14 сентября. Рыбными днями считаемъ: среды и пятницы въ мясоѣдахъ и всѣ дни Рождественскаго и Петрова постовъ,

(кромѣ среды и пятницы,—дни всегда постные), затѣмъ 25 марта, Вербное и 6 августа. Прочіе всѣ дни и Сырную недѣлю принимаемъ за скоромные.

Хотя здравая гигиѣна для хорошаго питанія полагаетъ 1½ фунта мяса на человѣка въ сутки, но мы положимъ по 1 ф. (солдатскій пай $\frac{3}{4}$ ф.), значить на 8 человѣкъ, 8 ф. по 11 к.—88 к. въ день, а за 180 дней	158 р. 40 к.
Сала свиного для приправы 4 фунта въ мѣсяць по 22½ к.—90 к., а за 6 мѣсяц.	5 р. 40 к.
Масла коровьяго, сметаны, сыру, яиць, молока на 20 коп. въ день, а за 180 дней	36 р. — к.
Рыбы 5 фунтовъ по 15 коп.—75 коп., а за 100 рыбныхъ дней	75 р. — к.
Постнаго (подсолнечнаго) масла, которое необходимо въ постные и рыбные дни, ½ фун. въ день, а за 180 дней рыбныхъ и постныхъ вмѣстѣ—90 фун. по 17 к. за фунтъ	15 р. 30 к.
Чаю 12 фунтовъ	24 р. — к.
Сахару въ прикуску (солдатскій паекъ 2 ф. въ мѣсяць) 24 ф. въ годъ на человѣка, а на 8 человѣкъ—192 ф., т. е. почти 5 пуд. по 6 р. за пудъ	30 р. — к.
Женщинѣ жалованья по 6 р. въ мѣсяць	72 р. — к.
Горничной по 4 р. въ мѣсяць	48 р. — к.
На водку, вино и табакъ не полагаемъ ничего, не считая ихъ необходимыми ¹⁾).	

¹⁾ Такъ какъ цѣна квартиръ колеблется въ городахъ и селахъ, то мы беремъ среднюю стоимость квартиры, примѣнительно къ тому, сколько въ среднемъ получаетъ полковой священникъ, пользующійся правами ротнаго командира, а протоіерей, или же дивизионный благочинный сравнены со штабъ-офицерами; само собою понятно, что, гдѣ будетъ казенный домъ, тамъ квартирные деньги не считаются; цѣны же на съѣстные припасы и дрова взяты мною по цѣнамъ Кіевской и Подольской губерній въ мелкихъ городахъ, селахъ и мѣстечкахъ.

Одежда:

1) Для священника.

Одна ряса шерстяная, для которой нужно материи не менѣе 12 арш. по 1 р. 50 к.	18 р. — к.
За работу.	5 р. — к.
Одинъ подрясникъ, одни брюки, одинъ жилетъ, для которыхъ нужно семь аршинъ дешеваго сукна по 3 р.	21 р. — к.
Подкладка для рясы изъ нанбука (шпанскій атласъ) по 75 к. за арш.—10 арш.	7 р. 50 к.
Подкладка на подрясникъ 10 арш. темнаго коленкора по 20 к.	2 р. — к.
Работа за всю пару ¹⁾	10 р. — к.
Двѣ пары сапогъ по 12 р.	24 р. — к.
Однѣ калоши зимнія на двѣ зимы 5 р., а на одну зиму	2 р. 50 к.
Однѣ калоши лѣтнія для дождя	2 р. 25 к.
Одна пара перчатокъ	1 р. 50 к.
Одна шляпа лѣтняя	3 р. — к.
Одна зимняя шапка 6 р. на двѣ зимы, а на одну зиму	3 р. — к.
Полдюжины бѣлья верхняго	15 р. — к.
„ „ нижняго.	12 р. — к.
„ крѣпкихъ носковъ	3 р. — к.
„ носовыхъ платковъ	2 р. — к.

2) Для жены.

Одно верхнее пальто суконное, весеннее и осеннее 30 р., на три года, а на одинъ годъ	10 р. — к.
Два шерстяныхъ платья по 1 р. 50 к., 20 арш.	30 р. — к.
Два платья ситцевыхъ по 20 к., 30 арш.	6 р. — к.

¹⁾ Ряса не износится въ годъ, но такъ какъ лѣтомъ необходима легкая одежда, то поэтому нужно положить каждый годъ по одной рясы.

Полдюжины женскаго бѣлья	18 р. — к.
За работу платьевъ не полагаемъ: жены у священниковъ, всегда труженицы.	
Полдюжины чулокъ	4 р. 50 к.
„ носовыхъ платковъ	2 р. — к.
Одна зимняя шаль 4 р., на двѣ зимы, а на одну зиму	2 р. — к.
Одинъ лѣтній головной платокъ	2 р. — к.
Одна шляпа зимняя 8 р., на двѣ зимы, а на одну зиму	4 р. — к.
Одна шляпа лѣтняя и весенняя	4 р. — к.
Двѣ пары перчатокъ	3 р. — к.
„ „ ботинокъ	12 р. — к.
Однѣ калоши полуглубокія	3 р. — к.
Кромѣ того, для священника: одна теплая мѣховая шуба 100 р., на 5 лѣтъ, а на 1 годъ	20 р. — к.
Такая же теплая шуба для жены на 5 лѣтъ 100 р., а на 1 годъ	20 р. — к.
Ремонтъ: печей, столовой, кухонной и чайной посуды, починка мебели и проч.	25 р. — к.
Прибавимъ на расходы непредвидѣнные, мелочные, дополнительные, которыхъ нельзя означить съ точностію, напр., улучшеніе пищи на Рождество, Пасху, храмовой праздникъ, трубочисту, на лекарство, нищихъ и проч.—кругомъ по 3 руб. въ мѣсяць, а въ годъ	36 р. — к.
На канцелярскіе расходы приблизительно	12 р. — к.
Хотя священнику, какъ человѣку развитому, слѣдовало бы назначить извѣстную цифру для развлеченій, тѣмъ болѣе, что лучшіе публицисты признаютъ необходимость ихъ даже для рабочаго, но такъ какъ санъ священника не позволяетъ никакихъ общественныхъ развлеченій, то и мы не полагаемъ ему никакихъ расходовъ на этотъ предметъ, но не смѣемъ	

отказать ему въ удовлетвореніи потребностей умственной, духовной жизни, напр., чтенія серьезныхъ книгъ, для чего необходимо назначить:

одинъ богословскій журналъ (положимъ, „Странникъ“) съ приложеніями	8 р. — к.
Одинъ журналъ учено-литературный	15 р. — к.
Одна ежедневная газета	10 р. — к.

Итого 1423 р. 25 к.

Но мы ничего еще не положили на воспитаніе четырехъ дѣтей въ будущемъ; поэтому къ исчисленной цифрѣ необходимо прибавить еще по 10 коп. въ день на каждое дитя, считая со дня рожденія, итого 36 рублей на одного, а на четырехъ 144 рубл. Можетъ быть, пока дѣти малы и живутъ при родителяхъ, на нихъ не издержится столько, но зато съ 10 лѣтняго возраста дѣтей такой суммы едва ли будетъ доставать, а съ 16 или 17 лѣтъ, когда приблизится время высшаго образованія, въ особенности для сына, потребуется втрое больше; слѣдовательно, въ первые годы и будетъ сберегаться для послѣдующихъ дефицитовъ сумма.

И такъ, по самой строгой справедливости, не давая возможности священнику прибѣгать къ роскоши и не лишая его потребностей, выработанныхъ цивилизаціею и историческими привычками народа, ему необходимо назначить содержаніе въ годъ 1567 рублей 25 копѣекъ.

Исчисленная нами цифра настолько скромна, что даже на 230 рублей ниже цифры необходимости, установленной Лассалемъ и Флеровскимъ, не дастъ избытка и сбереженія и потому не удовлетворяетъ экономическимъ требованіямъ, изложеннымъ въ сочиненіи Энгеля „*Оцѣнка труда*“ (См. выше.). Въ силу этого добровольные вознагражденіе со стороны прихожанъ не должно быть запрещаемо подобно тому, какъ оно не запрещается и для врачей, какъ бы ни было велико ихъ жалованье.

Отставн. докторъ 12 кав. див. *Вас. Николаевъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ)

ЗАМѢТКИ.**а) Училище для глухонѣмыхъ мальчиковъ.**

1906 года Высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Московскимъ Владиміромъ было совершено торжественное открытіе училища для глухо-нѣмыхъ мальчиковъ въ Николо-Перервинскомъ монастырѣ. Училище имѣетъ цѣлью воспитаніе и обученіе глухо-нѣмыхъ дѣтей мужскаго пола, преимущественно епархіальнаго и иноепархіальнаго духовенства, а затѣмъ недостаточныхъ изъ другихъ сословій. Возрастъ поступающихъ въ училище опредѣленъ въ 8—9 лѣтъ. Курсъ обученія 6-лѣтній. Открытіе этого училища для Россіи очень цѣнно и полезно, такъ какъ такія училища требуютъ очень большихъ средствъ на свое содержаніе, почему въ Россіи ощущается въ нихъ крайній недостатокъ. (Москов. Церков. Вѣдом. № 46).

в) Школьные помѣщенія и народныя чтенія въ Донской епархіи.

Въ Донской епархіи для того, чтобы сдѣлать церковно-школьныя помѣщенія удобными для веденія народныхъ чтеній, принято за правило при сооруженіи новыхъ школьныхъ зданій устраивать классныя комнаты такъ, чтобы онѣ отдѣлялись одна отъ другой раздвижной перегородкой. При такомъ устройствѣ, въ случаѣ надобности, классныя комнаты легко превращаются въ сравнительно просторныя аудиторіи для народныхъ чтеній („Народ. Образ.“ педаг. жур., сент. 1906 г., стр. 287).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 20-го мая 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. № 22. Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1907-го года іюня 3-го дня.

Содержаніе: I. Съ чего начать?—II. Quædam pia desideria.—III. Настоятельная необходимость матеріальнаго обезпеченія православнаго духовенства (окончаніе).—IV. Замѣтка. О привлеченіи женщинъ къ участию въ собраніяхъ и съѣздахъ духовенства.

Съ чего начать?

Въ настоящее время не рѣдко можно слышать рѣчи о томъ, будто вѣра оскудѣваетъ въ русскомъ народѣ, даже болѣе—будто православіе стало чуждо русскому народу. Не особенно давно мы получили письмо, авторъ котораго и утверждаетъ именно, что православіе стало чуждо русскому народу. Мы познакомимъ читателей съ главными мыслями письма.

Авторъ письма, духовное лицо, въ недавнее время проѣхалъ въ разныхъ направлєніяхъ по желѣзнымъ дорогамъ „милую“ Россію и всюду встрѣчалъ со стороны мужиковъ только насмѣшки, оскорбительныя замѣчанія и плевки. Монахию, вошедшую въ вагонъ для сбора пожертвованій на монастырь, встрѣчаютъ, по наблюденію автора письма, тоже

антипатіей и „благодушными“ насмѣшками. Отсюда авторъ дѣлаетъ, надо сказать—послѣшно и преувеличенно, выводъ, что „православіе стало чуждо русскому народу... Отпаденіе народа отъ церковной жизни, продолжаетъ онъ,—это не облако, а туча, затянувшая все небо, это величайшее несчастіе“. Средство борьбы съ этимъ несчастіемъ авторъ письма не видитъ въ тѣхъ реформахъ, какія намѣчены теперь въ Русской Церкви, не исключая и созванія собора, и учрежденія патриаршества, и развитія и обновленія церковной проповѣди и т. п. „Вопросу: „что дѣлать“, по мнѣнію автора письма, — нужно дать практическую постановку: за что взяться, съ чего начать?“. На такой вопросъ авторъ письма не даетъ прямого, положительнаго отвѣта. „Я лично, говоритъ онъ, только и могу сдѣлать, что пожать плечами и растеряться. Вѣтеръ дышетъ, гдѣ хочетъ, и не не знаешь, откуда приходитъ. Духовная живая жизнь, и личная и церковная, тоже начинается съ чего-то неуловимаго, съ чего-то глубоко утаеннаго въ нѣдрахъ человѣческаго духа. Изъ всего сторонняго тамъ можетъ имѣть успѣхъ (и то далеко не всегда) только искренняя мольба, благожелательность, любовь. Но какъ выработать мольбу, благожелательность и любовь?“ Повидимому, по мысли автора оживленіе церковной жизни, вѣры православной каждый долженъ начать съ себя самого, съ своего нравственнаго совершенствованія. Живой человѣческой духъ—источникъ оживленія церковной жизни.

Таковы мысли письма. Что сказать въ отвѣтъ на него?

На тяжелыя размышленія наводитъ письмо. Страшно подумать: „*Православіе стало чуждо русскому народу*“. Положительно не хочется соглашаться съ такимъ утвержденіемъ. Однако, мы не станемъ рѣшительно и настойчиво утверждать противное. Хотѣлось бы только указать на нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о религіозно-церковномъ укладѣ жизни русскаго народа.

„Православіе стало чуждо русскому народу“... А паломничество въ Св. Землю? Вѣдь русскихъ паломниковъ чуть-ли не больше всѣхъ другихъ въ Іерусалимѣ. А хожденія по своимъ, русскимъ святынямъ и монастырямъ? О чемъ говорятъ десятки, сотни тысячъ богомольцевъ въ лаврахъ Кіево-Печерской, Почаевской, Троицкой? Взгляните на Кіевъ весной, особенно на улицы, прилегающія и ведущія къ Лаврѣ. На нихъ—два непрерывныхъ теченія: одно—богомольцы, идущіе въ Лавру; другое—богомольцы, возвращающіеся изъ нея. А если поразспрашиваете, откуда приплелись эти сермяги съ котомками за плечами, то услышите названіе далекихъ, далекихъ отъ Лавры и отдаленныхъ другъ отъ друга уголковъ „милой Россіи“. А любовь и стремленіе народа къ „старцамъ“, подвижникамъ монастырскимъ? Почитайте хотябы про старца Амвросія Оптинскаго. Вамъ живо представится „хибарка“ старца, цѣлый день осаждаемая толпой народа, жаждущаго видѣть старца, принять отъ него благословеніе, прямо съ благоговѣніемъ припасть къ его благословляющей десницѣ и покрыть ее самыми горячими поцѣлуями. Ту же картину можно наблюдать у келлій и другихъ извѣстныхъ старцевъ. Не проявляется ли во всѣхъ этихъ случаяхъ, можно сказать, *стихійная* религіозность православнаго народа! Не показываютъ ли эти факты, куда тяготѣетъ сердце русскаго селянина, какія влеченія сокрыты въ тайникахъ народной души!

Припоминается намъ родная великорусская деревня. Тамъ хранится еще святость молитвы, постовъ и другихъ предписаній церковныхъ. Тамъ священникъ занимаетъ еще должное мѣсто. Прихожанинъ, желая закрѣпить за собою паекъ землицы больной, почти умирающей старухи, обѣщаясь при этомъ кормить ее до смерти, зоветъ священника въ свидѣтели сдѣлки: онъ увѣренъ, что, если батюшка—свидѣтель, то земля, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ его. Тамъ, въ деревнѣ, не знаютъ о плевкахъ и насмѣшкахъ при видѣ священника. Напротивъ, проходитъ священникъ улицей, сидящіе около

домовъ на „завалинкахъ“¹⁾ непремѣнно встають и „отдаютъ поклонъ“ и привѣтствіе. Съ плевокми, съ обходами отъ идущаго на встрѣчу духовнаго лица да съ оскорбительными замѣчаніями по его адресу я познакомился только въ городѣ.

Предъ нами, такимъ образомъ, два положенія: одно—православіе чуждо народу; другое—факты, свидѣтельствующіе о религіозности его. Какъ же быть? Какъ относиться къ этимъ противоположностямъ?

Мы склонны думать такъ. Великорусская деревня, простая, не оторвавшаяся отъ земли, вѣрна православію, хранить въ нѣдрахъ своихъ вѣру и уваженіе къ священному сану. Оторвашіеся отъ сохи деревенскіе слои, фабричныя, заводскіе, „просвѣщенные“, особенно за послѣднее время появившимися благодѣтелями народа, ѣздящіе по желѣзнымъ дорогамъ—въ этихъ трудно искать православія; въ ихъ душахъ дали всходы другія сѣмена, приносящія плоды въ родѣ плевковъ и издѣвательствъ надъ священникомъ. Отсюда мы дѣлаемъ такое заключеніе: нашему сельскому духовенству надо зорко слѣдить за деревней, тщательно охранять ее отъ вторженія современныхъ „просвѣтителей“, всѣми мѣрами поддерживать, а если можно, и раздувать огонекъ преданности православной вѣрѣ и Церкви. Духовенству фабричному, заводскому необходимо добиваться того, чтобы фабрики и заводы, эти вертены пьянства и разврата въ настоящее время, превратились въ трудовыя братства, дѣйствительно просвѣтительныя учрежденія. Вопросъ о средствахъ—другой; мы намѣчаемъ только цѣли.

Останавливаетъ наше вниманіе въ письмѣ вопросъ: „Съ чего начать“. Въ этой части мы вполнѣ раздѣляемъ мысли автора письма. Съ чего начать оживленіе церковной жизни? Это—такой вопросъ, предъ которымъ скорѣе всего пожмешь плечами и растеряешься въ недоумѣніи. Впрочемъ, самъ же авторъ письма и указываетъ основную мысль для рѣшенія

¹⁾ Насыль сваружи около стѣнъ дома для большаго тепла въ хатѣ.

поставленнаго вопроса. Не внѣшнія реформы, не „артикулы“ и законы оживятъ церковную жизнь, а живой человѣческой духъ. Въ немъ—источникъ духовнаго возрожденія; въ тайникахъ его зачинается духовное обновленіе. Посители живого духа—вотъ обновители церковной жизни. Павелъ съ несравнимою любовью, Іеремія съ огнемъ палящимъ въ сердцѣ, старцы Амвросій, Іона ¹⁾—вотъ возродители душъ. Дайте такихъ пастырей приходамъ, и не замретъ церковная жизнь. Одушевленный пастырь—вотъ источникъ оживленія, обновленія церковной жизни прихода. Безъ него—мало толку въ реформахъ, новыхъ законахъ, нныхъ учрежденіяхъ. Конечно, все это имѣетъ свое значеніе, какъ обстановка, какъ условія дѣятельности. Но все же это—только кости и плоть. Необходимъ духъ жизни, чтобы ожили онѣ.

Такимъ образомъ, вопросъ — „Съ чего начать“ превращается въ болѣе частный: „Гдѣ взять одушевленныхъ пастырей для прихода“? Вѣрнѣе всего мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ, если припомнимъ слова Спасителя: „Жатва многа, дѣятелей же мало. Молитесь убо Господину жатвы, яко да изведетъ дѣлатели на жатву свою (Матѳ. 9, 37—38)“. Можетъ быть, этихъ дѣлателей надо искать въ добрыхъ, благочестивыхъ семьяхъ, а послѣ семьи воспитывать въ церковной атмосферѣ немногочисленныхъ церковныхъ школъ съ ежедневнымъ, по возможности, участіемъ въ отправленіи богослуженія, не рѣдкой исповѣдью и приступаніемъ къ Чаше Христовой, вливающей жизнь въ души причащающихся ей и т. п.

К. А.

---

¹⁾ Примѣры, указанные авторомъ письма.

Quaedam pia desideria.

(По поводу штундо-баптистской проповѣди и моленій).

Съ 10 по 18 февраля въ Кіевскомъ кружкѣ штундо-баптистовъ замѣтно было большое оживленіе по поводу пріѣзда и проповѣдей извѣстнаго піонера баптизма въ Россіи, тифлискаго проповѣдника Вас. Гр—ча Павлова. По рассказамъ мѣстныхъ штундистовъ, братъ ихъ Павловъ посѣтилъ Кіевъ проѣздомъ изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ на сѣздѣ руководителей штундоваго движенія въ Россіи, имѣвшемъ главною цѣлью выяснить правовое положеніе у насъ штундо-баптизма, въ виду новыхъ государственныхъ законовъ, вытекающихъ изъ началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти. Штундисты прямо заявляютъ, что по новымъ законамъ они имѣютъ право не только свободно исповѣдывать свое ученіе, но и обращать къ нему православныхъ. Въ связи съ перемѣной правительственной точки зрѣнія на штунду для послѣдней впереди открывается, повидимому, болѣе широкая перспектива. Съ пріѣздомъ г. Павлова здѣсь стали говорить о предположеніи штундо-баптистовъ открыть на югѣ Россіи специальную семинарію для приготовленія ихъ миссіонеровъ и общинныхъ проповѣдниковъ (пресвитеровъ). Кажется, этотъ слухъ имѣетъ серіозное основаніе. Едва ли и пріѣздъ Павлова въ Кіевъ былъ дѣломъ случайнымъ. Этотъ проповѣдникъ пока еще, кажется, единственный изъ пропагандистовъ штундо-баптизма русской, получившій школьную, спеціально-миссіонерскую подготовку въ Гамбургской баптистской семинаріи. Штундисты говорятъ о его учености, о его знаніи шести языковъ (древнихъ и новыхъ) и т. п. При томъ онъ давно работаетъ въ Россіи на поприщѣ штундовой пропаганды, о чемъ и самъ съ апломбомъ заявляетъ, сравнивая себя, какъ намъ передавали, съ апостоломъ Павломъ. Понятно, что проповѣдь такого лица заинтересовала многихъ въ нашемъ кіевскомъ обществѣ. За всея пребыванія г. Павлова въ Кіевѣ

почти каждый день (кроме маленькаго промежутка, 15 и 16 февр.) происходили собранія штундистовъ въ главной ихъ молельнѣ, и каждый разъ помещеніе этой молельни было биткомъ набито публикой: не только скамьи и стулья, но и углы и проходы заняты были слушателями (до 1000 челов.). Въ составѣ посѣтителей преобладала публика сѣрая: рабочіе и служащіе въ разныхъ учрежденіяхъ или просто домашняя прислуга; но среди нея пестрѣли и лица, принадлежащія, къ мѣстной интеллигенціи, мужчины и дамы и учащаяся молодежь. Собранія происходили большею частію вечеромъ. Только въ воскресные дни собраній было два: одно дневное, въ 12 час. дня, а другое въ обычные вечерніе часы; но по своему характеру и порядку они все были почти одинаковы. Обыкновенно вечернія собранія начинались въ 7 и заканчивались въ 9 часовъ. Руководилъ собраніями мѣстный главарь штунды, именуемый пресвитеромъ Дементій Правовѣровъ. Это—человѣкъ еще молодой (лѣтъ 30-ти), мягкій и корректный въ обращеніи съ другими; учился, кажется, въ низшей народной школѣ; по ремеслу, говорятъ, сапожникъ. Собранія обыкновенно открывались чтеніемъ и объясненіемъ „пресвитеромъ“ какого-нибудь мѣста изъ Св. Писанія Ветхаго или Новаго Заветъа. Г. Правовѣровъ всходилъ на кафедру и объявлялъ братьямъ, о чемъ намѣренъ сегодня побесѣдовать, напр., о проповѣди Иисуса Христа въ синагогѣ Назаретской (Лк. 4, 14—30) и др. Объясненія его просты, не глубоки, но не лишены сердечной теплоты и желанія дать посильный урокъ изъ прочитаннаго. Его чтеніе и объясненія занимали не много времени. Далѣе слѣдовало пѣніе одного или двухъ стихотвореній изъ сборника духовныхъ стиховъ. Пресвитеръ приглашалъ „дорогихъ братьевъ“ пропѣть такой-то N стихотвореній и читалъ изъ него два первыхъ стиха или одинъ стихъ вслухъ; тотчасъ прочитанное исполнялось хоромъ, состоящимъ изъ дискантовъ—молодыхъ женщинъ, альтовъ—мальчиковъ и басовъ—мужчинъ. Напѣвы стихотвореній разнообразны, довольно красивы и трогательны. Одинъ разъ

стихотвореніе исполнялось напѣвомъ 1-го гласа на „Богъ Господь“. Вообще пѣніе штундистовъ производитъ сильное впечатлѣніе не только содержаніемъ стиховъ, но и красотою, простотою и доступностью мелодій, а иногда одушевленнымъ исполненіемъ. По окончаніи пѣнія всходитъ на кафедру тифлисскій гость—братъ Павелъ и говорилъ проповѣдь. Говоритъ онъ живо, свободно, большею частію съ одушевленіемъ, иногда съ меланхолическимъ оттѣнкомъ въ голосѣ, съ частыми жестами. Медленно перелистывая Библию, онъ останавливается на избранномъ мѣстѣ и объявляетъ, о чемъ намѣренъ читать и бесѣдовать. Затѣмъ слѣдовало чтеніе избраннаго отдѣла постепенно, но съ такими объясненіями каждаго стиха и промежуточными между ними замѣчаніями, что какъ будто выходило не чтеніе текста, а свободное изложеніе самимъ проповѣдникомъ содержанія текста. Вторую половину рѣчи составляла бесѣда г. Павлова къ слушателямъ по поводу прочитаннаго и частично объясненнаго. Здѣсь указывалась сначала общая или главная мысль; послѣдняя иногда дѣлилась на болѣе частныя, и каждая развивалась проповѣдникомъ отдѣльно въ живомъ приложеніи къ состоянію слушателей. За проповѣдью слѣдовала импровизированная молитва по поводу сказаннаго, произносившаяся самимъ проповѣдникомъ съ кафедры, а потомъ каждымъ изъ присутствующихъ братомъ или сестрой, по желанію, съ колѣнопреклоненіемъ. Затѣмъ пресвитеръ произносилъ съ кафедры: „Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общеніе Св. Духа со всеѣми вами“ (2 Кор. 13, 13), и собраніе объявлялось закрытымъ.

Изъ бесѣдъ г. Павлова мы слышали нѣсколько. Каждая изъ этихъ бесѣдъ длилась не менѣе часа и однако слушалась присутствовавшими съ напряженнымъ вниманіемъ. По нашему мнѣнію, это послѣднее зависитъ отъ особыхъ свойствъ бесѣды, дѣлающихъ ее особенно близкою сознанію каждаго, помимо даже ея направленія. Нужно сказать, что каждая изъ бесѣдъ представляла полное, цѣльное и законченное раскрытіе

мысли даннаго отдѣла въ главномъ и частяхъ. Намъ даже казалось, что избранные проповѣдникомъ отдѣлы для объясненія принадлежать къ числу имъ особенно любимыхъ и ему прекрасно знакомыхъ. По крайней мѣрѣ иное говорилось имъ такъ, какъ будто это было повторяемо уже много разъ. Проповѣдникъ отличается способностью приблизить библейскій рассказъ къ душевному состоянію слушателей. Средствомъ къ этому у него служитъ психологическій анализъ состоянія библейскихъ лицъ, сопровождающійся живымъ картиннымъ представленіемъ даннаго событія. И то и другое непосредственно опирается на текстъ Св. Писанія, что сообщаетъ рѣчи больше убѣдительности. Особенно удачно было раскрыто ученіе о наслѣдственной грѣховности людей и великой жертвѣ за насъ, принесенной Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ для примиренія насъ съ Богомъ, на текстъ: *зная, что не тлѣннымъ серебромъ или золотомъ искуплены вы отъ суетной жизни, преданной вамъ отъ отцовъ, но драгоценною кровію Христа, какъ непорочнаго и чистаго агнца* и пр. (1 Петр. 1, 18—20). Рѣчь, проникнутая теплымъ чувствомъ, сопровождавшаяся и слезами, произвела видимое впечатлѣніе и на публику. Такой же успѣхъ имѣла и бесѣда о блудномъ сынѣ. Кромѣ широкаго примѣненія психологическаго анализа и пользованія параллельными мѣстами Св. Писанія, проповѣдникъ обставлялъ свою рѣчь подходящими историческими примѣрами и сравненіями, взятыми изъ обыденной жизни. Напр., въ бесѣдѣ объ искупленіи насъ безцѣнною кровію Иисуса Христа (1 Петр. 1, 18—20) г. Павловъ разсказалъ одинъ замѣчательный случай изъ жизни знаменитаго графа Николая Цинцендорфа, какъ онъ, застигнутый въ дорогѣ однимъ недобрымъ человѣкомъ, принужденъ былъ отдать ему свой кошелекъ, но при этомъ просилъ его объ одномъ: „когда поведутъ тебя, сказалъ онъ разбойнику, на висѣлицу, то вспомни, что ты искупленъ безцѣнною кровію Иисуса Христа“. Эти слова такъ поразили разбойника, что онъ потомъ исправился и при встрѣчѣ съ Цинцендорфомъ

благодарилъ его за свое обращеніе. Въ бесѣдѣ о примиреніи съ Богомъ, Который даруетъ человѣку, безъ всякихъ заслугъ его, единственно по Своей безконечной благодати, новую одежду святости, спасающую его отъ конечной гибели, ораторъ привелъ разсказъ о томъ, какъ спасъ себя отъ разстрѣла одинъ приговоренный къ смерти испанецъ, закутавшійся передъ казнію въ одежду, сшитую изъ тканей трехъ національныхъ цвѣтовъ—испанскаго, англійскаго и Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Такъ и Христосъ закрываетъ насъ Своею одеждою, чистою, свѣтлою, не имѣющей никакого пятна и изъяна, омытою въ крови Агнца Божія. Въ Откровеніи говорится о великомъ множествѣ людей, котораго никто не могъ перечестъ, изъ всѣхъ племенъ и колѣнъ и народовъ и языковъ. Они стояли передъ престоломъ Божиимъ и передъ Агнцемъ въ бѣлыхъ одеждахъ съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ и восклицали громкимъ голосомъ: „спасеніе Богу нашему, сидящему на престолѣ, и Агнцу!“ Они омыли одежды свои и убѣлили ихъ кровію Агнца. За это они пребываютъ предъ престоломъ Бога и служатъ ему день и ночь въ храмѣ его, и Сидящій на престолѣ будетъ обитать въ нихъ (Откр. 7, 9—15). О друзья! всѣ мы нечисты... Ничто не въ состояніи смыть съ насъ эту грѣховную скверну: ни слезы, ни покаяніе, ни дѣла, а лишь одна кровь Агнца Божія! безъ всякихъ заслугъ съ нашей стороны Богъ предалъ за насъ Сына Своего. Вотъ высочайшая къ намъ любовь Божія! И нынѣ Онъ говоритъ къ намъ: „за что же вы Меня оскорбляете? почему вы Мнѣ не вѣрите?.. вѣдь Я все сдѣлалъ, чтобы вы не погибли“. Вотъ я, сказалъ ораторъ, читалъ одну трогательную повѣсть. У одного отца и матери былъ сынъ. Отецъ любилъ его, но сынъ не поладилъ съ нимъ; дѣло зашло такъ далеко, что отецъ удалилъ его изъ дома. Мать старалась помирить отца съ сыномъ, но сынъ не думалъ смиряться, а отецъ не могъ его простить. Вотъ отецъ лежитъ на смертномъ одрѣ. Мать телеграфируетъ сыну: „пріѣзжай,—отецъ при смерти“... Сынъ пріѣхалъ. Вотъ онъ

стоитъ у смертнаго одра отца. Здѣсь же и мать. Она обращаетъ умоляющій взоръ къ отцу и говоритъ: прости, прости его, хоть онъ и не заслужилъ этого... Она беретъ ихъ руки и соединяетъ. Отецъ простилъ и благословилъ непокорнаго сына. О, друзья! нѣтъ предѣловъ милосердія и любви Отца небеснаго. Приди же къ Нему, и Онъ возрадуется, простретъ къ тебѣ Твои объятія и скажетъ: дайте сыну моему лучшія одежды, надѣньте кольцо на руку его и введите въ домъ Мой!.. Обращаюсь и я къ вамъ, сказалъ ораторъ, съ послѣднимъ словомъ. Быть можетъ, мнѣ больше не придется встрѣтиться съ вами въ сей жизни. Но мы можемъ встрѣтиться тамъ, у престола Божія! О, какая будетъ намъ тогда радость! И что отъ васъ для этого требуется? Одно только: приди къ Нему и вѣрь, что Онъ съ радостью приметъ тебя...

Баптистскій проповѣдникъ любитъ касаться и современности. Такъ, въ одной бесѣдѣ (о милосердомъ самарянинѣ) онъ призывалъ всѣхъ оказывать ближнему любовь, не обращая вниманія на вѣроисповѣдныя и племенные отличія. При этомъ онъ коснулся армяно-татарской распри на Кавказѣ въ послѣднее время. Христосъ сказалъ: во всемъ какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними... (Мѡ. 7, 12). А такъ ли мы поступаемъ на самомъ дѣлѣ? Здѣсь онъ ярко изобразилъ неправомѣрныя отношенія между господами и прислугою, хозяевами и работниками, какъ причину современныхъ смуть.

Разумѣется, въ бесѣдахъ г. Павлова не обходилось безъ сектаторской тенденціозности, но она не выдавалась слишкомъ рѣзко. Болѣе всего она выступила въ бесѣдѣ на 3 гл. Ев. Іоанна, затронувшей кардинальный вопросъ баптистовъ объ условіи духовнаго возрожденія челоѡвка. Въ силу баптистской тенденціозности и сектантскаго ригоризма, г. Павловъ, не отличаясь въ данномъ случаѣ отъ зауряднаго штундистскаго проповѣдника, отвергалъ крещеніе младенцевъ, какъ не обладающихъ вполнѣ раскрывшимся сознаниемъ, и *воду* въ 5 ст. 3-й гл. Ев. Іоанна, т. е. воду крещенія, понималъ въ пере-

посномъ смыслѣ. Онъ думаетъ, что слово вода здѣсь употреблено для обозначенія особыхъ свойствъ дѣйствія Св. Духа, различающаго и оплодотворяющаго душу человѣка, подобно тому, какъ вода размягчаетъ почву и сообщаетъ ей плодородіе (при этомъ привелъ примѣръ того, что сдѣлала вода, проведенная по каналамъ въ одну пустынную мѣстность въ окрестностяхъ Тифлиса). Интересно было бы услышать отъ г. Павлова, какъ бы онъ сталъ толковать воду въ сказаніи о крещеніи внуха Филиппомъ (Дѣян. 9, 36—39).

Въ среду, 14 февраля послѣ обычнаго вечерняго собранія, часовъ около 9, пресвитеръ Дементій Правовѣровъ заявилъ обыкновенное собраніе закрытымъ и предложилъ публикѣ уходить, остаться же только тѣмъ, кто желаетъ принять участіе въ молитвѣ или—чтобы о немъ молились. Это собраніе, слѣдов., должно было имѣть частный характеръ: $\frac{2}{3}$ собравшихся постороннихъ тотчасъ оставили молеблюю. Остались лишь штундисты и нѣкоторые посторонніе. Сначала хоръ пропѣлъ какое-то духовное стихотвореніе, ничѣмъ не отличавшееся отъ другихъ. Затѣмъ возшелъ на кафедру г. Павловъ и произнесъ рѣчь, основаніемъ которой было пророчество Іоіля объ изліяніи отъ Св. Духа на всякую плоть (2, 28—32) и исполненіе этого пророчества, совершившееся въ юной Церкви Христовой въ праздникъ 50-цы. Проповѣдникъ сказалъ, что для дѣйствія Св. Духа нѣтъ предѣла ни времени, ни мѣста, и что неразумно было бы намъ пренебрегать полученіемъ дара, который обѣщанъ всѣмъ вѣрующимъ во Христа еще въ Ветхомъ Завѣтѣ чрезъ пр. Іоіля. Нужно молиться, чтобы Господь немедленно, здѣсь же изліялъ отъ Духа Св. на насъ. Затѣмъ онъ обратился съ молитвой объ этомъ къ Богу. Послѣ него начали молиться о томъ же самомъ и другіе. Со всѣхъ сторонъ въ залѣ слышались воззванія и причитыванія на разные голоса. Получалось странное впечатлѣніе: слышались только отдѣльные возгласы. Каждый говорилъ, какъ будто не замѣчая другого. Иногда возгласы прекращались, наступало затишье, затѣмъ опять слы-

шался гдѣ-нибудь голосъ молящагося. Особенно выдѣлялся своею многорѣчивостью какой-то мужчина, вспоминавшій о томъ, что было въ Иерусалимѣ въ празд. 50-цы и молившій, чтобы и теперь совершилось то же. Какая-то женщина говорила о чернотѣ души своей и просила очистить, убѣлить ее... Въ разныхъ мѣстахъ слышны были всхлипыванья. Последней долго говорила какая-то полная дама. Наконецъ, г. Павловъ предложилъ присутствовавшимъ вступить между собою въ братскую, мирную бесѣду. Самъ онъ сталъ бесѣдовать то съ тѣмъ, то съ другимъ. Обыкновенно начиналъ вопросомъ: „ну, какъ Ваше душевное состояніе“? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ разговоръ шелъ въ полголоса. Иногда же онъ скоро прекращалъ разговоръ словами: „вѣруйте въ Господа Иисуса Христа, вѣруйте, что Вы спасены Его кровію“, или: „помните, что спасеніе наше совершается вѣрою, а не дѣлами“. Мы не думали вступать тогда въ разговоръ съ сектантами, не желая давать повода имъ къ упрекамъ въ нарушеніи ихъ мирнаго настроенія, но они сами (въ томъ числѣ и г. Павловъ) втянули насъ въ разговоры и споры своими нелѣпыми инсинуаціями и нападками на нашу Правосл. Церковь, духовенство, богослуженіе, храмы, путешествія богомольцевъ на поклоненіе, употребленіе въ домахъ лампадокъ предъ иконами и пр. Besѣдуя съ ними, мы замѣтили, что наши совопросники далеко не такъ мирно и любовно настроены, какъ мы ожидали: пришлось намъ съ ихъ стороны слышать колкости и насмѣшки.

Последнее собраніе штундо-баптистовъ, при участіи г. Павлова, вечеромъ въ воскресенье, 18-го февраля, кромѣ своей обычной программы, заключало и выраженіе благодарныхъ чувствъ отъ штундо-баптистской общины проповѣднику г. Павлову. Пресвитеръ Правовѣровъ благодарилъ брата Павлова за труды и то утѣшеніе, которое онъ доставилъ мѣстной общинѣ своими бесѣдами. Братія благодарили Бога, что слышали здѣсь изъ устъ брата Павлова такъ много хорошаго, и молились о немъ, чтобы онъ еще долго служилъ благовѣ-

ствованію, а регентъ высказалъ ему благодарность отъ лица своего хора и просилъ привѣтствовать отъ его пѣвчихъ хоръ Тифлисскихъ братій.

Filius Ecclesiae.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Настоятельная необходимость матеріальнаго обезпеченія православнаго духовенства.

(Окончаніе ¹⁾).

По поводу сдѣланныхъ вычисленій могутъ говорить, что, получая такую порядочную сумму, священникъ скорѣе начнетъ злоупотреблять своими обязанностями. Хотя, конечно, нельзя отрицать подобныхъ печальныхъ явленій, но все-таки это возраженіе не выдерживаетъ критики и разбивается о слѣдующее мудрое правило: нужно сначала обезпечить отъ нищеты всякаго общественнаго дѣятеля и необходимаго работника, а тогда уже преслѣдовать его за злоупотребленія; кромѣ того, много есть примѣровъ злоупотребленій служащихъ въ другихъ вѣдомствахъ и получающихъ 3, 4 и 5 тысячъ, однако же никто не рекомендуетъ уменьшать такого рода служащимъ жалованье съ цѣлію предупрежденія могущихъ быть съ ихъ стороны злоупотребленій; настоящее же матеріальное положеніе священника само служить почти единственною причиною встрѣчающихся среди духовенства злоупотребленій.

Мы, пожалуй, услышимъ другое возраженіе: „А посмотрите, какъ живутъ священники въ столицахъ и большихъ городахъ, напр., въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Ростовѣ на Дону и проч.“. Не отрицаемъ, что тамъ священникъ живетъ богаче нѣкоторыхъ служащихъ другихъ вѣдомствъ, но такихъ священниковъ не больше пяти на сто, и они составля-

¹⁾ См. № 21-й за 1907 г.

ють счастливое исключеніе; мы же ратуемъ за положеніе 95 изъ 100 священниковъ, вѣчныхъ тружениковъ, служащихъ нашему бѣдному крестьянству, и по матеріальнымъ условіямъ своей жизни ничѣмъ отъ него не отличающихся, въ особенности на сѣверѣ Россіи (губерніи: Костромская, Вятская, Вологодская, Олонецкая, Новгородская и проч.), гдѣ крестьянство само нерѣдко страдаетъ отъ голодовокъ; такія же губерніи, какъ Витебская и Псковская, по словамъ нашего отечествовѣда Семенова (см. его отечествовѣдѣніе) чуть не каждый годъ поддерживаются субсидіями со стороны правительства. Исключенія нельзя возводить въ общее правило. Врачи столичныхъ и университетскихъ городовъ зарабатываютъ до 100 рублей въ сутки, а народные труженики—уѣздные, городовые и земскіе врачи, живущіе въ деревнѣ и получающіе 1200—1500 рублей въ годъ (высшая цифра), очень часто голодаютъ и послѣ смерти нерѣдко оставляютъ семейство въ буквальной нищетѣ, чему нерѣдко можно найти примѣры въ литературѣ.

Приходится слышать и такую избитую фразу: „*попы берутъ съ живого и съ мертваго*“. Это порицаніе духовенства—положительно общее для всей Россіи и основано на томъ, что форма вознагражденія духовенства всегда бросается въ глаза окружающимъ, потому что послѣ совершенія каждой требы духовенство вознаграждается при свидѣтеляхъ, а кромѣ того при крещеніи, напр., младенцевъ, при панихидахъ и проч. нерѣдко дается хлѣбъ, яйца и даже (исключительно при крещеніи) живая птица ¹⁾; вотъ это-то видимое вознагражденіе и бросается въ глаза окружающимъ, близорукимъ наблюдателямъ и даетъ поводъ къ огульному обвиненію духовенства въ томъ, что оно беретъ съ живого и съ мертваго; но никто изъ наблюдателей не потрудится перевести это вознагражденіе на деньги, и если бы перевелъ, то не только не осуждалъ бы священника, а скорбѣлъ бы вмѣстѣ съ нимъ.

¹⁾ Мѣстный обычай.

Я служилъ по земству четыре года и при объѣздѣ участка очень часто останавливался у священниковъ и что же видѣлъ? Правда, крестьянинъ, напр., при крещеніи, принесетъ живую курицу или десятокъ яицъ и одинъ или два сѣрыхъ хлѣба, но деньгами даетъ 10, въ лучшемъ случаѣ 20 коп., и это въ богатой Малороссіи (я служилъ въ Полтавской губерніи); сосчитайте и получите: деньгами 20 коп. (maximum); курица (не всегда) 40 коп.; хлѣбъ 5 коп.; итого 65—70 к., изъ которыхъ нужно дать причетнику 15 коп. и сторожу, прислуживающему при крещеніи 10 коп.; слѣдовательно, священнику остается 35—40 коп.

Для характеристики матеріальнаго обезпеченія духовенства путемъ взиманій не могу умолчать объ одномъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Донской области. Въ одной изъ маленькихъ и бѣднѣйшихъ станицъ служилъ идеально честный и безкорыстный священникъ, мой хорошій знакомый и вообще откровенно рассказывавшій о своемъ положеніи; въ моментъ описываемаго случая у него уже было трое маленькихъ дѣтей; дѣло было такъ. Присватался за дѣвушку (красивую) его прихода состоятельный купецъ армяно-григоріанскаго исповѣданія. „Я зналъ, говоритъ священникъ, что вѣнчаться онъ долженъ у меня; и вотъ, приходитъ ко мнѣ съ заявленіемъ о бракѣ въ пятницу утромъ предъ Сырною недѣлею, конечно, не зная правила Православной Церкви, что на масленицѣ не вѣнчаютъ. Я, увидя его въ окно, поспѣшно наложилъ на письменный столъ много казенныхъ бумагъ и сѣлъ заниматься письменною работою; когда женихъ, войдя въ комнату, сталъ просить меня повѣнчать его, то я сослался на цѣлую груду срочныхъ консисторскихъ предписаній, а главнымъ образомъ на то, что уже вѣнчать теперь нельзя. Женихъ удивился и говорилъ, что Великій постъ наступитъ еще черезъ 9 дней; я ему объяснилъ, что на масленицѣ вѣнчать нельзя и что теперь уже поздно дѣлать оглашенія и обыскъ; поэтому нужно оставить дѣло до Пасхи. Тогда женихъ предложилъ мнѣ 25 рублей съ тѣмъ, чтобы

обвѣнчать его въ воскресенье утромъ (недѣля Мисопустная) послѣ обѣдни. Я объявилъ, что вѣнчать наканунѣ масленицы—большой рискъ для священника, но при этомъ не торговался и никакимъ намекомъ не показавъ, что желаю большей платы. Послѣ этого женихъ началъ прибавлять самъ сначала 5 рублей, потомъ 10 и наконецъ еще разъ 10, и послѣ этого взялся за шапку; тогда я ему говорю: ну, такъ и быть ужь; если и придется отвѣчать предъ начальствомъ, по крайней мѣрѣ не даромъ. Согласился, сдѣлалъ три оглашенія: въ субботу и въ воскресенье два—на утрени и на обѣднѣ, а около 10 часовъ утра обвѣнчалъ за 50 рублей и послѣ этого мѣсяца два не спалъ спокойно, боясь доноса въ консисторію“. Что это такое, читатель? Неужели смѣхъ? Да, поступокъ священника комиченъ, но, какъ я сказалъ, у него было уже трое дѣтей, и самъ онъ—идеально честный человекъ. Если вдуматься, то выйдетъ, что поступокъ священника только по наружности комиченъ, но въ сущности глубоко трагиченъ. Въ этомъ поступкѣ, по словамъ Гоголя, заключается *„видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“*. Поступокъ этотъ доказываетъ только, какъ ничто способна, если не совершенно портить людей, то заставлять вступать ихъ въ компромиссы съ своею совѣстію, а затѣмъ *„страха ради іудейска“* не спать спокойно по цѣлымъ мѣсяцамъ. Въ подобныхъ случаяхъ къ нашему многострадальному духовенству вполне примѣнима русская пословица: *„Всѣ видятъ, какъ скачешь, но никто не видитъ, какъ плачешь“*.

„Но, скажутъ, наконецъ,—вѣдь духовенству назначено недавно жалованье!“—Да, назначено, скажемъ и мы, но сколько? Если не ошибаюсь, протоіерей городского собора получаетъ 400 руб., а сельскій священникъ 300 руб. Что же это такое, какъ не вливаніе молодого вина въ мѣхи ветхіе и совершенное игнорированіе того, что и вино прольется и мѣхи пропадутъ (Матѣ. 9—17).

Теперь нѣсколько словъ объ обезпеченіи діаконовъ и псаломщиковъ.

Чтобы понять матеріальное положеніе діакона и псаломщика, нужно опять, какъ и раньше, при опредѣленіи цифры необходимости для священника, посмотрѣть, что говоритъ намъ наука.

„Для безбѣднаго существованія работника въ Пруссіи (теперь Германіи), съ семействомъ около шести душъ, для такого существованія, при которомъ онъ могъ бы удовлетворять своимъ историческимъ привычкамъ, ему необходимо 400 талеровъ, или 360 рублей въ годъ“ (Лассаль).

„Для безбѣднаго существованія работника въ Россіи, съ семействомъ около шести душъ, ему необходимо 300 рублей“ (Флеровскій).

Но, во-первыхъ, эти авторы писали свои сочиненія въ концѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, т. е. болѣе 35 лѣтъ назадъ, а, во-вторыхъ, псаломщика, а тѣмъ болѣе діакона, какъ священнослужителя, по потребностямъ, нельзя сравнивать съ грубымъ, механическимъ работникомъ, для котораго введены показанныя двѣ цифры; да и по правамъ діаконъ и псаломщикъ пользуются потомственнымъ почетнымъ гражданствомъ, а потому, на основаніи вышеизложенныхъ экономическихъ законовъ, діакону нужно назначить жалованье—900 руб., а псаломщику 500 рублей, при казенныхъ квартирахъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, выдавать квартирныя деньги отдѣльно, согласно мѣстнымъ цѣнамъ на квартиры.

Общее резюме всего сказаннаго будетъ слѣдующее:

1) Необходимо какъ священника, такъ и діакона и весь причтъ совершенно освободить отъ земли.

2) Назначить жалованье: священнику 1600 руб., діакону 900 руб.; псаломщику 500 руб., при казенныхъ квартирахъ, или же выдавать особо квартирныя деньги.

3) Не запрещать добровольнаго вознагражденія за требы со стороны прихожанъ подобно тому, какъ оно не запрещаетъ

ется и врачамъ, получающимъ жалованье и состоящимъ на казенной, частной или общественной службѣ.

Пенсію священнику и причту нужно назначить въ размѣрѣ двухъ третей жалованья, получаемого на службѣ, т. е.:

1) Священнику изъ жалованья, 1600 руб. пенсія будетъ причитаться 1066 руб., или 88 руб. въ мѣсяцъ.

2) Діакону изъ жалованья 900 руб. пенсія—600 руб. въ годъ, или 50 руб. въ мѣсяцъ.

3) Псаломщику изъ оклада 500 руб. пенсія 332 руб., или 27 руб. 70 коп. въ мѣсяцъ.

Срокъ службы долженъ быть для полной пенсіи не свыше 35 лѣтъ. Надѣмся, что эта пенсія не превышаетъ скромныхъ требованій; наоборотъ, при настоящей дороговизнѣ жизни увеличеніе ея въ будущемъ безусловно необходимо.

4) Только послѣ такого обезпеченія строго требовать отъ духовенства, чтобы оно не уклонялось отъ цѣли своего служенія, а въ случаѣ злоупотребленій примѣнять къ нему приговоры безпристрастнаго правосудія. Предвидимъ еще одно возраженіе,—въ селахъ каждадневной службы не бываетъ, и потому трудъ духовенства не соотвѣтствуетъ поставленной оцѣнкѣ, которая для многихъ, слѣпо почивающихъ на буквѣ закона, видимо убивающей, можетъ показаться весьма высокою. На это отвѣчаемъ: „Экономическая наука, въ лицѣ лучшихъ представителей ея, оцѣниваетъ трудъ не по количеству самаго труда, а по потребностямъ, выработаннымъ для труженика цивилизаціею и историческими привычками народа“ (см. выше). Даже и по простому здравому смыслу можно разсудить, что великъ ли, малъ ли мой трудъ, потребности мои отъ этого не уменьшаются; при всякомъ количествѣ труда я долженъ жить въ томъ же числѣ комнатъ, одинаково ихъ отапливать, одинаковое количество денегъ истрачивать на пищу, одежду и воспитаніе дѣтей; другимъ же трудомъ я заняться все равно не могу. Такъ оцѣниваетъ трудъ преимущественно докторъ Энгель въ своемъ сочиненіи—*„Der preis der arbeit“* (оцѣнка труда).

Безъ сомнѣнія, вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства будетъ затронуть на предстоящемъ соборѣ. Въ чемъ выразится отношеніе государственной и церковной власти къ этому вопросу, мы не знаемъ и не беремъ предрѣшать его, но находимъ необходимымъ высказать одну мысль.

Духовенство нужно въ государствѣ, или нѣтъ? Не нужно? Уничтожимъ его и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; въ обществѣ, какъ и въ организмѣ человѣка, все ненужное вредно, а, слѣдовательно, чтобы организмъ былъ здоровъ и общество было построено на прочныхъ основаніяхъ, все вредное должно быть изгнано и уничтожено. Нужно? Такъ опредѣлимъ мѣру и степень необходимости въ немъ. Затѣмъ ясно, точно и положительно опредѣлимъ условія его существованія, *а главное—дадимъ ему возможность достигать той цѣли, съ которою оно уснановлено въ государствѣ*, и устроить все это нужно немедленно; зло не то, что добро; зло растетъ и развивается быстро, а потому нужно снѣшить съ мѣрами врачеванія его, въ особенности теперь, когда дарована свобода вѣроисповѣданія, когда духовенству приходится защищать превосходство православія предъ инославіемъ, иновѣріемъ и сектантствомъ, заботиться о достоинствѣ, чести и славѣ Церкви, охранять православныхъ христіанъ отъ уклоненія въ инославныя исповѣданія и сектантство, и все это совершать собственными силами, не полагаясь на поддержку государственной власти.

Положительно необходимо немедленное матеріальное обезпеченіе духовенства. Можетъ ли быть мѣсто для идеализма пастырскаго при настоящихъ матеріальныхъ условіяхъ, въ какія поставлено наше духовенство? Позволительно ли въ настоящее, страшно тревожное время, для Церкви и государства, ставить священника въ такое положеніе, при которомъ онъ долженъ торговаться за свадьбу съ крестьянами, или же придумывать траги-комическія комбинаціи, подобно описанной выше; когда, возрождая въ жизнь духовную будущихъ чадъ Церкви, при совершеніи таинства крещенія, священникъ принужденъ принимать отъ родителей или вос-

пріемниковъ десятокъ яицъ или живую курицу (одно изъ двухъ,—того и другого не даютъ); когда онъ принужденъ унижаться предъ крестьянами и ставить имъ по праздникамъ могоарычи, чтобы собрать „помочь“ для уборки хлѣба (въ Великой Россіи), или же, собравши хлѣбъ, входить въ сдѣлки съ евреями, съ цѣлію выгодной продажи его, какъ это нерѣдко дѣлается въ Западной и Юго-Западной Россіи, а въ случаѣ неурожая раздѣлять общую участь съ голодающими прихожанами?

При подобныхъ условіяхъ нѣтъ мѣста для идеализма въ дѣятельности священника; при такихъ условіяхъ какъ можетъ быть обезпеченъ успѣхъ дѣланія приходскаго пастыря? Въ „Словѣ къ священникамъ“, помѣщенномъ въ „Церковно-общественной Жизни“, авторъ обличаетъ пастырей, что они только смиренныхъ и обездоленныхъ учатъ смиренію и терпѣнію („Странникъ“, январь, 1907 г., отдѣлъ „извѣстія и замѣтки“) и безропотному несенію креста и проч., и въ то же время изгибаются предъ насильниками и капиталистами, льстятъ имъ, какъ холопы, и что народъ, видя такое раболѣпство, не вѣритъ слову священника; авторъ даже приводитъ такой случай, когда молодой священникъ, узнавши о незаконныхъ сожительствахъ въ средѣ крестьянъ, возмутился и началъ громить прелюбодѣевъ съ церковной кафедры; крестьяне долго терпѣли и, наконецъ, спросили у батюшки, почему же онъ не вразумитъ помѣщика, живущаго открыто съ блудницею? Въ заключеніе авторъ совѣтуетъ священнику идти со словомъ обличенія не въ лачуги бѣдняковъ, а въ хоромы убитанныхъ сластолюбцевъ, которые о комнатной собачкѣ заботятся больше, нежели о своихъ кормильцахъ—рабочихъ; здѣсь нужно огненное слово; довольно раболѣпства предъ сильными міра сего; *пора пастырямъ сдѣлаться владыками надъ человѣческими душами*“ и проч. Безспорно, много правды въ этомъ воззваніи, но мы, если не для совершеннаго оправданія, то для смягченія вины пастырей, ска-

жемъ слѣдующее. Во-первыхъ, изъ самаго воззванія видно, что авторъ болѣе снисходителенъ къ виновности бѣдняковъ, нежели къ закоренѣлымъ порокамъ богачей.

Въ этомъ сужденіи онъ безусловно правъ; а если такъ, то пусть же будетъ снисходителенъ и къ невольной вигѣ священника, который не возстанетъ противъ пороковъ своихъ прихожанъ—богачей: онъ не можетъ возстать, находясь въ полной матеріальной зависимости отъ такой группы прихожанъ. Во-вторыхъ и больше всего, невозможно пастырю завладѣть душами пасомыхъ, когда всѣ наши пастыри, чуть не со временъ князя Владиміра, всецело зависятъ не только въ матеріальномъ, но даже и въ нравственномъ отношеніи отъ своихъ пасомыхъ, и чѣмъ выше, подобно фарисею, мнить о себѣ пасомый, тѣмъ больше онъ убѣжденъ, что въ немъ не заключается ничего, что бы вызывало нравственное воздѣйствіе со стороны священника; и если бы пастырь рѣшился возстать противъ пороковъ подобнаго прихожанина, то онъ (пастырь) рисковалъ бы потерять приходъ вслѣдствіе испорченныхъ отношеній, за „не уживчивость“.

Да, необходимо спѣшить съ матеріальнымъ обезпеченіемъ духовенства; нужно торопиться съ врачебною помощью для исцѣленія недуговъ среди него. Если въ физическихъ болѣзняхъ не рѣдко часъ опредѣляетъ жить или не жить больному, то нѣчто подобное бываетъ и въ недугахъ нравственныхъ, и въ нихъ какъ будто есть кризисъ; не успѣла во время благодѣтельная рука—все погибло.

Отставн. докторъ 12 кав. див. *Вас. Николаевъ.*

ЗАМѢТКА.

О привлеченіи женщинъ къ участию въ собраніяхъ и съѣздахъ духовенства.

Въ Вятскихъ еп. вѣдомостяхъ анонимнымъ авторомъ проводится новая мысль о привлеченіи женщинъ духовной среды къ активному участию въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся женскаго воспитанія и образованія. Кому, спрашиваетъ авторъ, всего ближе дѣло воспитанія и образованія дочерей духовенства, какъ не матерямъ, женамъ духовныхъ лицъ?—и потому, слѣдуетъ заключеніе, „было бы весьма не бесполезно, чтобы на собраніяхъ и съѣздахъ духовенства (благочиническихкихъ и епархіальныхъ) при обсужденіи вопросовъ относительно епархіальныхъ училищъ непременно участвовали жены духовенства, матери обучающихся“. Присутствіе жень духовенства на съѣздахъ необходимо для болѣе глубокаго, всесторонняго обсужденія означенныхъ вопросовъ, потому что, при рѣшеніи ихъ одними мужчинами, какъ мало посвященными въ это дѣло, неизбежно можетъ быть допущена односторонность и даже нѣкоторая поверхностность. Между тѣмъ жены духовенства, сами прошедшія ту же школу и знакомыя опытно съ ея свѣтлыми и темными сторонами, могутъ дать вѣрный, безошибочный совѣтъ въ вопросахъ, касающихся улучшенія воспитательной и образовательной стороны женскихъ училищъ. И съ внѣшней, юридической стороны авторъ не видитъ препятствій къ дѣятельному участию и присутствію на съѣздахъ женщинъ духовной среды. Допускались на наши съѣзды и раньше выборныя постороннія лица изъ разныхъ учрежденій въ качествѣ представителей интересовъ послѣднихъ; почему же не допустить жень духовенства, какъ представительницъ интересовъ собственныхъ дѣтей? А нынѣ присутствіе на съѣздахъ духовенства постороннихъ лицъ,

напр. мірянъ, стало явленіємъ обыкновеннымъ. Наконецъ, отказывать женщинамъ духовной среды въ правѣ присутствія и голоса на пастырскихъ собраніяхъ было бы и вообще страннымъ по настоящему времени, когда женщинамъ даютъ мѣста почти на всѣхъ поприщахъ жизни: учебно-воспитательномъ, врачебномъ, чиновничьемъ, въ общественныхъ учрежденіяхъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій

Печатать дозволяется. Кіевъ. 29-го мая 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчагъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 23.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года іюня 10-го дня.

Содержаніе: I Представитель современнаго индивидуалистическаго анархизма.—II. Былъ ли м. Исидоръ папскимъ легатомъ для Москвы?—III. Quædam pia desideria (оконч.) IV. Замѣтка. Какъ лучшіе русскіе люди думаютъ о причинахъ бѣдствій' современныхъ.

Представитель современнаго индивидуалистическаго анархизма (Максъ Штирнеръ).

Вѣянія времени не могутъ не отражаться на особенностяхъ направленія философской мысли, которая должна все постигнуть и объяснить, а слѣдовательно и эти вѣянія времени, какъ продуктъ извѣстнаго характера міросозерцанія; но въ то же время вѣрно и обратное: міровоззрѣніе отдѣльныхъ мыслителей, выдающихся своими дарованіями надъ массою обыкновенныхъ смертныхъ, импонирующимъ образомъ дѣйствуютъ на нихъ, побуждаютъ ихъ усвоить эти мысли, какъ бы онѣ ни были односторонни и даже ложны, и проводить ихъ въ практическую жизнь. Въ лицѣ небызвѣстнаго читателямъ философа Ницше такъ называемый индивидуализмъ и матеріализмъ достигъ своего, казалось, высшаго

апогея. Теперь оказывается, что возможно и дальнѣйшее движеніе въ томъ же направленіи. Въ числѣ книгъ, недавно вышедшихъ на русскомъ языкѣ, благодаря измѣнившимся цензурнымъ условіямъ, читатели могли замѣтить такую съ довольно страннымъ на первый взглядъ заглавіемъ: „Единственный и его собственность“. Авторъ ея—Максъ Штирнеръ¹⁾. Справедливо называютъ этого автора родоначальникомъ современнаго индивидуалистическаго анархизма.

Штирнеръ начинаеть свою книгу съ разрушенія всѣхъ кумировъ и идеаловъ человѣчества. Ему необходима основательная разрушительная работа, чтобы очистить почву для сооруженія новаго ученія о человѣкѣ и его задачахъ. Онъ является врагомъ и отрицателемъ всего того, что ему представляется нереальнымъ элементомъ господствующаго міровоззрѣнія; онъ ведетъ смертельный бой съ массой привидѣній, сущностей, абстракцій, въ рабство которыхъ, по его мнѣнію, до сихъ поръ постоянно отдавались люди. Каждая историческая эпоха имѣетъ своихъ поработителей въ видѣ такихъ „абстракцій“. Истинная ошибка человечества состояла именно въ томъ, что оно постоянно служило абстракціямъ, идеямъ и ставило ихъ выше того, что составляетъ единственную реальность,—человѣческаго индивида, какъ онъ есть, со всѣми его свойствами и конкретными особенностями. „Чего—чего только не считаютъ моимъ дѣломъ. Прежде всего доброе дѣло, затѣмъ—дѣло Божіе, дѣло человѣчества, истину, свободу, гуманность, справедливость, далѣе—дѣло моего народа, моего государя, моей отчизны; дѣло духа и многое множество иныхъ дѣлъ. Только мое собственное дѣло никогда не должно быть моимъ дѣломъ: „долой эгоиста, помышляющаго только о себѣ“.

---

¹⁾ Это псевдонимъ; настоящее имя автора Каспари Шмидтъ; книга на нѣмецкомъ языкѣ появилась еще въ 1845 г.; русскихъ переводовъ въ послѣднее время появилось два.—При изложеніи ученія Штирнера мы пользовались статьями проф. Хвостова въ Московскомъ Еженедѣльникѣ №№ 8 и 9-й 1907 г.

Штирнеръ проводитъ рѣзкую грань между людьми стараго времени, куда онъ относитъ міръ дохристіанскій, и людьми новаго времени, гдѣ останавливается въ особомъ отдѣлѣ на людяхъ „свободныхъ“, какъ на новѣйшей группѣ людей новаго времени. Въ древности люди постоянно зависѣли отъ внѣшняго, чувственнаго міра и искали истиннаго наслажденія, подлинной житейской услады, а въ конечномъ счетѣ—истинной жизни. Но много времени спустя они поняли, что истинная жизнь есть не та жизнь, которую они проводятъ въ борьбѣ противъ вещей міра, а духовная, отъ вещей отрекающаяся жизнь, и когда они это сознали, они стали христіанами т. е. людьми „новыми“ и новаторами относительно людей стараго времени. Но жизнь, отрекающаяся отъ вещей, или духовная жизнь, питается уже, по словамъ Штирнера, не соками природы, она „живетъ идеей“, и потому является уже не „жизнью“, и „мышленіемъ“. Христіанство создало для личности новое рабство: оно объявило личность подъ господствомъ „духа“. Штирнеръ считаетъ духъ абстракціей, которая ничего общаго не имѣетъ съ единственной признаваемой имъ реальностью: тѣлеснымъ человѣкомъ со всѣми его конкретными свойствами. Онъ называетъ монгольствомъ эпоху, поставившую людей въ зависимость отъ рефлексіи, эпоху христіанскую, и видитъ историческое значеніе кавказской расы въ борьбѣ съ „небомъ“, въ окончательномъ уничтоженіи „неба“. Религія ему представляется кабалой въ примѣненіи ко *мнѣ*: я закабаленъ, я несвободенъ; свободой религія оказывается только въ примѣненіи къ духу: духъ свободенъ или обладаетъ свободой духа. Но и еще этимъ не закончена борьба. Современный либерализмъ представляется Штирнеру насквозь пропитаннымъ религіозными вѣяніями. Правда, либералы и атеисты отказываются отъ христіанскаго Бога; но они создаютъ новыхъ боговъ, отдають человѣка въ рабство другимъ абстракціямъ, идеямъ, привидѣніямъ. Политическій либерализмъ со временъ французской революціи толкуеть о свободѣ. Но эта сво-

бода сводится только къ уничтоженію произвола отдѣльныхъ лицъ и къ отдачѣ личности въ рабство закона. Свободнымъ оказывается исключительно государство, т. е. въ глазахъ Штирнера, абстракція, привидѣніе; личность же продолжаетъ оставаться вполне несвободной. При такихъ условіяхъ мы, по словамъ Штирнера, обращаемся въ рабовъ на законномъ основаніи. Поэтому въ сущности „всякое государство есть деспотія, независимо отъ того, сколько въ немъ есть деспотовъ: одинъ ли только, или много, или въ немъ, какъ въ республикѣ, государствуютъ всѣ поголовно, при чемъ одинъ деспотизируетъ другого, Республика есть также обсолютная монархія. Еще въ большей степени несвободными грозятъ сдѣлать насъ комунисты и соціалисты; политическій либерализмъ оставляетъ личности, по крайней мѣрѣ, частную собственность; коммунизмъ и соціализмъ отнимаютъ у нея и это достояніе, такъ какъ владѣть собственностью можетъ только общество.

Штирнеръ отрицаетъ не только всѣ абстракціи, но и самую истину, какъ нѣчто обязательное. „Для меня совершенно все равно, кто побѣдитъ, богъ или истина; прежде всего и паче всего побѣдить желаю я“. Истиной въ его глазахъ является все то, что ему въ каждый моментъ нравится, доставляетъ усладу“; каждый моментъ онъ воленъ отступить отъ прежняго образа мыслей, и онъ называетъ такое отношеніе господствомъ надъ своими мыслями.

Устранивъ съ своего пути всѣ тѣ предрасудки, которые до сихъ поръ загромождали дорогу свободному развитію человѣка, Штирнеръ сооружаетъ свое собственное ученіе. Онъ считаетъ необходимымъ измѣнить самый фундаментъ сооружаемаго зданія. „И Богъ, и человѣчество обосновали свое дѣло ни на чемъ, т. е. только на самихъ себѣ. Попробую и я обосновать свое дѣло на самомъ себѣ, ибо, подобно Богу, тоже представляю отрицаніе всего остального, я тоже составляю все мое, я тоже—Единственный“. Въ противовѣсъ понятію свободы, которой, какъ мы знаемъ, Штирнеръ не

признаетъ для личности, онъ выдвигаетъ понятія „самобытности“. Онъ такъ рисуеъ самобытную личность. Самимъ собою я бываю не тогда, когда мною завладѣваетъ чувственность или что либо-иное (богъ, человечество, начальство, законъ, государство, церковь и т. д.), а тогда, когда я самъ собою овладѣваю; что только полезно мнѣ, лицу самобытному и себѣ самому принадлежащему, того и добивается мое своекорыстiе“. Только тѣлесно-реальное существо, отдѣльная конкретная личность представляется ему дѣйствительностью, и эта личность не должна себя ничѣмъ ограничивать. Ни общество, ни государство не составляютъ авторитета для такой личности. Она знаетъ только свою волю и пользуется силой для ея удовлетворенiя. Самобытное я называетъ своею собственностью то, что оно можетъ захватить и собственность эта продолжается до тѣхъ поръ, хватаетъ силу, чтобы ее отстоять. Нѣтъ необходимости уважать другихъ идей, ихъ дѣло—стоять за себя и заставлятъ считаться съ ихъ собственностью. Признается только „захватное право“; даже духовныхъ святынь не существуетъ: никто не обязанъ считаться съ тѣмъ, что дорого другому.

Итакъ, эгоистъ стоитъ выше всего мiра; мiръ для него—объектъ его господства. Мое отношенiе къ мiру сводится къ тому, что я „потребляю“ его и пользуюсь имъ въ цѣляхъ самонаслажденiя, а всякое общенiе съ людьми сводится къ использованiю мiра и служить мнѣ для самонаслажденiя. Эта общая мысль проводится въ полной послѣдовательности. Напримѣръ, Штирнеръ не отрицаетъ любви: я могу любить людей; но при этомъ я люблю ихъ только, какъ объектъ моего наслажденiя. Эгоистъ не отвергаетъ и науки; но онъ цѣнитъ науку лишь настолько, насколько можетъ ею пользоваться для увеличенiя своей мощи.

Какъ же можно достигнуть такого состоянiя, когда явится царство самобытныхъ личностей? Единственнымъ путемъ къ этому Штирнеръ считаетъ возстанiе личности, познавшей себя, противъ всѣхъ абстракцiй и привидѣннй, ли-

шившихъ ее самобытности. Это не есть революція; съ понятіемъ революціи связано стремленіе къ усовершенствованію государства; это есть полное возстаніе самобытной личности противъ общества и государства въ приципѣ: Если на себѣ Единственномъ я утвердилъ свое дѣло, заканчиваетъ Штирнеръ: тогда оно покоится на своемъ брennemъ и смертномъ творцѣ, который самъ же себя и „ножираетъ“, и я могу заявить: ничто—вотъ на чемъ я утвердилъ мое дѣло. „Такимъ образомъ проповѣдникъ „Единственного и его собственности“ въ сущности приходитъ къ полнѣйшему нигилизму.

Итакъ, Штирнеръ идетъ далѣе Ницше; послѣдняго нельзя причислить къ анархистамъ. Говоря о самобытной личности, Ницше дѣлаетъ оговорку, что этотъ принципъ примѣнимъ только къ сильнымъ, аристократическимъ натурамъ, что его ученіе предназначено не для всѣхъ: слабымъ остается только подчиненіе; имморализмъ его такимъ образомъ не проведенъ строго во всѣхъ слѣдствіяхъ. Штирнеръ въ этомъ отношеніи послѣдовательнѣе: онъ не признаетъ ни для кого иного положенія, кромѣ руководства въ своихъ поступкахъ произволомъ и отвергаетъ всякія объективныя нормы поведенія. Проповѣдуя „войну всѣхъ противъ всѣхъ“ онъ выступаетъ защитникомъ полнѣйшаго и радикальнѣйшаго имморализма. Каждый человѣкъ является Единственнымъ обладателемъ міра, какъ предмета своей эгоистической эксплоатаціи, какъ своей собственности. Штирнеръ отрицаетъ всякій внѣшній авторитетъ, всякую власть, исходящую извнѣ; границами права каждаго являются предѣлы его собственной силы. Хотя онъ заявляетъ, что человѣкъ не долженъ становиться рабомъ „необузданной чувственности“, но долженъ удовлетворять ей по своему произволу“, но совершенно ясно, что никакихъ директивъ для этого произвола не существуетъ и въ сущности нѣтъ никакой разницы между рабомъ своей чувственности и человѣкомъ, руководящимся только своимъ произволомъ.

Не трудно понять тѣ практическіе выводы, съ которымъ могло бы повести осуществленіе этихъ положеній въ жизни.

Ученіе Штирнера прежде всего оказывается полнѣйшимъ солипсизмомъ (solus—ipse). Если я—Единственный, то, слѣдовательно, весь окружающій міръ есть не болѣе, какъ фантазмагорія, созданіе моего воображенія. Тогда привидѣніями окажутся не только государство, общество, право, нравственность, духъ, но и другіе люди; я не буду въ правѣ видѣть въ нихъ такихъ же мыслящихъ и чувствующихъ существъ, какъ я, потому что тогда трудно будетъ говорить обо мнѣ, какъ Единственномъ, какъ о творцѣ міра. Однако, Штирнеръ постоянно говоритъ о другихъ людяхъ, объ отношеніи къ нимъ, о государствахъ и обществахъ, объявленныхъ имъ привидѣніями,—говоритъ о нихъ, какъ о реальныхъ силахъ.

Отрицая истины и враждебно относясь къ предписаніямъ разума, Штирнеръ однако производитъ сравнительную оцѣнку людей по ихъ умственнымъ дарованіямъ, находя, что, тупицы составляютъ безспорно, наиболѣе многочисленные разряды людей. Если Штирнеръ, съ одной стороны, проповѣдуетъ „войну всѣхъ противъ всѣхъ“, и считаетъ въ ней допустимыми всякія средства, а съ другой—считаетъ людей различными по силамъ и свойствамъ, то кто же побѣдитъ въ этой борьбѣ? Конечно, наиболѣе сильные физически, наиболѣе умные и ловкіе окажутся господами положенія, и слабѣйшіе попадутъ подъ ихъ владычество и вынуждены будутъ повиноваться ихъ указаніямъ. Неминуемо предъ нами становится столь ненавистный Штирнеру призракъ принужденія, господства сильныхъ надъ слабыми, откуда легко дойти до юридическаго и государственнаго принужденія.

Штирнеръ, правда, не отрицаетъ вполне общественности: для самобытныхъ личностей онъ допускаетъ „союзы эгоистовъ“. Эти союзы, по его проекту, не стѣсняютъ личной свободы, ибо каждый, кто не доволенъ своимъ союзомъ, или считаетъ пребываніе въ немъ для себя невыгоднымъ, всегда можетъ выйти изъ союза. Но вѣдь союзъ и самъ можетъ извергнуть изъ своей среды того, противъ котораго возстанетъ большинство его членовъ. Отдѣльные же союзы тоже могутъ

воевать другъ противъ друга; можетъ остаться побѣдителемъ наиболѣе внутренно сплоченный и можетъ эксплуатировать результаты своей побѣды, можетъ ввести принудительный порядокъ взаимоотношеній.

Въ отдѣльномъ лицѣ идеалы Штирнера также не обеспечиваютъ душевной свободы; Штирнеръ, какъ мы видимъ, отвергаетъ всякія директивы въ поведеніи самобытной личности. Онъ не признаетъ владычества разума, ибо разумъ есть сводъ законовъ, изданныхъ въ противовѣсъ эгоизму; онъ хочетъ быть свободнымъ отъ мысли и отстаиваетъ безмысліе вмѣсто свободы мысли. Въ такомъ случаѣ человѣкъ становится въ полнѣйшую зависимость отъ своихъ моментальныхъ влеченій и побужденій; онъ не знаетъ сегодня, чего онъ будетъ хотѣть завтра. Хотя Штирнеръ думаетъ, что поручивъ человѣка его произволу, онъ поставилъ его „выше чувственнаго и выше истиннаго“, но въ сущности нѣтъ никакой разницы между человѣкомъ, руководящимся своимъ произволомъ, и тѣмъ, котораго мы съ полнымъ основаніемъ называемъ рабомъ своихъ страстей и своей чувственной природы.

Какъ относится къ истинѣ Штирнеръ? Истины не существуетъ для меня, ибо я выше всего цѣню себя, заявляетъ онъ. Съ другой стороны, онъ однако допускаетъ, что эгоистъ не отказывается отъ пользованія науками и знаніемъ, если онъ увеличиваютъ его мозгъ. Какъ возможно примиреніе непримиримаго, на это отвѣта напрасно стали бы мы искать у Штирнера.

Въ такія дебри заводятъ философовъ поиски „личной“ свободы, ничѣмъ не сдерживаемой, никакими идеалами и принципами не руководимой, переходящей въ дикій необузданный произволъ; и къ чему приведетъ такое рѣзкое противопоставленіе личности и общества, доводящее до необходимости возстанія, революцій противъ общества и всѣхъ тѣхъ нормъ, которыми должно руководиться оно? Но вѣдь индивидуумъ безъ общества не мыслимъ, и потому не возставать бы слѣдовало противъ него, а стремиться къ гармониче-

скому сочетанію, примиренію этихъ двухъ величинъ. И не произволь личности нужно выставлять послѣднимъ началомъ его дѣятельности, а нравственное самосознаніе, руководимое высокими религіозными и философскими (Кантъ) идеалами. Общая расшатанность мысли и нравственности, жестокой черствый эгоизмъ, не разбирающій средствъ къ обнаруженію себя въ дѣятельности, смотрящій на весь міръ, какъ на громадный питательный кусокъ, которымъ насыщается онъ, совершенно не признающій высокаго достоинства другихъ личностей—вотъ та атмосфера современная—индивидуальная и социальная, на которой вырастаютъ и плодятся теоріи подобныхъ „Единственныхъ“ Штирнера.

Л.

Быль ли митрополитъ Исидоръ папскимъ легатомъ для Москвы.

Съ издаіемъ закона о свободѣ совѣсти для южной Россіи вновь возникаетъ вопросъ о защитѣ православія противъ воинствующаго католицизма. Если прежде государство такъ или иначе защищало православіе отъ католической пропаганды, то теперь Православной Церкви придется бороться съ нею своими средствами, средствами проповѣди и убѣжденія. Нельзя признать ея положеніе въ этомъ отношеніи выгоднымъ, ибо ея противникъ дѣйствуетъ не только этими чисто церковными средствами, но и широко примѣняетъ средства политики. Средства эти православію мало извѣстны, у католиковъ же они являются не только совершенно обычными и привычными, но и примѣняются подъ руководствомъ такихъ замѣчательныхъ дипломатовъ, какими издавна славится римская курія. При постоянствѣ римской политики можно быть увѣреннымъ, что она и впредь будетъ примѣнять тѣ же приемы, какіе примѣнялись ею и прежде, и что измѣненія будутъ лишь измѣненіями по формѣ, а не по существу. Для всякаго православнаго пастыря обязательно поэтому хоро-

шенько познакомиться съ исторією кievской митрополіи и въ особеннoсти съ исторією уніи не только въ общихъ чертахъ, но и въ деталяхъ.

Въ общемъ эта исторія довольно разработана, какъ въ духовной, такъ и въ свѣтской литаратурѣ. Но первая попытка уніи, введенной на Флорентійскомъ соборѣ 1438 г. и поддерживавшейся митр. Исидоромъ, пока еще далеко не ясна. Между тѣмъ именно въ ней-то римская курія и доказала свои дипломатическія способности. Особенно темна одна весьма важная для пониманія папской политики деталь этой попытки; это—вопросъ о легатурѣ м. Исидора для Москвы. Къ этому вопросу мы и обратимся.

Былъ ли м. Исидоръ назначенъ папскимъ легатомъ а *latere* для Москвы, или нѣтъ? На этотъ вопросъ общепринятое мнѣніе историковъ отвѣчаетъ утвердительно, но, какъ кажется, безъ достаточныхъ основаній. Оно и а *rigori* въ высшей степени невѣроятно, да не подтверждается и историческими данными.

Стоитъ только обратить вниманіе на положеніе вещей во время послѣ Флорентинской уніи, чтобы сразу увидѣть, что обращеніе патріаршьяго экзарха м. Исидора въ папскаго легата отъ ребра апостольскаго для русскихъ было бы безпримѣрною безтактностію со стороны римской куріи по отношенію къ патріарху Константинопольскому. Курія не могла не понимать, что унія Грековъ съ Римомъ въ высшей степени непрочна, и что только при помощи константинопольскаго патріарха можно было надѣяться постепенно укрѣпить эту унію. Уже одно это соображеніе должно было заставить курію всячески щадить не только интересы, но и самолюбіе патріарха. Что же вмѣсто того она дѣлаетъ? Она будто бы обращаетъ экзарха константинопольскаго патріарха, русскаго митрополита въ папскаго легата, т. е. непосредственно подчиняетъ Русскую Церковь папѣ. Такой поступокъ являлся бы прежде всего грубѣйшимъ нарушеніемъ условій только что заключенной уніи, въ силу которыхъ юрисдикція патрі-

арха была оставлена въ прежнихъ ея размѣрахъ. Въ то же время онъ весьма чувствительно задѣвалъ бы не только самолюбіе, но и матеріальные интересы патріарха. Русская митрополія была въ это время не только наибольшее изъ подчиненныхъ Константинопольскому престолу митрополій, но и составляла наиболѣе доходную статью патріаршей казны. Уже по этому одному патріархъ долженъ былъ бы опротестовать такой актъ Рима, какъ обращеніе Россіи въ апостолическую легатуру. Если мы такого протеста не находимъ, то мы въ правѣ заключить, что дѣйствія Рима не имѣли того характера, какой имъ приписываютъ.

Такое заключеніе вполне подтверждается и историческими документами. Ихъ по отношенію къ занимаемому насъ вопросу о титулѣ м. Исидора можно раздѣлить по степени важности на три разряда. Въ первый важнѣйшій слѣдуетъ отнести официальные акты Куріи, какова была папы Евгенія вел. кн. Василю Васильевичу и официальные акты м. Исидора, каково его пастырское посланіе. Въ нихъ мы находимъ подлинный титулъ м. Исидора послѣ Флорентинской уніи. Во второй разрядъ отойдутъ официальные же акты Московскаго правительства по дѣлу м. Исидора, каково посланіе вел. кн. Василя Васильевича къ императору Константину Палеологу. Наконецъ, въ третій разрядъ слѣдуетъ отнести извѣстія нашихъ лѣтописей, въ общемъ довольно смутныя и неясныя.

Обратимся прежде всего къ грамотѣ папы Евгенія и грамотѣ самого Исидора и посмотримъ, насколько они подтверждаютъ предположеніе о легатурѣ Исидора для Московіи.

Въ грамотѣ папы м. Исидоръ дѣйствительно называется посломъ (легатомъ) отъ апостольскаго престола безъ опредѣленія той территоріи, на которую распространялась эта легатура ¹⁾.

¹⁾ Воскр. 6948 (Исл. VIII. 108) Исидора митрополита твоего (т. е. вел. князя) всеа Руси и отъ апостольскаго престола посла.

По изъ другихъ документовъ видно, что легатура Исидора имѣла строго опредѣленныя и территоріальныя и личныя границы, и что Московія въ эти границы не входила.

Уже грамота м. Исидора содержитъ совершенно опредѣленныя указанія на эти границы. Тамъ м. Исидоръ титулуеть себя:

Воскр.—Исидоръ милостію Божіею преосвященный архіепископъ Кіевскій и всея Руси...

Соф. II.—Милостію Божіею Сидоръ преосвященный архіепископъ всея Руси...

Никон.—Исидоръ милостію Божіею преосвященный митрополитъ Кіевскій и всея Руси...

(далѣе во всѣхъ трехъ лѣтописяхъ одинаково) „легатось и отъ ребра апостольскаго сѣдалища Ляцкаго и Литовскаго и Пѣмедкаго“.

Если поставитъ запятую послѣ слова „легатось“, то дѣйствительно можно обратить м. Исидора во всея Руси легата (Исидоръ Митрополитъ Кіевскій и всея Руси легатось), но за то весь конецъ титула („и отъ ребра апостольскаго“ и такъ далѣе) утрачиваетъ всякій смыслъ. Правильна, очевидно, другая интерпункція, принятая во всѣхъ нашихъ лѣтописяхъ: „легатось и отъ ребра апостольскаго“. Несомнѣнно, что грамота Исидора на славянскомъ языкѣ является переводомъ или съ греческаго, или съ латинскаго.

По всей вѣроятности, оригинальнымъ текстомъ грамоты былъ именно латинскій. Для грека Исидора, какъ гуманиста, латинскій языкъ былъ знакомъ превосходно. Грамота была обращена не къ грекамъ, а ближайшимъ образомъ къ православному и католическому населенію западной Россіи; для католиковъ же латинскій языкъ былъ и богослужебнымъ

Соф. II 6946 (Псл. VI. 160). Сидора митрополита твоего всея Руси, отъ апостольскаго престола посла.

Никол. 6946. (Псл. XII. 40). Исидора митрополита твоего Кіевскаго и всея Руси и отъ апостольскаго престола посла.

и офіціальнымъ церковнымъ языкомъ. Наконецъ, самый славянскій текстъ грамоты „легатось *отъ ребра* апостольскаго“ доказываетъ, что переводчикъ имѣлъ передъ глазами латинскій текстъ *a latere apostolico*, а не греческій *ἀπὸ πλάθρου ἀποστολικῆς*, который онъ долженъ былъ бы перевести „отъ бедра апостольскаго“.

Если же подлиннымъ текстомъ грамоты былъ латинскій, то титулъ м. Исидора въ ней гласилъ приблизительно слѣдующее: *Isidorus Dei gratia archiepiscopus Kiovensis et totius Russiae, legatus que a latere apostolico* и т. д. Русскій переводчикъ перевелъ *legatus que* черезъ „легатось и“, тогда какъ согласно русскому синтаксису слѣдовало бы перевести „и легать“. Въ грамотѣ папы Евгенія такъ мы и находимъ: „Исидора митрополита Кіевскаго и всея Руси и отъ апостольскаго престола посла“ (Воскр. и Никон.). Въ православномъ современномъ переводѣ титулъ м. Исидора былъ бы: „Митрополитъ Кіевскій и всея Руси и легать отъ ребра апостольскаго кафедръ Гальской, Литовской и Ливонской“. Исидоръ легать прямо противопоставляется Исидору митрополиту Кіевскому и всея Руси. Въ качествѣ послѣдняго Исидоръ считаетъ себя не папскимъ легатомъ, а лицомъ непосредственно подчиненнымъ константинопольскому патриарху. Какъ истый грекъ, онъ даже подчеркиваетъ эту непосредственную зависимость отъ вселенской кафедры не только русскихъ, но и другихъ православныхъ греческой національности въ томъ же самомъ своемъ посланіи. „Вси же христиненитіе людіе, какъ Латыне, такъ Грекове, и ти вси *иже подлежатъ соборный церкви Константинопольстий* еже суть Руси, Сербе Вляхи“ (Соф. II). Легатомъ отъ ребра апостольскаго Исидоръ считаетъ себя лишь по отношенію къ тремъ перечисленнымъ въ грамотѣ „сѣдалищамъ“: Ляцкому, Литовскому и Нѣмецкому (Ливонскому). Не трудно догадаться, о какихъ сѣдалищахъ онъ говоритъ. Онъ, очевидно, имѣетъ въ виду лишь три католическія провинціи, находившіяся на территоріи его православнаго митрополи-

танскаго округа. Совершенно ясно, что при такомъ пониманіи легатуры Исидоръ не могъ считать себя папскимъ легатомъ по отношенію къ Московіи, которая не входила въ предѣлы ни одной изъ этихъ католическихъ провинцій, и гдѣ не было не только католическихъ діоцезовъ, но не было и католиковъ. Но въ такомъ случаѣ онъ не могъ пользоваться въ Москвѣ внѣшними отличіями папскаго легата. На чемъ же основано въ такомъ случаѣ мнѣніе, будто бы Исидоръ вошелъ въ Москву съ преднесеніемъ легатскаго креста и трехъ серебряныхъ палицъ.

Если мы обратимся къ официальной грамотѣ Василія Васильевича, то увидимъ, что она нисколько не подтверждаетъ этого мнѣнія. Василій Васильевичъ пишетъ императору ¹⁾:

а) „Принесе же къ намъ отъ Римскаго папы писаніе, въ немъ же о св. Дусѣ два начала Латына утвердиша въ своей ихъ Церкви исповѣдовавши...

б) Самъ же убо Исидоръ во своихъ ему грамотахъ *идѣже* посылая писаше нарицаа себе легатоса отъ ребра апостольска сѣдѣлица Ляцкаго и Литовскаго и Нѣмецкаго и запечатлѣяше писанія своя домовыми запечатлѣнными и предъ собою повелѣваше распятіе Латынски изваяно носити... по всему латынскіе обычаи

в) Еще же въ двѣ церкви нашія убо православныя и *Латынскія еже въ Ляцкой земль и въ Литовской и въ Нѣмецкой отъ папы благословеніе пріятъ рече учителемъ и настоятелемъ себѣ называше* злочестивнѣ двоеженствуя.

г) Еще же и поминовеніе папина имене въ святѣй нашей соборней и велицей церкви въ служеніи своемъ сотвори.

д) Къ сему же подда и поработи насъ подѣ отлученную многихъ ради ересей... Римскую церковь и Римскаго папу“ (Соф. II).

Московское правительство совершенно ясно указываетъ (в), что м. Исидоръ послѣ Флорентинской уніи кромѣ пре-

¹⁾ Мы обозначили отдѣльные пункты обвиненія противъ Исидора буквами а, б, в, г, д для большаго удобства цитацин.

жде принадлежавшей ему власти митрополита надъ православными пріобрѣлъ еще съ благословенія папы власть надъ латынянами *въ земляхъ* Лятской, Литовской и Нѣмецкой и именовалъ себя ихъ учителемъ и настоятелемъ. На какомъ же титулѣ состоялось это пріобрѣтеніе власти? Титулъ этотъ совершенно ясно указанъ въ титулѣ митрополита Исидора (б.) „легатось отъ ребра апостольска сѣдалища Ляцкаго, Литовскаго и Нѣмецкаго“. Такимъ образомъ, по сознанию самаго московскаго правительства, легатура м. Исидора распространялась только на католиковъ и была территориально ограничена, причемъ Москва въ границы легатуры не входила.

Проф. *Ил. Соколовъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Quaedam pia desideria.

(Окончаніе ¹⁾).

Многолюдныя собранія на штундовыхъ моленіяхъ по случаю пріѣзда г. Павлова были, разумѣется, пріятны гостю, и онъ часто выражалъ свое удовольствіе по поводу этого обстоятельства. Онъ видѣлъ въ этомъ утѣшительный признакъ, что мѣстное общество дорожитъ спасеніемъ своей души, ищетъ истины, жаждетъ слышать Слово Божіе; онъ заявлялъ также, что вообще русскій народъ гораздо серіознѣе относится къ вопросамъ вѣры, чѣмъ другіе народы (на Западѣ, или, напр., въ Болгаріи, гдѣ онъ также занимался раньше пропагандой), и вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ надежду, что его слово для нихъ не будетъ бесплодно. Мы не станемъ возражать противъ мнѣнія о религіозности нашего народа. Суждено ли будетъ исполниться надеждамъ на него со стороны г. Павлова, покажутъ обстоятельства. Мы замѣ-

¹⁾ См. № 22-й за 1907 г.

чали въ публикѣ различныя отношенія къ его проповѣдямъ. Намъ приходилось слышать здѣсь различныя толки о штундовыхъ пѣсняхъ, о молитвенныхъ импровизаціяхъ и проповѣди, слышали также замѣчанія и о томъ, что даетъ нашему народу Правосл. Церковь. Намъ кажется, что заключенія эти не слѣдуетъ игнорировать, тѣмъ болѣе, что принадлежать они часто лицамъ, глубоко преданнымъ нашей Правосл. Церкви. Вотъ, напр., нѣкоторыя изъ нихъ. У штундистовъ, говорятъ, все, что читается и поется, понятно, доступно каждому. У штундистовъ поютъ хорошо, не такъ хитро, какъ у насъ, но зато красиво и доступно всякому. У штундистовъ, наконецъ, живая проповѣдь... Въ виду такихъ замѣчаній, а также въ виду нежелательнаго вліянія на чадъ Правосл. Церкви со стороны штунды, мы считаемъ нужнымъ высказать здѣсь и съ своей стороны нѣкоторыя *ria desideria* по отношенію къ нашей Церкви, которыя, по нашему мнѣнію, могли бы значительно ослабить силу штундовой пропаганды.

1) Желательно, чтобы въ нашемъ богослуженіи и духовной литературѣ давалось по возможности больше мѣста понятному для всѣхъ русскому языку, вмѣсто устарѣвшаго церковно-славянскаго. Если бы это пожеланіе не могло быть теперь же исполнено, то слѣдуетъ дать по крайней мѣрѣ хорошо исправленный текстъ Библии и богослужебныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ. Уже давно слышны всюду сѣтованія на непонятный текстъ славянской Библии, равно какъ и нашихъ богослужебныхъ книгъ. Почему бы не обратить, наконецъ, вниманія на эти заявленія? Вѣдь ни для кого не секретъ, что въ нашей славянской Библии есть мѣста очень трудныя для пониманія какъ по устарѣлости языка, такъ и по неудачному переводу. Какъ важна для насъ псалтирь, а между тѣмъ ни одна св. книга Библии (кромѣ развѣ еще кн. Іова) не представляетъ такой трудности для пониманія, какъ эта. А въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ какое богатство и глубина Божіей премудрости сокрыта подъ покровомъ не-

понятнаго языка и своеобразной греческой конструкціи фразъ! Даже хорошо свыкшемуся съ языками богослужебныхъ книгъ часто приходится по нѣскольку разъ прочитать тропарь или стихиру службъ въ честь святыхъ или праздниковъ годовыхъ, чтобы понять ихъ смыслъ. Признавать пользу и необходимость „нѣкоторой прикровенности Слова Божія“—странно: зачѣмъ скрывать то, что открыто Богомъ для нашего спасенія? Тѣмъ болѣе, что мы вѣдь сами упрекали католическую Церковь за ея латинскій языкъ въ богослуженіи... Странно также желаніе сохранить букву старыхъ переводовъ во имя ихъ священнаго достоинства и неприкосновенности традицій. Всякій языкъ можетъ быть священнымъ; но для богослуженія важно, чтобы онъ былъ и понятнымъ для молящихся. Во времена апостоловъ были случаи употребленія при богослуженіи незнакомаго языка, но ап. Павелъ совѣтуетъ христіанамъ молить Бога о *даръ истолкованія*, ибо, говоритъ онъ, *когда я молюсь на незнакомомъ языкъ, то хотя духъ мой и молится, но умъ мой остается безъ плода* (1 Кор. 14, 13—14). Вѣдь языкъ данъ для людей, а не наоборотъ. И что было бы преступнаго въ томъ, если бы богослуженіе стали совершать на русскомъ языкѣ? Никакой профанаціи св. истинъ и оскорбленія религіозному чувству не было бы. Русскій языкъ столь же приличенъ и богатъ для выраженія св. истинъ, какъ и древне-славянскій. Доказательство на лицо: русскій переводъ Библии. Чѣмъ онъ ниже по достоинству перевода славянскаго? Страхъ новаго раскола въ Русской Церкви также напрасенъ. Русскій православный народъ уважаетъ голосъ пастырей Церкви, да и самъ онъ не можетъ не понять пользы переменъ богослужебнаго языка. Темногіе почитатели старины и ревнители буквы могутъ быть оставлены при старо-славянщинѣ. Боятся упрековъ со стороны раскольниковъ, которые тогда уже (послѣ введенія въ богослуженіе русскаго языка) будутъ совѣмъ потеряны для Церкви. Но намъ кажется, что лучше было бы подумать объ удовлетво-

реніи настоятельной духовной потребности своихъ дѣйствительныхъ чадъ, чѣмъ ожидать обращенія упорныхъ отступниковъ. Слышно, что католическое духовенство въ юго-западной Россіи собирается открыть богослуженіе на русскомъ языкѣ для совращенныхъ въ католицизмъ¹⁾. Вотъ извольте тогда справиться съ новой приманкой для нашего народа! Мы, наконецъ, имѣемъ предъ собою уже и довольно внушительный примѣръ. Въ Церкви греческой нѣкоторые богослужебные чины уже переведены съ древне-греческаго на новогреческій, и споровъ изъ-за этого не было. Волненія по поводу изданія Библии на ново-греческомъ языкѣ въ Аѳинахъ происходили, кажется, вслѣдствіе недовѣрія къ издателю. Нужно при этомъ имѣть въ виду то, что разница между русскимъ языкомъ и церковно-славянскимъ гораздо большая, чѣмъ между ново-греческимъ и древне-греческимъ!

2) Желательно улучшеніе въ исполненіи нашего богослужебнаго чина. Въ совершеніи нашего богослуженія нынѣ существуетъ явный произволь со стороны чтецовъ и пѣвцовъ, допускаемый о. настоятелями. Сокращеніе богослуженія стало у насъ почти повсюду закономъ. А между тѣмъ какъ много потеряло наше богослуженіе отъ неразумнаго и нелѣпаго сокращенія и часто измѣненія богослужебнаго устава. Прекрасныя стихирныя праздничныя и воскресныя на „Господи, воззвахъ“, „на стиховнѣ“, „на хвалитѣхъ“ почти вездѣ читаются, а не поются, да и читаются онѣ спѣшно, небрежно, обрываясь обыкновенно на полусловѣ первой или второй стихирны пѣніемъ хористовъ „слава и нынѣ...“; канѳны читаются не внятно; канѳизмы сузились до начальныхъ стиховъ каждой „славы“, въ которыхъ псалмонѣвецъ еще только приступаетъ къ выраженію своихъ молитвенныхъ мыслей и чувствъ. Какой смыслъ также начальныхъ словъ церковныхъ стихиръ (напр., „Господи, воззвахъ“ и др.), произвольно

¹⁾ См., напр., „Кіевлянинъ“ № 67 за настоящ. годъ, корреспонд. изъ Житомира.

обрываемыхъ пѣвцами или священно-служителями ради слѣдующаго чтенія или пѣнія? На какомъ основаніи совсѣмъ пропускаются такія содержательныя пѣспопѣнія, какъ „блаженны“, утреннія антифоны, аксаностиларіи или свѣтильницы? Вообще вслѣдствіе произвола въ отношеніи къ церковному уставу со стороны псаломщиковъ и особенно—регентовъ хоровъ, въ богослуженіи нашемъ происходитъ иной разъ такое неблагочиніе, что на душѣ невольно жутко станеть: „при такомъ богослуженіи, говорятъ, и молитва на умъ не пойдетъ“¹⁾. Богослуженіе нашей Церкви имѣеть глубокое воспитательное значеніе, но только тогда, если оно совершается съ благочиніемъ,—ясно, внятно, торжественно и разумно. Богослуженіе, совершаемое съ должнымъ уваженіемъ къ уставности, несомнѣнно будетъ больше возрѣвять усердія православныхъ къ своей вѣрѣ, привязывать ихъ къ Церкви и предохранять отъ совращенія въ ересь. При чинномъ, благоговѣйномъ, разумномъ и благолѣпномъ совершеніи нашего богослуженія менѣе будетъ соблазна нашему народу со стороны штундовыхъ собраній съ ихъ стройнымъ и одушевленнымъ пѣніемъ, съ ихъ импровизированными молитвами, связанными съ проповѣдью, съ ихъ немногими тонкими обрядами (преломленіе хлѣба, крещеніе, бракъ, погребеніе...). „Кромѣ улучшенія въ исполненіи церковнаго богослуженія, необходимо бы обратить самое серьезное вниманіе на повсемѣстное учрежденіе и надлежащую постановку виѣбогослужебныхъ собраній, въ видахъ болѣе близкаго и спеціального воздѣйствія пастырскимъ словомъ на жизнь пасомыхъ. Здѣсь же должно быть дано широкое примѣненіе назиданію собравшихся всенароднымъ пѣніемъ, кромѣ церковныхъ пѣспопѣ-

¹⁾ Мы напоминаемъ читателямъ недавно помѣщенную въ ж. „Руководство для с. п.“ (№№ 46—48 и 52 за 1906 г.) прекрасную статью воспитаннаго въ духъ строгой церковности свѣтскаго лица, отставнаго военнаго доктора Вас. Николаева, подъ заглавіемъ: „Мысли мірянина, бывшаго старообрядца-начетчика, о современномъ совершеніи богослуженія Правосл. Церкви“.

ній, также и другихъ церковныхъ пѣсней, напр., св. Димитрія Ростовскаго, архим. Макарія Глухарева и т. п. Эти виѣбогослужебныя собранія послужили бы мощнымъ противовѣсомъ противоцерковнымъ собраніямъ сектантовъ.“

Оставляя здѣсь рѣчь объ улучшеніи другихъ сторонъ нашей церковной жизни, имѣющихъ болѣе или менѣе важное значеніе въ данномъ отношеніи (какъ напр., воспитаніе подрастающаго поколѣнія въ духѣ вѣры и благочестія чрезъ школу, правильная постановка нашей духовной школы, какъ института, имѣющаго спеціальнымъ назначеніемъ приготовленіе достойныхъ пастырей для народа, развитіе дѣла внутренней миссіи и пр.), мы выскажемся здѣсь лишь объ одномъ настоятельно необходимомъ учрежденіи—живой, регулярной церковной проповѣди. Проповѣдь пастыря должна бы стать существенной принадлежностью каждаго дневного богослуженія (особ. литургіи). При томъ она должна быть живою, изустною, а не книжною, либо писанною, часто сухою и искусственною. Пора давно сдать въ архивъ неосновательное мнѣніе о томъ, будто богослуженіе можетъ обычно обходиться и безъ проповѣди, будто живое слово составляетъ удѣлъ лишь очень рѣдкихъ счастливицевъ, будто нашему православному народу совершенно достаточно слушать въ церкви то, что читается и поется, и тѣмъ назидаться и т. п. Намъ кажется, что проповѣдь всегда должна быть тѣмъ, что выражаетъ это слово,—изустной всенародной бесѣдой, а не чтеніемъ по книгѣ или по тетрадкѣ. Если бы кому-либо захотѣлось защищать доселѣшній способъ пастырской проповѣди—по книгѣ или по тетрадкѣ, то самая жизнь его опровергаетъ.—„Смотрите, говорятъ намъ другіе: какъ орудуютъ проповѣдью сектанты! Какъ живо, свободно и одушевленно говорятъ ихъ вожаки въ собраніяхъ! И ихъ проповѣдь не безуспѣшна. А теперь вотъ зашевелились въ юго-западной Россіи и ксендзы, и, чтобы сбить съ толку русскій народъ, стали писать и даже проповѣдывать ему по-русски. Ужели еще и теперь пастыри наши будутъ безмолвствовать и слушать въ то время, когда враги со всѣхъ сторонъ на-

падаютъ и расхищаютъ овецъ ихъ? Ужели они не способны противопоставить своя одушевленное и вѣское всенародное слово лживому мудрованію сектантовъ?!“...—Памъ было бы не такъ досадно, если бы у насъ не было средствъ удовлетворить этой назрѣвшей потребности. Совершенно напротивъ, все у насъ для этого есть: и школа, и научная разработка гомилетики, и лучшіе образцы проповѣди. Однако, вотъ уже полвѣка усердно толкуютъ въ духовной печати и твердятъ въ епархіальныхъ распоряженіяхъ о живой проповѣди, а дѣло подвинулось впередъ мало. Нельзя отрицать нѣкоторыхъ препятствій къ постоянной проповѣди во виѣшнемъ положеніи приходскаго пастыря (напр., въ сложныхъ обязанностяхъ его по приходу), однако, главную роль здѣсь играетъ, думаемъ, недостаточная рачительность пастырей о живой проповѣди, что теперь особенно неумѣстно, въ виду надвигающейся опасности для нашей Церкви со стороны сектантства и инновѣрія.

Желательно, чтобы священникъ проповѣдывалъ не только при дневномъ богослуженіи (на литургіи), но и при нѣкоторыхъ частныхъ службахъ, особенно, при крещеніи, бракосочетаніи и погребеніи. Въ выборѣ предметовъ проповѣди у нашихъ проповѣдниковъ большею частію господствуетъ случайность и отрывочность. Желательно, чтобы частныя предметы вѣры и жизни въ проповѣди всегда возводились къ главнымъ и основнымъ началамъ нашей вѣры: Голгоетской жертвѣ, идѣѣ Церкви или царства Божія на землѣ, высокаго значенія и назначенія нашего въ мірѣ, жизни во Христѣ и пр. Раскрытіе истинъ вѣры должно утверждаться на Св. Писаніи и Св. Преданіи, но—такъ, чтобы ссылка на Св. Преданіе являлась лишь въ видѣ разъясненія и дополненія Св. Писанія. Наконецъ, желательно, чтобы церковная проповѣдь заняла въ дневномъ богослуженіи на литургіи то мѣсто, которое она занимала въ древности, именно, на литургіи вѣрныхъ, непосредственно послѣ Апостола и Евангелія. Въ виду же необходимости иногда, по обстоятельствамъ,

братъ матеріи для проповѣди изъ другихъ отдѣловъ Новаго Завѣта, кромѣ положенныхъ на извѣстный день или праздникъ подѣ зачаломъ, нельзя ли разрѣшить служащему священнику присоединять къ дневнымъ чтеніямъ Апостола и Евангелія еще имѣющія быть объясненными мѣста изъ Новаго Завѣта? Разумѣется, это дѣло должно регулировать извѣстнымъ образомъ.

Высказывая эти пожеланія, мы, однако, не думаемъ, чтобы ихъ можно было осуществить только частнымъ починомъ и усиліями. Мы полагаемъ, что только общимъ судомъ и рѣшеніемъ Церкви можетъ быть предпринято измѣненіе выше означенныхъ сторонъ церковной жизни. Мы высказали здѣсь свои пожеланія лишь по чувству своего сыновняго долга предъ нашею св. Церковью, въ виду грозящихъ ей испытаній отъ исконныхъ враговъ ея.

Filius Ecclesiae.

ЗАМѢТКА.

Какъ лучше русскіе люди думаютъ о причинахъ бѣдствій современныхъ.

Въ Черниговѣ извѣстный дѣятель по народному образованію Н. Н. Неплюевъ прочелъ публичную лекцію на тему евангельскаго текста: *„Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“* (Ев. Іоанн. 13, 35). Въ предисловіи къ ней лекторъ указалъ тотъ путь, какимъ онъ дошелъ до сознанія необходимости созиданія жизни—личной, соціальной и политической на началахъ христіанской любви. Вотъ главные пункты этого процесса: а) религіозная настроенность лектора въ дѣтствѣ; б) охлажденіе къ вѣрѣ во время прохожденія курса наукъ въ Петербургскомъ университетѣ и, по окончаніи его, въ Лѣсной академіи; в) жизнь за границею, въ Мюнхенѣ, при Императорскомъ посольствѣ; г) сознаніе пустоты свѣтской жизни

и напрасное исканіе высшаго смысла ея въ философскихъ системахъ; е) обращеніе къ Библіи, какъ книгѣ, предъ которою благоговѣнно преклоняли свои умы величайшіе мыслители; ф) духовное удовлетвореніе, полученное имъ при чтеніи Библіи, при пониманіи одной основной идеи, проходящей чрезъ весь Ветхій и Новый Заветъ и той гармоніи, какая существуетъ между ними; і) признаніе лекторомъ верховнаго закона любви къ ближнимъ, при свѣтѣ любви Божіей, какъ основного начала жизни и необходимости водворенія царства Божія въ сердцахъ людей; г) оставленіе службы при посольствѣ и посвященіе себя дѣлу школьнаго воспитанія дѣтей простого народа въ сознательной вѣрѣ во Христа и сознательной любви къ Нему; һ) примѣненіе изучаемыхъ дѣтьми правилъ христіанской вѣры и нравственности въ ихъ школьной жизни; і) образованіе въ школѣ товарищескихъ кружковъ, имѣющихъ цѣлю, во исполненіе закона любви, помощь и руководство нуждающимся въ послѣднихъ ученикамъ; к) учрежденіе Трудового Братства для оканчивающихъ курсъ учениковъ, которые пожелали бы устроить свою жизнь по заветамъ Христа въ единомысліи и единомушіи братскаго общенія. Затѣмъ, говоря о необходимости дѣятельной любви, какъ основного начала, на которомъ должна быть построена и жизнь каждой приходской общины, лекторъ познакомилъ слушателей съ выдающимися организаціями, какія существуютъ въ Западной Европѣ, посвящающими свою дѣятельность на помощь ближнимъ и обращеніе порочныхъ къ доброй жизни.

Сущность самой лекціи сводилась къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: 1) Все зло жизни личной, соціальной и политической происходитъ отъ того, что люди по складу своего ума, симпатіямъ и строю жизни совершенно чужды верховнаго закона христіанской любви, не понимаютъ жизненнаго значенія его, не интересуются имъ и даже жизнь, построенную на основаніяхъ этого закона, считаютъ утопіей; 2) Помочь горю можно только проповѣдью о христіанской

любви, какъ основномъ жизненномъ началѣ, выясненіемъ его жизненной цѣнности и указаніемъ громаднаго соціального зла измѣны ему; проповѣдью покаянія въ этой измѣнѣ и сплоченіемъ всѣхъ добрыхъ силъ на святое дѣло упорядоченія умовъ, сердець и въ жизни любовію; 3) необходимость двухъ организацій, объединяющихъ добрыя силы на дѣло мирнаго созиданія лучшаго будущаго для церкви помѣстной и Россіи: для людей вѣрующихъ—церковное братство, для людей иного строя—партія мирнаго прогресса на началахъ добра, съ проектомъ учрежденія которой лекторъ и познакомилъ слушателей.

Лекція П. П. Неплюева, посвятившаго свои силы и матеріальны средства служенію извѣстной идеи, много читавшаго, думавшаго, имѣвшаго возможность обстоятельно наблюдать жизнь западно-европейскихъ народовъ и опытнаго педагога, привлекла большое количество интеллигентной публики и была выслушана съ полнымъ вниманіемъ. Нельзя не отдать лектору должнаго уваженія, что онъ, будучи свѣтскимъ человѣкомъ, считаетъ своимъ долгомъ всѣми доступными ему средствами проводить въ сознаніе современнаго общества ту мысль, что одніи внѣшнія государственныя и общественныя реформы безъ реформы самого человѣка, безъ обновленія его по духу Христову, не дадутъ истиннаго блага людямъ. (Черниг. епарх. вѣд № 3 1907 г.).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 6-го іюня 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Ногицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. **№ 24.** Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1907-го года іюня 17-го дня.

Содержаніе: I. Новый важный факторъ въ жизни православнаго сельскаго прихода.—II. Предкрещальные чины.—III. Украинскія легенды о сотвореніи міра.—IV. Изъ Люблинской губ. (Разсказъ очевидца).—V. Призывъ къ помощи.—VI. Забѣтка. Комитетъ для подготовки празднованія въ Римѣ 1500-лѣтія со дня смерти св. I. Златоуста.

Новый важный факторъ въ жизни православнаго сельскаго прихода.

9 ноября 1906 года изданъ былъ Высочайшій указъ объ укрѣпленіи надѣльной земли изъ общиннаго владѣнія въ личную собственность. На дняхъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ виду замѣченныхъ неправильностей при примѣненіи на практикѣ Высочайшаго указа, препроводило начальникамъ губерній циркуляръ, въ которомъ даются земскимъ начальникамъ и сельскимъ властямъ разъясненія и руководящія указанія къ правильному пониманію и примѣненію приведеннаго указа. Такъ скоро послѣдовавшее циркулярное разъясненіе съ несомнѣнностію убѣждаетъ въ томъ, что выходъ изъ крестьянской общины принялъ обширные размѣры,

и что приходы по мѣстамъ начали уже дробиться на хуторныя хозяйства.

При общинномъ владѣніи земель, при частыхъ, иногда даже ежегодныхъ передѣлахъ, когда землепашецъ даже не знаетъ, какой участокъ выпадетъ на слѣдующій годъ на его долю, понятно, крестьянство скучивалось въ села, деревни или мѣстечки, при чемъ надѣльныя земли нерѣдко отстояли отъ своихъ временныхъ владѣльцевъ на десятки верстъ. Съ изданиемъ новаго закона картина мѣняется: за счетъ селъ и деревень начнутъ расти мелкіе хутора и разовьется хуторской способъ веденія хозяйства. Поскольку указанное явленіе будетъ выгодно и полезно крестьянамъ—его нельзя не привѣтствовать, но съ другой стороны—пастырскій трудъ этимъ значительно расширяется, а потому со стороны духовенства новое явленіе заслуживаетъ и вниманія, и нѣкоторой подготовки. Обычно, при выборѣ или перемѣнѣ мѣста, приходы съ хуторами не пользуются вниманіемъ духовенства: такіе приходы обходятъ; и дѣйствительно, необходимо особое, такъ сказать, специальное мужество, чтобы идти на нихъ. Хуторское населеніе, удаленное отъ храма и приходской жизни, является часто далеко не лучшимъ элементомъ въ приходѣ; постоянные разъѣзды, безпокойство, рискъ при этихъ разъѣздахъ во всякое время и при всякой погодѣ не только здоровьемъ, но подчасъ и жизнью ведетъ къ тому, что молодые кандидаты священства,—не говоримъ уже о людяхъ пожилыхъ,—не безъ горечи и борьбы идутъ на такіе приходы, а порою такіе приходы подолгу остаются и совсемъ безъ священниковъ.

Можно съ увѣренностію сказать, что не пройдетъ и десятка лѣтъ, какъ хутора появятся у насъ если не во всѣхъ, то въ большинствѣ сельскихъ приходовъ. Слѣдствія отъ этого явленія предвидѣть не трудно; работа духовенства удвоится, а возможность пастырскаго вліянія на народъ затруднится. Если въ городахъ обычно народу препятствуетъ посѣщать храмъ и богослуженіе неустанный трудъ и борьба за кусокъ

хлѣба, то въ хуторахъ будетъ отрывать его отъ храма дальность разстоянія и непроходимые по временамъ пути сообщенія. Замѣчаемое въ настоящее время бѣгство семинаристовъ отъ священства, оскудѣніе въ духовенствѣ усилятся еще больше; а вѣдь и теперь уже многимъ епископамъ приходится задуматься надъ вопросомъ о томъ, кого ставить во священники?

Если принять во вниманіе любовь православнаго населенія къ храму, стремленіе его жить поближе къ дому молитвы, то не трудно предвидѣть, что съ развитіемъ хуторовъ, значительно разовьется у насъ храмозданіе, открытіе самостоятельныхъ приходовъ; нужда въ способныхъ кандидатахъ священства усилится, и нужно серіозно подумать о томъ, какъ удовлетворить этой нуждѣ. Въ настоящее время по мѣстамъ дробленію приходовъ и открытію новыхъ ставить препятствія епархіальная власть, требуя предварительнаго указанія опредѣленныхъ средствъ для содержанія причтовъ. Мѣра эта, лишь отчасти справедливая, можетъ быть и вредной, если принять во вниманіе, что небольшіе поселки, хутора, заимки, удаленные отъ храмовъ и школъ, создаютъ весьма благопріятныя условія для распространенія сектъ и раскола.

Разселеніе значительной части населенія по хуторамъ потребуеть отъ духовенства не мало заботъ и о развитіи школьнаго дѣла. Мечты о всеобщемъ начальномъ образованіи еще многіе годы будутъ разбиваться о суровую дѣйствительность и бѣдность государственнаго кошелька. Церковно-приходской школѣ и школѣ грамоты—пусть ее ругаютъ недруги—предстоитъ еще не малая работа на пользу народа.

Священникъ *В. Пестряковъ*.

Предкрещальные чины.

(I. Молитвы женъ родильницъ; II. чинъ нареченія имени въ 8-й день;
III. чинъ воцерковленія).

Послѣдованіе, извѣстное въ нашемъ требникѣ съ именемъ крещенія, представляетъ изъ себя сочетаніе семи отдѣльныхъ чиновъ: 1) молитвы женъ родильницъ, 2) молитвы при нареченіи имени младенцу въ 8-й день, 3) чинъ воцерковленія, 4) чинъ оглашенія, 5) собственно крещеніе вмѣстѣ съ освященіемъ воды, 6) миропомазаніе и 7) чинъ измовенія въ совокупности съ постриженіемъ власовъ. Предкрещальными собственно являются первые четыре чина, но въ виду того, что чинъ оглашенія въ настоящую пору никогда не отдѣляется отъ самаго крещенія, мы сочли за лучшее разсматривать въ качествѣ предкрещальныхъ только первые три изъ вышеуказанныхъ чиновъ. Главное вниманіе обращаемъ на истолкованіе обрядовой стороны этихъ чиновъ.

I. Молитвы женъ родильницъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что молитвы женъ родильницъ отличаются позднимъ происхожденіемъ. Въ Евхологій Гоара мы еще не находимъ этого чина. Правда, нѣкоторые (іером. Амвросій — Таинство св. крещенія по чину Православной Церкви. Стран. 1864 г. ч. I, стр. 10) склонны относить происхожденіе его къ очень раннему времени (къ IV вѣку), но для сего не представляютъ рѣшительно никакихъ основаній. Въ виду этого мы почитаемъ себя въ правѣ отнести данное заявленіе къ предположеніямъ только высказавшаго его автора. Нижеслѣдующія рѣчи, смѣемъ полагать, будутъ достаточно убѣдительны для того, чтобы считать изслѣдуемый нами чинъ продуктомъ церковнаго творчества позднѣйшей эпохи христіанства. Знакомство съ составомъ крещальнаго чина и его историческимъ развитіемъ (это знакомство получено нами главнымъ образомъ чрезъ изученіе из-

слѣдованія проф. А. А. Дмитріевскаго: „Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго востока т. П. *Εὐχολόγια*. Кіевъ 1901 г.) вполне увѣрило насъ, что долгое время въ качествѣ предкрещальныхъ чиновъ были извѣстны лишь чинъ нареченія имени младенцу въ 8-й день по рожденіи да чинъ воцерковленія (τοῦ ἐκκλησιασθῆναι), или, какъ онъ называется иначе, всороковленія (τοῦ σαραντῆσαι). Иногда къ нимъ прибавляется еще чинъ оглашенія, если онъ не соединяется непосредственно съ крещеніемъ. Что же касается молитвъ женѣ родильницѣ, то первый разъ онѣ встрѣчаются въ евхологіи Синайской бібліотеки 1426 г. Съ той поры онѣ становятся уже явленіемъ обычнымъ и въ рукописныхъ и позднѣе въ печатныхъ евхологіяхъ и требникахъ. Составъ ихъ въ различныхъ евхологіяхъ замѣтно разнообразится. Во всякомъ случаѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ данный чинъ по современному требнику, мы не встрѣтимъ его очень долгое время. Въ настоящую пору весь чинъ состоитъ исключительно изъ трехъ молитвъ, содержащихъ въ себѣ прошеніе объ исцѣленіи родильницы отъ послѣ-родовыхъ болѣзней, о сохраненіи невредимымъ младенца и объ очищеніи всѣхъ, обитающихъ въ одномъ домѣ съ родильницею и служащихъ ей. Въ первоначальной редакціи—Синайскаго евхологія 1426 г. (также и Син. евх. 1475 г.) этотъ чинъ заключается въ слѣдующемъ. Послѣ обычнаго начала читается трисвятое, Отче нашъ, отпустительный дня или тропарь на день Рождества Христова или же Рождества Богородицы; затѣмъ двѣ молитвы: а) Вседержителю Господи Боже нашъ“... и б) Боже Спасителю нашъ“... Въ дальнѣйшихъ евхологіяхъ составъ молитвъ рѣдко бываетъ тождественныхъ. На протяженіи двухъ вѣковъ (XV и XVI) мы насчитали въ рукописныхъ евхологіяхъ 22 различныя молитвы. Впрочемъ, здѣсь полагаемъ нужнымъ сдѣлать оговорку. Въ изслѣдованіи проф. А. А. Дмитріевскаго, которымъ мы все время пользовались, часто приводится не весь текстъ молитвъ, а только начальныя ихъ слова.

Принимая во вниманіе лишь эти начала молитвъ, мы и насчитали ихъ до 22. Но безспорный фактъ, что одна и та же молитва можетъ имѣть варианты, и они встрѣчаются въ самомъ началѣ. Вполнѣ допустимо, что и въ нашемъ случаѣ можетъ встрѣтиться нѣчто подобное. Тогда, само собой разумѣется, и наше число должно будетъ въ извѣстной степени сократиться.—Въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ содержаніе молитвъ, измѣнчиво начало изслѣдуемаго чина, хотя и здѣсь всеже можно отмѣтить нѣкоторыя разновидности. Въ нѣкоторыхъ евхологіяхъ послѣ Отче нашъ положено чтеніе тропарей: „Помилуй насъ Господи, помилуй насъ“... Въ другихъ (Аѳопо-Костамонитской бібліотеки XVI) послѣ Отче нашъ, Господи помилуй 12 разъ, приидите поклонимся и символъ вѣры. Въ русскомъ Іосифовскомъ потребникѣ 1642 г. положено чтеніе тропаря дню, храму и прилучившагося святого. Въ иныхъ (Евхол. Александрійской патріархіи въ Качерѣ—XVI вѣка) положено чтеніе тропаря священномуч. Елевөөерію: „И правомъ причастникъ“... (и въ читаемой за симъ молитвѣ призывается этотъ святой) и богородична: „Еже отъ вѣка утаенное“... Обращенія къ священном. Елевөөерію, предполагаемъ, можетъ допускать такое объясненіе. Извѣстно, что среди простого народа нѣкоторые святые считаются врачами опредѣленнаго рода болѣзней (Антипа — зубной врачъ, Ипатій возвращающій зрѣніе). Въ виду этого на Елевөөерія могъ быть перенесенъ взглядъ, какъ на святого, который оказываетъ помощь родильницамъ. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ священномуч. Елевөөерій смѣшивается съ другимъ Елевөөеріемъ же, бывшимъ кубикуларіемъ—постельничимъ при дворѣ Максиміана, память котораго празднуется въ одинъ день съ священномуч. Елевөөеріемъ 15 декабря. Впрочемъ, это одни только предположенія...

Говоря о молитвахъ женѣ родильницѣ, мы должны отмѣтить, что онѣ по содержанію раздѣляются на три разряда: 1) молитвы собственно родильницѣ (*εὐχαί, λεγόμεναι εἰς γυναῖκα, ὅταν γεννήσῃ παιδίον* или: *εὐχή, λεγόμενη εἰς γυναῖκα χεχῶ;*

2) молитвы „бабамъ“, прилучившимся при рожденіи младенца (*εὐχή τῆς μαίας; εὐχή, λεγόμενη εἰς τὰς εὐρεθούσας γυναῖκας τῆ ὄρα τῆς γεννήσεως*; число ихъ въ нѣкоторыхъ требникахъ доходитъ до, 7, и 3) наконецъ, молитва на очищеніе дома, гдѣ родилось дитя, и на очищеніе самого дитяти. Что касается нашихъ современныхъ молитвъ женѣ родильницѣ, то мы уже раньше замѣтили, что въ полномъ теперешнемъ составѣ ихъ долго нѣтъ въ древнихъ требникахъ. Поодиночкѣ намъ приводилось видѣть ихъ то въ одномъ, то въ другомъ греческомъ евхологіи, но вмѣстѣ мы встрѣчаемъ ихъ только первыя двѣ въ Іосифовскомъ потребникѣ 1642 г., хотя на необычномъ мѣстѣ. Онѣ отнесены здѣсь въ самый чинъ крещенія и озаглавливаются: „молитвы бабъ, егда принесенъ будетъ младенецъ крестити до 40 дней“. Соответственно съ таковымъ заголовкомъ измѣнено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и самое содержаніе молитвъ („Самъ и сію, иже днесъ принесшую рабу твою сію бабу N исцѣли ю отъ грѣхъ...; во второй молитвѣ: „сію бабу, принесшую сіе отроча, помилуй...“).

Современный чинъ не указываетъ никакихъ обрядовыхъ дѣйствій при чтеніи молитвъ женѣ родильницѣ. Однако это не значитъ, чтобы ихъ никогда не было. Во времена Симеона Солунскаго чтеніе молитвъ сопровождалось знаменованіемъ и благословеніемъ ребенка и окропленіемъ дома св. водой (Пис. о.о. и учит. церкви, относящіяся къ истолкованію православ. богослуженія. Т. II, стр. 45). Кажденіе и кропленіе дома богоявленской водой указывается и греч. евхологіемъ 1536 года. Въ нашемъ русскомъ потребникѣ 1635—6 г. къ этимъ дѣйствіямъ присоединяется еще окропленіе присутствующихъ. Чтеніе молитвъ заканчивалось многолѣтствованіемъ прилучившихся въ домѣ. Затѣмъ въ XVII вѣкѣ слѣдовалъ обычай перваго положенія младенца въ колыбель, что также сопровождалось молитвою священника. Молитва не представляетъ изъ себя оригинальнаго явленія. Это одна изъ вечернихъ: „Вседержителю, Слово Отче“,...

хотя въ одномъ изъ послѣдующихъ 1635 г. требниковъ уже съ измѣненіемъ начала ¹⁾).

Мы описали составъ чина молитвъ женъ родильницъ. Теперь сдѣлаемъ свои замѣчанія по поводу этого чина. Начинаемъ съ вопроса: какія обстоятельства способствовали возникновенію его? Общеизвѣстенъ фактъ, что женщина въ послѣродовой періодъ почти у всѣхъ народовъ считалась нечистою. Этого мало. Нечистота родильницы, по возрѣніямъ евреевъ, распространялась и на всѣхъ, кто прислуживалъ ей, а, по вѣрованію браминовъ, и на самое помѣщеніе, гдѣ она находилась. Вотъ почему у послѣднихъ вскорѣ послѣ родинъ полагалось очищеніе дома посредствомъ кропленія св. водою. Это общее всѣмъ народамъ возрѣніе на нечистоту родильницы не могло не перейти и въ христіанство, потому что различныя народности, вступая въ него, приносили вмѣстѣ съ собою и нажитыя внѣ Церкви представленія и понятія. Такимъ образомъ почва для возникновенія нашего чина была всегда въ наличности. И если онъ такъ долго не являлся, то, можетъ быть, потому, что его до нѣкоторой степени замѣнялъ сродный ему чинъ воцерковленія. Мы убѣждены, что молитвы женъ родильницъ и выродились изъ молитвы воцерковленія матери. Общій фонъ содержанія ихъ тождественъ. Въ молитвѣ воцерковленія матери выражается моленіе, чтобы Господь очистилъ ее отъ всякаго грѣха и отъ всякой скверны, дабы она могла неосужденно сподобиться причастіе св. таинъ. Въ молитвахъ женъ родильницъ говорится также объ очищеніи отъ грѣховъ родильницы, дабы она могла „со страхомъ и любовію приходити святѣй церкви и приступати непорочнымъ тайнамъ“ (Дмитріевскій, стр. 455). Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что съ теченіемъ вре-

¹⁾ Насколько неудачно проведена редакція этой молитвы, примѣнительно къ дитяти, можно судить хотя бы то по слѣдующей фразѣ: *просвѣти* его (т. е. младенца) *свѣтомъ разумнымъ* Евангелія твоего *въ носилъ* (колыбели) *семъ*.

мени Церковь изъ этого заключительнаго чина очищенія родильницы (говоримъ о воцерковленіи) выдѣлила особый чинъ, который совпадаетъ... съ началомъ послѣродовыхъ болѣзней и послѣродовой нечистоты женщины. Въ то время, когда представители Церкви считали своей обязанностью входить въ мелчайшіе нужды не только общества, но и отдѣльныхъ лицъ, преподавать благословеніе и освѣщеніе даже въ частныхъ случаяхъ житейскаго быта, въ это время долженъ былъ сложиться и сложился и чинъ молитвъ женѣ родильницѣ.

Ив. Фшуровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Украинскія легенды о сотвореніи міра ¹⁾.

2.—Съ самаго начала не было ни неба, ни земли, а была только тьма и вода, смѣшанная съ землею такъ, какъ будто „кваша“, а Богъ леталь Святымъ Духомъ по-надъ водою, которая шумѣла пѣною. Вотъ однажды Богъ ходитъ по водѣ да и дохнулъ на ту пѣну, сказавши при этомъ: „Да будетъ ангель!“ И сталъ ангель, да только безъ крыльевъ. Богъ далъ ему *два* крыла и говоритъ: „Летай, какъ и я“. Ангель говоритъ: „Нельзя, Господи“. Богъ далъ ему еще *два* крыла и сказалъ: „Летай“. „Нельзя, Господи“, отвѣчаетъ ангель. Богъ далъ далъ ему еще *два* крыла. Вотъ, онъ и летаетъ. Тогда сотворилъ Богъ свѣтъ и далъ ангелу мечъ. Во *второй* день Богъ сотворилъ небо. Въ *третьй* день Богъ говоритъ шестокрылому серафиму: „Опустись глубоко въ воду и достань оттуда Мнѣ маленькую частичку земли на *Мое* имя: посѣмъ ее, чтобы росла“. Сатанаиль (такъ назывался тотъ серафимъ) нырнулъ въ воду, отдѣлилъ частицу земли—однако не на Божіе имя, а на свое. Та земля, которую онъ отдѣлилъ, рассыпалась у него въ рукѣ, и нельзя

¹⁾ См. „Руков. для сельск. паст.“ за 1906 годъ, № 48-й.

было принести ее къ Богу. Приходить Сатанаиль къ Богу да и говорить: „Нельзя отдѣлить земли“.

Богъ, конечно, знаетъ, что Сатанаиль отдѣлялъ на свое имя; однако молчить про то и говорить ему: „Пойди снова и отдѣлай“. Тогда Сатанаиль отдѣлил маленькую частицу да взялъ да и спряталъ себѣ немножко за губу. Когда онъ принесъ къ Богу землю, то Богъ тотчасъ же благословилъ ее и сказалъ, посяввши, чтобы она росла. Какъ стала земля расти, то начала расти и та, которая была у Сатанаила за губою. — „Господи, выручай меня изъ бѣды!—закричалъ онъ:—я укралъ немножко земли за губу, и она тоже растетъ за губою!“— „Выплюй, говорить ему Богъ.

Какъ началъ Сатанаиль плевать, да какъ начали изо рта такіе, какъ онъ, вылетать, то летѣли до тѣхъ поръ, пока онъ не выплевалъ всей земли. Когда выплевалъ уже всю землю, то плюнулъ и еще нѣсколько разъ чистою слюною. И начали вылетать одинъ за другимъ ангелы еще прекраснѣе, чѣмъ онъ. „Послѣ этого Богъ и говорить: Теперь немного отдохнемъ, да пойдемъ на небо“. Богъ легъ и какъ будто спитъ, а всевидящимъ окомъ Своимъ все хорошо видитъ. Спятъ и свѣтлые ангелы, только не спитъ Сатанаиль съ первыми ангелами—темными и держитъ совѣтъ, чтобы Бога и свѣтлыхъ ангеловъ бросить въ воду—утопить. Порѣшили на совѣтѣ: „Какъ вбросимъ Бога и свѣтлыхъ ангеловъ въ воду, то тогда сами на небѣ будемъ богами“.

Взялъ Сатанаиль Бога на руки, а темные ангелы свѣтлыхъ ангеловъ, и понесли ихъ бросать въ воду. Вода сдается имъ и недалеко, да никакъ не могутъ до нея дойти. Носились они, носились, на всѣ четыре стороны, а все-таки не донесли до воды и положили ихъ опять на томъ же мѣстѣ, откуда взяли, и сами заснули. А земля разрослась большая. Богъ всталъ съ вѣрными ангелами, забралъ всѣхъ тѣхъ, которые спали, да и побросалъ ихъ въ воду, а Самъ пошелъ на небо вмѣстѣ съ свѣтлыми ангелами. Однимъ далъ по *шести* крыльевъ и назвалъ ихъ *серафимами*; другимъ далъ

только по два, однако назвалъ ихъ *архистратимами* и *начальниками* надъ ангелами. Одного назвалъ Гавріиломъ, другого Михаиломъ,—всѣмъ далъ имена. На небѣ сотворилъ солнце, луну и звѣзды. Это было уже въ *четвертый* день.

Въ *пятый* день сотворилъ *два* рыбы большихъ и *два* малыхъ. Большихъ подложилъ подъ землю и повелѣлъ, чтобы онѣ поддерживали ее; а малыхъ пустилъ въ воду, чтобы онѣ разводились. Потомъ сотворилъ птицъ и пустилъ ихъ, чтобы онѣ летали и плодились ¹⁾).

3. Когда задумалъ Господь сотворить міръ, то сказалъ Своему старшему ангелу Сатанаилу „А что,—говорить,—архангелъ Мой,пойдемъ творить міръ“.—„Пойдемъ, Господи“, отвѣчаетъ Сатанаилъ. Вотъ они и пошли по-надъ моремъ. А море такое темное, сказано—бездонное! Богъ и говоритъ: „Видишь,—говорить,—эту бездну?“—„Вижу, Господи“.—„Иди же,—говорить,—въ эту бездну на самое дно и достань Миѣ горсть песку. Да смотри,—говорить,—какъ будешь брать, то скажи про себя: „Беру тебя, земля, на имя Господне“. —„Хорошо, Господи“. И нырнулъ Сатанаилъ въ бездну до самаго песку; но при этомъ ему зазорно стало: —Пѣть,—говорить себѣ,—Господи, прибавлю я и свое имя: пусть будетъ вмѣстѣ и Твое и мое. Вотъ беретъ онъ песокъ и говоритъ: „Беру тебя, земля, на имя Господне и свое!“ Пришлось выносить, а вода такъ и вымываетъ тотъ песокъ. Онъ изо всей силы затискиваетъ горсть,—да гдѣ ужъ итти противъ Бога! Пока онъ вынырнулъ на поверхность моря, такъ того песку какъ и не было: весь вода вымыла вонъ —„Не хитри, Сатанаилъ, -говорить Господь:—иди снова, да не прибавляй своего имени!“ Снова нырнулъ въ море Сатанаилъ; но ужъ чортъ—чортомъ,—опять приговариваетъ: „Беру тебя, земля, на имя Господне и свое!“—И снова песку не стало. Только уже за третьимъ разомъ сказалъ Сатанаилъ: „Беру тебя, земля, на имя Го-

¹⁾ „Труды Этнографическо-статистической Экспедиціи въ западно-русской край“. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранные д. чл. П. П. Чубинскимъ. Т. I, стр. 140—144.

сподне"! И вотъ несетъ онъ песокъ да и горсти уже не зажимаетъ, такъ нарочно на раскрытой ладони и несетъ, чтобы вода смыла его; да и не тутъ-то было: какъ набралъ полную горсть, такъ полную горсть и вынесъ къ Богу.

Взялъ Господь тотъ песокъ, ходить по морю и разсываетъ; а Сатанаилъ давай облизывать руку: хоть немного—думаетъ—спрячу для себя, а потомъ—думаетъ себѣ—и сотворю землю. А Господь рассыпалъ.—„А что,—говорить,—Сатанаилъ, нѣтъ больше песку“?—„Нѣтъ, Господи“.—„Въ такомъ случаѣ нужно благословить!“—говорить Господь. Да и благословилъ землю на всѣ четыре стороны. И какъ только онъ благословилъ, такъ земля и начала рости.

Вотъ, растеть земля: а та, что во рту у Сатанаила, и себѣ рстетъ и, наконецъ, такъ разрослась, что и губу разспираетъ. Богъ и говоритъ: „Плюй, Сатанаилъ!“

Онъ и началъ плевать и харькать. И гдѣ онъ плевалъ, тамъ выросали горы, а гдѣ харькалъ, тамъ скалы. Вотъ почему у насъ и земля неровная!.. Еще говорятъ, что будто бы то тѣ скалы да горы Богъ знаетъ, до какихъ бы поръ росли, да уже Петръ и Павелъ какъ заклиали ихъ, такъ онѣ бильше и не растутъ.—Потомъ Господь говоритъ Сатанаилу: „Теперь,—говорить,—Сатанаилъ, только бы посвятить зрмлю; впрочемъ, пусть она себѣ растеть, а мы отдохнемъ“.—„Хорошо, Господи“, говоритъ Сатанаилъ. Прилегли они отдохнуть. Господь спить, а Сатанаилъ задумалъ утопить Бога, чтобы завладѣть землею. Поднялъ онъ Его на руки и бѣжить къ морю. Сперва бѣжить да и бѣжить на югъ,—а моря нѣтъ; ударился онъ на сѣверъ,—и тамъ не видать. Бросался онъ на всѣ *четыре* стороны свѣта,—нигдѣ нѣтъ моря: извѣстное дѣло, земля уже такъ разрослась, что въ самое небо уперлась краями,—гдѣ ужъ тамъ-то море стало!.. Видитъ Сатанаилъ, что ничего не подѣлаеть, несетъ Бога на то мѣсто, откуда взялъ, да и самъ около него ложится. Полежалъ немного, а затѣмъ и будить Бога: „Вставай,—говорить,—Боже, землю святить“! А Богъ ему говоритъ; „Не

горюй Сатанаиль! земля Моя уже освящена: освятилъ Я ее этою ночью на всѣ четыре стороны“¹⁾).

4. Ёхаль однажды Господь Саваоѣ „на ковчегѣ“, а Лукавый выльзъ изъ воды да и смотритъ. Вотъ Господь и спрашиваетъ его: „Что ты такое“? А Лукавый отвѣчаетъ: „Я — Лукавый“. — „Будь Мнѣ товарищемъ“, говоритъ Господь. — „Хорошо, буду“. — „Пу, такъ скажи Мнѣ, что находится подъ водою“? — спрашиваетъ Господь. — „Земля“, отвѣчалъ Лукавый. — „Достань Мнѣ земли“, говоритъ Господь. Дьяволъ полѣзъ въ воду, досталъ Богу земли и себѣ набилъ ею ротъ, — думка такая: „Посмотрю, что будетъ Богъ дѣлать, то и я сдѣлаю“. Богъ взялъ землю и началъ сѣять ею по водѣ, — и стала земля. Лукавый никакъ не можетъ удержать земли, которая была у него во рту, и говоритъ Богу: „Не въ моготу мнѣ: земля лѣзетъ изо рта! — „Рви“ — говоритъ ему Богъ: — „и будутъ горы, долины и курганы. Лукавый сталъ рвать, — и вышли горы, долины и курганы“. Тогда говоритъ Богъ Дьяволу: „Иди на небо; а какъ взойдешь, то умой руки и „трііни“ ими, — и у тебя явятся товарищи“. Лукавый такъ и сдѣлалъ: умылъ руки, „трепнѹлъ“ ими, — и къ нему явилось много лукавыхъ.

Однажды Лукавый заспорилъ съ Богомъ, что выпьетъ всю воду и вмѣстѣ весь песокъ. Вотъ онъ и сталъ пить воду и жрать песокъ. Когда онъ напился воды и нажрался песку, его и раздуло. Сталъ онъ блевать, — и наблевалъ горы и болота²⁾).

Въ дополненіе къ этимъ легендамъ считаемъ не лишнимъ привести еще легенду собственно о происхожденіи „горъ крутыхъ да высокихъ, яровъ длинныхъ да глубокихъ“, рассказанную „старенькой, сторбленной, тихомовной“, весьма религіозной „бабуней Марцей Оверчихой“³⁾).

¹⁾ „Малоруссія нар. преданія и рассказы“ Драгоманова, стр. 89—91. ср. ст. Сухомлинова въ журналѣ „Основа“ за 1861 г., VI, стр. 53—60.

²⁾ „Этнограф. Обзорѣіе“, 1892 г., XIII—XIV, стр. 69—70.

³⁾ „Кіевская Старина 1895 г., Январь, стр. 121—122.

Однажды сотворилъ Господь землю ровненькую, гладенькую, всю въ садахъ да въ цвѣтахъ. А діаволу и себѣ захотѣлось сотворить такую же землю. Однако, сколько онъ ни возился, ничего не могъ сдѣлать. Вотъ онъ приходитъ къ Господу да и проситъ: „*Господоньку!* помогите мнѣ сотворить землю“. А Господь и говоритъ ему: „Лети ты, Сатана, на край свѣта, нырни ты глубоко на дно морское, захвати въ горсть земли съ дна, а когда выйдешь изъ воды, то разсѣй ту землю повѣтру да и говори при этомъ: „Рости, землю, на Божию славу“. Полетѣлъ діаволь на край, нырнулъ на дно моря, захватилъ земли въ горсть, и еще не вышелъ изъ воды, какъ уже проговорилъ: „Рости, земля, въ мою славу, а не въ Божию“. А земля и выскользнула вся изъ рукъ. Досталъ діаволь земли въ другой разъ—выскользнула и та изъ рукъ; досталъ онъ и въ третій разъ, при чемъ и въ третій разъ сказалъ то же: „Рости, земля, въ мою славу“,—и земля въ третій разъ выскользнула у него изъ рукъ. Сообразилъ тогда діаволь, какъ взять землю, чтобы не выскальзывала. Нырнулъ еще разъ въ морѣ, „досталъ самого дна“ и захватилъ земли и песку въ ротъ. Теперь уже не выскользнетъ земля изо рта. Вынырнулъ на поверхность да только-что проговорилъ: „Рости, земля, на славу діаволу“, а земля и начала рости: набила ему полную пасть и полное брюхо. Какъ стошнило его, раскрылъ онъ пасть и началъ блевать. Летитъ да блюетъ, летитъ да блюетъ; понаблевалъ онъ эти высокія горы, а гдѣ уже прямо коломъ подпирало грудь, и онъ падалъ на землю, качался брюхомъ, бился руками и ногами, то тамъ повибывалъ долины и глубокіе овраги.—Такъ діаволь всю прекрасную Божию землю испортилъ („спаскудивъ“) горами да оврагами.

По одной легендѣ, участникомъ въ сотвореніи міра, кромѣ Бога и Сатанаила, является еще и св. ап. Петръ—впрочемъ, больше въ роли *совѣтника*. Очевидно, въ космогоническую легенду эту ¹⁾ онъ перенесенъ изъ „Обходовъ

¹⁾ Легенда записана въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, Подольской губ.

апостольскихъ“, гдѣ св. ап. Петръ является странствующимъ то самостоятельно, то—по большей части—вмѣстѣ съ Спасителемъ. А что дѣйствительно на нее оказали вліяніе въ данномъ случаѣ „Обходы апостольскіе“, это видно изъ того, что творцомъ міра въ указанной легендѣ является *Иисусъ Христосъ*, а не Богъ Отецъ. Легенда отличается большою наивною и простодушіемъ.

Однажды Иисусъ Христосъ и св. Петръ,—говоритъ легенда,—не имѣя, что дѣлать, сидѣли себѣ и томились. Вотъ св. Петръ и говоритъ: „Боже, такъ какъ Тебѣ нечего дѣлать, то хоть сотвори теперь свѣтъ. — Хорошо, — говоритъ Иисусъ Христосъ:—только надо, въ такомъ случаѣ, позвать Чорта, чтобы досталъ изъ моря песку и синяго камня; а то—какъ же я самъ буду доставать“? Позвали чорта. Иисусъ Христосъ и говоритъ: „Лѣзь въ воду да и говори: *Не я беру, а Богъ беретъ*,—и доставай что́ упадется въ руку“. Чортъ полѣзь въ воду; однако не сказалъ такъ, какъ велѣлъ Иисусъ Христосъ, а говоритъ: „Не Богъ беретъ, а я беру“. И онъ ничего не досталъ. Лѣзетъ бѣдный чортъ въ другой разъ; но и опять онъ точно такъ же сказалъ—и не досталъ ничего. А какъ полѣзь въ третій разъ, то уже послушался Иисуса Христа, сказалъ: „Не я беру, а Богъ беретъ“, да и зацѣпилъ обѣими лапами. Вылѣзши на верхъ, увидѣлъ чортъ, что у него въ одной рукѣ песокъ, а въ другой — синій камень. Иисусъ Христосъ взялъ отъ него и то и другое, сотворилъ свѣтъ совсѣмъ, какъ надо, только осталось его еще перекрестить. — „Какъ бы то намъ перекрестить свѣтъ“?—говоритъ Иисусъ Христосъ.—„Я знаю какъ“, отозвался св. Петръ.—„Ну, дѣлай, какъ себѣ знаешь“. Св. Петръ позвалъ чорта да и говоритъ ему: „Вези меня къ той водѣ, которую видишь передъ собою, а я тебѣ за это сдѣлаю все, чего только ты захочешь“.—Хорошо,—говоритъ чортъ:—надѣлай мнѣ помощниковъ, потому что я самъ не могу управиться на свѣтѣ“. Св. Петръ обѣщаль ему надѣлать помощниковъ, и чортъ взялъ его на плечи и потащилъ. Однако,

вотъ они уже доѣхали до самаго конца свѣта, а воды нѣтъ. Вдругъ вода показалась въ той сторонѣ, откуда они выѣхали. Чортъ повернулъ назадъ. Но, проѣхавши снова весь свѣтъ поперекъ, они опять-таки воды не нашли, а увидѣли ее вдругъ на правой сторонѣ свѣта, Чортъ не знаетъ уже, что ему дѣлать,—такъ измучился; однако долженъ ѣхать. Пріѣхавши на правый край свѣта, опять не нашли воды; только что-то бѣлѣетъ *передъ ними*, будто вода. Чортъ снова идетъ. Когда они доѣхали до конца свѣта, св. Петръ и говоритъ: „Довольно, мы уже перекрестили свѣтъ. Теперь я скажу тебѣ, какъ ты можешь надѣлать себѣ помощниковъ. Встань рано въ субботу, возьми воды да и бризгай позади себя: сколько будетъ по-за тобою брызгъ, столько будетъ чертей. Чортъ такъ и поступилъ. И съ той поры на свѣтѣ дѣлается все хуже и хуже, потому что чертей на свѣтѣ становится все больше и больше.

А лучше всего сдѣлалъ св. Петръ, если бы обманулъ чорта, потому что обмануть такую „погань“—совсѣмъ нѣтъ грѣха ¹⁾).

Всѣ приведенныя до сихъ поръ легенды, съ одной стороны, развиваютъ первоосновной мотивъ обще-арійскаго міоа о мірозданіи, съ другой—развиваютъ, подѣ вліяніемъ мѣстныхъ условій и національныхъ особенностей, указанные выше апокрифы и апокрифическія сказанія. Такъ какъ тѣ же источники легли и въ основу великорусскихъ легендъ о сотвореніи міра, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и украинскія и великорусскія легенды въ нѣкоторыхъ пунктахъ и отдѣльныхъ выраженіяхъ сходны отъ слова до слова ¹⁾; существенная разница только въ томъ, что въ украинскихъ легендахъ шире полетъ фантазіи, и онѣ мѣстами ярко блещутъ.

¹⁾ П. П. Чубицкій. „Труды Этнографическо-статистической Экспедиціи въ зап.-русской край“, т. I, стр. 142—144.

²⁾ См., напр. „Бытъ русскаго народа“ Терещенко, ч. V, стр. 44—45. „Этнографич. Обзоріе“, 1892 г. XV, Смѣсь, стр. 190—191.

(въ *подлинникъ*, конечно) неподдѣльнымъ, простодушнымъ, захватывающимъ народнымъ юморомъ. Гораздо любопытнѣе тотъ фактъ, что украинскія легенды о мірозданіи имѣютъ въ *общемъ*, въ основныхъ чертахъ довольно близкое сходство съ религіозно-миѳическими представленіями американскихъ индѣйцевъ Чипеван и легендами корель Олонецкаго края. По религіозно-миѳическимъ представленіямъ Чипеван, первоначально была только вода. Великій духъ Виска приказалъ бобру опуститься въ воду и принести со дна моря немного земли на поверхность. Бобръ опустился, но земли не досталъ: Мускусная мышь (*rat musqué*) обпаружила большую ловкость и принесла немного тины. Тогда Виска дохнулъ на эту тину, или илъ, и послѣдній разросся до громадныхъ размѣровъ. Такимъ образомъ отъ дыханія Виски произошла земля²⁾.— Въ этомъ космическомъ миѳѣ Чипеван, какъ видятъ читатели, мѣсто Бога и Сатанаила украинскихъ космогоническихъ легендъ занимаютъ Виска и бобръ и мышь; общая же основа ихъ одна и та же.

По корельской легендѣ, до созданія міра на ряду съ Богомъ существовалъ и представитель злого начала — Кэпчо, или Кару. Онъ былъ весьма могущественъ, и зло было глубоко вкоренено въ его природѣ. Пытаясь стать паравиѳ съ Богомъ или даже выше Его, онъ хотѣлъ принять участіе въ твореніи міра. Но попытка эта не удалась ему. Господь послалъ Кару достать со дна моря земли, чтобы сотворить міръ. Кару захватилъ ея полную горсть, только не сумѣлъ удержать: земля вся высыпалась сквозь пальцы, и Богъ сотворилъ міръ безъ его помощи. Однако Кару не успокоился и сталъ просить у Бога часть творенія подъ свою власть. Богъ далъ ему такой маленькой клочекъ земли, на которомъ можно бы-

¹⁾ *Reville*, Les religions des peuples non civilisés, т. I, стр. 282—цит. по ст. проф. П. Сумцова: „Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и шѣвиль“ („Кіевская Старина“, 1887 г., июль — июль стр. 235.

ло воткнуть только не большій колышекъ. Но и этого клочка было достаточно для Кару. Опъ воткнулъ колышекъ, сдѣлалъ, такимъ образомъ, отверстие.—и изъ этого отверстия поползли всевозможные гады. Вотъ почему гады находятся подъ особымъ покровительствомъ Кару и, по его приказанію, бросаются даже на людей (корелы никогда не называютъ твореній Каро по имени—*мадо*, а зовутъ просто „пагаччу“ что значитъ—худой, дѣлающій зло).—Много гадовъ выползло изъ отверстия, сдѣланнаго Каро колышкомъ, пока, наконецъ, Богъ не запретилъ имъ¹⁾).

Возможно, конечно, что космогоническіе мотивы апокрифическихъ сказаній проникли къ Чипеваи чрезъ миссіонеровъ, а къ кореламъ чрезъ ближайшихъ русскихъ поселенцевъ; но возможно также и то, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ однимъ изъ „странствующихъ“ сказаній, которое въ известной мѣстности получило меньше наслоеній, въ другой больше, осложнившись сказаніями апокрифическими и народною творческою фантазіей.—Отъ другихъ сближеній воздержимся, такъ какъ они сдѣланы уже въ изложеніяхъ по фольклору.

Слишкомъ уже человѣкообразное представленіе Бога въ украинскихъ космогоническихъ легендахъ и дѣтски-наивное изображеніе Его всемогущества въ актѣ мірозданія, способное часто вызвать въ насъ улыбку, нисколько не говоритъ о томъ, чтобы народъ составилъ себѣ совершенно превратное представленіе о существѣ Божіемъ и Божескихъ свойствахъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ религіозною малоразвитостію народною, живымъ воображеніемъ украинца, общимъ народнымъ невѣжествомъ и неизбѣжною на этой ступени вульгарностью изображенія и представленія библейскихъ понятій и событій, съ чѣмъ придется намъ встрѣчаться и считаться и во всѣхъ послѣдующихъ украинскихъ легендахъ. Космогоническая, напр., легенда, записанная въ слободѣ Ка-

¹⁾ „Этнографическое Обзоріе“. 1892 г., XV, Смѣсь, стр. 189—190.

баньей, Харьковской губ., Буяинскаго уѣзда, при всей грубости невѣжественности представленія акта мірозданія, заключаетъ въ себѣ рѣзкій протестъ противъ своеобразно понятыхъ словъ Библии. *и почи (Богъ) въ день седмый отъ дѣлъ Своихъ* („почити“, „опочити“ по-малорусски значить: отдыхать послѣ работы, вызвавшей усталость, — что, конечно, совершенно несовмѣстимо съ понятіемъ о всемогуществѣ Божіемъ).—Сперва, „изначала“ ничего не было,—говорить легенда:—ни Бога (*единственный* случай отрицанія въ украинскіихъ легендахъ *предвѣчности* Божіей), ни людей, ни ангеловъ; не было ни земли, ни неба, а было темно-темно. Въ это-то самое время явился Богъ, и живетъ на воздухѣ. Вотъ Богъ и задумалъ сотворить небо и землю. Сперва сотворилъ небо, а послѣ того слѣзъ съ неба внизъ и сотворилъ землю. Тогда сталъ *изъ тьма* творить людей, птицъ и звѣрей; потомъ началъ садить деревья и траву. Наконецъ, полѣзъ на небо сотворилъ ангеловъ. Сѣлъ на престолѣ и сталъ царствовать. Богъ творилъ людей каждый день по немногу; творилъ онъ ихъ *четыре* дня,—и наполнилась людьми вся земля. Землю по краямъ привязалъ веревками.—Богъ сотворилъ небо, землю, людей, весь міръ—и *не утомился*. Хотя въ книгѣ и сказано, что Онъ *отдыхалъ*, но это говорятъ неправду: *Господь не утомится, хоть что будетъ дѣлать,—на то Онъ и Богъ*¹⁾).

Г. Булашевъ.

¹⁾ „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 82—83.

Изъ Люблинской губерніи.

(Разсказъ очевидца).

Раннею весною текущаго года я былъ приглашенъ въ гости къ племяннику моему, командиру Донскаго казачьяго № 15 полка, расположеннаго въ г. Томашовѣ, Люблинской губерніи, куда и пріѣхалъ 27 апрѣля, въ пятницу на Свѣтлой недѣлѣ. Въ тотъ же день вечеромъ оба мы были приглашены начальникомъ уѣзда за 35 верстѣ, въ село Наброжѣ въ качествѣ гостей на освященіе вновь построеннаго православнаго храма; освященіе должно было совершиться 29 апрѣля (Ооміно воскресенье) преосвященнымъ Евлогіемъ, епископомъ холмскимъ и люблинскимъ, съ особенною торжественностію въ присутствіи многочисленнаго окрестнаго духовенства. Мы не только съ особенною благодарностію приняли лестное для насъ приглашеніе, а для торжественной встрѣчи преосвященнаго племянникъ мой отпратилъ полковой оркестръ музыки, который обязанъ былъ играть гимнь „Коль славенъ“ какъ во время встрѣчи владыки, такъ и при крестномъ ходѣ попеременно съ церковными пѣснопѣніями. Пріѣхали мы въ названное село 28 апрѣля ко времени совершенія всенощнаго бдѣнія, и такъ какъ въ оба дня 28 и 29 апрѣля была превосходная, теплая и тихая весенняя погода, то ко времени пріѣзда епископа, имѣвшаго ночлегъ въ восьми верстахъ отъ мѣста освященія, прибыли крестные ходы изъ всѣхъ ближайшихъ церквей. Когда собрались всѣ крестные ходы, то образовался общій многочисленный крестный ходъ, который въ 8½ часовъ утра 29 апрѣля направился по дорогѣ на встрѣчу почетнѣйшему гостю и архипастырю епископу Евлогію и расположился прямою линіею по улицѣ, ведущей въ село, причеиъ глава хода выходила за край села; въ такомъ положеніи съ хоругвями, крестами, иконами и многочисленными свѣчами въ рукахъ всѣ участвующіе въ ходѣ стали ожидать пріѣзда владыки, который и прибылъ

приблизительно через полчаса. Всѣ были настроены мирно, благодушно; чувствовалось, что всѣ въ то время объединены были одними мыслями и чувствами; у нѣкоторыхъ замѣтны были на глазахъ слезы умиленія. Вдругъ, среди всеобщей тишины и напряженнаго ожиданія, въ заднемъ концѣ стоявшаго крестнаго хода послышался сильный шумъ, вслѣдъ за которымъ съ быстротою молніи прорвалась черезъ крестный ходъ повозка съ пассажирами, одинъ изъ которыхъ (погонщикъ), размахивая длиннымъ бичемъ во всѣ стороны, зацѣпилъ имъ дьякона, такъ что онъ едва не свалился на землю. Никто не былъ подготовленъ къ этой неожиданности и потому первая повозка не могла быть задержана, но вторыя двѣ повозки удалось задержать.

Оказалось, что это ѣхалъ за невѣстою католическій женихъ съ поѣзжанами—католиками, прихожанами мѣстнаго костела, такъ какъ свадьба (шлюбъ) предполагалась „*по миль святой*“ (послѣ обѣдни).

Оправившись отъ перваго впечатлѣнія, племянникъ мой и начальникъ уѣзда послали верховыхъ казаковъ и стражниковъ догнать прорвавшуюся повозку, которая и была скоро настигнута, и помѣщавшіеся въ ней пассажиры задержаны впредь до окончанія освященія храма и надлежащаго разслѣдованія; предполагавшійся же „шлюбъ“ въ данный день не состоялся.

Когда, послѣ освященія церкви, епископъ Евлогій, сопровождаемый духовенствомъ и гостями, шелъ въ обширный полковой офицерскій шатеръ на обѣдъ, на встрѣчу ему вышли „четыре пана“ и, не подходя подъ благословеніе, начали усиленно просить его освободить задержанныхъ и не мѣшать „шлюбъ“ (свадьбѣ). Его преосвященство отвѣтиль, что, хотя по своему званію и христіанскому долгу онъ готовъ простить нанесенную намъ религіозную и національную обиду, но освободить задержанныхъ онъ не считаетъ себя въ правѣ, такъ какъ это дѣло мѣстной администраціи. Тогда „паны“ обратились къ начальнику уѣзда съ такими же уси-

ленными и неотступными просьбами, задерживали епископа и гостей на пути, не смотря на то, что было три часа по полудни, и никто изъ служившаго духовенства ничего не ѣлъ. Видя ихъ неотступность, начальникъ уѣзда и преосвященный предложили обратиться къ мнѣнію окружающаго многочисленнаго православнаго народа. Нужно было видѣть, какъ народъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ; слышались возгласы: „несогласны“, — „намъ житья нѣтъ отъ нихъ“, — „это не настоящіе католики; это измѣнники, бывшіе прихожане нашего прихода, которые послѣ 17 апрѣля перешли въ католичество; мы знаемъ ихъ фамиліи“ и проч. (при этомъ были названы фамиліи). Послѣ такого отвѣта народа паны отправились восвояси, а мы всё съ епископомъ во главѣ— въ шатеръ на радушную трапезу, гостепріимно предложенную намъ начальникомъ уѣзда.

Оскорбительный для нашего религіознаго чувства и національной чести и достоинства случай служилъ за объѣдомъ главною темою общаго разговора, причемъ мѣстный волостной старшина (гминный войтъ) и представители отъ православныхъ прихожанъ—крестьянъ высказали столько горькихъ истинъ, что русскому и православному человѣку невозможно безъ глубокаго негодованія слушать ихъ; такъ, напр., мѣстные помѣщики (католики—паны) и шляхта, владѣющіе землею въ большемъ количествѣ сравнительно съ православными, не принимаютъ послѣднихъ на работу, не даютъ крестьянамъ православнымъ въ аренду ни за какую плату ни полей, ни луговъ; при переходѣ изъ православія въ католичество ксендзы не довольствуются однимъ присоединеніемъ, а требуютъ отреченія отъ русской національности, настаивая чтобы присоединяющіеся считали себя поляками; въ смѣшанныхъ семействахъ католики, ихъ родные и даже сосѣди разными оскорбленіями, насиліями и даже побоями дѣлаютъ то, что для православныхъ стала совершенно невозможною совмѣстная жизнь съ католиками; я слышалъ отъ одного священника (за достовѣрность факта не ручаюсь), какъ въ одномъ семействѣ жена

католичка; ея братья и сосѣди побоями заставили мужа перейти въ католицизмъ, причемъ новый сынъ католической церкви въ первую же ночь заперся въ своей хатѣ и сжегъ ее вмѣстѣ съ собою.

Таковы страданія православныхъ русскихъ людей въ Холмской Русси, въ этой искони русской области. Просто кровью обливается сердце отъ всего видѣннаго и слышаннаго. Не пора ли нашему правительству обуздать подобныя дерзости и вырвать съ корнемъ горькіе плоды злоупотребленія свободами.

Я прогостилъ въ Томашовѣ двѣ недѣли, и, прощаясь съ начальникомъ уѣзда, узналъ отъ него, что по произведенному разслѣдованію признанъ виновнымъ только погонщикъ, погнавшій лошадей во весь духъ и размахивавшій направо и налево длиннымъ бичемъ, не щадя лицъ участниковъ крестнаго хода; погонщикъ одинъ и заключенъ подъ стражу впредь до распоряженія губернатора, которому, согласно правиламъ, донесено черезъ 14 дней послѣ просшествія и отъ распоряженія котораго зависитъ дальнѣйшее направленіе этого дѣла.

Очевидецъ *Василій Николаевъ*.

Призывъ къ помощи.

Въ редакцію „Руководства“ прислано прошеніе слѣдующаго содержанія: „Богу угодно было подь рядъ два года тяжело наказать наше злосчастное село. Въ 1905 году хлѣба и травы были убиты градомъ. Въ 1906 году — жары спалили на тло. Крестьянское хозяйство подрѣзано подь корень. Населеніе живо только правительственной и общественной помощью. Недоѣданіе общес. Особенно тяжело дѣтямъ, престарѣлымъ и больнымъ. 156 дѣтей отъ 1/2 года до 7 лѣтъ не имѣють молока.

Просимъ покорно добрыхъ людей посылить пожертвовать на открываемый въ селѣ „Дѣтскій молочный пунктъ“. Жер-

твовать можно дѣтскимъ бѣльемъ, одеждой, обувью для бѣд-
няковъ дѣтской столовой и чаемъ, сахаромъ или иными
продуктами для раздачи престарѣлымъ и больнымъ.

Адресъ пожертвованій: „Г. Бузулукъ Самарской губ.
Село Лабазы, Предсѣдателю Попечительства Священнику
Евгенію Панормову.

Председатель Попечительства: Священникъ *Евгеній
Панормовъ*.

Члены: *Гаврилъ Емковъ, Михаилъ Карчинъ*“.

ЗАМѢТКА.

**Комитетъ для подготовки празднованія въ Римѣ
1500-лѣтія со дня смерти св. І. Златоуста.**

— Для подготовки празднованія юбилея дня кончины св. Іоанна Златоуста въ Римѣ учрежденъ особый комитетъ во главѣ съ ректоромъ греческаго коллегіума въ Римѣ Гуго Аѳанасіемъ Гессеромъ. Комитетъ началъ свою дѣятельность устройствомъ чтеній о Златоустѣ въ большомъ залѣ папской академіи Аркадія. Первое чтеніе состоялось 7 мая въ присутствіи многочисленной избранной публики. Гессеръ сказалъ рѣчь о значеніи Златоуста, пожелавъ, чтобы готовящійся юбилей послужилъ дальнѣйшимъ шагомъ къ столь необходимому воссоединенію раздѣленныхъ церквей. Послѣ рѣчи Гессера воспитанники греческаго коллегіума пропѣли нѣсколько гимновъ въ честь Златоуста древне-византійскимъ напѣвомъ. Затѣмъ нѣмецкій археологъ проф. Wuescher-Beschi прочиталъ докладъ объ иконографіи Златоуста, сопровождавшійся туманными картинами.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 12-го іюня 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ **№ 25.** Подписка принимается въ редак-
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ цѣи журнала, при Кіевской духов-
рублей. ной Семинаріи.

1907-го года іюня 24-го дня.

Содержаніе: I. „Новое“ направленіе современнаго театра.—II. Практиче-
скіе уроки по обученію пѣнію въ начальной школѣ.—III. Украинскія
легенды о сотвореніи Адама и Евы.—IV. Замѣтки. а) Постановле-
ніе Могилевскаго епархіальнаго собранія. б) Удивительные урожаи.
с) Молитвенное поминованіе К. П. Побѣдоносцева на Востокѣ.

„Новое“ направленіе современнаго театра.

Чтобы нанести окончатель-
ный ударъ религіи, нужно пустить
въ ходъ богохульство (Либкнехтъ).

Однимъ изъ печальнѣйшихъ явленій современной рус-
ской жизни и тревожныхъ знаменій времени является та въ
настоящее время уже открытая и ничѣмъ не стѣсняемая
борьба, которая ведется теперь противъ Бога и религіи. Глу-
мленіе надъ вѣрою и религіозное отрицаніе, въ недавнемъ
прошломъ—печальная привиллегія лишь нѣкоторыхъ „избран-
ныхъ“ элементовъ нашего общества,—въ послѣднее время
хлынули въ широкую публику, въ народъ, и трудно
предвидѣть или предсказать, сколько простыхъ душъ они

отравять, сколько отвратятъ отъ Церкви. Проповѣдь атеизма въ послѣднее время завоевываетъ все новыя сферы, на службу себѣ привлекаетъ все новыя средства, въ широкихъ размѣрахъ пользуясь рекомандованнымъ однимъ изъ современныхъ властителей думъ средствомъ—глумленіемъ. Не такъ давно борьба съ религіей у насъ велась болѣе или менѣе скрыто, путемъ печатнаго слова, литературно-художественныхъ и quasi-научныхъ произведеній, помощію бесѣдъ и лекцій философски-матеріалистическаго направленія. Въ послѣднее время проповѣдь невѣрія сдѣлала новое завоеваніе и на службу себѣ, своей разрушительной и гибельной работѣ, привлекаетъ театръ. Характернымъ въ этомъ смыслѣ явленіемъ нужно признать новую пьесу Леонида Андреева: „Жизнь человѣка“. Пьеса обратила на себя всеобщее вниманіе; по сообщенію газетъ, она ставится нѣсколько разъ подъ рядъ во многихъ городахъ и даетъ полный сборъ, ядъ своего отрицанія и невѣрія сѣетъ въ тысячахъ душъ.—Можно съ разныхъ сторонъ освѣщать и разсматривать эту пьесу, но одно качество въ ней остается несомнѣннымъ—кощунственный ея характеръ, какъ разъ соответствующій вышеприведенному откровенному признанію Либкнехта. Въ нашемъ журналѣ указанная пьеса уже разбиралась. Даже для того, кто не читалъ полностью этой пьесы, по однимъ выдержкамъ очевидно, что пьеса, гдѣ по адресу Бога посылаются всякія проклятія, есть пьеса антирелигіозная, направленная противъ вѣры. Цѣль пьесы ясна: борьба съ тѣмъ, что для вѣрующаго христіанина должно быть всего дороже—съ вѣрой, поруганіе и оскорбленіе Того Существа, въ Которомъ объективируется эта вѣра. Не успѣла еще сойти со сцены указанная пьеса, какъ появилась въ такомъ же родѣ другая, Шелома Аша—„Богъ мести“, съ тѣмъ же богоборческимъ и ругательнымъ духомъ, съ той лишь разницей, что ругателемъ и отрицателемъ является не отвлеченный „Человѣкъ“, олицетворяющій въ себѣ все чело-вѣчество, а простой еврей, занимающійся самымъ гнуснымъ промысломъ.

Мы увѣрены, что авторы указанныхъ модныхъ пьесъ переживутъ „славу“ и шумъ, какіе надѣлали ихъ пьесы; лишеныя внутренняго глубокаго содержанія, не отмѣченныя печатью крупнаго таланта, какого нельзя отрицать у Андреева въ другихъ его прозведеніяхъ, пьесы эти будутъ мрачнымъ метеоромъ, быстро промчавшимся по нашему небосклону. Но указанные пьесы имѣютъ симптоматическое значеніе, являются ласточкой, за которой налетитъ цѣлая туча такихъ же богоборныхъ и ругательныхъ издѣлій драматическаго характера.

Опасность и вредъ „новаго“ направленія въ театрѣ для вѣры и Церкви ясны сами собою. Жажда зрѣлищъ, по крайней мѣрѣ въ городахъ, растетъ у насъ съ поразительной силой; театръ теперь не роскошь, не развлеченіе, а потребность, привычка, которой удовлетворяютъ съ жертвами за счетъ другихъ болѣе высокихъ и чистыхъ не только потребностей, а прямо обязанностей человѣка: семейныхъ, общественныхъ и научныхъ, не говоримъ уже религіозныхъ, такъ какъ театръ давно уже конкурируетъ съ храмомъ. Бывали случаи, что общественныя учрежденія, урѣзывая и сокращая свои расходы на народное образованіе, особенно если дѣло касалось церковно-приходскихъ школъ, тратили и тратятъ большія деньги на театры и поддержку имъ. Среди учащейся молодежи весьма распространенный теперь типъ маниака—театрала, который голодаетъ, не досыпаетъ, и ужь, конечно, плохо учится, но зато безъ театра жить не можетъ¹⁾.

Изъ большихъ городскихъ центровъ вкось къ театральнымъ зрѣлищамъ широкою волною пошелъ по провинціи. Кучка интеллигентовъ, случайно попавшая въ какой-нибудь медвѣжій уголь, скучающіе лѣтомъ отъ бездѣлья учащіеся первое, чѣмъ угощаютъ провинцію, это театральнымъ пред-

²⁾ Газеты сообщили нѣсколько случаевъ жестокихъ насилій со стороны зеленой молодежи за преслѣдованіе контролемъ театральныхъ зайцевъ.

ставленіємъ,—„кумедіей“, какъ выражаются малороссы, безразлично, каково содержаніе поставленной пьесы. Такъ называемыхъ любителей по провинціи расплодилось теперь какъ грибовъ послѣ дождя; отъ ихъ возни, хлопотъ, навязыванья билетовъ обывателю скоро житья не будетъ. Было время, когда театръ считался „храмомъ искусства, школой добродѣтели, учителемъ истины, хранителемъ красоты“; для такихъ высокихъ цѣлей отъ артистовъ требовалась долгая, трудная школа, а самое главное—талантъ. Теперь талантъ замѣняетъ содержаніе пьесы: было бы оно модное, позабористѣе. Естественно, что въ провинцію, минуя лучшія классическія произведенія, на сцену попадаетъ самая гниль, а съ умноженіемъ у насъ атеистическихъ и антирелигіозныхъ пьесъ, ихъ скоро узнаеть и надышится ихъ ядомъ и невзыскательная провинція.

Развитіе театральнаго дѣла съ одной стороны, съ другой—умноженіе антирелигіозныхъ и атеистическихъ пьесъ заслуживаютъ серіознаго вниманія со стороны духовенства и особенно правящей Церкви.

Слова: „духовенство и театръ“ въ послѣднее время въ печати нерѣдко стояли рядомъ; болѣе юркіе и бѣдовые изъ нашей же духовной среды, благожелатели изъ мірянъ весьма скорбѣли и скорбятъ о томъ, что духовенство, по церковнымъ канонамъ, лишено возможности бывать въ театрѣ; въ обществѣ весьма часто приходится выслушивать сожалѣніе о томъ, что духовенство, по силѣ мертвой буквы закона, лишено возможности пользоваться театральными зрѣлищами; многіе считаютъ насъ почти несчастными черезъ это лишеніе. Возраженія противъ „окаменѣлыхъ правилъ мрачныхъ византійцевъ“, закрывшихъ духовенству ходъ въ театръ, приводятся весьма убѣдительныя: запретительные каноны писались вѣдь противъ языческихъ зрѣлищъ, а потому и не примѣнимы де къ созданіямъ нашего искусства, выросшаго на почвѣ христіанства. Духовенству, далѣе, необходимо знать жизнь, а гдѣ же и учиться ей, какъ не въ театрѣ?.. Убѣ-

дательность этихъ доводовъ очевидна сама собою,—разсма-
тривать ихъ не будемъ. Но вотъ о чемъ приходится искренно
пожалѣть,—что со стороны Церкви совершенно не слышно
авторитетнаго голоса о содержаніи новѣйшихъ театральныхъ
издѣлій, а со стороны рядовыхъ пастырей—освѣщенія и раз-
бора ихъ. Скажемъ кратко: возможно ли, позволительно ли
православному христіанину посѣщать театръ, когда въ немъ
посылаются проклятія Богу, топчется и попирается все, что
дорого христіанину? Почившій архипастырь харьковскій Амвро-
сій не мало говорилъ съ церковной кафедрой „объ удоволь-
ствіяхъ“, о театрѣ. Теперь приспѣло время правящей Церкви
сказать и объ отдѣльныхъ кощунственныхъ пьесахъ свое
авторитетное слово. Касаться такой деликатной темы, какъ
театръ, а особенно модныя пьесы, отдѣльному лицу теперь
далеко не безопасно; раскрой лишь ротъ сказать что-нибудь
противъ нихъ, какъ сейчасъ пронесутъ имя твое яко зло,
съ надлежащими эпитетами: „гасители, мракобѣсы, черносо-
теники“; но, съ другой стороны, и молчать-то не приходится:
вѣдь теперь даже тѣ, кто дорожить еще вѣрой и Церковью,
начинаютъ обнаруживать тревожное безпокойство, наблюдая
наше молчаніе и какое-то озираніе по сторонамъ. Кто имѣлъ
возможность наблюдать такъ называемые консервативные эле-
менты нашего общества en masse, тотъ навѣрно раздѣляетъ
наши наблюденія, тому навѣрно приходилось слышать даже
пожеланіе о самостоятельной христіанской общинѣ, на подо-
біе единовѣрческой, во главѣ которой стояли бы мужествен-
ные, прямолинейные учительные пастыри, чуждые угодни-
чества вѣку сему. Конечно, говорить въ этихъ пожеланіяхъ
увлеченіе, порою обида, но нельзя не слышать здѣсь и скорби
объ умолившей правдѣ...

Въ частности, что касается рядового духовенства, то
объясненіемъ его молчанія о театральныхъ зрѣлищахъ часто
служить запретъ на нихъ: трудно де говорить о томъ, чего
не видѣлъ. Отговорка неосновательная; глашатаи новыхъ
истинъ и „великіе“ драматурги,—нужно правду сказать,—на

руку охулки не кладутъ; вмѣстѣ съ постановкой на сценѣ, они свои издѣлія, предварительно закрѣпивъ за собою авторскія права не только у насъ въ Россіи, но и за границей, пускаютъ десятками тысячъ въ отдѣльныхъ выпускахъ въ широкую публику. За рубль—полтину теперь можно прочесть любую пьесу, была бы охота...

Священникъ В. П.

Практическіе уроки по обученію пѣнію въ начальной школѣ¹⁾.

Учит. Дѣти! Вотъ вы говорили мнѣ, что будете учиться въ школѣ: Богу молиться, читать, писать и считать. А я вамъ скажу, что мы будемъ учиться еще и пѣть.

Кто изъ васъ слыхалъ пѣніе?

Ты, Митя, гдѣ слыхалъ?—Въ церкви. А ты, В.—?—Моя мама поетъ. А ты, С.—?—Сестра моя поетъ.

Учит. Значитъ, вы всѣ слыхали пѣніе. А кто изъ васъ умѣетъ пѣть?—Никто. Вы и читать еще не умѣете, а хотите выучиться,—и пѣнію, если пожелаете, то выучитесь.

Слушайте, дѣти (Учитель читаетъ молитву или пѣсенку)! Что я сдѣлалъ? *Учен.*—Прочитали!—*Учит.* Еще послушайте (поетъ ту же молитву или пѣсенку). А теперь, что я сдѣлалъ? *Учен.*—Пропѣли. (Хорошо было бы, чтобы ученикъ старшаго отдѣленія прочиталъ и пропѣлъ)!

---

¹⁾ Настоящіе „уроки“ представляютъ собою почти буквальное воспроизведеніе практическихъ занятій пѣніемъ въ одной школѣ. Если учитель имѣетъ любовь къ дѣлу, обладаетъ музыкальнымъ слухомъ и имѣетъ небольшой запасъ теоретическихъ свѣдѣній, относящихся къ искусству пѣнія, то „уроки“ эти скоро и вѣрно приведутъ его къ цѣли. Конечно, у опытныхъ учителей могутъ быть свои отличія отъ рекомендуемыхъ здѣсь пріемовъ обученія; но мы и не рассчитываемъ на буквальное воспроизведеніе этихъ пріемовъ читателями. Мы хотѣли бы, чтобы на предлагаемой нами основѣ учителя строили свои пріемы, примѣняясь къ „особенностямъ“ учащихъся и условіямъ жизни школьной.

Учит. А какъ это вы узнали, что я раньше прочиталъ, а потомъ пропѣлъ?

Учен.—Мы слышали! *Учит.* Чѣмъ мы слышали? *Учен.* Ушами! *Учит.* Хорошо. Вы всё узнали, что я прежде читалъ, а потомъ пѣлъ,—но для того чтобы научиться пѣть, нужно имѣть особый слухъ—пѣвческій слухъ (музыкальный). Вотъ я сейчасъ и узнаю, кто изъ васъ имѣетъ пѣвческій слухъ.

Ознакомленіе со слухомъ дѣтей.

Учит. Я скажу вамъ звукъ „а“, а теперь я пропою этотъ звукъ (поетъ на высотѣ фа или соль), слушайте хорошо, я еще повторю. Теперь вы всё пропойте этотъ звукъ со мною; разомъ всё, начинайте: „а-а-а“! Ну еще разъ: а-а-а ¹⁾. (*Учитель ходитъ и прислушивается, невѣрно поющихъ заставляетъ вслушиваться*).

Учит. Теперь я пропою этотъ звукъ иначе (поетъ въ другомъ тонѣ). А кто изъ васъ повторитъ этотъ звукъ самъ? Ну, ты, В.; повтори. Ты еще, Петя, Сеня, Коля и. т. д.

Учит. Теперь еще иначе я пропою этотъ звукъ. Слушайте (поетъ)! Сережа, ты повтори! Ваня, такъ онъ повторилъ? *Учит.* Такъ..

Учит. Всё разомъ повторите этототъ звукъ. (Дѣти поютъ).—Такъ. Вотъ теперь я узналъ, что вы всё имѣете пѣвческій слухъ и можете научиться пѣть.

Съ перваго урока трудно навѣрное сказать, что извѣстный ученикъ не имѣетъ музыкальнаго слуха, ибо робкіе будутъ стѣсняться, а сангвиники при пѣніи въ такой экстазъ приходятъ, что часто отъ усердія берутъ не тотъ звукъ. Да нужно считаться и съ тѣмъ, насколько дѣти приучены къ вниманію, а сосредоточенность при пѣніи весьма важное

---

¹⁾ Первый звукъ слѣдуетъ пропѣть всёмъ классомъ, чтобы застѣнчивые ученики въ общей массѣ освоились.

условіе успѣха. А потому, учитель пусть не объявляетъ ученику, что онъ не имѣетъ музыкальнаго слуха, да еще предъ всѣмъ классомъ: этимъ онъ можетъ отбить у ученика всякую охоту къ пѣнію.

Вторую половину урока нужно посвятить на разучиваніе легенькой пѣсенки.

Учит. Саша! Ты намъ говорилъ, что твоя сестра умѣетъ пѣть? а скажешь ли ты намъ, какъ она научилась пѣть?

Саша.—Она прислушивалась, какъ ея подруги пѣли, и научилась отъ нихъ. *Учит.* Слышите, дѣти, какъ сестра Саши научилась пѣть. Значитъ, кто имѣетъ пѣвческой слухъ, да внимательно прислушивается къ умѣющему пѣть, запоминаетъ, какъ онъ пѣлъ, тотъ потомъ и самъ повторитъ то, что слышалъ. Вотъ и мы такъ будемъ учиться пѣть, — по слуху, я буду пѣть, а вы будете прислушиваться, а потомъ и сами пропоете.

Прежде, чѣмъ приступать къ пѣнію, слѣдуетъ выучить текстъ. Учить сразу нужно немного, лишь бы хватило на одну мелодическую строчку. Потомъ можно изучать самую мелодію. Сначала нужно пропѣть всю мелодію, какая предназначена на урокъ, чтобы получить извѣстное впечатлѣніе. Пѣть слѣдуетъ на память, ритмически точно; каждый тонъ долженъ звучать ясно. Потомъ можно то же самое пропѣть по частямъ, такъ чтобы получилось музыкальное предложеніе. Части мелодіи слѣдуетъ повторять нѣсколько разъ. Затѣмъ нужно заставлятъ повторять весь классъ. Когда данная часть выучена, слѣдуетъ такимъ образомъ изучить и слѣдующую часть, связать ее съ первой частью, и такъ продолжать, пока не будетъ изучена вся мелодія; наконецъ необходимо всю мелодію пропѣть всѣмъ классомъ.

О музыкальныхъ звукахъ.

Учитель приходитъ на урокъ со скрипкой.

Учит. Дѣти! Что это у меня въ рукѣ?—Скрипка. *Учит.* Что дѣлаютъ на скрипкѣ?—Играютъ. *Учит.* Митя! можетъ

быть, ты слыхалъ, что еще на чемъ-либо люди играютъ?— На гитарѣ. *Учит.* Павлуша! А еще на чемъ?— На гармоникѣ, на балалайкѣ и т. д. *Учит.* Когда вы слышите игру на скрипкѣ или на гитарѣ, или на гармоникѣ, то говорите, что слышите что? *Учен.* — Слышимъ музыку. *Учит.* Хорошо. Значить, игра на скрипкѣ, гитарѣ, балалайкѣ иначе называется еще музыка. Такъ какъ игра называется иначе—музыка, то и скрипка, гармоника, флейта, гитара будутъ называться музыкальными инструментами. Повторите, дѣти, какъ будутъ называться? *Дѣти.* — Музыкальными инструментами. *Учит.* Гриша! назови, какіе ты знаешь музыкальные инструменты (ученикъ перечисляетъ).

Учит. Вотъ вы, дѣти, говорили, что слышали пѣніе и музыку. Чѣмъ это вы слышали? *Учен.* — Ушами. *Учит.* А еще что можно слышать ушами? Ну, слушайте (учитель стучитъ по столу)! Что вы слышите? *Учен.* — Стукъ. *Учит.* Вася! въ лѣсу, въ саду, что можно слышать? — Шелестъ листьевъ, пѣніе птичекъ. *Учит.* Сережа! а на дворѣ мы что можемъ слышать?— Лай собаки, мычанье коровы, чириканье воробья. *Учит.* Хорошо. Слушайте, дѣти: все то, что мы слышимъ, называется звукомъ. Повтори, Ваня! (Ученикъ повторяетъ). *Учит.* Значить, пѣніе человѣка, игра на скрипкѣ или другомъ какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ, шелестъ листьевъ, чириканье воробья, журчаніе ручья, грохотъ грома, завываніе вѣтра и т. д.—все это мы будемъ называть звукомъ; но эти звуки будутъ различаться между собой. Вотъ послушайте (учитель играетъ на скрипкѣ *фа* или *соль*). Какъ назвать то, что вы слышите? *Ученики.* — Звукъ. *Учит.* А пропойте этотъ самый звукъ (Ученики поютъ. Потомъ учитель даетъ ученикамъ какой-либо тонъ на звукъ *а* пропѣть; ученики поютъ). Могу ли я этотъ звукъ проиграть на скрипкѣ? Слушайте, я проиграю (играетъ). Такой я звукъ проигралъ? *Ученики.*—Такой. *Учит.* Ну, а шелестъ листьевъ, грохотъ телѣги можно ли пропѣть человѣческимъ голосомъ или проиграть на какомъ-либо инструментѣ? *Учен.* Нѣтъ, нельзя.

Учит. Замѣтите, дѣти! „Тѣ звуки, которые можно пропѣть человѣческимъ голосомъ или проиграть на какомъ-либо музыкальномъ инструментѣ, называются музыкальными звуками, а которыхъ нельзя пропѣть или проиграть,—называются немusикальными“. (Урокъ вкратцѣ повторяется учениками).

Различіе звуковъ по высотѣ.

Учит. Дѣти! при чтеніи молитвъ, часто вамъ встрѣчается коротенькое слово „аминь“, а въ церкви вы слышали, что это слово и поютъ. Вотъ и мы пропоемъ это слово. Сначала слушайте, какъ я пропою. (Поетъ). Теперь вы пойдите. Но сначала вслушайтесь въ тотъ звукъ, какимъ мы начинаемъ пѣть слово „аминь“, чтобы всѣ одинаково пѣли, (Учитель даетъ тонъ на высотѣ *fa*). Замѣтили этотъ звукъ! Повторите! (Ученики повторяютъ на звукъ *a*). Такимъ звукомъ начинайте пѣть слово „аминь“ (Ученики поютъ, учитель тоже поетъ съ ними, или играетъ на скрипкѣ). Повторите еще разъ.—Хорошо. Вотъ вы, дѣти, пропѣди слово „аминь“, а теперь раздѣлимъ это слово на слоги (на части). Сережа! сколько въ этомъ словѣ отдѣльныхъ слоговъ?—Два. *Учит.* Митя, скажи первый слогъ, а ты, Вася второй.—Такъ. Теперь мы пропоемъ это самое слово такъ, чтобы первый слогъ ясно отдѣлялся отъ второго. (Учитель раздѣляетъ учениковъ на двѣ части). Вотъ вы (первый рядъ учениковъ) пропойте слогъ „а“, а вы (второй рядъ) „минь“. Будемъ пѣть такимъ звукомъ (учитель даетъ тонъ). Теперь пойте вы первый слогъ (поетъ первый рядъ); а вы пойте второй слогъ. (Поетъ второй рядъ). Еще разъ такъ повторите (ученики повторяютъ).—Прекрасно! Повторять то же самое Коля и Андрюша, а вы хорошо слушайте, такъ ли они пропоютъ. Сеня, повтори только второй слогъ; В., пропой первый. Вотъ мы пропѣли отдѣльно каждый слогъ и на каждый слогъ пришлось по одному музыкальному звуку. Значитъ, сколько всего нужно музыкальныхъ звуковъ, чтобы пропѣть слово „аминь“? Ученики.—Два. *Учит.* Есть разница между этими звуками, или эти

звукѣ одинаковы? *Ученики*.—Одинаковы. *Учитель*. Пропоемъ еще одну коротенькую молитву „Господи помилуй“. Сначала раздѣлимъ эту молитву на слоги (*Ученики* дѣлать на слоги). Сколь кослоговъ? *Учен*.—Шесть. *Учит*. Каждый слогъ мы пропоемъ отдѣльнымъ звукомъ. Слушайте, я пропою. (Поетъ на одной нотѣ). Повторите вы. (*Ученики* поютъ). Сколько здѣсь отдѣльныхъ звуковъ? *Ученики*.—Шесть. *Учит*. А одинаковы ли эти звуки или, можетъ, быть нашъ голосъ на какомъ-либо слогѣ измѣнился? *Ученики*.—Одинаковы.—Хорошо. Теперь я пропою эту самую молитву „Господи помилуй“, только уже не такъ; а иначе, вы же замѣчайте, какъ я буду пѣть. (*Учитель* поетъ Господи помилуй на двухъ нотахъ съ повышеніемъ на слогахъ „по“ и „ми“). Еще разъ пропою. Такъ ли я пою, какъ и раньше мы пѣли? *Ученики*.—Пѣтъ, не такъ. *Учит*. Пропойте же вы такъ, какъ я пою. (*Ученики* поютъ съ учителемъ, пока не заучатъ правильно мелодіи). Тутъ всѣ звуки одинаковы, или есть разница? *Учен*. Есть. *Учит*. Вотъ мы и постараемся найти различіе звуковъ. Пропойте это самое „Господи помилуй“, только раздѣльно каждый слогъ (*Ученики* поютъ „Го-спо-ди“...). Довольно. Сколько тутъ звуковъ? *Учен*.—Три. *Учитель*. Есть различіе между этими звуками? *Учен*.—Нѣтъ. *Учит*. Еще сначала пропойте, и дальше прибавимъ слоги „по-ми“. (Поютъ). Теперь сколько мы звуковъ пропѣли? *Учен*.—Пять. *Учитель*. А между этими звуками есть различіе? Измѣнился ли нашъ голосъ? *Учен*.—Измѣнился. *Учит*. На какомъ слогѣ измѣнился? *Учен*.—На слогѣ „по“. *Учит*. Какъ измѣнился? что мы дѣлаемъ голосомъ на слогѣ „по“? (Почти всегда ученики сумѣютъ сказать, что на слогѣ „по“ голосъ повышается. Если же ученики не скажутъ, то учитель самъ укажетъ различіе между этими звуками). Теперь сравнимъ звуки на слогахъ „по“ и „ми“. Въ этихъ звукахъ есть разница? *Учен*. — Нѣтъ: эти звуки одинаковы. *Учит*. Пропоемъ еще разъ сначала и кончимъ—прибавимъ слогъ „луй“. (*Ученики* поютъ). Вотъ вы говорили, что на словѣ „по“ голосъ повышается, на—„ми“

такой же звукъ, какъ и на „по“; а на слогѣ „луй“? Какъ измѣнился голосъ? *Ученики*—На „луй“ голосъ опускается, понижается. *Учит.* Пропойте еще разъ „Господи помилуй“. (*Ученики поютъ*). Какимъ звукомъ вы пѣли первый слогъ „го“? Пропойте его на звукъ „а“. (*Учен. поютъ*). А какимъ послѣдній слогъ „луй“. Пропойте и этотъ звукъ на „а“. (*Поютъ*). *Учит.* Между первымъ и послѣднимъ есть какое-нибудь различіе въ голосѣ? *Учен.* Нѣтъ, эти звуки одинаковы. *Учит.* Значить, мы на „луй“ сдѣлали пониженіе голосомъ и возвратились въ прежній звукъ. Вася! расскажи же, какъ мы пѣли „Господи помилуй“? *В.*— На слогахъ „Госпо-ди“ одинаковые звуки, а на „по—ми“ звукъ повышается, на слогѣ „луй“ понижается. *Учит.* Саша! въ чемъ же различіе этихъ звуковъ! *С.*—Въ высотѣ. *Учит.* Замѣтьте, дѣти, что звуки не всегда бываютъ одинаковы, а различаются по высотѣ. (Для упражненія въ различіи высоты звуковъ учитель производитъ такимъ же образомъ анализъ мелодіи молитвы „Слава Тебѣ Господи, слава Тебѣ“, и др. молитвъ; можно просто давать отдѣльные ноты на звукъ „а“, дѣти будутъ отличать, гдѣ низкій звукъ, высокій или выше—ниже).

Д. Θ. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Украинскія легенды о сотвореніи Адама и Евы ¹⁾.

Украинскія легенды о сотвореніи перваго человѣка, являясь отголоскомъ арійскихъ сказаній, несутъ на себѣ слишкомъ—какъ въ общемъ, такъ и въ нѣкоторыхъ подробностяхъ—явные слѣды апокрифическаго сказанія съ довольно густой дуалистической окраской. Наибольшее вліяніе на нихъ оказали—Палея и апокрифическое сказаніе: „Како сотвори Богъ Адама“.

---

¹⁾ См. „Руков. для сельск. паст.“ за тек. годъ, № 24: „Украинскія легенды о сотвореніи міра“.

Въ Палеѣ говорится, что Богъ создалъ человѣка въ землѣ Мадіамской, взявши отъ *восьми* частей: 1, отъ земли—тѣло, 2, отъ камня—кости, 3, отъ моря—кровь, 4, отъ солнца—очи, 5, отъ облака—мысли, 6, отъ свѣта—свѣтъ, 7, отъ вѣтра—дыханіе, 8, отъ огня—тепло. Когда Богъ пошелъ взять отъ солнца очи, и Адамъ лежалъ на землѣ, то пришелъ къ Адаму окаянный сатана и вымазалъ всего его грязью. Богъ, возвратившись, хотѣлъ было вложить Адаму очи, и когда увидѣлъ его въ грязи, то сильно разгнѣвался на діавола и проклялъ его. Діаволь исчезъ, какъ молнія, сквозь землю. Господь, снявши съ Адама „пакости сатанины“, сотворилъ изъ нихъ собаку, которой и повелѣлъ стеречь Адама, а Самъ отошелъ въ горній Іерусалимъ за Адамовымъ дыханіемъ. Сатана во второй разъ пришелъ, чтобы навести на Адама „злую скверну“. Увидѣвши въ ногахъ Адама собаку, которая начала на него лаять, онъ испугался и, взявши „дерево“, истыкалъ имъ всего Адама и сотворилъ въ немъ *семьдесятъ* недуговъ. Господь, возвратившись, снова отогналъ діавола; но недуги вошли внутрь человѣка.—Затѣмъ Господь позаботился о томъ, чтобы дать соотвѣтствующее имя первозданному человѣку. Для этого Онъ послалъ ангела Своего и повелѣлъ ему на востокъ взять *азз* (А), а на западъ—*добро* (Д), на сѣверѣ и на югѣ—мыслете (М),—и человѣку, такимъ образомъ, дано было имя *Адамъ*. Богъ поставилъ его царемъ надъ всѣми землями, и надъ птицами небесными, и надъ звѣрями земными, и надъ рыбами морскими, при чемъ Богъ далъ ему „самовласть“. Послѣ того Господь насадилъ на востокъ рай и поселилъ въ немъ Адама.—Еву Господь сотворилъ изъ ребра Адама, для чего навелъ на него сонъ.

Преслѣдуя основную свою задачу—показать превосходство Новаго Завѣта предъ Ветхимъ, который былъ только сѣнію перваго, Палея дальше сбивается на символизацию и часто натянутое прообразовательное значеніе сплосъ и рядомъ измышленныхъ событій.—Въ томъ снѣ, который наведенъ

быль на Адама для сотворенія Евы, Господь показаль ему Свое распятіе, смерть, воскресеніе и вознесеніе на небо за *поль-шесть* тысячи лѣтъ: увидѣль Адамъ Господа распятаго, ходящаго въ Римѣ Петра, учащаго народъ въ Дамаскѣ Павла и т. д. Проснувшись въ великомъ трепетѣ, Адамъ сообщилъ Господу о своемъ видѣніи. Господь сказалъ ему: „ради тебя подобаесть Мнѣ сойти на землю, быть распятому и воскреснуть на третій день; а ты никому не повѣдай этого видѣнія, пока не увидишь Меня въ раю сидящимъ одесную Отца. И ты объ этомъ поскорби“. — Адамъ пробыль въ раю *семь* дней, и этимъ Господь прообразоваль жизнь человѣческую: „10 лѣтъ исполнится *рожденіе*, 20 лѣтъ—*юноша*, 30 лѣтъ—*свершеніе*. 40 лѣтъ—*средовѣчіе*, 50 лѣтъ—*спѣдина*, 60 лѣтъ—*старость*, 70 лѣтъ—*скончаніе*“. Эти же *семь* дней прообразовали и *семь* тысячъ лѣтъ существованія міра; „а *восьмой* тысячѣ нѣтъ конца“—это будетъ вѣкъ безконечный.

Въ апокрифическомъ сказаніи—„Како сотвори Богъ Адама“—говорится: „: и поиде Господь, Богъ очи имати отъ солнца, и остави Адама единаго лежаща на земли, прииде же окаянный Сотона къ Адаму и измаза его каломъ, и тиною, и възграми. И прииде Господь къ Адаму..... снемъ съ него пакости Сотонины, и въ томъ сотвори Господь собаку, и смѣсивъ со Адамовыми слезами и теслою (оставшеюся послѣ сотворенія Адама и соскобленною съ него глиною), очисти его, яко зеркало, отъ всѣхъ сквернь, и постави собаку, и повелѣ стрещи Адама, и Самъ Господь отыде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адамово. И прииде вторые Сотона и восхотѣ на Адама напустити злую скверну.... Собака начала зло лаяти на дьявола. Окаянный же Сотона возьмѣ древо и истыка всего человѣка Адама, и сотвори ему въ немъ 70 недуговъ. И прииде Іисусъ изъ горнего Іерусалима и видѣ Адама древомъ исколота и милосердова о немъ.... И отгна Господь дьявола..... и обороти вся недуги въ него“ (внутрь). ¹⁾

¹⁾ „Памятники старинной русской литературы“, изд. подъ ред. Пышнова. Т. III, стр. 13.

Украинскія легенды варіируютъ на разные лады главнымъ образомъ эти два апокрифическія сказанія, щедро разбавляя ихъ различными подробностями въ чисто народномъ духѣ, съ цѣлію осмыслить тѣ или инныя особенности человѣческаго организма, человѣческой природы вообще, а также отчасти особенности мужскаго и женскаго интеллектовъ. Дуалистическій элементъ временами выступаетъ въ нихъ рѣже, чѣмъ въ апокрифическихъ сказаніяхъ; элементъ библейскихъ проявляется очень слабо.

Въ легендѣ, записанной въ Купянскомъ уѣздѣ, разсказывается, что Богъ взялъ глины и сталъ лѣпить человѣка по образу Своему и подобію. Видя это, діаволь и себѣ взялъ глины и также сталъ лѣпить фигуру по образу своему. Богъ слѣпилъ человѣка, а діаволь—козла. ¹⁾ Богъ вдунулъ въ Свое твореніе душу, и человѣкъ ожилъ. Діаволь ну и себѣ дуть на свою тварь: дулъ спереди, дулъ сзади,—не оживаетъ, а только смердитъ.

— Господи, подуи и на мою тварь,—проситъ діаволь.

Богъ дунулъ,—и козель сталъ живой. Діаволь обрадовался и ну плясать вокругъ козла и хвастаться передъ Богомъ, что его тварь лучше Божіей. Господь и говоритъ діаволу:

— Почему же ты называшь ее своею тварью? вѣдь Я оживилъ ее: твоя глина, а козель Мой.

И заспорили.

— Хорошо,—сказалъ Богъ:—если ты удержишь козла, пусть тогда онъ будетъ твой; а не удержишь—Мой.

¹⁾ Въ Ушицкомъ уѣздѣ о первозданномъ человѣкѣ существуетъ слѣдующее повѣрье: „Сатана все можетъ сдѣлать, только съ условіемъ, если Богъ позволитъ и благословитъ. Такъ, напр., человѣка Сатана слѣпилъ изъ глины—и сдѣлалъ его такъ удачно, что Господу Богу стоило только благословить и дать ему живую душу. Когда Сатана слѣпилъ человѣка, то поставилъ его стоймя, а потомъ оплевалъ его вездѣ—вездѣ. Отъ этого и теперь человѣкъ илюетъ и кашляетъ“ („Труды Этногр.—статист. экспедиціи въ Юго-зап. край“, себр. П. Чубинскій. Т. I. стр. 145).

Діаволь согласился. Но какъ ни подойдетъ къ козлу, тотъ все на него рогами, все рогами. Разсердился діаволь, схватилъ козла за хвостъ, думаетъ: „Теперь ты не уйдешь отъ меня!“ Не тутъ-то было: козель рванулся,—часть хвоста осталась у діавола, а самъ козель все-таки убѣжалъ¹⁾.— Вотъ почему козлы и куцые.

Легенда, записанная въ дер. Хорощанкѣ, Луцкаго уѣзда, повѣствуетъ, что когда Богъ сотворилъ человѣка, дьяволь пожелалъ сдѣлать и себѣ такого же. Принялся за работу, но у него вышелъ волкъ (одинъ вариантъ рассказываетъ, что діаволь слѣпилъ *своего* человѣка изъ глины, но такого большого, что его пришлось острогать; изъ этихъ стружекъ понадѣлались *шершни, оводы, мухи, комары*). Чтобы оживить его, бѣсъ сказалъ: „Гужя („куси“, возьми) Бога!“ Но волкъ не двигался. Затѣмъ Богъ сказалъ волку: „Гужя его!“ Волкъ тотчасъ сорвался и побѣжалъ за дьяволомъ, который бросился уходить и хотѣлъ взлѣзть на дерево; но волкъ догналъ его и схватилъ за ногу. Изъ раны потекла кровь и заструилась по стволу дерева,—а то дерево была ольха. Потому и теперь это дерево красно, а черти съ тѣхъ поръ стали безъ пятъ, при чемъ волки гоняются за чертями и поѣдаютъ ихъ. Кабы не они и не громъ, чертей расплодилось бы видимо-невидимо²⁾.—Такая же легенда встрѣчается въ Греціи и Албаніи; эстонское преданіе сотвореніе волка тоже приписываетъ діаволу.

Въ легендѣ, записанной въ самомъ г. Куинянскѣ, рассказывается, что Богъ слѣпилъ человѣка изъ глины, поставилъ его около тына сушиться и приказалъ собакѣ стеречь, а Самъ полетѣлъ на небо за душою. Діаволь видѣлъ, что Богъ что-то дѣлалъ, и взяло его любопытство, что тамъ та-

¹⁾ Этнографическое Обзорѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 89.

²⁾ П. Чубинскій. „Труды Этнографическо-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“. Т. I, стр. 145, ср. академ. А. Н. Веселовскій. „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“. VI—X, стр. 329—330.

кое стоит около тына. Крадется мимо собаки, а она ну рычать на него—не подпускаетъ. Діаволь подулъ на собаку. Отъ его дуновения собака почувствовала страшный холодъ, стала дрожать; а діаволь и говорить:

— Пусти меня посмотрѣть на дѣло Божьихъ рукъ,—я дамъ тебѣ за это шубу; а не пропустишь—совсѣмъ заморозжу.

Собака прельстилась обѣщанною шубою, такъ какъ была безъ шерсти и смерзла, и пропустила діавола. Діаволь покрылъ собаку шерстью, а человекъ всего оплевалъ, охаркалъ. Видитъ Богъ Свое твореніе покрытымъ нечистотою, и выворотилъ его такъ, что всѣ нечистоты оказались внутри, а затѣмъ вдунулъ въ него душу. И сталъ человекъ снаружи чистъ, а внутри полонъ всякой скверны¹⁾.

Еще болѣе оригинальнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и народно-вульгарнаго заключается въ украинскихъ легендахъ о сотвореніи Евы. Особенно характерными изъ нихъ являются слѣдующія: 1) записанная въ г. Купянскѣ, 2) записанная въ Каневскомъ уѣздѣ и 3) записанная въ Радомысльскомъ уѣздѣ.

1. Сотворивши Адама, Богъ поселилъ его въ раю. Пожилъ тамъ Адамъ нѣкоторое время, и стало ему скучно. Привелъ къ нему Богъ всѣхъ птицъ небесныхъ и всѣхъ звѣрей земныхъ и сказалъ, чтобы онъ далъ всѣмъ имъ имена; затѣмъ приказалъ имъ слушаться Адама. Видитъ Богъ, что Адамъ все же скучаетъ, и говоритъ Самъ Себѣ: „Не добро быти человекъ одному, сотворю ему жену по образу его. Изъ чего только ее сотворить? Изъ глины: не будутъ любить другъ друга. Нѣтъ, возьму часть у Адама и создамъ изъ нея жену, чтобы они прилѣпились другъ къ другу, были одно тѣло. Изъ чего же взять? изъ головы?—будетъ очень умна, станетъ главою мужа. Изъ руки?—возьметъ мужа въ руки. Изъ ноги?—будетъ бѣгать отъ мужа. Возьму ребро съ лѣвой стороны отъ самаго сердца, изъ-подъ руки, чтобы сердечно

¹⁾ „Этнографическое Обзорѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 89—90.

любила мужа и была у него подъ рукою. Навель Богъ на Адама сонъ, взялъ у него съ лѣвой стороны, отъ сердца, ребро и поставилъ его къ дереву на солнце сушиться. Бѣжитъ собака, увидѣла это ребро, схватила его и ну грызть. Ангель отнял у собаки уже надгрызенное ребро, подалъ его Богу, и Богъ изъ *недогрызка* сотворилъ жену Адаму.—Вотъ почему женъ на Украинѣ бранять: „собачій недогрызокъ“, или „чортовъ хвостъ“¹⁾).

По другому варианту, записанному въ Купянскомъ уѣздѣ, дѣло было такъ. Когда сотворилъ Богъ Адама, т. е. слѣпилъ его и поставилъ сушить, собака тутъ и крадется къ нему. Подкралась и вытащила у человѣка одно ребро. Бросился Богъ—нѣтъ ребра. Пошелъ Онъ искать, и нашелъ въ кустахъ собаку, а у нея въ зубахъ ребро. Богъ отнял его и принесъ къ Адаму,—такъ звали перваго человѣка. Прилаживалъ Онъ его, прилаживалъ—ничего не выходитъ, такъ какъ ребро было уже надгрызено. Тогда Богъ съ досады взялъ да и сотвориждъ изъ того ребра жену Адаму и назвалъ ее Евою²⁾).

По нѣкоторымъ легендамъ, ребро Адамово похищаетъ не собака, а чортъ. Схваченный ангеломъ въ тотъ моментъ, когда въ райской оградѣ оставался уже одинъ только его хвостъ, чортъ уносить ребро, но взамѣнъ того оставляетъ въ рукахъ ангела свой хвостъ, изъ котораго Богъ и творить Еву. Вотъ почему „всѣ женщины хитры и лукавы, какъ черти“; а черти съ того времени стали куцыми, тогда какъ сначала у нихъ были длинные хвосты³⁾).

2. Человѣка (мужчину) Богъ сотворилъ изъ земли, а жену изъ тѣста да и поставилъ ихъ противъ солнышка, чтобы они высохли, а Михаилу повелѣлъ стеречь. Вотъ Михаилъ стерегъ, стерегъ, да ненарокомъ и заглядѣлся на что-

¹⁾ „Этнографическое Обозрѣнiе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 90—91.

²⁾ Тамъ же, стр. 91.

³⁾ Тамъ же.

то, а собака прибѣжала да и съѣла жену. Вложилъ Богъ душу въ человѣка ¹⁾ затѣмъ взялъ у него „одну кость изъ ребра“ (очевидно—одно ребро изъ всѣхъ реберъ) и сотворилъ

¹⁾ Душу въ разныхъ мѣстностяхъ Украйны представляютъ различно: а) въ видѣ духа, могущаго принимать разные образы, оставлять, по своему произволу, человѣка во время сна, принимая при этомъ на себя видъ сивой мыши (Винницкій и Грубешовскій уѣзды); б) въ видѣ мухи (Ушицкій уѣздъ); в) въ видѣ маленькаго ребенка (Холмъ и Каневскій уѣздъ), имѣющаго крылышки (Каневскій уѣздъ); г) въ видѣ маленькаго человѣка съ чистымъ и прозрачнымъ тѣломъ (Харьковскій уѣздъ). Душа умершаго пребываетъ въ домѣ Давида. Домъ тотъ стоитъ на сухой землѣ, но окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ. Построенъ онъ царемъ Давидомъ для того, чтобы уберечься въ немъ отъ смерти (Кіевская губернія).—Душа одной умершей молодой женщины прожила у ея матери болѣе двухъ недѣль. Въ теченіе всего этого времени душа ничего не ѣла, а только постоянно сидѣла надъ горячимъ хлѣбомъ и вдыхала въ себя выходящій изъ него горячій паръ (Грубешовскій уѣздъ).—Одна старуха рассказывала, что, когда она была еще дѣвочкой, умерла ея тетка. Всѣ старшіе родственники вышли изъ хаты, гдѣ лежала покойница; осталась одна рассказчица и услышала, что „подъ причекомъ“ кто-то стонетъ. Она испугалась и, выбѣжавши изъ хаты, объявила объ этомъ старшимъ домашнимъ. Они вошли въ хату; стоны прекратились. Домашніе опять вышли изъ хаты,—и стоны тотчасъ же стали повторяться. Рассказчица снова побѣжала объявить домашнимъ. Тогда послѣдніе догадались, что тутъ что-нибудь да есть. Думали, что это открывается кладь, и потому, ставши за дверьми, чтобы дѣвочка не боялась, когда опять услышитъ стоны, велѣли ей, въ случаѣ ихъ повторенія, сказать такъ: „Всяка душа да хвалить Господа“. Дѣвочка сдѣлала это, и стоившее отвѣтило: „И я хвалю Бога предвѣчнаго“.—„Душа покутующа (кающаяся, несущая эпитимію, находящаяся подѣ церковнымъ запрещеніемъ), что ты хочешь, и кто ты такая?“—„Я бабка твоей бабки. Богѣ ста гѣтъ уже я тутъ покутуру. Бросають на меня дрова, сметають соръ. Я требую твоей помощи; окажи мнѣ ея отъ рукъ твоихъ, но помви, чтобы никто болѣе для этого не трудился“. Дѣвочка взяла у матери денегъ, купила коленкору и нитокъ, сдѣлала три манишки, вынесла ихъ на ярмарку и продала. Отдавши взятые у матери на покупку деньги, она на оставшійся барышъ снова купила коленкору и нитокъ для той же цѣли. Когда она увидѣла, что денегъ уже достаточно для уплаты за богослуженіе, то обратилась къ ксєндзу (рассказчица Винницкаго уѣзда), который отслужилъ панихиду за упокой усопшей. Возвратившись домой и прочитавши молитву за упокой души („Aniol Pański“), всѣ стали обѣдать. Только-что начали ѣсть, вдругъ видятъ—стоитъ у порога женщина, довольно пожилая, и ни на

ему уже *второй раз* жену. Человѣка *Богъ* называлъ Адамомъ, а жену самъ человѣкъ называлъ Евою ¹⁾.

3. Богъ сотворилъ Адама изъ пшеничнаго тѣста и поставилъ его на солищѣ, чтобы онъ высохъ; а собака и съ фла его. Тогда Богъ вылѣпилъ Адама изъ глины, вдохнулъ въ него ангельскую душу и далъ ему роговое тѣло, чтобы оно никогда не сгнило и не боялось холоду. Послѣ того Богъ наслалъ на Адама сонъ, и когда Адамъ заснулъ, Богъ сотворилъ ему изъ *рѣжи* *Althaea rosea* L., одинокая, немахровая мальва—любимый на Украинѣ цвѣтокъ) жену да положилъ ее около Адама; Адамъ проснулся, увидѣлъ, что жена не такая, какъ онъ, да и говоритъ Богу: „Не хочу я жены изъ цвѣтка; если бы мнѣ такая жена, какъ и я“. Тогда Богъ снова навелъ на Адама еще болѣе глубокой сонъ. Когда Адамъ заснулъ, Богъ вынулъ изъ него одно ребро, сотворилъ изъ того ребра Еву и положилъ подлѣ Адама. Адамъ проснулся, увидалъ, что жена его такая, какъ и онъ, и взялъ ее себѣ. Богъ и спрашиваетъ Адама: „Ну, что же, какая жена тебѣ больше нравится—та ли, которая изъ цвѣтка, или та, которая изъ твоего ребра?“ — „Ужъ, конечно, мнѣ больше нравится та, которая изъ моего ребра“, отвѣчало Адамъ. — „А на Мой взглядъ,—сказалъ Богъ,—та лучше, которая изъ цвѣтка: Я ее дамъ Сыну Своему „за *mátirg*“. Взялъ Богъ ту жену, которая создана была изъ цвѣтка, и отослалъ на небо; а Адаму и Евѣ сказалъ: „Ѣшьте всѣ яблоки, какія есть въ раю, не Ѣшьте только съ одного дерева; если же вкусите отъ него, то тотчасъ же умрете“ ²⁾

кого больше не смотритъ, какъ только на дѣвочку, и при этомъ сказала ей „*Bog zaplać*“ (Богъ заплати — воздай). Повторивши это три раза, она стала невидима (П. Чубинскій. „Труды Этногр.-статист. Эксп. въ з.—русск. край“. Т. I, стр. 148—149).—Съ легендами о состоянїи душъ умершихъ мы еще встрѣтимся впереди.

¹⁾ П. Чубинскій. „Труды Этногр.-статист. Экспедиции въ зап.-русскій край“. Т. I, стр. 145.

²⁾ П. Чубинскій. „Труды Этногр.—статистич. Экспедиции въ западно-русскій край“. Т. I, стр. 145—146.

Хотя въ сотвореніи Божіей Матери Самимъ Богомъ изъ цвѣтка—и притомъ прежде сотворенія Евы—несомнѣнно желаніе легенды возвеличить Пресв. Дѣву предъ всѣми земнородными, но должно замѣтить, что мотивъ о сотвореніи женщины изъ цвѣтка извѣстенъ космогоническимъ сказаніямъ и другихъ арійскихъ народовъ.

Съ нѣкоторыми дополнительными подробностями, касающимися сотворенія Адама, мы встрѣтимся еще въ легендахъ о грѣхопаденіи первыхъ людей, къ которымъ и перейдемъ теперь

Г. Булашевъ.

ЗАМѢТКИ.

а) Постановленіе Могилевскаго епархіального собранія.

На Могилевскомъ епархіальномъ собраніи обсуждались различные вопросы, касающіеся благоустроенія приходской жизни. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ нихъ. По поводу возбужденнаго въ собраніи однимъ депутатомъ изъ мірянъ вопроса: „Возможно ли въ устроеніи приходской жизни, напр., для организаціи какого-нибудь экономическаго или торговаго учрежденія, привлекать къ участию инославныхъ?“—собраніе послѣ тщательнаго разсмотрѣнія вопроса согласилось съ мнѣніемъ предсѣдателя, преосвященнаго Стефана, что „ино-вѣрцы могутъ быть допускаемы къ пользованію просвѣтительными и экономическими учрежденіями прихода, но не къ управленію тѣмъ или другимъ учрежденіемъ“. Вопросъ о народномъ образованіи собраніе рѣшило въ томъ смыслѣ, что приходъ имѣетъ неотъемлемое право слѣдить за религіозно-нравственнымъ обученіемъ и воспитаніемъ православныхъ дѣтей въ низшихъ, среднихъ и профессиональныхъ школахъ, даже и въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ разновѣрныя по

составу учащихся. Относительно права приходскаго собранія производить братскій судъ надъ порочными членами общины, лишать права голоса въ собраніяхъ, выбора въ приходскія учрежденія и присутствія за богослуженіемъ въ храмъ,—въ собраніи постановлено въ уясненіе послѣдняго средства: „въ случаѣ безчинства этихъ порочныхъ лицъ въ храмъ, или кощунства надъ церковными святынями, по примѣру древней Церкви, съ разрѣшенія епископа, лишать ихъ на извѣстное время присутствія при богослуженіи“. По вопросу о правѣ участія въ приходскомъ собраніи прихожанъ, мужчинъ и женщинъ, не смотря на заявленіе одного изъ членовъ собранія о томъ, что „мужчины и женщины равны предъ Богомъ, что на страницахъ исторіи записано не мало именъ св. женъ, потрудившихся на пользу церкви“, что, поэтому, онъ лично противъ ограниченія участія женщинъ въ приходскомъ собраніи дворохозяйками, собраніе, заслушавъ заявленіе предсѣдателя—преосвященнаго, что „вопросъ объ участіи женщинъ въ приходскомъ собраніи подробно обсуждался на собраніяхъ предсоборной комисіи и большинствомъ членовъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ только для дворохозяекъ“,—признало это право для прихожанъ, достигшихъ 25-лѣтняго возраста, и женщинъ дворохозяекъ.

Въ заключеніе собранія одинъ изъ участниковъ его прот. А. З. высказалъ, что онъ лично уноситъ самыя свѣтлыя воспоминанія о только что закончившемся собраніи, и въ повтореніи такихъ собраній въ будущемъ видитъ залогъ установленія самыхъ лучшихъ взаимныхъ отношеній духовенства съ мірянами, и что при этомъ общеніи падеть та стѣна, которая до сихъ поръ раздѣляла духовенство съ мірянами. О. протоіерей выразился, что онъ испыталъ въ эти дни истинное наслажденіе отъ того живого обмѣна мыслей представителей духовенства и мірянъ, который такъ поддерживалъ оживленіе собранія во всѣ эти дни. „Дай Богъ—закончилъ онъ свою рѣчь,—чтобы собранія эти и на будущее время

повторялись подь мудрымь руководствомь Его Преосвящен-
ства“.

в) Удивительные урожаи.

Въ мѣстѣчкѣ Мурафѣ, Подольской губ., г. Мороховичъ вычиталъ, какъ японцы культивируютъ пшеницу, и какой у нихъ бываетъ урожай. Желая убѣдиться, примѣнимъ ли ихъ способъ обработки земли и у насъ съ тѣми же послѣдствіями, Мороховичъ въ сентябрѣ 1905 года засадилъ (а не засѣялъ) участокъ земли, изрыхливъ предварительно таковую руками, по - японски, отборною рожью на разстояніи 4 вершковъ отъ одного зерна до другого. И что же теперь оказалось? Каждое зерно— дало кустъ въ 10—35 стеблей съ столькими же колосьями: въ каждомъ изъ послѣднихъ находится 30—40 зеренъ, т. е. средній урожай получился самъ шестьсотъ! Чтобы наглядно убѣдить крестьянъ, особенно малоземельныхъ, въ великомъ преимуществѣ этого способа обработки (взрыхленіе земли, посадка на ней отборныхъ зеренъ въ 4—вершковомъ разстояніи одного отъ другого и все руками), г. Мороховичъ выставилъ кусты вмѣстѣ съ землей, въ которой они коренились, въ 6 волостяхъ, съ предложеніемъ писарямъ и старшинамъ объяснить крестьянамъ, какимъ образомъ получились такіа чудеса. Если на это обратить вниманіе хоть 1 проц. земледѣльческаго населенія на первое время, то не испытанный до сихъ поръ способъ обработки окажетъ великое благодѣяніе: при немъ не можетъ быть, чтобы нижняя часть стебля выпрѣла (подгнила) отъ тѣсноты и пр.

Такими же опытами и изслѣдованіями съ научною основою много лѣтъ (около 10) занимается д-ръ Картамышевъ, живущій при ст. Перово Моск.-Каз. ж. д. (тамъ его всѣ знаютъ), охотно дѣлящейся своими опытами и наблюденіями со всѣми приходящими къ нему крестьянами и интеллигенціей. Сущность его метода: около Ильина дня онъ высѣваетъ

сѣмена озымыхъ хлѣбныхъ злаковъ на грядки, гдѣ они проростають, и затѣмъ эти сѣянцы (а не зерна) онъ разсаживаетъ по культурной площади. Урожай до самъ 900—1, 200. Количество стеблей въ среднемъ 27. Г. Картамышевъ искренно преданъ этому дѣлу, и думается, что онъ не откажетъ отвѣтить, кто къ нему обратится, тѣмъ болѣе, что результаты его наблюдений сводятся въ систему и печатаются въ спеціальныхъ изданіяхъ (Земля).

с) Молитвенное поминовение К. П. Побѣдоносцева на Востокѣ.

—Православный Востокъ молитвенно помянулъ почившаго дѣятеля Церкви русской, бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева, который оказалъ немалыя услуги мѣстнымъ автокефальнымъ церквамъ въ ихъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ и російскимъ Св. Синодомъ по вопросамъ общецерковнаго или частнаго значенія, весьма живо интересовался теченіемъ церковныхъ дѣлъ на Востокѣ, въ высшей степени здраво понималъ ихъ и весьма мѣтко характеризовалъ. Когда вѣсть о кончинѣ К. П. Побѣдоносцева достигла Іерусалима, то патріархъ Даміанъ совершилъ на Голгоѣѣ заупокойную литургію и панихиду, а потомъ послалъ по телеграфу соболѣзнованіе супругѣ почившаго. Молитвенное поминовение свѣтлой души К. П.—ча было совершено также въ Константинополѣ и Дамаскѣ. (Церк. Вѣстн. № 22).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 19-го іюня 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

№№ 26—29.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года 1—22-го іюля.

Содержаніе: I. Отзвуки современности.—II. Психическая сила въ проповѣди Д. С. Кеппара.—III. Предвѣщательные чины (продолженіе).—IV. Практическіе уроки по обученію пѣнію въ начальной школѣ (продолженіе).—V. Наша епархіальная жизнь.—Украинскія легенды о грѣхопаденіи первыхъ людей и изгнаніи ихъ изъ рая.—Замѣтки.
а) Что задерживаетъ обновленіе приходской жизни. б) О бесплатной раздачѣ прихожанамъ молитвослововъ и Евангелій. в) Миссія церкви въ борьбѣ съ пропагандою атеизма. Къ пѣвцамъ и любителямъ церковнаго пѣнія.

Отзвуки современности 1).

Замѣтки и отрывки.

6.

Изъ всѣхъ нравственныхъ недостатковъ, растлѣвающихъ народную жизнь, бѣдетъ въ глаза въ наше время одинъ, это ложь, насквозь извѣвшая русскую душу, народъ, расшатавшая устой государственной и общественной жизни. Ложь всюду и вездѣ исторически накоплялась, въѣдалась въ организмъ рус-

¹⁾ См. № 20.

скаго человѣка, общества, государства. Ею привыкли мы жить, въ самообманѣ искать покоя и нашли вмѣсто него разрушеніе и смуту. Со лжи громадной, вопіющей начинается и предполагаемое наше возрожденіе, обновленіе, но только дождемся ли его? Съ перваго шага до послѣдняго лгутъ и обманываютъ и насъ и народъ вожди передовыхъ партій. Откуда у нихъ любовь къ народу? Это и есть первая ложь и обманъ ради пріобрѣтенія власти надъ народомъ. А потомъ бросаютъ любовь эту, какъ ненужную тряпку и „товарищей“—простыхъ людей превращаютъ въ рабочій скотъ для себя: это затаенная и вѣрная цѣль. Во лжи, въ этомъ чудовищѣ, которое какъ поганый сыреть стиснуло всѣхъ насъ, ищите главную причину бѣдъ и золь нашихъ! Безъ правды нѣтъ намъ спасенія!

7.

Консерватизмъ, стремленіе удерживать и хранить пріобрѣтенія предковъ,—условіе и сила прогресса: только настраивая на готовыхъ наслоеніяхъ культуры дальше и выше, мы двигаемся впередъ. Иначе, начиная всегда съ фундамента, едва ли дошли бы до крыши. А нынѣ хотятъ люди все нажитое раньше выбросить за бортъ государственнаго, церковнаго и житейскаго корабля, оставаясь ни съ чѣмъ. И какое противорѣчіе! тѣ же люди не могли бы дойти и до этихъ безумныхъ стремленій, если бы не руководствовались авторитетомъ подобныхъ себѣ безумцевъ-мечтателей. Они еще первые и самые фанатичные поклонники авторитета безъ критики, безъ провѣрки!

При обнаруженіи разрушительныхъ дѣйствій революціи общество наше страшится больше всего за цѣлость внѣшнихъ пріобрѣтеній культуры, за ея цѣлость,—опасается гибели удобствъ и красоты внѣшней обстановки въ жизни культурнаго человѣка. Но это не главное зло; главная бѣда, идущая съ революціей, совсѣмъ не въ томъ; она грозитъ съ другого конца и дѣлаетъ уже свои опустошенія. Надо опасаться ги-

бели духовно-нравственныхъ приобрѣтеній человѣка, затме-
нія тонко развитыхъ чувствъ чести, вѣры, долга и замѣны
ихъ грубыми животными инстинктами. Страшно то, что идетъ,
выступаетъ теперь на смѣну человѣка зоологической типъ
человѣкообразнаго животнаго и начинаетъ уже откровенно и
безстыдно возвѣщать свою скотскую мораль и проводить ее
въ жизнь. Такіе типы явились ужъ и въ литературѣ. Вотъ
гдѣ истинная бѣда, страшное горе,—превратиться въ звѣря,
скота и до этого додумались, дошли наши социалисты—без-
божники, развративъ своимъ поганымъ ученіемъ золотыя
сердца юшешества. Горе и гибель людямъ, имиже соблазнъ
приходить!

8.

Если высшія проявленія человѣческаго духа признаются
свободными, на примѣръ, искусство, литература, поэзія и ра-
ботники въ этой области ищутъ независимости и полной
свободы, какъ служители „свободнаго“ искусства, то не тѣмъ
болѣе ли долженъ быть духовно свободенъ и чувствовать себя
независимо служитель Бога, служитель, выразитель и про-
водникъ высшаго проявленія человѣческаго духа, его стре-
мленія къ Творцу?

А мы...—кругомъ неключимые рабы. Между тѣмъ по-
смотрите на чудную общину Христову, на Него Самого и
апостоловъ. Вотъ гдѣ нашъ идеалъ, наше чаяніе, наши мечты.
И только при условіи подражанія Спасителю и апостоламъ.
Его возможна живая вѣра, истинная религія—поклоненіе
духомъ и истиною. И эта свобода достижима при отреченіи отъ
правъ, положенія человѣческой власти, житейскихъ удобствъ.
Мы же сами лѣземъ въ петлю, желая упрочить внѣшнее
свое положеніе, обезпечить себѣ содержаніе, приобрѣсть ма-
теріальную независимость цѣною моральнаго порабощенія об-
ществу, человѣчеству. Подумать надо, какому обольщенію мы
предаемся. Намъ Господь прямо говорить: „пусть у васъ бу-
детъ не тако, какъ въ мірѣ“, а мы именно и хотимъ орга-

низации міра. Но не умреть ли съ этимъ духъ живъ, не превратится ли въ бездушный протестантизмъ, если не въ религію кесаря наша религія?

Родина человѣка и колыбель вѣры—Востокъ, и тамъ человѣчество лучше понимало условія процвѣтанія религіи; тамъ совершеннѣе поняты ея значеніе и смыслъ.

Люди—нищіе предъ Богомъ, а служители Его должны быть по преимуществу нищіе и тѣлесно и духовно. Ради ихъ убожества, лишенихъ часто добровольныхъ, Богъ насъ слышитъ. При такомъ порядкѣ религія имѣла живую силу.

Но когда ее Западъ огосударствилъ, регламентировалъ сначала язычество въ лицѣ кесарей (pontifex max.), а потомъ и христіанство,—религія утратила свой жизненный нервъ, стала какъ-бы безчувственной, безвлятельной, безжизненной.

Наше русское христіанство воплощалось калѣжкой, убогимъ нищимъ, отъ которыхъ мало отличался и официальный служитель алтаря, („Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ Русь, благословляя“...) и это было истинное понятіе христіанства, близкое къ идеалу Христа—бѣднаго равви и апостоловъ. Но мы хотимъ отречься отъ своего высшаго призванія, хотимъ правъ, привилегій, вліянія, строгой организации и это въ конецъ насъ погубить: уйдетъ отъ насъ Христосъ.

Не забудемъ: Онъ не преклонялся предъ славой міра, властью царствъ міра сего. Не забудемъ: мы должны быть по идеѣ свободны, какъ вѣтеръ горныхъ вершинъ, чужды земныхъ интересовъ, какъ ангелы, безстрастны, безкорыстны, какъ нашъ учитель Христосъ!..

Увлекаясь „краснымъ“ міра сего, не потеряли бы мы безцѣнный бисеръ Христа, не утратили бы смыслъ и цѣль своего назначенія и изъ соли не превратились бы въ „грязь“, какъ уже и начинаютъ величать насъ въ свѣтской литературѣ.

9.

Чтобы мы сказали, если бы люди, считающіе себя принадлежащими къ ученому міру, но неносвященные въ извѣстныя отрасли знанія, незнакомые съ извѣстными научными основами, стали требовать устраненія всего, что имъ не извѣстно въ наукѣ, темно, недоступно? Долой все это: для насъ оно ни мало не пужно, это лишній балластъ!

Представимъ теперь, по сравненію, широкую область христіанскаго Боговѣдѣнія, все разнообразіе культоваго проявленія христіанства и рядомъ наше христіанское общество. Не естественно ли быть среди него людямъ, не одинаково и всесторонне посвященнымъ во всю глубину этого откровеннаго знанія? И что же, развѣ это дастъ дѣйствительное право отрицать и выкидывать каждому за бортъ то, что лично ему недоступно, чуждо, малопонятно, хотя-бы цѣлостность и богатство всей христіанской системы и не пострадали оттого, не потерцѣли уцѣрба. Мирятся же ученые и образованные люди и признаютъ то, что лично для нихъ въ наукѣ и чуждо, и малополезно; и христіанамъ слѣдуетъ подражать имъ, а не требовать удаленія изъ области боговѣдѣнія, богослуженія такихъ элементовъ, которые лично кажутся непонятными, лишними, но въ цѣломъ необходимы и для другихъ дорогъ, цѣнны, понятны и многополезны!

Ясное дѣло, что здѣсь о богослуженіи мыслится въ крайне узкихъ рамкахъ пониманія современнаго христіанина, мало посвященнаго въ глубины проявленія религіозной жизни, не имѣющаго развитыхъ потребностей для удовлетворенія, чуждаго духа церковности. Однимъ словомъ, здѣсь сказывается человѣкъ, у котораго уже атрофированы, сведены до минимума религіозные запросы, и потому въ этой области для него многое кажется лишнимъ, ненужнымъ, непонятнымъ, обременительнымъ, и онъ готовъ все это съ легкимъ сердцемъ выкинуть за бортъ. Что такому человѣку до потребностей, навыка, нужды другого человѣка, даже цѣлаго православнаго

народа? онъ смотритъ на дѣло съ своей просвѣщенной точки зрѣнія; онъ требуетъ оставить то, что ему только нужно, требуетъ переустройства богослуженія по своему вкусу, чтобы было коротко, ясно и понятно лишь ему!

И вотъ отсюда требованія: на что ветхозавѣтный элементъ, повтореніе, продолжительность, излишекъ торжественности, непонятныя дѣйствія обрядовъ. Все это годно для монастырей. Такъ ли?

Богослужебныя богатства—оборотный подвижной капиталъ изъ всей неисчерпаемой сокровищницы богатствъ нашей Православной Церкви. Обилію и разнообразію его надо радоваться, а не выбрасывать потому лишь, что сейчасъ, въ данную минуту то или другое изъ него для отдѣльныхъ лицъ не требуется. Что изъ того?—Другимъ требуется и послѣ нужно будетъ!

10.

Кто у насъ за послѣднее время не терзался, не чувствовалъ внутренней обиды отъ самыхъ грубыхъ, оскорбительныхъ, не терпящихъ возраженія нападокъ на Церковь, на вѣру Христову, на ея служителей? Эти нападки, полныя яда, сыплются у насъ, какъ изъ рога изобилія, изъ лагеря нашихъ передовыхъ свободомыслящихъ вождей и пророковъ свободо-революціоннаго лагеря. И нѣтъ имъ границъ, нѣтъ умѣренности; это какая-то разнузданная „татарщина“ дикаго, недисциплинированнаго ума, не выносящая чужого мнѣнія, не уважающая самыхъ дорогихъ убѣжденій въ людяхъ другого лагеря. О, какъ бы хорошо этимъ расхоловшимся „краснымъ пророкамъ“ поучиться истинно гуманному отношенію къ религіознымъ проблемамъ, уваженію къ чужимъ мнѣніямъ хотя бы у своего же стараго учителя, коммуниста-революціонера, какимъ былъ, на примѣръ, Викторъ Гюго. На удачу возьмемъ нѣсколько мнѣній и взглядовъ его на религію, Церковь, молитву—для устыженія нашихъ „лаятелей“. Вотъ длинные рѣчи стараго вождя свободомыслія и революціи:

„— Мы осуждаемъ Церковь лишь въ томъ случаѣ, когда она предается интригамъ; мы презираемъ ея жадность къ благамъ міра, но мы всегда уважаемъ мыслящаго человѣка.

— „Мы преклоняемся предъ тѣмъ, кто преклонилъ колѣни.

„Вѣра... да вѣдь это главная потребность человѣка. Горе тому, кто ни во что не вѣритъ.

„Погруженный въ думы не есть праздный человѣкъ. Существовать видимая работа и невидимая.

„Созерцаніе—своего рода трудъ; думать—значить дѣйствовать.

„Руки, скрещенныя на груди,—работаютъ; руки, сложенныя молитвенно, трудятся. Взглядъ, обращенный на небо, занятъ творчествомъ.

„По нашему мнѣнію монахъ не есть тунеядецъ и отшельникъ не есть лѣнтяй.

„Углубиться мыслию въ неизвѣстное требуетъ тяжелаго усилія.

„Надо же, чтобы одни люди молились за тѣхъ, которые никогда не молятся.

„Весь вопросъ въ той силѣ мысли, которая примѣшивается къ молитвѣ.

„Мы стоимъ за религію противъ религій.

„Мы изъ числа тѣхъ, которыхъ не трогаютъ самыя горячія проповѣди, но искренняя молитва приводитъ насъ въ умиленіе.

„Что касается того, какъ лучше молиться, то это безразлично; всѣ способы моленія хороши, при условіи, что они искренни. Оставьте вашу книгу и отдайтесь безконечности.

„Мы знаемъ, что существуютъ философы, которые отрицаютъ безконечность. Но есть также философія, патологически обоснованная, которая отрицаетъ солнце; эта философія называется слѣпотой.

„Устанавливать понятіе, не имѣя здраваго источника для его выясненія,—на это способенъ лишь нахальный умъ невѣжды, одержимый умственной слѣпотой.

„Любопытно, съ какимъ высокоуміемъ и снисходительной небрежностью относится эта философія, идущая въ потемкахъ ощупью, къ той философіи, которая видитъ Бога. Намъ кажется, что мы слышимъ голосъ крота, который кричить: „какъ мнѣ ихъ жаль, этихъ поклонниковъ солнца“!

„Короче сказать, философія, которая все сводитъ къ слову: нѣтъ, не можетъ служить для развитія мысли.

„На слово: нѣтъ, есть только одинъ отвѣтъ: да.

„Нигилизмъ не имѣетъ значенія.

„Ничто не существуетъ. Ноль не существуетъ. Все, что есть, существуетъ. Ничто и есть ничто.

„Человѣку нужна вѣра, какъ нуженъ насущный хлѣбъ“.
(Викторъ Гюго „Несчастные“, кн. 7, страница 613—616).

11.

Составилась наконецъ и вторая дума и успѣла уже заявить себя достаточно предъ избирателями ¹⁾...

Но что замѣчательно,—въ этой русской сплошной массѣ, имѣвшей одну цѣль—выбрать изъ среды себя вѣрныхъ, мудрыхъ помощниковъ Царю, не маловажное мѣсто занимало наше православное духовенство, всегда вѣрное девизу: „за вѣру, царя и отечество“. Такъ было при выборахъ и развѣ нельзя было ожидать, что выберетъ русскій народъ въ составъ думы истинныхъ мужей совѣта, русскихъ душою и сердцемъ, если не всѣхъ, то все же добрую часть! Однако оказалось то же, что и послѣ нашихъ роковыхъ выборовъ въ 1-ю Думу: произошло невѣроятное, неслыханное еще въ лѣтописяхъ исторіи дѣло. Произошелъ на глазахъ у всѣхъ не просто оптической обманъ, а самое горькое внутреннее, глубокое разочарованіе и обольщеніе. Съ первыхъ шаговъ,

¹⁾ Теперь уже и распущена.

съ перваго дня своего существованія Дума наша смѣло и дерзко заявила себя явной противницей тѣхъ великихъ за-вѣтныхъ основъ, въ которыя вѣрилъ, которыми жилъ русскій человѣкъ. нашихъ депутатовъ, представителей православной Руси, словно кто подмѣнилъ: они устыдились своей вѣры, даже одного упоминанія имени Божія; на привѣтъ царскій отвѣтили холоднымъ, дерзновеннымъ, упорнымъ протестомъ; замѣнъ охраны отечества сразу же изъявили готовность на его раздѣлъ и распаденіе¹⁾. Но что особенно худо: вмѣстѣ съ другими незнаемы оказались и представители изъ духовенства: и отцы депутаты раскрыли здѣсь свои уста не въ защиту православной вѣры своей и поруганной родины, а еще горше и паче другихъ вопіяли хульные дерзновенные глаголы, удивившіе міръ. Что же это, откуда и какъ могли явиться эти страшные люди? Развѣ ихъ избралъ народъ нашъ съ крестнымъ знаменіемъ не на вѣрную службу? Какъ совершился такой невѣроятный обманъ и подлогъ, прямо—на-смѣшка надъ великимъ народомъ?

Вотъ вопросы, на которые русское общество и доселѣ не отвѣтило еще вдумчиво и безпристрастно. Думается, произошло это отъ отсутствія у насъ настоящаго зрѣлаго общественнаго мнѣнія и нашей политической невоспитанности. Будь у насъ, какъ у другихъ народовъ съ установившеюся цивилизаціей, строго требовательное въ нравственномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, общественное мнѣніе—оно само собой указало бы намъ на нужныхъ лицъ, выдѣлило бы ихъ своимъ судомъ изъ общей массы русскихъ гражданъ. Неумолимое и въ то же время справедливое мнѣніе общества, его судъ, не дали бы затеряться въ массѣ общественной частнымъ, выдающимся по своимъ силамъ и способностямъ членамъ этого общества. Но у насъ, къ великому горю нашему, лучшіе люди изъ народа, изъ общества, выдающіеся нрав-

¹⁾ А въ концѣ всего устроили заговоръ на жизнь Царя и существующій строй государства.

ственными качествами, гражданскими, политическими талантами, рѣдко пользуются извѣстностью и должнымъ уваженіемъ; часто, живя съ ними рядомъ, мы ихъ совершенно не знаемъ. Взамѣнь того у насъ часто выдвигаются люди совершенно случайно и незаслуженно; одинъ какой нибудь фактъ въ жизни создаетъ иногда человѣку громкую, непоколебимую репутацію; стоитъ, напримѣръ, претерпѣть человѣку за свои убѣжденія ссылку или заключеніе въ тюрьмѣ, какъ онъ уже становится въ глазахъ нашихъ особеннымъ избранникомъ, способнымъ на всякое дѣло. Создать у насъ незаслуженную популярность извѣстнымъ лицамъ склонность нашего общества увлекаться, безъ критической провѣрки, ходячей молвой и модными, новѣйшими теоріями и ученіями. При такихъ условіяхъ диво ли намъ, русскимъ людямъ, обмануться и разочароваться въ своихъ избранникахъ почти тотчасъ же послѣ избранія, какъ это и случилось на дѣлѣ...

Св. В—ій.

Продолженіе слѣдуетъ).

Психическая сила въ проповѣди. Д. С. Кеннара.
(Перев. съ французскаго).

Предисловіе.

Предлагаемый вниманію нашихъ читателей въ переводѣ (а по мѣстамъ въ простомъ пересказѣ и извлеченіи) трактатъ американскаго духовнаго оратора Д. С. Кеннара: „о психической силѣ въ проповѣди“ посвященъ глубоководно-интересному вопросу. Въ послѣднее время все чаще и чаще въ гомилетической литературѣ начинаютъ обращать вниманіе на психическія условія вліянія проповѣди и стараются найти основанія для уясненія этой стороны проповѣдничества въ ученіи новѣйшей психологіи о внушеніи. На этой почвѣ стоитъ Кеннаръ въ своихъ сужденіяхъ о христіанской проповѣди;

но, какъ практическій проповѣдникъ, одаренный прирожденнымъ ораторскимъ талантомъ и одушевленный горячимъ христіанскимъ чувствомъ, онъ развиваетъ свои мысли съ такой широтой, силой и живостью, которая могутъ быть только результатомъ продолжительнаго личнаго опыта и глубокаго изученія предмета.

Интересный и по широтѣ и серьезности постановки дѣла, и по своеобразности и мѣткости языка, трактатъ Кеннара не можетъ быть, однако, признанъ исчерпывающимъ предметъ во всей полнотѣ или разрѣшающимъ вопросъ съ полной достовѣрностью: психическая тайна дѣйствительнаго проповѣдническаго слова, какъ и родственная ей тайна художественнаго творчества, еще не открыта въ своей внутренней сущности. Но сочиненіе Кеннара, несомнѣнно, многое освѣщаетъ въ этомъ вопросѣ, будитъ мысль, открываетъ ей новые горизонты и указываетъ новые пути въ изслѣдованіи этого важнаго предмета. Въ этихъ видахъ мы и предлагаемъ нашимъ пастьрямъ-проповѣдникамъ русскій переводъ сочиненія Кеннара. Сообщимъ при этомъ краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ.

Джозефъ Спенсеръ Кеннаръ родился въ Филадельфій въ 1833 г. Онъ происходилъ изъ старинной англійской фамиліи, предки которой были въ числѣ первыхъ поселенцевъ въ этой странѣ и занимаютъ выдающееся мѣсто въ начальной исторіи своего отечества. Отецъ его былъ пасторомъ бантистской церкви въ Филадельфій, которую (церковь) онъ основалъ и которой управлялъ въ продолженіе 33-хъ лѣтъ съ выдающимся успѣхомъ. Д. С. Кеннаръ съ дѣтства отличался замѣчательнымъ прилежаніемъ къ ученію. Блестяще окончивъ Букнелъскій университетъ, онъ сначала избралъ себѣ дѣятельность адвоката, къ которой его влекло и прирожденное ораторское дарованіе и семейныя вліянія; но скоро онъ оставилъ адвокатуру, такъ какъ еще на студенческой скамьѣ чувствовалъ призваніе къ евангельскому служенію. Отказавшись отъ выгодъ, которая ему обѣщала адвокатура, Кеннаръ,

поступилъ въ 1854 г. въ семинарію въ Принсетонѣ для изученія богословія, а черезъ два года, по окончаніи этого учебнаго заведенія, принялъ мѣсто пастора при баптистской церкви въ Бриджтонѣ (въ Нью-Джерси), а еще чрезъ три года онъ получилъ пасторатъ въ Вашингтонѣ. Служеніе Кеннара въ Вашингтонѣ совпало съ чрезвычайнотяжелыми обстоятельствами, которыя переживала его страна. Въ это время въ Америкѣ происходила страшная междоусобная война сѣверныхъ штатовъ съ южными изъ-за рабовладѣльческаго вопроса. Хотя Вашингтонъ былъ въ рукахъ сѣверянъ, но значительная часть жителей и въ томъ числѣ наиболѣе вліятельные члены церковной общины Кеннара открыто или тайно были на сторонѣ южанъ-рабовладѣльцевъ. Будучи горячимъ патріотомъ, Кеннаръ, несмотря на просьбы своихъ прихожанъ, вышелъ въ отставку и затѣмъ на общественныхъ собраніяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ употреблялъ всю силу своего краснорѣчія и все свое вліяніе въ пользу правительства и освобожденія рабовъ. Лишенный за это жалованья, онъ отправился въ армію и на поляхъ сраженій подавалъ помощь и утѣшеніе больнымъ и умирающимъ. Однажды онъ былъ принятъ за шпіона и захваченъ въ плѣнъ, во время котораго переживалъ всѣ ужасы войны. Правдивыя страданія и другія бѣдствія, перенесенныя за это время, настолько разстроили здоровье его, что онъ вынужденъ былъ удалиться на сѣверъ и тамъ принять пасторатъ въ Вобуриѣ (шт. Массачузетъ). Здѣсь Кеннаръ приобрѣлъ полную расположенность своихъ духовныхъ дѣтей и, несмотря на царившую тогда умственную смуту, возбудилъ въ народѣ большое религіозное движеніе; его церковь приобрѣла значительное число новыхъ членовъ.

Но страна переживала самое мрачное время своей исторіи. Сотни тысячъ людей были убиты или ранены и не находилось больше охотниковъ для замѣщенія рядовъ арміи. Поэтому правительство вынуждено было прибѣгнуть къ обязательному рекрутскому набору, который встрѣтилъ упор-

ное сопротивление и вызывалъ иногда кровавыя мятежи. Кеннаръ также подлежалъ взятію въ ряды войскъ. Несмотря на протесты своихъ прихожанъ и многочисленныя предложенія замѣнить его, Кеннаръ не уклонился отъ своего патріотическаго долга и готовъ былъ умереть за свою родину. Но, къ глубокой скорби его, ревизіонный совѣтъ, по настоянію медицинскаго инспектора, отказалъ ему въ приѣмѣ. Нѣкоторое время спустя, послѣ окончанія войны, Кеннаръ былъ назначенъ преемникомъ своего отца въ Филадельфію. Благодаря его проповѣди, Филадельфійская церковь быстро умножилась; но не оставляя чисто пастырскихъ заботъ о своей церкви, Кеннаръ въ это время отдался съ особенной ревностью общественному дѣлу улучшенія положенія несчастныхъ и особенно пьяницъ и нищихъ. Обращая ихъ на путь лучшей жизни, онъ не присоединялъ ихъ къ своей приходской общинѣ, а объединялъ на городскихъ окраинахъ въ такъ назыв. миссіи, т. е. группы, зависимыя отъ церкви и впоследствии образовавшія самостоятельныя церковныя общины; затѣмъ онъ устраивалъ для нихъ воскресныя школы и проч.

Изъ Филадельфіи Кеннаръ перешелъ въ Нью-Йоркъ и здѣсь въ извѣстной церкви Пилигримовъ его проповѣдь также имѣла большой успѣхъ и способствовала значительному умноженію числа членовъ ея. Во время этого пастората, именно въ 1875 г., Кеннаръ вступилъ въ сотрудничество съ извѣстнымъ народнымъ проповѣдникомъ Мудсемъ для устройства народныхъ собраній въ шиподромѣ. На этихъ грандіозныхъ собраніяхъ ему часто приходилось говорить болѣе, чѣмъ къ 800 слушателямъ и его великолѣпный голосъ ясно былъ слышенъ во всѣхъ углахъ зданія.

Съ теченіемъ времени д-ръ Кеннаръ все болѣе и болѣе чувствовалъ потребность оставлять чисто пастырскія функціи, чтобы всецѣло отдаваться дѣлу проповѣди евангелія; съ 1887 г. и до самой смерти въ 1899 г. онъ служилъ только этому дѣлу. Отказавшись отъ домашнихъ удобствъ, общества, семьи и даже обезпеченнаго содержанія, онъ въ

продолженіе 12 лѣтъ прошелъ съ проповѣдью евангелія разстояніе протяженіемъ своимъ большее Европы, и имѣлъ счастье видѣть тысячи обращенныхъ имъ.

Сынъ Кеннара и его біографъ такъ характеризуетъ проповѣдничество своего отца: „почти всегда Кеннаръ проповѣдывалъ безъ письменныхъ замѣтокъ; однако онъ не полагался на вдохновеніе минуты, но обрабатывалъ свои рѣчи въ размышленіи и молитвѣ, пока не достигалъ того, что онѣ исполнены были ревности и силы. Самую глубокую мысль онъ умѣлъ выразить такъ просто, что самый ограниченный рабочий могъ понимать ее и малыя дѣти могли питаться чистымъ млекою слова“.

Отъ перев. В. П.

Глава I.

О необходимости для нашего времени сильной проповеди.

Ни одна личность эпохи Итальянскаго Возрожденія, не исключая и личности Лаврентія Великолѣннаго, не выступаетъ съ такимъ величіемъ, какъ личность Савонароллы, брата - проповѣдника. Мы представляемъ его на кафедрѣ обширнаго Флорентійскаго собора, въ городѣ, блистающемъ искусствомъ и роскошью, но вмѣстѣ и общественной испорченностью, пышной религіей и языческой жизнью. Онъ былъ призванъ на эту кафедру слезными просьбами синьорін и народа изъ своей уединенной келліи, въ которую его привела явная несостоятельность его проповѣди реформъ. Онъ вышелъ изъ нея, чтобы проповѣдывать этой огромной толпѣ Флорентійцевъ голодныхъ и уже дошедшихъ до послѣдней крайности, находившихся въ осадѣ одновременно и отъ сильной непріятельской арміи, и отъ моровой язвы, и отъ голода, и обнаруживавшихъ признаки страданія и отчаянія. Къ этой-то плачущей и еще недавно враждебной ему толпѣ Савонаролла заговорилъ, какъ посланникъ Божій. Онъ привелъ ее къ по-

каянію, утѣшилъ обѣтованіями Божественнаго милосердія; и вдругъ, въ то время, когда онъ вель по улицамъ шествіе людей, плачущихъ, смиренныхъ, внезапно появился среди этой толпы вѣстникъ съ крикомъ: „настало избавленіе“! И дѣйствительно, союзные корабли, гонимые бурей, которая разсѣяла осаждающій флотъ, доставили жизненные припасы и подкрѣпленія. Тогда толпа воскликнула: „проповѣдь монаха еще разъ спасла насъ“! Послѣ этого наступили чудные годы, въ продолженіе которыхъ проповѣдникъ успѣшно оснаривалъ у Медичи нравственное господство надъ Флоренціей. Съ одной стороны былъ Лаврентій, облеченный своей блестящей порочностью, а съ другой—Савонаролла, вооруженный скипетромъ истины и пламенной ревностью о славу Божию и спасеніи человѣка. И когда мы, наконецъ, видимъ его у смертнаго одра Лаврентія исполняющимъ свое служеніе въ духѣ Иліи, мы говоримъ: „вотъ сильный человѣкъ,—человѣкъ, въ которомъ нуждалось его время“. Онъ преобразовалъ Флоренцію, по крайней мѣрѣ на время; онъ буквально провозгласилъ Христа царемъ Флоренціи и подписалъ Его титулъ „Царь царей и Господь господей“ на вратахъ палацо Vecchio, гдѣ эта надпись и осталась во свидѣтельство того, что было время могущественной проповѣди.

Прошло четыре вѣка, но природа человѣческая не измѣнилась. Свобода, законъ, разумъ произвели въ обществѣ такой огромный переворотъ, какой въ тѣ времена могъ грезиться однимъ только поэтамъ, и занялась заря двадцатаго вѣка, чреватаго историческими событіями,—вѣка съ болѣе важными запросами и съ моралью политической и общественной болѣе высокой, чѣмъ въ предшествующія эпохи. Никакое другое историческое время, какъ наше, не требуетъ болѣе настоятельно сильной проповѣди, пророческаго голоса, провозглашающаго Того, Кто для человѣка, для народа и для вѣка есть „Путь, Истина и Жизнь“.

Въ четырехсотую годовщину мученической смерти Савонароллы Флоренція съ большою торжественностью праздно-

вала его память. Цвѣты покрывали то мѣсто, гдѣ огонь пожралъ его тѣло; съ трибуны, воздвигнутой на площади Синьорія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возвышалась его висѣлица, краснорѣчивыя уста на вѣки провозгласили его проповѣдникомъ и патриархомъ „*raç excellence*“. И въ наши дни надежду Италіи, Америки, Франціи и всего человѣчества составляетъ служеніе, подобное этому по героической смѣлости и духовной силѣ.

20 лѣтъ тому назадъ одинъ остроумный публицистъ спрашивалъ въ „*London Times*“: „Къ чему проповѣди? Зачѣмъ этотъ господинъ говоритъ намъ? Почему намъ не удовольствоваться одной молитвой, когда мы приходимъ въ церковь? Около того же времени „*Edinburgh Review*“ высказывалось въ болѣе серьезномъ тонѣ: „священнослуженіе заканчиваетъ свой еженедѣльный часъ важнымъ и пріятнымъ произнесеніемъ ортодоксальнаго собесѣдованія, или жалко описывая тѣсный кругъ своихъ догматовъ, или ниспадая до низшаго уровня дѣтской морали, или наставляя въ мистической фразеологіи; но оно перестало пользоваться языкомъ, подобнымъ языку Златоуста или Бурдалу“. Эти мысли имѣли тогда болѣе важное значеніе и находили больше отклика. Пастырство англиканской церкви нѣсколько лѣтъ тому назадъ предприняло трудную задачу—доказать „банкротство каедръ“ и одинъ американскій духовный журналъ требовалъ отвѣта на слѣдующій вопросъ: „будемъ ли мы продолжать проповѣдывать?“ Эти голоса, представляющіе классъ людей, которыхъ вовсе нельзя признать легкомысленными, нельзя заставить молчать равнодушіемъ или апологіей. Коренное смѣлое изслѣдованіе положенія и функцій проповѣдническихъ въ настоящемъ двадцатомъ вѣкѣ безусловно необходимо. Ни съ точки зрѣнія соціальной или человѣческой, патриотической или практической, нравственной или евангельской не слѣдуетъ опасаться, чтобы церковное проповѣдничество показалось или устарѣвшимъ или стоящимъ на пути къ тому. Проповѣдникъ есть и долженъ остаться первостепенной силой въ

человѣческомъ обществѣ. Правда, церковная каедрa уже болѣе не управляетъ, какъ въ тѣ времена, когда, въ силу связи съ государствомъ, она была первымъ источникомъ знанія и авторитета, когда одинъ только проповѣдникъ ставилъ нравственные и социальныя вопросы и разрѣшалъ ихъ такъ, что никто не оспаривалъ его приговора, или когда семинарія, дававшая проповѣдническое образованіе, считалась таинственной сокровищницей почти всѣхъ знаній. Въ настоящее время продолжающаяся волна изслѣдованія и сомнѣнія во всемъ катится въ популярной формѣ по всему міру и до всего доходить. Самые жизненные вопросы, касающіеся человѣка и его назначенія, широко трактуются не только въ книгахъ, но на всѣхъ трибунахъ, въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ рядомъ съ вопросами политическими и коммерческими. Въ наше время всѣ все знаютъ или думаютъ, что все знаютъ, и то глубокое уваженіе, которое каедрa нѣкогда внушала, теперь уничтожилось. Однако же, говоря, что вліяніе каедры, какъ учрежденія, ослабѣло, мы никакимъ образомъ не хотѣли бы допустить, что вмѣстѣ съ нимъ ушла и сила проповѣдника; напротивъ, чѣмъ больше уменьшилось то особенное почтеніе, которое окружало функцію, тѣмъ болѣе необходимо, чтобы самъ человѣкъ, какъ сила, живущая среди людей и призванная къ исключительному служенію, приобрѣтала и спокойно охраняла личную силу безъ помощи государства или таинственнаго авторитета Церкви.

Самые лучшіе и прочныя элементы силы остаются одни и тѣ же при всѣхъ измѣненіяхъ времени и мало зависятъ отъ обстоятельствъ. Они достигаютъ своего высшаго превосходства тогда, когда бываютъ призваны побѣждать безъ союза съ благопріятными условіями. Если бы нужно было представить примѣры этого, то достаточно было бы указать на карьеру человѣка, который въ наше время раздѣлялъ, вмѣстѣ съ самыми великими государственными людьми и государями, вниманіе своихъ современниковъ,—именно на Ш. Г. Споржона. Благотворное и общепризнанное вліяніе Мудея

на массы, Ф. Брукса или Мексерена—среди людей образованных могло бы служить доказательством того, что и этот дѣловый, гордый и матеріалистическій вѣкъ не менѣе, чѣмъ всякая другая предшествовавшая эпоха, отдаетъ уваженіе силѣ проповѣдника. Даже болѣе того; я признаю возможнымъ доказать исторически и рационально, что эпохи просвѣщенія и прогресса, какъ и настоящая, болѣе благоприятствуютъ силѣ проповѣдника, болѣе способны подчиняться ей, болѣе плодотворны въ отношеніи превосходныхъ результатовъ, чѣмъ всякое другое время отъ начала христіанства. Теперь могущество проповѣдника, въ отношеніи благородства и прочности, настолько превосходитъ силы Савонаролы или Джона Кнокса, насколько могущество современнаго электрика, біолога или государственнаго человѣка выше могущества алхимика, мага или феодальнаго владѣтеля временъ невѣжества и суевѣрія. „Является ли онъ врачомъ душъ, онъ лучше можетъ воздѣйствовать на пациентовъ пробужденныхъ, чѣмъ на тѣхъ, которые находятся еще въ оцѣпенѣніи. Является ли онъ апологетомъ, онъ лучше можетъ защищать предъ судомъ образованныхъ людей, чѣмъ предъ людьми темными. Если онъ обращается къ человѣческой волѣ, то къ такой, которая не связана страхомъ, если—къ совѣсти, то не омраченною суевѣріемъ; а если—къ сердцу, то къ такому, которое никогда такъ сильно не желало покоя, жизни и любви“.

Философы не поэты говорятъ, что наше время лишено энтузіазма и героизма и что поверхностный матеріализмъ въ своей дикой пляскѣ угасилъ подъ своими ногами пламя души. Въ этомъ пессимистическомъ взглядѣ на вещи есть доля истины и много безумія. Этотъ взглядъ проистекаетъ изъ поверхностнаго скептицизма, обращающаго вниманіе только на худшія явленія эпохи, въ которой, однако, можно видѣть и христіанскую дѣятельность на служеніе человечеству, богатую истиннымъ героизмомъ и энтузіазмомъ. Но то, что есть справедливаго въ этомъ пессимизмѣ, является наилучшимъ условіемъ для полнаго раскрытія силы проповѣдника.

Если вѣрно, что никогда прежде люди не были въ такой степени „безъ Бога и безъ надежды“; если, по мнѣнію поэтовъ отчанія, матеріалистическая любознательность вскрыла одну за другой нѣкогда прекрасныя куклы этого міра, чтобы на опустошенной ею поверхности рассыпать мякину, наполняющую ихъ, т. е., если матеріализмъ раскрылъ пустоту духовныхъ идеаловъ человѣчества, то безъ сомнѣнія наступило время второго появленія истиннаго Прометея, который бы принесъ свой тростникъ, полный небеснаго огня; пришло время, когда долженъ явиться герой, носитель благовѣстія жизни и безсмертія,—человѣкъ, видѣвшій Бога лицомъ къ лицу и получившій отъ него миссію—дать своему голосу звукъ, подобный звуку набата. Словомъ, если человѣкъ умѣетъ проповѣдывать вѣчное Евангеліе, если онъ самъ является живымъ воплощеніемъ его неисчерпаемой силы и крѣпости, его жизни, мира и радости, если онъ является голосомъ, способнымъ заставить понимать не только то, чему его научили въ школѣ, но—любовь Спасителя, тогда никакое другое время не могло бы ему предоставить болѣе широкаго и болѣе открытаго поля, болѣе признательнаго пріема со стороны народа и большей надежды на успѣхъ въ самомъ высококомъ смыслѣ этого слова. Если же новѣйшая проповѣдь мало вліятельна, то въ этомъ неповиненъ „духъ нашего времени“. Проповѣдники апостольскаго вѣка встрѣтились съ фарисейской гордостью, религіознымъ упорствомъ, развращеніемъ нравовъ, порочностью и сильнымъ эгоизмомъ, которымъ нѣтъ равныхъ въ наши дни; но они не убоялись и силою своего слова *они побѣдили*. Если каедрѣ недостаетъ силы, то въ этомъ виновата она сама, а не общество. Народъ, печать, общественное мнѣніе (подъ какой бы формой оно не выразалось), будучи далеки отъ того, чтобы отвергать ее, съ усердіемъ приняли бы истинно сильную проповѣдь и даже настойчиво требуютъ ее. Никогда живой проповѣдникъ не имѣлъ столько помощи и благопріятныхъ случаевъ; никогда сердца и дома не были болѣе открыты для его благовѣстія,

особенно, если онъ приходитъ къ нимъ просто, какъ чело-
вѣкъ, посланный Богомъ, чтобы принести всѣмъ практиче-
скую помощь и извѣстное упованіе.

Говоря это, я не хочу отрицать тѣхъ ощутительныхъ
причинъ, которыя стремятся ослабить вліяніе катедры. Одной
изъ этихъ причинъ является общепринятый порядокъ бого-
словскаго образованія. Несмотря на высоту религіознаго зна-
нія, развитіе силы проповѣди мало прогрессируетъ у нашихъ
молодыхъ богослововъ. Обособленіе студентовъ, стоящихъ въ
продолженіе 6—8 лѣтъ своего общаго и спеціально-богослов-
скаго приготовленія вдали отъ дѣйствительной жизни этого
дѣловаго міра, которому они должны будутъ нѣкогда слу-
жить; тотъ фактъ, что въ теченіе этого времени они имѣютъ
дѣло только съ отвлеченной мыслью и дѣшутъ только въ
атмосферѣ учености, не располагаютъ ихъ къ той „любви къ
народу“, которую аббатъ Мюлуа называетъ первымъ каче-
ствомъ, или къ тому „сочувствію ихъ нуждамъ“, которое
Вине признаетъ основой вліянія проповѣдника. Весьма вѣ-
роятно, что его слово будетъ учено, апологетично, догма-
тично, правильно,—всѣмъ, чѣмъ угодно; но оно не будетъ
имѣть простоты, естественности, живости, энтузіазма, дру-
жескаго характера, пылкости,—словомъ не будетъ сильно.

Мы не можемъ также отрицать наклонности и стремле-
нія нашего времени къ дѣятельности только чисто матеріаль-
ной и бѣдной нравственной энергіей, богатой изобрѣтеніями,
научными изслѣдованіями, открытіями и предпріятіями, но
бѣдной жизнью духовной,—къ дѣятельности, въ которой все
поверхностно, за исключеніемъ человѣческаго несчастія, дѣй-
ствительно очень глубокаго. Это эпоха странностей и на-
смѣшекъ надъ всѣмъ, начиная съ закона и любви небесной
и кончая загробными наказаніями. Жизнь какъ будто лишена
своей торжественности и высоты; мозгъ и сердце людей упо-
добляются тавернамъ, гдѣ молодой вѣкъ забавляется легко-
мысліемъ, вмѣсто того, чтобы быть жилищами истины и
добра. Велико искушеніе въ такой средѣ приспособлять свое

поученіе къ человѣческимъ расположеніямъ, заставлятъ Слово Божіе только сверкать, а не свѣтитъ и согрѣвать, разсуждать больше о прихотяхъ народа, чѣмъ о его потребностяхъ, стараться быть популярнымъ, а не сильнымъ, плавать вверху не вслѣдствіе силы, дающей намъ возможность преодолевать теченіе, но благодаря легкости, выносящей насъ на поверхность. Проповѣдникъ можетъ довести свою душу до безчувствія, вслѣдствіе привычки, полученной имъ отъ своихъ сюжетовъ; онъ можетъ также сдѣлаться такимъ, что видъ этого обольстительнаго міра, окружающаго его, будетъ отвлекать его, наравнѣ съ остальнымъ человѣчествомъ, отъ того существеннаго дѣла, которое онъ предпринялъ. Нужно ли послѣ этого удивляться, что его вліяніе уменьшается, что онъ почти совершенно теряетъ свою любовь къ человѣчеству и почти безъ угрызеній совѣсти созерцаетъ исчезновеніе своего перваго идеала?

Вотъ съ этими-то деморализующими и ослабляющими вліяніями проповѣднику и нужно энергично бороться. Къ этому обязываетъ его благородство и требуетъ этого его отвѣтственность. Цѣли, къ которымъ стремится проповѣдникъ, неизмѣнно и непостижимо остаются выше всего. Богъ, вѣчность, душа, все то, что касается долга человѣка здѣсь на землѣ и его будущаго назначенія,—вотъ предметы, которые не могутъ состарѣться такъ же, какъ небесная лазурь, и такъ же неисчерпаемы, какъ скорби и радости человѣчества. Какой силой нужно обладать человѣку въ присутствіи слушателей, представляющихъ для него только безсмертныя души, за которыя онъ долженъ будетъ дать отчетъ, и при томъ въ то самое время, какъ эти люди смотрятъ на него съ сознательнымъ уваженіемъ, будучи расположены подвергнуться доброму вліянію съ его стороны, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ молитва придаетъ душѣ вдохновеніе и религіозная музыка—крылья! Онъ находится въ самомъ торжественномъ положеніи, въ какомъ только можетъ оказаться человѣкъ по одну сторону гроба, онъ говоритъ, какъ небесный посланникъ, со-

вѣсти, сердцу, жизни каждаго изъ находящихся предъ его взоромъ; онъ обильно изливаетъ богатства Божественной любви, свѣта и жизни на существа, терпящія искушенія, печальныя и изнемогшія въ борьбѣ; онъ изслѣдуетъ глубины человѣческой виновности и открываетъ блаженство спасенія; онъ, наконецъ, исполняетъ эту работу въ сознаниі, что онъ окруженъ силами міра грядущаго. Какое обиліе матеріаловъ находится въ его распоряженіи, чтобы ткать изъ нихъ свѣти, въ которыя „ловець человѣковъ“ долженъ уловлять души! Всею областью человѣческихъ событій въ исторіи, въ современной жизни, областью царства природы, науки и искусства—всѣмъ этимъ онъ можетъ пользоваться для уясненія и подкрѣпленія уроковъ Слова Божія, которое и само изобилуетъ одновременно разнообразіемъ и высотой. Его Божественное призваніе даетъ ему право призывать себѣ на помощь въ качествѣ союзниковъ всѣ силы неба и земли, но главный элементъ его успѣха, при содѣйствіи Св. Духа, составляетъ *его личная сила*.

То, что сказалъ Лякордеръ въ своей знаменитой запискѣ о гениі, можетъ быть сказано, съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ, о силѣ и вдохновеніи, въ которыхъ нуждается проповѣдникъ. „Геній образуется двумя причинами—Богомъ и уединеніемъ“. Если можно опредѣлить гениі, какъ энергію, усиленную вдохновеніемъ, то мы могли бы также сказать, что та сила, которой мы побѣждаемъ міръ и покоряемъ его Кресту, есть произведеніе трехъ условій—Бога, уединенія и любви къ душамъ. Вооруженные съ головы до ногъ школьной наукой и средствами цивилизаціи, мы находимся у самаго источника всѣхъ символовъ и нравственныхъ ученій. Для всѣхъ предметовъ, о которыхъ намъ нужно трактовать, и для всякой работы, которую намъ нужно сдѣлать, мы имѣемъ книги, журналы, бесѣды и примѣры; чего же недостаетъ, чтобы сдѣлать наше служеніе сильнымъ? Намъ недостаетъ Бога, уединеннаго размышленія и любви, доходящей до самопожертвованія. Мы отвѣтственны за людей нашего

поколѣнія; небо ожидаетъ ихъ обращенія; Богъ потребуеть у насъ отчета за ихъ кровь! Наука не убѣдила насъ въ томъ, что они—потомки обезьяны; они не суть также и дѣти діавола. Многіе—его рабы, но и они имѣютъ нужды, потребности, страхи и надежды, которыя такъ же глубоки и властны, какъ инстинкты, и дѣлаютъ ихъ воспріимчивыми къ вѣрѣ въ Бога, если имъ представляютъ Его надлежащимъ образомъ. Но когда же имъ представляютъ Его такимъ образомъ? Мы предлагаемъ этимъ заблудшимъ братьямъ, которые, въ надеждѣ обрѣсти Бога, ищутъ Его какъ бы ошупью, по одному слѣпому инстинкту, нуждаются въ немъ, боясь Его; мы предлагаемъ этимъ погибающимъ людямъ Бога какого-то отвлеченнаго, научнаго, раціональнаго и, не имѣя успѣха въ своей проповѣди, можемъ только сказать беззаботной и далекой отъ насъ толпѣ: „мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали; мы пѣли вамъ печальныя пѣсни, и вы не рыдали“ (Мѡ. 11, 16). Самъ Иисусъ Христосъ, сказавшій эти слова по поводу Своего собственнаго неуспѣха, не могъ заставить любить Себя и вѣровать, когда Онъ просто находился въ тѣлѣ—хотя и былъ полнотою воплощеннаго Божества. Увѣнчанный сіяніемъ чудесъ и говорившій такъ, какъ никогда не говорилъ человекъ, Онъ проповѣдывалъ Бога, и однако закончилъ Свое служеніе такимъ горькимъ восклицаніемъ: „сколько разъ я хотѣлъ собрать васъ,—но вы не захотѣли“ (Мѡ. 23, 37). Спустя нѣсколько времени, это же самое іудейское простонародіе оглашало воздухъ воплями раскаянія и тысячами обращалось къ Богу. И вотъ основаніе этого факта: людямъ необходимо узрѣть Бога на крестѣ, чтобы быть привлеченными къ Нему. „Когда Я буду взять отъ земли, я всѣхъ привлеку къ Себѣ“.

Міръ не будетъ привлеченъ ко кресту, но онъ будетъ привлеченъ къ распятію. Картина страшнаго распинанія, представленная въ пламенныхъ словахъ живаго священнослужителя, всегда будетъ сильна для воздѣйствія и обращенія массы. Но намъ нужно узрѣть Христа прежде, чѣмъ по-

казывать Его другимъ. Нужно, чтобы наши души приучились къ безмолвному созерцанію, такъ близкому и симпатичному Христу, Котораго мы должны проповѣдывать; нужно намъ преобразиться, при помощи Св. Духа; нужно, чтобы образъ Спасителя соединялся со всѣми нашими мыслями и чувствами: Его крестъ долженъ быть водруженъ въ святилищѣ нашего сердца для того, чтобы мы могли убѣждать людей изъ его дѣйствительности. Мы можемъ проповѣдывать о *Христѣ* прекрасными словами, написанными въ тетради, которую мы приносимъ на кафедру; но не можемъ проповѣдывать *Христа*, Который не обитаетъ въ насъ въ живомъ и свѣтозарномъ присутствіи, обладая нами, дѣлая плодоносными, побуждая Своей красотой, Своей скорбію и неослабной любовію къ дѣйствию всѣхъ способностей, при помощи которыхъ мы представляемъ Его людямъ. Даже при нашей большой силѣ мы должны повторять жалобу Лякордера своему другу Монталамберу, когда этотъ краснорѣчивый священникъ своими необыкновенными проповѣдями въ Парижскомъ Соборѣ возвращалъ къ вѣрѣ тысячи молодыхъ людей: „какъ безсилень человекъ въ отношеніи пользы своего ближняго! Изъ всѣхъ его несчастій это—самое большое!“ Мы обречены созерцать движеніе, жизнь человѣчества, рядомъ съ нами, съ его гордостью, его радостями и печалями, безъ надежды и безъ Бога; и въ то время, какъ мы созерцаемъ, толпа уже исчезла! Но намъ не слѣдуетъ при этомъ оставаться парализованными въ своей вѣрѣ и ослабленными въ своей энергіи. Пусть это зрѣлище повергаетъ насъ на колѣна и держитъ насъ въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока мы не облечемся силою свыше. Намъ нужно употребить не мало времени для уединеннаго сосредоточенія, для созерцанія Христа и для молитвы. Съ уединенныхъ высотъ молитвеннаго размышленія и нисходятъ тѣ, которые двигаютъ міръ. Душа человѣческая, ищущая духовной силы и откровенія, естественно увлекается пустыней. Она была таковой для Израильскихъ пророковъ, для Оивайдскихъ подвижниковъ и для основателей религій таин-

ственной восток; въ ней приготовлялся къ своей миссиі Предтеча и Сынъ Человѣческій—къ евангелію и Кресту.

Посредствомъ такого уединеннаго общенія съ Богомъ и изученія библіи Савонаролла и приобрѣлъ эту личную гигантскую силу, эту энергію души, это повелѣвающее могущество воли, при помощи которыхъ онъ управлялъ Флоренціей съ своей кафедры въ „Dôme“. У него было мало реторики, недостаточный голосъ и въ началѣ неясный выговоръ; но его библія и его Богъ были ему близки; онъ любилъ свой народъ и вѣрилъ въ свою миссію. Одинъ изъ его біографовъ Бурламеччи говоритъ: „впечатлѣніе его проповѣди на слушателей и на него самого было чудесно. Онъ доходилъ до экстаза и электризовалъ свою аудиторію какъ бы внезапными толчками. Однажды во время проповѣди о потопѣ, когда онъ восходилъ на кафедру, народъ замѣтилъ, что онъ находился въ сильномъ волненіи. Обводя своими взорами толпу, онъ произнесъ свой текстъ: „и вотъ я наведу потопъ на землю“. Слова и его тонъ поразили всѣхъ ужасомъ. Нико Делямирандолъ, присутствовавшій при этомъ, рассказываетъ, что у него дрожь пробѣжала по всему тѣлу и ему казалось, что его волосы поднялись на головѣ. И Савонаролла признается, что онъ самъ былъ взволнованъ не меньше своихъ слушателей. Такимъ образомъ примѣръ Савонаролла показываетъ намъ, что *психическая сила* имѣетъ гораздо больше значенія, чѣмъ всякій другой существенный элементъ краснорѣчія. Она заключалась не въ его знаніи или логикѣ, но въ горячемъ чувствѣ его души и въ сильномъ давленіи его воли на сердца покоренныхъ слушателей, посредствомъ чего они подчинялись и велись къ указанной ему Богомъ цѣли.

Цѣль моего небольшого сочиненія—пролить нѣкоторый свѣтъ на эту сторону приготовленія проповѣди и склонить кого-либо изъ моихъ братьевъ къ развитію въ себѣ и пользованію этой скрытой психической силой. Если это будетъ достигнуто, то этимъ будетъ сдѣлано нѣчто для наступленія Царства Божія, послѣ чего самъ авторъ будетъ позабытъ.

Предкрещальные чины.

(Продолженіе ¹⁾).

Обращаясь къ содержанію изслѣдуемаго чина, мы должны подчеркнуть два явленія: 1) что молитвы женъ родильницѣ составлены не безъ вліянія апокрифовъ и 2) что составители ихъ имѣли ригористическія воззрѣнія на семейную жизнь. Несомнѣнно апокрифическій элементъ проглядываетъ въ слѣдующихъ строкахъ молитвъ: „и соблюди (родильницу) отъ всякаго наитія невидимыхъ духовъ, ей Господи, отъ недуга и слабости, *отъ ревности и зависти и отъ очесъ призора*“...; „и отъ всякаго потвора и отъ всякія лести пустошныя и отъ всякаго блужденія и лихоуманія“...; „очисти (дитя) отъ всякаго мечтанія и гада ядовитаго, отъ всякаго беззаконія, *отъ всякаго потвора, отъ всякія язъ*“...; (и въ греч. Евхологіи: ἀπὸ πάσης τοῦρανίδος, ἀπὸ πάσης ζάλης, ἀπὸ πάσης φαρμακίας). Невозможно предполагать, чтобы вѣра въ потворы и дурной глазъ была порожденіемъ христіанскаго сознанія. Напротивъ, съ этимъ повѣрьемъ, какъ съ обще распространенымъ мнѣніемъ, мы встрѣчаемся во многихъ языческихъ религіяхъ. Естественно, что черезъ послѣднія это повѣрье проникло въ христіанскую среду и въ вѣкъ паденія богословствующей мысли отразилось даже на церковныхъ молитвословіяхъ (А. Дмитріевскій. Труд. Кіев. Акад. 1902 г. Мартъ). Есть въ молитвахъ и легендарный элементъ. Въ молитвахъ „бабамъ“ не однажды говорится, что у Пресв. Дѣвы Маріи во время рожденія Господа прислуживала повивальная бабка, по имени Соломія. „Благословивый Соломію, бабу свою, пріимшую Тя во исходѣ Твоемъ;... благословивъ пришедшую на увѣреніе честнаго дѣтства Соломію бабу;... бабою повитый пеленами“. Древніе авторитетные памятники христіанства ничего не говорятъ о повивальной бабкѣ у св.

¹⁾ См. № 24-й за 1907 г.

Дѣвы Маріи и данное сообщеніе заимствовано, вѣроятно, изъ какого-либо апокрифа.

Вліяніе ригоризма въ молитвахъ женѣ родильницѣ сказалось въ моленіи о прощеніи женѣ за самый фактъ рожденія. Нужно, впрочемъ, оговориться, что этотъ вопросъ труденъ для разрѣшенія и малоизслѣдованъ. Его рѣшеніе обусловливается такимъ или инымъ отвѣтомъ на вопросъ: *можно ли считать грѣхомъ супружеское соитіе въ законномъ бракѣ и какъ результатъ этого соитія зачатіе и рожденіе новаго существа*¹⁾?

Задавшись цѣлю рѣшить этотъ вопросъ, мы обратились къ святоотеческой письменности и нашли, что вопросъ рѣшается не одинаково, по индивидуальнымъ свойствамъ характера и возрѣній того или иного отца. Для Григорія Богослова „плотское рожденіе есть дѣло ночи, рабское и страстное“ (т. III, стр. 224). Для св. Златоуста, бракъ и брачная жизнь—святыня, несмотря на то, что бракъ, какъ союзъ плотской, явился послѣ грѣхопаденія (Толк. на Быт., 243). Св. Златоустъ, повидимому, склоненъ предполагать, что если бы грѣхопаденія не совершилось, то брачная жизнь и не отлилась бы въ такія формы, въ какихъ мы наблюдаемъ ее теперь; что люди жили бы какъ ангелы Божіи на небесахъ; что способъ размноженія людей могъ бы быть инымъ. Но съ этимъ предположеніемъ св. отца врядъ ли можно согласиться. Читая I гл. книги Бытія, мы видимъ, что заповѣдь о размноженіи дана человѣку еще до грѣхопаденія, что заповѣдь эта по своему выраженію тождественна съ таковою же заповѣдью всѣмъ другимъ земнымъ существамъ. Это дастъ основаніе думать, что фізіологическіе процессы размноженія должны

---

¹⁾ Одно маленькое замѣчаніе. Въ нижеслѣдующемъ отдѣлѣ намъ приходится трактовать о самыхъ интимныхъ вещахъ. Потому возможны и неточности и ведомолвки. Нѣкоторыя выраженія, можетъ быть, покажутся неудобными, но что же дѣлать, когда таково свойство самаго предмета?!

быть одинаковыми у всѣхъ живыхъ существъ, населяющихъ землю. Было бы непонятно, почему слѣдуетъ сдѣлать исключеніе для человѣка. Но это, кажется, единственныя мѣста у св. Златоуста, которыя говорятъ нѣсколько не въ пользу брака. За то въ остальныхъ случаяхъ онъ становится рѣшительнымъ защитникомъ брака. Онъ исходитъ изъ того положенія, что въ „самой природѣ нашей есть какое-то страстное влеченіе, непонятное для насъ, которое соединяетъ тѣло мужа и жены“ (Толк. на Ефес. 312). Подобная же мысль встрѣчается и у св. Василія Великаго. „Нельзя найти, говоритъ онъ, другого врожденнаго тѣлесной природѣ вождельнія, болѣе сильнаго и стремительнаго, какъ вождельніе въ мущинахъ къ женскому полу, или въ женщинахъ къ мужскому, *чему и быть надлежитъ*, такъ какъ оно естественнымъ образомъ устремлено къ рожденію дѣтей. Бракъ, составляя одно изъ главныхъ дѣйствованій природы, долженъ влгати и сильнѣйшее стремленіе“ (Твор. ч. 5. М. 1847 г., стр. 377). Однако, производя стремленіе въ особяхъ одного пола къ другому, бракъ является нормирующимъ началомъ въ супружескихъ отношеніяхъ; въ томъ его и значеніе, что онъ умѣряетъ похотливость и удерживаетъ чувства въ должныхъ границахъ. „Съ законною женою совокупленіе, какъ безпрепятственное, ослабляетъ страсть и часто производитъ въ мужѣ пресыщеніе и укрощаетъ неумѣренную похоть“ (Злат. Твор. I, 246). Св. Златоустъ не однажды свидѣтельствуетъ, что бракъ обезпечиваетъ цѣломудріе. „Почему бракъ честенъ? Потому что онъ сохраняетъ вѣрующаго въ цѣломудріи“ (Тол. на Евр. 510). „Кто былъ цѣломудреннымъ до брака, тотъ тѣмъ болѣе останется таковымъ послѣ брака (I Тим. 126). Бракъ данъ для дѣторожденія, а еще болѣе для погашенія естественнаго пламени“ (Твор. I, 307). „Главная цѣль брака—цѣломудріе“ (III, 209). Были обстоятельства, которыя заставляли св. Златоуста нарочито выяснять значеніе и святость брака. Въ обществѣ стали распространяться ложныя воззрѣнія, порочившія бракъ, противъ чего такъ энергично

высказывались еще отцы Гангурскаго собора. Были въ ходу и представленія іудеевъ, „которые считали брачное ложе сквернымъ и говорили, что всякій, вставшій съ ложа, не чистъ“ (Толк. на Евр. 510). Противъ таковыхъ то и возстаютъ святители. „Ты, увлекшись непомѣрнымъ презрѣніемъ къ браку, пишеть онъ одной женщинѣ, оскорбила Божию премудрость и оклеветала все созданное“ (Твор. I, 296). „Браки ни Богъ не осуждаетъ, ни люди не укоряютъ“ (I, 275) „*Не то скверно, что происходитъ отъ природы, но то, что отъ воли.* Если бракъ честенъ, то онъ и чистъ; какъ же думаешь, что имъ человѣкъ оскверняется?“ (Евр. 510). Смотри столь возвышенно на самый бракъ, св. отецъ, разумѣется, долженъ былъ здраво глядѣть и на актъ супружескаго соитія, не почитая его сквернымъ и грѣховнымъ. „Зачѣмъ ты гоняешься за удовольствіемъ, которое ведетъ къ осужденію (говоритъ о прелюбодѣяннѣ), производитъ гибель, наноситъ неизлѣчимую рану, тогда какъ можно получать удовольствіе, не подвергаясь никакому злу? Съ свободною женою и удовольствіе и безопасность, и покой, и честь, и красота, и добрая слава, а тамъ великая горечь, великій вредъ, постоянное осужденіе“ (Тв. III, 213). Въ другомъ мѣстѣ св. отецъ выражается еще энергичнѣе, когда доказываетъ, что супружескія сношенія сами по себѣ не зло и что они не могутъ служить большой помѣхой для религіознаго чувства, совершенно парализуя его, какъ то хочется утверждать нѣкоторымъ. „Можно и съ женою совокупляться и молиться. Но при воздержаннѣ молитва бываетъ совершеннѣе... *Брачное дѣло* только отвлекаетъ отъ этого, а *не производитъ оскверненія*“ (Коринѣ. ч. I, 331). Если же бракъ честенъ и святъ, если супружеское соитіе вполнѣ законно и не подлежитъ осужденію, то eo ipso и результатъ этого соитія—рожденіе дитяти не можетъ почитаться грѣховнымъ актомъ. „*Можно зачинать и рождать по заповѣдямъ Божиимъ*“ (Тв. V, 86). Да, по воззрѣніямъ св. Златоуста, рожденіе и бываетъ, не какъ неизбѣжный результатъ брака, хотя и не

безъ брака, а главнымъ образомъ какъ результатъ заповѣди Божіей о размноженіи людей; „это доказываютъ тѣ, которые, вступивъ въ бракъ, не дѣлались отцами“ (III, 209). „Потому-то и Ева рожденіе Каина приписывала не природѣ, но Богу „і приобрѣла я человѣка отъ Господа“. (Быт. 315) Вообще же безгрѣшность самаго акта рожденія была для св. отца фактомъ, не допускающимъ сомнѣнія. „Если бракосочетаніе дѣло нечистое, то нечисты и всѣ рождающіеся отъ него, чего я не сказалъ бы о природѣ человѣческой“ (I, 296). Въ вѣкъ св. отца было еще много смѣшанныхъ браковъ—христіанъ съ язычниками. Христіане часто смущались этимъ обстоятельствомъ, почитая свой союзъ грѣховнымъ. Св. Іоаннь, слѣдуя ап. Павлу, успокоивалъ таковыхъ, доказывая законность и чистоту ихъ брака. „Въ иномъ нечистъ идолослужитель, а въ иномъ участвуетъ съ нимъ жена, въ чемъ онъ не нечистъ; ибо въ бракѣ и совокупленіи они взаимно участвуютъ“ (Кор. ч. I, 334). Посему „дабы жена не опасалась сдѣлаться нечистою отъ сожитія съ невѣрнымъ мужемъ, апостоль говоритъ: святится бо мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ“ (Ibid. 333). *Нечистота заключается не въ тѣлахъ сочетавающихся, а въ произволеніи и помыслахъ.* Затѣмъ представляется и доказательство: если ты, будучи нечистою, рождаешь дитя, которое происходитъ не отъ одной тебя, то неужели оно нечисто, или чисто только на половину? Въ настоящемъ случаѣ оно не нечисто, иначе бо, продолжаетъ апостоль, чада ваша нечиста были бы; нынѣ же свята суть, т. е. не нечисты“. (Ibid. 335—6). Приведенныхъ выдержекъ, полагаемъ, вполне достаточно, чтобы видѣть, какъ св. Іоаннь смотрѣлъ на супружескія отношенія и на результатъ этихъ отношеній—физическое рожденіе.

Итакъ, какъ же нужно смотрѣть на бракъ и связанныя съ нимъ супружескія отношенія и физическое рожденіе? Намъ кажется, что принципъ Златоуста: „нечистота заключается не въ тѣлахъ сочетавающихся, а въ произволеніи и помыслахъ“—глубоко вѣренъ. Съ этой точки зрѣнія супру-

жескія отношенія въ бракѣ могутъ быть и грѣховными и совершенно чистыми. Если человѣкъ видитъ въ бракѣ только средство для удовлетворенія своей необузданной похотливости, то бракъ становится грѣховнымъ; но законныя удовлетворенія полового чувства ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть осуждаемы. Правда, и въ нихъ заключается непременно элементъ страстности, но обвинять за это человѣка столь-же неосновательно, какъ осуждать его въ грѣхѣ чувственности, когда онъ получаетъ удовольствіе, вкушая пищу. Здравый смыслъ долженъ подсказать каждому, что брачныя отношенія нельзя разсматривать, какъ грѣховныя. Иначе какую же цѣну имѣетъ самый бракъ? Если совокупленіе съ законною женою есть грѣхъ, то зачѣмъ тогда и жениться, связывать себя тяжелыми условіями на всю жизнь? „Не все ли равно грѣшить съ своею женою, или съ постороннею! Нѣтъ, идея христіанскаго брака въ томъ и состоитъ, что въ бракѣ нѣтъ мѣста ни для какой мерзости, ни для какой скверны“ (В. Розановъ. Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго, стр. 181). Иной взглядъ на бракъ и есть узко-ригористическій, съ каковымъ взглядомъ мы и встрѣчаемся въ молитвахъ женъ родильницъ, гдѣ совершенно ясно выражается моленіе о прощеніи женъ за самый фактъ рожденія, „сладоострастный и нечистый“, какъ называетъ его Симеонъ Солунскій (стр. 49).

Ив. Филуровскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Практическіе уроки по обученію пѣнію въ начальной школѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Различіе звуковъ по длительности.

Учит. Пршлый разъ, дѣти, вы научились различать музыкальные звуки по ихъ высотѣ. А вотъ слушайте, я пропою „Господи помилуй“, а вы постарайтесь найти различіе музыкальныхъ звуковъ этой молитвы. Учитель поетъ „Господи помилуй“ на одной высотѣ (начальное), по одному удару на слогахъ: „Го-сно-ди по“, на слогъ „ми“ два удара и „луй“—четыре удара. Производитъ анализъ этой мелодіи примѣрно такъ:

Учит. Всѣ ли слоги этой молитвы пѣлись одинаковыми звуками? Вѣроятноѣ всего, что дѣти обратятъ вниманіе исключительно на высоту звуковъ и на предложенный вопросъ можно ожидать отвѣтовъ нежелательныхъ, или же дѣти не дадутъ никакого отвѣта. Тогда учитель долженъ повторить мелодію, какъ можно, отчетливѣе и ударами смычка или карандаша по столу обратить вниманіе учениковъ именно на длительность звуковъ.

Учит. Въ первый разъ, дѣти, вы не сумѣли найти различіе въ пропѣтыхъ звукахъ. Одинаковой ли высоты эти звуки? *Учен.* Одинаковой.

Учит. Такъ въ чемъ же различіе? Пойте со мною. Ученики поютъ *Учит.* Ну, разобрали? Кто скажетъ? Внимательные ученики теперь скажутъ,—что различіе между звуками есть. *Учит.* На какомъ слогѣ звукъ выдѣляется? *Учен.* На слогахъ „ми“ и „луй“ *Учит.* Чѣмъ же эти звуки выдѣляются отъ другихъ звуковъ? *Учен.* На слогъ „ми“ звукъ дольше тянется прежнихъ звуковъ, а на „луй“—самый долгій звукъ. *Учит.* Вотъ видите, дѣти, всѣ музыкальные

¹⁾ См. № 25-й за 1907 г.

звуки различаются по ихъ высотѣ и длительности. Послѣ этого учитель заставляетъ повторить, въ чемъ состоитъ различіе звуковъ. Этимъ и заканчивается урокъ.

Знаки музыкальныхъ звуковъ (ноты).

Учит. Кто скажетъ, какъ различаются музыкальные звуки? *Учен.* Музыкальные звуки различаются по высотѣ и длительности. *Учит.* Теперь протяните голосомъ звукъ „а“ долго. (Учитель даетъ дѣтямъ тонъ, но опредѣленнаго времени длительности звука не показываетъ, дѣти тянутъ длительность звука произвольно, а потому многіе изъ нихъ вскорѣ отстанутъ и уставятся глазами на тѣхъ, которые еще будутъ продолжать тянуть). Ученики поютъ. *Учит.* Хорошо! Всѣ ли вы разомъ начали пѣть? *Учен.* Всѣ. *Учит.* А окончили этотъ звукъ всѣ сразу или кто нибудь тянулъ меньше, а кто—больше? *Учен.* Пѣть, окончили не разомъ. *Учит.* Ну, теперь пропойте этотъ звукъ короче. Ученики поютъ. Учитель предлагаетъ пропѣть еще короче. Ученики исполняютъ, и результатъ получается тотъ же, что и въ первый разъ. *Учит.* Вотъ вы получили звукъ „а“ и долго и коротко; но, какъ вы и сами говорите, не всѣ разомъ оканчивали этотъ звукъ. Почему это такъ? *Учен.* Потому что мы не знали, сколько времени нужно тянуть. *Учит.* Вотъ видите, дѣти, чтобы разомъ начинать и разомъ оканчивать пѣть музыкальный звукъ, нужно всѣмъ условиться, сколько времени нужно пѣть указанный звукъ. Какъ же мы опредѣлимъ время? На часы смотрѣть не удобно во время пѣнія, да не ясно часы и покажутъ звукъ короткаго времени. Вотъ люди и придумали способъ измѣрять время длительности звуковъ взмахами, ударами руки. Значить, если мы условимся съ вами тянуть звукъ „а“ въ одинъ ударъ, въ два, въ три, или въ четыре, то тогда всѣ будемъ начинать и оканчивать разомъ? *Учен.* Всѣ. *Учит.* Повтори же, Вася, чѣмъ измѣряется длительность музыкальныхъ звуковъ? *Учен.* Длительность звуковъ

измѣряется взмахами руки. *Учит.* Мы сначала научимся только считать удары руки. Слушайте, дѣти! За одинъ ударъ считается время, пока рука движется внизъ и поднимается вверхъ. Вотъ такъ. (Учитель ясно показываетъ движеніе руки внизъ и вверхъ и считаетъ протяжно ра-азъ, ра-а-азъ). Теперь вы, дѣти, сдѣлайте такъ, какъ я, только слѣдите за собой, начинайте и оканчивайте разомъ, тяните слово „разъ“, пока рука движется внизъ и вверхъ и такъ нѣсколько разъ, пока я не скажу довольно, да не стучите сильно о скамейки. Начинайте! *Учен.* Ра-а-азъ, ра-а-азъ, ра-а-азъ... *Учит.* Довольно! Хорошо! А теперь вмѣсто слова „разъ“ мы пропоемъ звукъ „а“ въ одинъ ударъ и тоже нѣсколько разъ, каждый разъ отдѣльно. (Можно на каждый разъ, т. е. ударъ, мѣнять звуки: а, о, е, и, у). Учитель даетъ тонъ; дѣти разомъ начинаютъ.—А-а-а, а-а-а, а-а-а... *Учит.* Довольно! Теперь разомъ вы начинали и оканчивали? *Учен.* Разомъ. *Учит.* Саша! почему это такъ у насъ теперь выходило, что мы разомъ начали пѣть и оканчивали? *Учен.* Потому что мы условились пѣть каждый звукъ по одному только удару. *Учит.* Ну теперь, дѣти, мы постараемся пропѣть звукъ „а“ въ два удара, а для этого мы сначала научимся считать разъ—два во время двухъ взмаховъ руки. Дѣти учатся считать во время движеній руки: ра-а-азъ, два-а-а... Потомъ учитель предлагаетъ дѣтямъ замѣнить счетъ разъ—два пѣніемъ звука „а“ въ продолженіе двухъ ударовъ руки. Ученики исполняютъ, и цѣль достигается вполне. *Учит.* Митя! во сколько ударовъ мы пѣли этотъ звукъ? *Учен.* Въ два удара.

Такимъ же способомъ достигается счетъ при пѣніи звуковъ въ три и четыре удара.

Далѣе, повторивъ съ учениками, чѣмъ измѣряется длительность музыкальных звуковъ, учитель переходитъ къ изображенію звуковъ особыми знаками (нотами). Для этого онъ ведетъ приблизительно такую бесѣду. *Учит.* Какъ называются значки, которыми записываются звуки рѣчи? *Учен.* Буквами. *Учит.* Да, буквами. А для записи музыкальных—(пѣвче-

скихъ) звуковъ существуютъ особые знаки, называемые *нотами*. Повтори, Сережа,—что мы будемъ называть нотами? *Учен.* Нотами мы будемъ называть музыкальные знаки. *Учит.* Такъ. Что же мы будемъ записывать нотами? *Учен.* Нотами мы будемъ записывать пѣвческіе звуки. *Учит.* Хорошо. Мы пѣли звуки по длительности во сколько ударовъ? *Ученики.* Въ два, три, одинъ и четыре. *Учит.* Вотъ мы научимся записывать звуки по ихъ длительности. Звукъ въ четыре удара изображается въ видѣ кружка (овала). (Учитель пишетъ на классной доскѣ цѣлую ноту). Звукъ, записанный этой нотой, нужно пѣть, пока мы не насчитаемъ рукой четыре удара. Звукъ такой будетъ называться звукомъ цѣлаго времени, а потому и нота эта будетъ называться *цѣлой нотой*. Вася! какъ называется эта нота? *Учен.* Цѣлая нота. *Учит.* Сколько ударовъ въ цѣлой нотѣ? *Учен.* Въ цѣлой нотѣ четыре удара. *Учит.* Петя! Расскажи, какъ эта нота изображается и пойдинашиши ее. (Ученикъ рассказываетъ и записываетъ). *Учит.* Пройдите эту ноту на звукъ „а“, а я буду считать удары. (Дѣти исполняютъ). Затѣмъ учитель пишетъ на доскѣ рядомъ пять цѣлыхъ нотъ и подписываетъ подъ ними буквы: „а, о, е, и, у“ и заставляеть дѣтей пропѣть эти ноты, называя каждую вышеозначенными звуками, по четыре удара отдѣльно каждую. (Ученики поютъ, а учитель въ это время даетъ рукою счетъ, опуская руку сверху внизъ и громко считаетъ: разъ, два, три, четыре...). *Учит.* Какъ называется звукъ въ четыре удара? *Учен.* Звукъ цѣлаго времени. *Учит.* А если мы протянемъ звукъ только въ два удара,—составитъ ли такой звукъ цѣлое время? *Учен.* Нѣтъ. *Учит.* Два какую часть четырехъ составляетъ? *Учен.* Половину. *Учит.* Такъ. Вотъ если мы запишемъ звукъ въ два удара, то такая нота будетъ называться *половинная нота* (полунота, половина). Изображается она въ видѣ кружка съ прибавленіемъ къ нему линія съ лѣвой стороны внизъ или съ правой стороны вверхъ. (Учитель пишетъ и рассказываетъ). *Учит.* Какъ называется этотъ знакъ? *Учен.* Полунотой. *Учит.*

Сколько ударовъ въ полуноть? *Учен.* Въ полуноть два удара. *Учит.* Коля! расскажи, какъ эта нота изображается и пойдй—запиши. (Ученикъ исполняетъ).

Потомъ пишется нѣсколько нотъ по два удара и поется нѣсколько разъ со счетомъ по взмахамъ руки. *Учит.* По сколько ударовъ мы пѣли каждую ноту! *Учен.* По два удара. *Учит.* Теперь мы пропоемъ звукъ еще короче, въ одинъ ударъ. Какъ бы вы назвали такой звукъ? (Если дѣти не скажутъ, то учитель наводящими вопросами доведеть учениковъ до названія этого звука—четвертью цѣлаго времени). *Учит.* Звукъ продолжительностью въ одинъ ударъ изображается точкою съ прибавленіемъ къ ней линіи вверхъ или внизъ и называется *четвертью*. *Учит.* пишетъ на доскѣ.— Какъ называется этотъ знакъ? *Учен.* Четверть. *Учит.* Сколько ударовъ въ четверти? *Учен.* Въ четверти—одинъ ударъ. Далѣе идетъ письмо четверти учениками и упражненіе въ пѣніи четвертей со счетомъ. *Учит.* Сейчасъ мы пѣли ноты по длительности во сколько ударовъ? *Учен.* Въ одинъ ударъ. *Учит.* За одинъ ударъ мы считаемъ какія движенія руки? *Учен.* Движеніе рукою внизъ и вверхъ. *Учит.* Хорошо. А можно ли пропѣть звукъ въ то время, когда рука движется только внизъ? *Учен.* Можно. *Учит.* Споемъ такой звукъ. (Ученики поютъ, а учитель движеніемъ руки внизъ обрываетъ ихъ). *Учит.* За какое время мы пропѣли звукъ „а“? *Учен.* За полъ удара? *Учит.* Значить, за цѣлый ударъ такихъ звуковъ мы сколько можемъ пропѣть? *Учен.* Два звука. *Учит.* А за два удара? *Учен.* Четыре. *Учит.* А за цѣлыхъ четыре удара? *Учен.* Восемь. *Учит.* Такъ. За четыре удара мы можемъ пропѣть восемь звуковъ по полъ удара каждый. А потому такой звукъ будетъ называться *осьмой*. Какъ называется такой звукъ? *Учен.* Осьмой. *Учит.* Сколко ударовъ въ осьмой? *Учен.* Полъ удара. *Учит.* Осьмая пишется, какъ и четверть, да еще къ линіи прибавляется такой крючечекъ. (Учитель пишетъ на доскѣ осьмую съ линіей вверхъ и внизъ). Письмо осьмой повторяютъ ученики, а потомъ идетъ упражненіе въ

нѣни звуковъ „а, о, е, и, у“ осьмыми. Счетъ долженъ быть самый точный, т. е. движеніе руки внизъ и вверхъ самое отчетливое.

Учит. Вотъ вы, дѣти, ознакомились съ четырьмя нотными знаками. Кто мнѣ ихъ назоветъ? Ученики съ веселымъ шумомъ поднимаютъ руки. Учитель предлагаетъ въ разбивку дать названіе каждой нотѣ и указать, сколько ударовъ въ каждой. Для большаго закрѣпленія въ памяти учениковъ нотъ различнаго изображенія ихъ длительности учитель раздаетъ имъ карандаши и бѣлую бумагу безъ линескъ и заставляеть ихъ писать подъ диктовку, состоящую въ томъ, что онъ диктуетъ ритмическую стоимость нотъ. Въ заключеніе ученики поютъ и считаютъ написанное.

Д. О. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Наша епархіальная жизнь.

Нуженъ ли уставъ для церковно-приходскихъ совѣтовъ и пастырскихъ собраний? Мѣропріятія по устройству этихъ учреждений въ Орловской епархіи. Религіозно-просвѣтительная и практическая стороны дѣятельности этихъ учреждений. Оцѣнка ихъ. Мнѣнія противъ этихъ организацій.—Общинныя организаціи у древнихъ христіанъ. Къ чему больше склоняется дѣятельность духовенства?—Кое-что о союзѣ іереевъ.

Опредѣленіе С. Синода объ учрежденіи церковно-приходскихъ совѣтовъ и пастырскихъ собраний не сопровождалось, какъ извѣстно, изданіемъ особыхъ правилъ и инструкцій для ихъ дѣятельности. Указывалось только общее направленіе, въ какомъ они должны дѣйствовать. Когда указанное опредѣленіе было проведено въ жизнь, возникъ вопросъ, нуженъ-ли какой-либо уставъ для приходскихъ совѣтовъ. Нѣкоторые рѣшительно высказались противъ такого устава. Онъ былъ-бы, по ихъ словамъ, уставомъ пастырской живой идейной дѣятельности. Но есть вещи, которыя нельзя регламентировать, никакой уставъ не вызоветъ ихъ къ жизни

и только чуткое сердце способно это сдѣлать. Можно пожалѣть о тѣхъ приходскихъ собраніяхъ, которыя вызваны будутъ къ жизни путемъ изданія опредѣленныхъ правилъ. Не уставъ тутъ нуженъ; уставы только въ корнѣ убиваютъ всякое живое дѣло; отъ него и живыя дѣла дѣлаются мертвыми, а тутъ нужно чуткое сердце человѣка: оно лучше всякихъ уставовъ подскажетъ, какъ вдохнуть душу живу въ то или другое дѣло (Кіев. Епарх. Вѣд. № 14).

Другіе исходили изъ той мысли, что духовенство не привыкло къ участию въ общественной дѣятельности, къ собраніямъ съ мірянами и даже между собой для пастырской взаимопомощи, что и сказалось весьма рельефно на всѣхъ собраніяхъ и съѣздахъ, особенно по уѣздамъ. Изъ практики выяснилось, что уѣзднымъ пастырскимъ собраніямъ съ членами приходскихъ совѣтовъ необходимо для своей правильной организаціи образовать исполнительные совѣты, которые бы созывали собранія, разсылали предупредительныя извѣщенія участникамъ съѣздовъ, были въ курсѣ всѣхъ дѣлъ, опредѣляли предметъ, мѣсто и время собраній, находились въ сношеніяхъ съ предсѣдателями собраній и приходскихъ совѣтовъ, собирали доклады на уѣздные пастырскіе съѣзды и т. д. На этомъ основаніи Орловскій Преосвященный предписалъ образовать во всѣхъ уѣздахъ такъ называемые исполнительные совѣты, а чтобы сообщить приходскимъ собраніямъ необходимую силу и энергію, а главное сдѣлать ихъ дѣйствительно полезными и работоспособными органами церковно-общественной жизни, предложилъ къ исполненію особыя правила для нихъ, составленныя однимъ орловскимъ священникомъ (Орлов. Е. Вѣд. № 4). Правила эти похожи на всякія другія правила и имѣютъ чисто формальный характеръ, опредѣляя мѣсто, время и порядокъ собраній, права предсѣдателя и т. д. Навивно было бы думать, что они могутъ способствовать оживленію церковной приходской жизни. Здѣсь имѣются, между прочимъ, такіе §§: „желающіе словесно высказать свои мнѣнія по тому или иному вопросу должны предварительно записать-

ся у предсѣдателя и говорить потомъ по очереди своей записи по приглашенію его. Ораторъ, уклоняющійся въ сторону отъ трактуемаго вопроса, долженъ быть останавливаемъ въ дальнѣйшемъ теченіи своей рѣчи предсѣдателемъ. Общая продолжительность времени для отдѣльныхъ рѣчей не должна превышать 15 минутъ“ и пр. О существѣ-же дѣла ни слова. Болѣе дѣйствительную мѣру для оживленія дѣятельности церковно-приходскихъ совѣтовъ предложилъ Елецкій исполнительный совѣтъ. Учреждены исполнительные совѣты въ орловской епархіи для объединенія дѣятельности отдѣльныхъ церковно-приходскихъ совѣтовъ, для выработки программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на приходскихъ совѣтахъ, для общаго руководства всею церковно-приходскою жизнію уѣзда и т. под. Въ виду важности такой задачи, по мнѣнію Елецкаго Совѣта, было бы въ высшей степени полезнымъ всѣмъ исполнительнымъ совѣтамъ епархіи безотлагательно помѣщать на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей возможно полная свѣдѣнія о дѣятельности своихъ церковно-приходскихъ совѣтовъ, о возникающихъ въ совѣтахъ и на пастырскихъ собраніяхъ вопросахъ, о состоявшихся постановленіяхъ, о возбуждающихся ходатайствахъ, о высказанныхъ предположеніяхъ и т. п. Желательно бы печатать къ общему свѣдѣнію болѣе или менѣе выдающіеся доклады по мѣстнымъ и общимъ вопросамъ церковно-приходской жизни и т. д. (Орлов. Епарх. Вѣд. № 5). Мысль хотя и не новая, но заслуживающая полного вниманія. Пока неизвѣстно только, какъ откликнулись на нее другіе совѣты орловской епархіи. Отозвался одинъ протоіерей о. Лавровъ. Онъ предложилъ такую организацію церковно-приходского совѣта. Члены совѣта должны непременно распредѣлить между собою дѣла, касающіяся прихода. Одни взяли бы на себя обязанность устраивать по мѣстамъ собесѣдованія, другіе—завести бібліотеки, третьи—сборъ пожертвованій. Имѣя въ виду, что отсутствіе матеріальныхъ средствъ много вредитъ дѣлу, необходимо особенно позаботиться о приобрѣтеніи ихъ, а для этого производить сборъ въ совѣтскую

кружку не только въ церкви, но и вездѣ по приходу при всякомъ удобномъ случаѣ, напр., при отправленіи общественныхъ молебствій, при крестныхъ ходахъ и пр. Къ учрежденію такой кружки прихожане отнесутся сочувственно, потому, что она имѣеть задачею облегчить тяжелую участь вдовъ и сиротъ, о коихъ само общество, будучи погружено въ собственныя нужды и заботы, мало заботится. Члены этой комиссіи должны начать немедленно помощь бѣднѣйшимъ, особенно малолѣтнимъ сиротамъ. Два-три маленькихъ практически полезныхъ дѣла поднимуть престижъ приходскихъ выборныхъ больше, чѣмъ десять краснорѣчивѣйшихъ проповѣдей. Четвертые изъ членовъ должны обратить вниманіе на существующія школы—церковно-приходскія, разумѣется—указать на ихъ надобности и нужды и средства къ устраниенію. Затѣмъ необходимо себѣ выяснить и помнить, какія требованія должны быть предъявлены къ каждой изъ означенныхъ комиссій въ отдѣльности, въ соотвѣтствіи съ общимъ духомъ приходского совѣта—стремленіемъ къ практической дѣятельности. Дѣятельность каждаго члена совѣта въ его области должна имѣть прежде всего въ виду практической результатъ, дабы она могла вообще возбудить къ себѣ вниманіе. Напр., въ собесѣдованіяхъ нужно говорить не о „птицахъ небесныхъ“, а о „зарытыхъ талантахъ“, не о томъ, что въ свѣтскихъ книгахъ только соблазнъ, а о томъ, что хорошая свѣтская книга научить, какъ при меньшей работѣ получить большой урожай. Не лишнее было бы затѣмъ организовать хотя одинъ кружокъ, съ періодическими собраніями, изъ людей, интересующихся вопросами религіи; изъ нихъ потомъ выйдутъ горячіе защитники религіи, болѣе, можетъ быть, умѣлые, чѣмъ проповѣдники по обязанности. Могутъ быть еще комиссіи, которымъ дѣло всегда найдется. Напр., бесплатное распространеніе религіозно-нравственныхъ листовъ, но не бессистемное, а напр., по членамъ Символа вѣры. Въ теченіе недѣли ведутся собесѣдованія о первомъ членѣ, раздаются такіе-же листки и распространяются по селеніямъ прихода; на второй недѣлѣ — вто-

рой членъ и т. д.; а тамъ можно и весь Символь вѣры распространять въ видѣ книжечки. (Орлов. Епарх. Вѣд. № 17).

Достойно замѣчанія, что во всѣхъ статьяхъ о дѣятельности церковно-приходскихъ совѣтовъ обсуждается и выставляется болѣе чисто практическая сторона дѣла, а не религиозно-просвѣтительная, которая какъ-то ставится на второмъ планѣ. Одинъ кишиневскій священникъ мечтаетъ, напр., объ организаціи при помощи приходскихъ совѣтовъ всевозможныхъ ремесль, объ устройствѣ мастерскихъ, столярныхъ, слесарныхъ, ткацкихъ и т. д., объ устройствѣ читальныхъ залъ съ газетами, журналами, о заведеніи образцовыхъ огородовъ, садовъ, домовъ трудолюбія, яслей, складовъ сельско-хозяйственныхъ, инструментовъ, сѣмянъ, о роли совѣта въ качествѣ комиссіонера по закупкѣ и доставкѣ хлѣба, и пр. и пр. (Кишин. Епар. В. № 7).

Все это сельскому населенію, конечно, очень нужно, но едвали возможно для церковно-приходского совѣта. Такая широкая постановка выведетъ совѣтъ далеко изъ предѣловъ его прямой задачи и отниметъ у него характеръ церковности. Къ чему, напр., такія постановленія нѣкоторыхъ совѣтовъ: „возбудить чрезъ его преосвященство ходатайство предъ губернскимъ земствомъ объ устройствѣ постоянного моста на рѣкѣ Оршиѣ и ручьѣ „Плоскій колодезь“. „Имѣли сужденіе и постановили единогласно: ходатайствовать объ открытіи ярмарки при церкви на 30 августа и 2-е февраля, а предварительно переговорить съ крестьянами Архангельскаго общества относительно мѣста подъ ярмарку и оформить это дѣло“ (Орлов. Е. В. № 11). Последнее постановленіе объ открытіи ярмарки въ праздничные дни и около церкви совсѣмъ уже не говоритъ въ пользу совѣта, сдѣлавшаго такое постановленіе.

Не лишнимъ будетъ отмѣтить, что существуютъ мнѣнія, направленные противъ учрежденія церковно приходскихъ совѣтовъ и вообще всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ въ настоящее

время къ оживленію приходской жизни. Въ Тульскихъ Епарх. Вѣд. (№ 8) священникъ о. Нектаровъ высказываетъ такія мысли. Предлагаются различныя мѣры поставить приходъ на должную высоту и возратить ему ту живительную силу, которая одухотворяла членовъ прихода въ древнія времена, когда между пастырями и пасомыми было полное единеніе. Существующій строй прихода представляется не нормальнымъ: вѣрующіе не имѣютъ тяготѣнія къ опредѣленному храму; сердца мірянъ не влечетъ благолѣпная церковная служба, и все это—въ силу того, что міряне удалены, говорятъ, отъ приходскихъ дѣлъ и что въ настоящее время существуетъ лишь внѣшняя связь мірянъ съ храмомъ, но нѣтъ той внутренней связи, которая служила бы объединяющимъ и оживляющимъ началомъ въ приходской жизни. Жаль, говоритъ свящ. Нектаровъ, что реформаторы не столь откровенны и больше ограничиваются упреками, но окончательно не высказываются, что собственно имъ желательно. Во всякомъ случаѣ, указаніе на извѣстныя мѣры есть только гаданіе и не гарантируетъ еще дѣйствительно коренного исправленія прихода. Допустимъ, что приходская жизнь ненормальна, но это еще не требуетъ непремѣнно отыскиванія новыхъ мѣръ къ упорядоченію прихода; почему-бы не взяться за исправленіе прихода, не ломая существующаго строя его? Вѣрно-ли, на самомъ дѣлѣ, сѣтованіе на устраненіе мірянъ отъ церковно-приходской жизни? не есть-ли это намѣренное замалчиваніе или, быть можетъ, забвеніе того, что дано приходу или мірянамъ для проявленія своего участія въ дѣлахъ церкви? Говорятъ, что приходской храмъ не привлекаетъ своихъ прихожанъ. Не правда; неужели тотъ храмъ, гдѣ я получилъ благодатные дары Св. Духа, ничего не говоритъ моему сердцу? Неужели я въ немъ посторонній, когда за всѣми общественными служеніями возносится къ престолу Вседержителя моленіе о братіи святаго храма сего и, конечно, за меня? Нѣтъ внутренней связи въ приходѣ. Такъ, но куда-же и какъ она утратилась? Тутъ, дѣйствительно, пужно глубже вникнуть въ

это явленіе. Если вспомнить первые вѣка христіанства и времена особаго подъема христіанскаго духа благочестія, то станеть съ очевидностью понятно, что дѣло внутренней связи прихода должно основываться и созидаться не изъ цемента человѣческихъ мѣропріятій, но на божественномъ законѣ, заповѣдяхъ Божіихъ. Если же одинъ мірянинъ въ приходѣ будетъ отвергать постъ, другому не нравятся поклоны, иному обременительны праздники, то уже тутъ усиленіе мірскаго элемента въ церковномъ управленіи нисколько не поможетъ. Такимъ образомъ, ненормальности прихода и отчужденія мірянъ отъ церкви происходятъ отъ уклоненія ихъ самихъ отъ пути христіанскаго благочестія, а не оттого, что для мірянъ исчезла внутренняя связь съ клиромъ и церковью, какую можно было бы возратить путемъ возстановленія древняго прихода, устройства приходскаго совѣта и проч. Къ сказанному нужно присоединить еще то обстоятельство, что въ настоящее время, т. е. при существующемъ строѣ приходо-въ, не рѣдкость и не исключеніе составляютъ тѣ многіе приходы, гдѣ между пастыремъ и приходомъ есть полное единеніе духа и христіанской любви, гдѣ еще пастыри ходятъ впереди своего стада и овцы слышатъ ихъ гласъ и по нимъ идутъ. И, стало быть, совершенно не справедливо то представленіе, будто міряне устранены отъ церковно-религіозной жизни; наоборотъ, участіе ихъ можетъ проявляться довольно широко, если безъ предвзятыхъ взглядовъ смотрѣть на это дѣло, да и самая внутренняя связь можетъ быть очень глубока, если того пожелаютъ сами міряне: братства, попечительства развѣ не представляютъ для мірянъ широкаго поля дѣятельности благотворительной, просвѣтительной и религіозной? Что же касается хозяйственной стороны въ церкви, то и въ этомъ случаѣ прихожане не безправны: самая инструкция церковнымъ старостамъ показываетъ, какое положеніе въ хозяйственныхъ дѣлахъ храма имѣютъ прихожане. Ссылаться на злоупотребленія въ такого характера дѣлахъ не значитъ, что извѣстный порядокъ устарѣлъ, а показы-

вается этимъ только то, что необходимо бороться съ такимъ зломъ.

Отрицающа новыя мѣры оживленія прихода, авторъ, однако, съ своей стороны, не указываетъ, что нужно дѣлать для поднятія церковно-приходской жизни и для возстановленія внутренней связи между мірянами и церковью. Кто-бы ни былъ виноватъ въ утратѣ этой связи, все же нужно позаботиться о возстановленіи ея. Церковно-приходскіе совѣты и могутъ здѣсь сослужить великую службу, если будутъ преслѣдовать прежде всего религіозно-просвѣтительныя цѣли. Въ новыхъ предлагаемыхъ мѣрахъ для оживленія приходской жизни нѣтъ никакой ломки существующаго строя; всѣ онѣ представляютъ изъ себя возстановленіе и усиленіе прежняго. Разумѣется, слишкомъ смѣло было бы мечтать о повтореніи, а тѣмъ болѣе скоромъ и точномъ, первой христіанской общины среди нашей смутной дѣйствительности, но всѣми силами заботиться о подражаніи ей, о приближеніи къ этому идеальному образу необходимо, и оставить эти заботы значитъ отказаться отъ дѣйствительнаго оживленія современнаго прихода. Было бы глубокою несправедливостію думать, что въ жизни народа изсякла всякая почва для оживленія прихода въ духѣ древне христіанскомъ. Загляните въ праздникъ въ храмы; среди тысячъ богомольцевъ замѣтите много лицъ, умиленныхъ молитвой. Пойдите въ св. обители, къ подножію чудотворныхъ иконъ, къ гробницамъ св. угодниковъ и убѣдитесь, сколько вѣры и любви къ Богу еще приносятъ сюда русскій человѣкъ! Множество фактовъ убѣждаютъ въ томъ, что живъ еще духъ христіанскій въ народѣ и нельзя обвинять этотъ народъ въ утерѣ имъ внутренней религіозной связи съ церковью. Дѣло обновленія прихода, по мнѣнію многихъ, нужно начинать съ пастырей. Всѣхъ желательныхъ результатовъ можно достигнуть лишь въ томъ случаѣ, если пастыри будутъ призванные, убѣжденные, а помощники ихъ, ближайшіе сослуживцы—родственны съ ними по настроенію. Въ этомъ—самый существенный нервъ обновленія прихода. Пока же зна-

чительный процентъ іереевъ будетъ служить изъ-за матеріальной нужды и подъ гнетомъ житейскихъ обстоятельствъ, а существеннымъ признакомъ многихъ діаконовъ и псаломщиковъ будетъ не религіозное настроеніе и преданность дѣлу, до тѣхъ поръ многіе приходы обречены на мертвенное прозябаніе, и отдѣльные члены ихъ, если будутъ горѣть христіанскимъ огонькомъ, то-порознь, одиноко (Москов. Церк. Вѣд. № 6). Съ другой стороны нельзя не отмѣтить того факта, что хотя среди духовенства и весьма замѣтно теперь нѣкоторое оживленіе, но проявляется оно совершенно въ другой сферѣ. Многіе священники печатаютъ свои мысли и желанія въ духовныхъ органахъ печати. Собираются пастырскіе собранія, гдѣ ведутся разговоры, а часто и горячія пренія. Священники выступили даже съ организаторскими способностями: основываютъ подотдѣлы политическихъ партій (союзъ русскихъ людей). Но все возбужденіе, всѣ эти статьи и рѣчи большею частію относятся къ политической сферѣ жизни. Какъ-то все вниманіе ушло на косвенную для священника дѣятельность политическую. Въ настоящее время каждый изъ священниковъ въ политикѣ имѣетъ определенное настроеніе, если не убѣжденіе. Къ сожалѣнію, нельзя того сказать о дѣятельности духовенства въ области церковныхъ вопросовъ. Здѣсь интересы совсѣмъ не оживлены: на пастырскихъ собраніяхъ возбуждаются по церковнымъ вопросамъ темы слишкомъ ужъ мелочно-практическаго характера: нѣкоторые склонны понимать пользу и цѣль пастырскихъ собраній исключительно въ корпоративной защитѣ узкихъ личныхъ интересовъ, думаютъ создать сплоченную группу для какой-то борьбы. Общихъ заботъ о благѣ церкви не слышно. Журналы предсоборной комиссіи, печатаемые въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ съ спеціальною цѣлью ознакомить всю Церковь съ предстоящими преобразованіями, рѣдко, рѣдко кѣмъ изъ священниковъ прочитываются, а объ определенныхъ убѣжденіяхъ въ этой области нечего и говорить (Кишин. Епарх. Вѣд. № 10).

Въ заключеніе объ одномъ союзѣ іереевъ. Идея свободной дѣятельности пастырей и свободы ихъ собраній благословлена Св. Синодомъ и практически осуществлена опредѣленіемъ о пастырскихъ собраніяхъ. Пастыри не медлятъ пользоваться предоставленной свободой. Въ разныхъ епархіяхъ по разному осуществляется свобода. Въ Курской, напр., епархіи священники рѣшили образовать „Союзъ іереевъ“. Въ августѣ 1906 года отъ шести пастырей курской епархіи поступило ходатайство къ епархіальному архіерею такого содержания: „настоящее тревожное время требуетъ отъ насъ, пастырей, особенной бдительности и усиленнаго дѣланія на нивѣ Христовой. Тѣ или иныя происходящія явленія въ жизни нашихъ паствъ нельзя оставлять безъ особеннаго къ нимъ нашего вниманія, отклика и пастырскаго воздѣйствія. Сознывая, что въ единеніи сила и залогъ благоуспѣшности, прониклись мы мыслию объединиться для дружной совмѣстной работы, включая въ цѣли объединенія и вообще поддержку другъ другу въ жизни. Покорнѣйше просимъ Ваше Преосвященство благословить наше братское объединеніе подъ названіемъ „Союзъ іереевъ“. Къ ходатайству приложенъ проектъ основаній для образованія союза, касающійся собраній союза, предметовъ обсужденія и пр. (Курск. Епарх. Вѣд. № 12). Къ сожалѣнію, неизвѣстно, чѣмъ кончилось ходатайство шести.

Е. Р.

Украинскія легенды о грѣхопадѣніи первыхъ людей и изгнаніи ихъ изъ рая ¹⁾).

Легенды о грѣхопадѣніи первыхъ людей и изгнаніи ихъ изъ рая, вопреки завѣреніямъ проф. Сумцова ²⁾, заключаютъ въ себѣ весьма существенныя отклоненія отъ библейскаго сказанія о томъ же предметѣ—частію подъ вліяніемъ апокрифовъ, главнымъ же образомъ потому, что въ этихъ легендахъ данъ довольно значительный просторъ фантазіи, подчасъ слишкомъ ужъ фривольной. Нужно замѣтить, что вообще украинскія легенды, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, любятъ отклоняться отъ Библии и впадать въ игриво-вульгарный тонъ. Первое объясняется отчасти особымъ взглядомъ украинскаго народа на Библию, въ которой „весь свѣтъ завязанный и связанный; ее никакъ нельзя прочесть, и если кто и *понатужится*, захочетъ узнать все, что въ ней есть, тотъ непременно съ ума сойдетъ. Грамотнымъ людямъ особенно нужно остерегаться Библии, потому что въ ней есть такія слова, которыя, дѣйствительно, можно читать; но промежду нихъ есть и такія, которыхъ никакъ не годится говорить“ ³⁾. Отклонившись же отъ Библии и почувствовавши себя въ сферѣ менѣе свободнаго апокрифа, легенда не прочь порою довольно легко и съ народнымъ юморомъ отнестись къ тому или иному космогоническому или другому подобному серьезному вопросу и разрѣшить его даже въ анекдотическомъ смыслѣ. Изъ апокрифовъ наиболѣе сильное вліяніе на украинскія легенды о грѣхопадѣніи первыхъ людей и изгнаніи ихъ изъ рая оказали „Слово о Адамѣ“ и „Слово о ис-

¹⁾ См. „Руков. для сельск. паст.“ за тек. годъ. № 25: „Украинскія легенды о сотвореніи Адама и Евы“.

²⁾ „Кіевская Старина“ 1837 г., іюнь—іюль, „Очерки исторіи южно-русскихъ апокриф. сказаній и пѣсень“, стр. 247.

³⁾ „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи“. Очерки по этнографіи края. Подъ редакціей В. В. Иванова. Т. I., стр. 389.

повѣданіи Евинѣ“, представляющія собою, собственно говоря, только *два* разныя редакціи одного и того же апокрифа ¹⁾).

Содержаніе „Слова о исповѣданіи Евинѣ“ въ той части, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ грѣхонаденію первыхъ людей и изгнанію ихъ изъ рая, можетъ быть передано въ слѣдующихъ *общихъ* чертахъ (разсказъ—*исповѣданіе* ведется отъ лица Евы, которую попросили о томъ ея дѣти и внуки). Соблазняя первыхъ людей, Діаволь пришелъ къ нимъ въ видѣ свѣтлаго ангела и на слова Адама и Евы, что Богъ не велѣлъ вкушать отъ древа познанія добра и зла, сталъ жалѣть ихъ: они,—говорилъ Діаволь,—этого не разумѣютъ, потому что, если бы съѣли отъ того древа, то были бы, какъ боги. Когда затѣмъ соблазненная діаволомъ Ева вкусила отъ плода, то „сердце въ ней возмутилось“. Она позвала Адама и сказала: „Приди ко мнѣ и посмотри великое чудо: я отверзла уста, и языкъ мой самъ во мнѣ заговорилъ“. Адамъ, взявши отъ Евы, также съѣлъ плода. Тогда отверзлись очи ихъ; Адамъ и Ева увидѣли свою наготу, и въ сердцѣ ихъ явилась похоть. Листья со всѣхъ деревьевъ мгновенно осыпались, кромѣ одной смоковницы. Адамъ и Ева подошли подъ нее и шили себѣ изъ ея листьевъ одѣяніе. Адамъ тотчасъ же почувствовалъ свой тяжкій грѣхъ и сталъ горячо молиться Богу: тѣмъ не менѣе Господь изгналъ и его и Еву изъ рая.

Канва апокрифа весьма проста; разсказъ ведется во всемъ согласно съ Библией, исключая только возбужденія „въ сердцѣ“ Адама и Евы „похоти“, послѣ того какъ они увидѣли наготу другъ друга. Не то въ легендахъ, обставленныхъ, по всему прочему, еще и многими дополнительными подробностями, касающимися событій, предшествовавшихъ

¹⁾ Текстъ ихъ изданъ въ славянской редакціи проф. Тихонравовымъ („Памятники отреченной литературы“, т. I, стр. 1—15, 298—304) и академ. Пылинымъ („Памятники старинной русской литературы“, ч. 3, гл. 1—7).

грѣхонаденію первыхъ людей. Такъ, легенда, записанная въ Купянскомъ уѣздѣ, въ м. Пово-Бѣленькой, начинается довольно подробнымъ разсказомъ о низверженіи Сатанаила съ неба.

Господь—предвѣчный Духъ, говоритъ легенда,—безъ времени виталь и непостижимой троичности Своей ни въ чемъ еще не проявлялъ. Онъ зналъ, что все будетъ такъ, какъ Имъ назначено давно: и Сынь Его, и Мать, и сонмы ангеловъ святыхъ, и часть отпадшая отъ нихъ, и пространнѣйшій міръ, и малая земля, и смертнѣйшій человѣкъ на ней. И вотъ явились духи-ангелы передъ Имъ. Первый ангелъ приступилъ къ Нему, чтобы узнать волю Его. И слышитъ Даниль-Умниль (такъ звать перваго ангела) отъ Бога такое приказаніе: „Пойди и собери всѣ свои полки, все воинство свое представь на смотръ ты Сыну Моему“. Отошелъ Даниль-Умниль съ нахмуреннымъ челомъ и думаетъ: „Откуда взялся Сынь? Былъ Богъ да я одинъ—глава всѣхъ ангеловъ Его, а теперь вотъ еще явился новый Повелитель“.—Раздѣлилъ Даниль-Умниль всѣ ангельскіе полки на *дѣвъ* части: одну составилъ онъ изъ однокрылатыхъ ангеловъ и отдалъ Богу, другую—изъ шестикрылыхъ—увлекъ на свою сторону и вступилъ съ первыми въ битву. Поставилъ Даниль-Умниль престоль свой выше Божьяго, чтобы придать храбрости своей сторонѣ. Три дня и три ночи шла на небѣ страшная битва; Господь дожидался ихъ покаянія. Архангелъ Михаилъ былъ тогда еще *Михою*, а гордый Даниль-Умниль носилъ великое имя *Сатанаила*. Изъ Мухи Господь сдѣлалъ Михаила-архистратига, далъ ему копьё и *жезло* и велѣлъ прогнать съ неба Данила-Умнила съ его шестикрылымъ воинствомъ на *тысячу* лѣтъ въ преисподнюю.—„Пойди,—сказалъ Богъ, вручая архистратигу Михаилу копьё и *жезло*,—пойди прогони его этимъ оружіемъ съ неба, почерни его, когти ему насади, хвостъ прицѣпи, рога наставь“. Архистратигъ Михаилъ исполнилъ приказаніе Божіе: свергнувъ Данила-Умнила съ престола, когти ему на пальцы насадилъ, хвостъ къ

заду прицѣпилъ, рога на голову наставилъ и всего почернилъ да и загналъ его въ преисподнюю на тысячу лѣтъ,—а тысяча лѣтъ, какъ одинъ день. Потомъ сотворилъ Богъ солнце, луну и звѣзды, воду и землю, насадилъ рай; сотворилъ изъ земли Адама и Еву изъ ребра Адама, назначилъ семь ангеловъ—начальниковъ (очевидно—въ соотвѣтствіе семи чинамъ ангельскимъ) и распредѣлилъ ихъ по чину ихъ. Вылетѣлъ Даниль-Умнилъ на свѣтъ изъ преисподней, бросился къ солнцу, чтобы сорвать его съ неба; но солнце обожгло его. Тогда онъ побѣжалъ въ рай. При видѣ блаженства первыхъ людей, зависть стала терзать Данила-Умнилу, и онъ влѣзъ въ жабу и подползъ подъ Еву, которая спала въ тѣни райскаго дерева, помрачилъ ей умъ, возбудилъ похоть. Потомъ вылѣзъ изъ жабы, вошелъ въ змѣю, поползъ по Адаму и Евѣ и, прельстивши ихъ, увлекъ къ грѣху. Видитъ, далѣе, Даниль-Умнилъ запрещенное древо, срываетъ съ него красное яблочко, подаетъ Евѣ и говоритъ: „Если хочешь быть богиней, съѣшь этого плода: отверзутся твои очи, познаешь ты добро и зло“. Ева вкусила яблоко и подала Адаму. Отверзлись у нихъ очи: увидали они свою наготу; увидавши, застыдились и поспѣшили прикрыться листьями. Приходитъ Господь въ рай и, не видя Адама, зоветъ:

— Адамъ, гдѣ ты?

— Я здѣсь, въ раю.

— За то, что послушался своей жены и вкусилъ запрещеннаго плода, будешь работать до поту ты самъ и весь твой родъ. А ты, Ева, будешь слушаться мужа и будешь въ болѣзни рождать чадъ.

Затѣмъ Богъ приказалъ архангелу Михаилу выгнать Адама и Еву *кнутами* изъ рая ¹⁾.

Скажемъ предварительно нѣсколько словъ объ эпизодѣ о низверженіи Сатанаила, чтобы болѣе къ нему уже не воз-

¹⁾ „Этнографическое Обзоріе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 76—77.

вращаться ¹⁾. Въ приведенной легендѣ Сатанаилъ становится падшимъ ангеломъ вслѣдствіе своей непомѣрной гордыни. Относительно мотива возмущенія Сатанаила противъ Бога нужно замѣтить, что онъ является не произведеніемъ народной фантазіи или домысломъ народа, а составляетъ, безъ

¹⁾ Конецъ эпизода о низверженіи Сатанаила въ легендѣ, записанной въ слоб. Ново-Николаевкѣ, того же Купянского уѣзда, передается нѣсколько иначе. Ангель Миха, предводитель Божьей рати, два раза являлся къ Богу съ докладомъ о томъ, что никакъ не можетъ одолѣть своего противника; но Богъ посылаетъ его продолжать битву съ врагомъ. Когда же Миха предсталъ предъ Богомъ въ третій разъ и сказалъ, что чувствуетъ себя безсильнымъ противъ врага, Богъ отнялъ отъ Сатанаила три послѣднія буквы (*иль*), прибавилъ ихъ къ имени Миха и назначилъ послѣдняго Своимъ архистратигомъ. Тогда архистратигъ *Михаилъ* тотчасъ же побѣдилъ *Сатану* и все воинство его („Этнографич. Обзорѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 77—78).—Въ Кіевѣ г. Юріемъ Олтаржевскимъ записанъ еще одинъ весьма любопытный варіантъ о низверженіи Сатанаила съ неба.—Давно это было. Тогда не было ни людей, ни земли, ни деревьевъ, ни птицъ—и вообще никакой живой твари не было еще на свѣтѣ, ее уже послѣ Господь Богъ премудростію Своею сотворилъ, благословилъ и повелѣлъ каждой дѣлать свое дѣло. Одна только кукушка между птицами, какъ цыганъ между людьми, никакъ не можетъ осѣсть на одномъ мѣстѣ, въ своей хатѣ: нѣтъ у нея своего гнѣзда, а въ чужія гнѣзда яйца кладетъ. Такъ ей ужъ отъ Господа, говорятъ, завѣтъ такой данъ, чтобы она не смѣла своимъ собственнымъ хозяйствомъ жить, а чтобы толкалась по чужимъ угламъ и не знала утѣхи отъ своихъ дѣтей. Каждая тварь, какаѣ бы она ни была „проклятуца“,—вотъ хотя бы, напр., волкъ—на что ужъ, кажется, большаго разбойника, а и тотъ утѣшается своими дѣтками—да! а кукушка—это, вѣдь, собственно даже и не птица, а такъ—„перевертень“, тьфу!—вотъ она что.—Такъ вотъ тогда была вездѣ вода, а надъ нею *первое небо*, на которомъ жилъ Богъ и *два* Его прислужника: *Мишка* и *Гришка*,—вотъ какъ при монастыряхъ, можетъ быть, доводилось вамъ видѣть послушниковъ, или служекъ, такъ при такомъ точно дѣлѣ и они состояли. А на *самогъ небѣ*, тамъ, гдѣ теперь живетъ Божія Матерь, жилъ Сатанаилъ и во всемъ шелъ наперекоръ Господу. Что ни захочетъ Господь сдѣлать, то онъ, лукавый этотъ Сатанаилъ, возьметъ да и помѣшаетъ, не дастъ—таки, проклятый, сдѣлать. Вотъ и задумалъ Господь Богъ, какъ бы это Ему истребить Сатанаила, и не столько окончательно истребить, сколько отнять *ризу* его, въ которой заключалась вся его сила. Однажды Сатанаилъ раздѣлся, положилъ ризу свою на камень и сталъ плавать на морѣ, такъ какъ онъ очень любилъ, „проклятуцій“, купаться. А Господь сидитъ на *Своемъ небѣ* да

сомнѣнія, книжное заимствованіе, книжный отголосокъ. Такъ, въ „Лѣтописи иже во святыхъ отца нашего Димитрія, митрополита Ростовскаго“²⁾ о причинѣ паденія части ангеловъ говорится слѣдующее: „Вину тоя ангельскія гордыни иѣщии отъ богословцовъ сказуютъ быти сицевую: аки бы Господь Богъ открылъ бы ангеламъ тайну воплощенія Слова, имъ же имѣ соединитесь божество съ человѣчествомъ въ лицѣ Христовомъ, Ему же все естество ангельское долженствуетъ кланяться. Единъ убо отъ бѣльшихъ ангель, глаголемый

смотреть. Вотъ и заспорилъ Господь Богъ съ Сатанайломъ: „Не достанешь,—говоритъ Господь,—дна морскаго“. А Сатанайлъ говоритъ: „Нѣтъ, достану“. Вотъ Сатанайлъ и началъ пробовать да нырять, а Господь позвалъ Мишку и велѣлъ ему, чтобы летѣлъ на море, и когда нырнетъ Сатанайлъ, то чтобы началъ дуть изо всей мочи на море. Такъ и сдѣлали. Сатанайлъ нырнулъ первый разъ, а Мишка и сталъ дуть изо всей мочи на воду—море такъ и взялось корой, замерзло. Сатанайлъ вынырнулъ да и пробилъ головою ледъ. Вотъ Господь и говоритъ: „А ну, ныряй,—говоритъ,—второй разъ“! У нихъ, видите ли, такое ужъ условіе было, чтобы до *трехъ* разъ нырять. Нырнулъ Сатанайлъ второй разъ, а Мишка дуетъ на воду, даже присѣлъ,—хочется таки и ему выслужиться передъ Господомъ. Море снова взялось льдомъ, еще болѣе толстымъ. Сатанайлъ вынырнулъ и опять пробилъ головою ледъ. Господь говоритъ: „А ну,—говоритъ,—ныряй третій разъ“! Сатанайлъ нырнулъ, а Мишка—чуть не треснетъ, такъ дуетъ на море; и Господь сталъ тоже ему помогать—началъ и Себѣ дуть, что было мочи, на море. Море покрылось такимъ толстымъ льдомъ, что Сатанайлъ, когда вынырнулъ, то не смогъ уже пробить его головою, а Гришка тѣмъ часомъ схватилъ ризу Сатанайла и ну удирать съ нею на небо. Увидѣвши, что съ нимъ не шутлять, Сатанайлъ тотчасъ же началъ „прохукувать“ (согрѣвать дыханіемъ) ледъ; „прохукавъ“ дыру, да и погнался за Гришкою и уже сталъ было догонять его, такъ какъ у Гришки было *два* крыла, а у Сатанайла *цѣлыхъ шестеро*. Когда тутъ гдѣ ни взялся Мишка, да мечемъ и отхватилъ Сатанайлу крылья. Сатанайлъ упалъ въ море, а ризу его Мишка съ Гришкою принесли къ Богу. Въ этой самой ризѣ Исусъ Христосъ виослѣдствіи на крестѣ мучился; а изъ Мишки да Гришки Господь сдѣлалъ архангеловъ *Михаила* да *Гавріила* („Кіевская Старина“ 1887 г., Май, стр. 196—197).—Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ легкимъ измѣненіемъ въ сторону еще болѣе ярко выраженнаго дуализма легенды, приведенной уже нами въ № 2 -мъ.

²⁾ Москва, 1784, стр. 4.

Свѣтоносный разсмотряя высоту и славу естества своего ангельскаго, разсуждая же худость имѣвшаго быти брэннаго естества человѣческаго, разгордѣлся и умысли не поклонитя хотящему воплотитя Богу Слову, и рече въ себѣ: на небо възду, и буду подобенъ Вышнему“.—По другимъ легендамъ, гордость *Люцифера* обнаружилась въ томъ, что онъ отказался исполнить приказаніе Бога поклонитя *первому человеку*.—„Я созданъ изъ свѣта и пламени,—сказалъ Люциферъ,—а онъ изъ земной грязи,—и я долженъ ему поклонитя? Нѣтъ, не унижусь я передъ земнымъ прахомъ, который своими дѣлами осквернитъ мать свою—землю!“—Этотъ мотивъ отказа Люцифра поклонитя Адаму могъ быть внесень въ украинскія легенды изъ талмудическихъ сказаній, перенесенныхъ и въ Аль-Коранъ. Въ послѣднемъ сказано: „Когда Мы рекли ангеламъ: „поклонитя Адаму“,—они всѣ ему поклонилися, выключая *Еалиса*, который рекъ: „Поклонюся ли тому, котораго Ты создалъ изъ глины“? И онъ рекъ: „Что Ты мыслиши о человѣкѣ, котораго Ты предпочелъ мнѣ? Воистину, если Ты потерпишь мнѣ до дня воскресенья, я искореню все потомство его, выключая нѣкихъ“¹⁾.

Что касается грѣхопаденія первыхъ людей, то *началомъ* его легенда признаетъ *помраченіе ума вслѣдствіе возбужденія похоти* сперва въ Евѣ, для чего Сатанаиль „влѣзъ въ жабу и подползъ подъ Еву, которая спала въ тѣни райскаго дерева“, а затѣмъ въ Адамѣ и Евѣ вмѣстѣ, для чего Сатанаиль „вошелъ въ змѣю, поползалъ по Адаму и Евѣ и, прельстивши ихъ, увлекъ къ грѣху“. Этотъ мотивъ могъ войти въ легенду—1) изъ Апокалипсиса, гдѣ въ гл. 16-й, ст. 13-мъ говорится: *И видѣхъ изъ устъ змія, и изъ устъ звѣря, и изъ устъ лжало пророка духи три нечистые, яко жабы исходящія*; 2) изъ народнаго міровоззрѣнія и непосредственнаго наблюденія. Лягушки (жабы) водятся въ бо-

¹⁾ „Алкоранъ Магомедовъ“. Перевелъ съ англійскаго А. Колмаковъ. Спб. 1792 г., ч. 2, стр. 22.

лотахъ,—и черти также водятся въ болотахъ, стало быть, черти живутъ вмѣстѣ съ лягушками, близки къ нимъ. Утопленницы (утопившіяся намѣренно) превращаются, по народному повѣрью, въ лягушекъ, въ жабы и становятся подругами, сожительницами чертей. Кромѣ того, народомъ не могло быть не замѣчено, что жабы въ теченіе брачнаго періода, находясь въ возбужденномъ состояніи, прыгаютъ, какъ *помраченныя*, на всякій брошенный имъ предметъ и являютъ, такимъ образомъ, *олицетвореннымъ сладострастіемъ*. Отсюда уже понятно, почему въ легендѣ Даниль-Умниль вошелъ именно въ жабу, чтобы *помрачить умъ Евы и возбудить въ ней похоть*.

Вопроса о низверженіи Сатанаила, а также о сотвореніи Адама, Евы и нечистыхъ духовъ касается и легенда, записанная въ с. Хомутиныхъ, хотя главный предметъ ея—грѣхопаденіе первыхъ людей. Въ легендѣ этой есть черты, сходныя съ другими легендами, но есть и такія характерныя подробности въ чисто народномъ духѣ, которыя встрѣчаются только въ ней одной. Приводимъ текстъ легенды по возможности въ дословномъ переводѣ.

Человѣка, говорятъ, вылѣпилъ Господь изъ глины, при чемъ далъ ему совѣмъ Свою святую „постать“. Только, на бѣду, осталась еще послѣ этого горсть глины. Гдѣ ее подѣть! Господь и прилѣпилъ эту глину между ногами человѣка,—и изъ нея сдѣлалось „грѣшное тѣло“, которое и сгубило человѣка. Если бы не оно, жилъ бы себѣ Адамъ въ раю припѣваючи; а то—нѣтъ! Прожилъ день, да и затосковалъ: сказано—подошла „грѣшная думка“. Однако Господь все же не хочетъ дать ему жену. „Лучше,—думаетъ Себѣ,—дамъ Я ему товарища; товарищъ все же лучше, чѣмъ жена“. Вотъ Богъ и говоритъ Адаму: „Не тоскуй, Адамъ: будетъ то, чего ты желаешь! Обмокни въ росу мизинный палецъ да и стряхни передъ собою,—и будетъ у тебя товарищъ. Гляди же только,—прибавилъ Господь,—не стряхни позади себя“! А Адамъ позабылъ ли, или что: обмокнулъ въ росу всю руку,

да какъ стряхнетъ назадъ, такъ и появилось *пять* чертей. Глянулъ Адамъ, да въ ноги. А черти ну обмакивать въ росу лапы да встряхивать позади себя. И столько ихъ размножилось, что даже небо трещало.

Вотъ такъ и теперъ жида дѣлають. Жидъ, „пса віра“ (собачья вѣра), ни за что не оботретъ послѣ мытья рукъ по-христіански, а непременно тряхнетъ сначала позади себя мокрыми руками ¹⁾).

Посмотрѣлъ Господь, какой бѣды натворилъ Адамъ, да и велѣлъ Своимъ ангеламъ всѣхъ чертей погонять съ неба. Какъ посыпались съ неба черти, то гдѣ который помянулъ Бога, тамъ и остался: который на небѣ—на небѣ остался, который на землѣ—на землѣ остался, а который въ воздухѣ—въ воздухѣ остался. Однако, черти всегда остаются чертями. Тѣ, которые на землѣ, „подводятъ“ человѣка; тѣ, которые подъ небомъ, „дрязнятся“ съ Богомъ, за что Господь и побиваетъ ихъ Своимъ громомъ. Бываетъ такъ, что чортъ прячется иногда за христіанина; тогда Господь убиваетъ громомъ и христіанина, но зато отпускаетъ ему грѣхи ²⁾). А иногда чортъ прячется въ землю; но громовая стрѣла убиваетъ его и въ землѣ, а черезъ *семь* лѣтъ выходитъ изъ земли, и говорятъ, что она помогаетъ отъ коликъ. Тѣ же

---

¹⁾ Повѣрье о происхожденіи чертей изъ капель воды, стряхнутыхъ съ рукъ, послѣ мытья ихъ, назадъ, широко распространено среди нашихъ малороссовъ. И въ настоящее время можно еще часто услышать въ крестьянской семьѣ приказаніе дѣтямъ, чтобы они, когда идутъ, умывшись, къ ручнику, не отряхивали мокрыхъ рукъ, не „трѣпали“ назадъ, потому что изъ капель, падающихъ при этомъ движеніи, раждаются черти („Этног. Обзорѣніе“ 1892 г. XIII—XIV, стр. 74).

²⁾ См. Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, в. I, стр. 282.—Вѣроятно, вслѣдствіе того, что жида, съ одной стороны, способствуютъ размноженію чертей на бѣломъ свѣтѣ, а съ другой—потому, что жидъ, какъ „пса віра“, не можетъ служить надежной защитой, и черти за нихъ не прячутся, такъ что, „ще якъ свѣтъ стоить, то не чути, щобъ гримъ жиды вбивъ,—ажъ оце якось і жиды въ насъ вбито“ („Малорусскія нар. преданія и рассказы“. Сводъ Драгоманова, стр. 16).

черти, которые остались на самомъ небѣ, каждый вечеръ зажигають тамъ свои смоляныя свѣчки; однако ангелы ходятъ спиною впередъ („пличами“) да и стоняють ихъ съ неба. И летить чортъ съ неба, какъ свѣтящаяся полоска (падающія звѣзды), и сколько разъ христіанинъ скажетъ: *аминь*, на столько сажень чортъ залѣзаетъ въ землю; а если иной разъ никто не скажетъ, то онъ по землѣ такъ и разольется смолою.

Вотъ снова приходитъ Господь къ Адаму да и говоритъ: „А что, Адамъ, по всему видно, тебѣ жену бы надо!“! Глянулъ Адамъ на Бога и только *облизівся*. „Ну, ужъ нечего съ тобою дѣлать!—говоритъ Господь:—нужно тебѣ и жену дать“. И наслалъ Господь на Адама сонъ, *выломалъ* у него лѣвое ребро,—и изъ того ребра *сдѣлалась* жена.

Радости Адама не было границъ, когда увидалъ онъ жену, но онъ скоро убѣдился, что гдѣ чортъ самъ не сможетъ, тамъ пошлетъ жену.—Въ раю были въ одномъ мѣстѣ такія яблочки, которыя Богъ запретилъ ѣсть. Жена, какъ взглянула на нихъ, такъ и привязалась къ мужу: дай да и дай. Адамъ говоритъ что нельзя; а она говоритъ: „Такъ-то ты,—говоритъ,—меня любишь, что жалѣешь и яблочка для меня“. „Да ѣшь уже,—говоритъ Адамъ,—коли хочешь! только хотъ меня не доведи до грѣха“. Ева, какъ только съѣла сама, тотчасъ же начала упрашивать и мужа. Какъ ни отговаривался Адамъ, не тутъ-то было. Вотъ уже ѣсть и онъ; только что сталъ глотать, когда приходитъ Господь,—такъ то яблоко въ горлѣ и осталось, и теперь оно „на горлѣ“ у всякаго мужчины (кадыкъ). Посмотрѣлъ Господь, даетъ Адаму заступъ, допату и горсть сѣмянъ и говоритъ ему: „Такъ-то, Адамъ: не хотѣлъ ты хранить Моей заповѣди, теперь иди кровавымъ потомъ добывай себѣ хлѣбъ!“! Да и выпнать его изъ рая на землю ¹⁾).

¹⁾ М. Драгомановъ. „Малорусскія народныя преданія и рассказы“, стр. 91—92.

Новое побужденіе къ соблазну Евы Сатанайломъ указывается легенда, записанная въ Радомысльскомъ уѣздѣ. Когда Богъ,—говоритъ легенда,—сотворивши Адама и Еву и поселивши ихъ въ рай, пошелъ на небо, Ева тотчасъ же пошла въ садъ прогуляться. А она была такая красавица, что тотъ ангель, котораго Богъ низвергнулъ съ неба, сразу же *влюбился въ нее*. Оборотился онъ въ змѣю да и взлѣзъ на яблоню, на которой росли запрещенные Богомъ яблоки. Подходить туда Ева. Падшій ангель и говоритъ ей: „Почему вы съ этого дерева не рвете яблокъ? Они уже созрѣли“. Ева отвѣчаетъ: „Намъ Богъ сказалъ, чтобы мы не ѣли съ этого дерева яблокъ, иначе умремъ“. „Богъ для того такъ сказалъ,—замѣтила на это змѣя,—чтобы вы сами не сдѣлались богами, потому что, если вы съѣдите хоть одно яблочко съ этого дерева, то будете тоже богами“. Ева повѣрила и хотѣла было уже съѣсть яблоко съ того дерева, когда идетъ Адамъ. „А ты и забыла, что этихъ яблокъ нельзя ѣсть“? Ева говоритъ: „Мы сдѣлаемся богами, если съѣдимъ хоть одно яблоко“. И съѣли Адамъ и Ева запрещенное яблоко. Какъ только они проглотили, тотчасъ же имъ стало стыдно и холодно. Они спили листьѣя изъ липы, закрылись да и спрятались, чтобы ихъ не нашелъ Богъ. Однако Богъ дознался про все и изгналъ ихъ изъ рая, а около воротъ поставилъ ангела, чтобы стерегъ его. *Роговое тѣло* Адама и Евы Богъ тотчасъ же перемѣнилъ на такое, какое у насъ теперь, оставивши часть его только *на концы пальцевъ* ¹⁾.

Въ этой легендѣ обращаетъ на себя также вниманіе замѣчаніе о потерѣ нашими прародителями послѣ грѣхопаденія рогового тѣла и замѣнѣ его настоящимъ человѣческимъ тѣломъ, при чемъ народъ добавляетъ, что остриженные пог-

¹⁾ П. Чубинскій. „Труды Этногр.—статист. Экспедиціи въ зап.—русскій край“. Т. I, стр. 146; ср. „Этногр. Обзорніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 83.

ти—остатки рогового тѣла—не слѣдуетъ бросать на землю, а нужно прятать ихъ за пазуху, потому что а) изъ нихъ дьяволъ шьетъ себѣ шапку-невидимку, и когда надѣваетъ эту шапку, то Богъ не можетъ попасть въ него молніей; в) остриженные ногти нужно сохранять для того, чтобы послѣ смерти можно было при ихъ помощи вскоробкаться на высокую стеклянную гору рая¹⁾. Послѣднія повѣрья встрѣчаются у всѣхъ вообще славянъ и литовцевъ, вошли въ Талмудъ и Эдду и отличаются явно миѳическимъ характеромъ.

Совершенно особнякомъ стоитъ легенда о сотвореніи Адама и Евы, ихъ грѣхопаденіи и изгнаніи изъ рая, рассказанная упомянутой уже нами раньше „бабуней“, Марцей Оверчихой. Къ сожалѣнію, легенда эта, помѣщенная въ *воспоминаніяхъ* „изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика“, осталась какъ-то незамѣченной и не обратила на себя должнаго вниманія серьезныхъ фольклористовъ. Интересны въ ней нѣкоторыя подробности сотворенія первыхъ людей, но интереснѣе всего взглядъ на то, *въ чемъ именно состояло грѣхопаденіе* ихъ. Вотъ эта легенда.

Когда сотворили Господь небо и землю и освѣтили ее солнцемъ, то взяли въ руки глины, стали мѣсить ее, лѣпить—и вылѣпили мужа и жену да и положили ихъ противъ солнца, чтобы они обсохли, а Сами пошли въ рай немножко отдохнуть. А дьяволъ бродилъ себѣ въ это время по свѣту да и наткнулся на людей. Глядитъ на нихъ,—а они такіе красивые, такіе красивые съ лица, какъ ангелы,—хоть воды съ нихъ напейся. Страшная зависть взяла дьявола, что они такіе красивые, а онъ такой черный, безобразный; даже слезы выступили у него изъ глазъ. Обошелъ онъ вокругъ людей, посмотрѣлъ еще, скривился, да и взялъ и облевалъ ихъ. Какъ разъ на ту пору Господь подошли къ людямъ.

¹⁾ Б. Гринченко. „Этнографическіе матеріалы“, вып. 7, стр. 23; В. Ивановъ. „Жизнь и творчество крестьянъ Харьковской губерніи“. Т. I, стр. 851. П. Чубинскій, „Труды Этно.—стат. Эксп.“ т. I, стр. 87;

Какъ глянули на людей, такъ даже руками всплеснули. „Ай! что же это ты надѣлалъ Сатана“? „А зачѣмъ Ты ихъ сотворилъ такими слишкомъ ужъ красивыми“?.. Тогда Господь взяли да и вывернули людей „нутромъ на верхъ, а лицомъ у середину“.—Такъ какъ люди теперь „вывернуты“, то они и не красивы, а безобразны; а такъ какъ ихъ облевалъ Дьяволъ, то внутри въ нихъ заключается смрадъ.

Нечего дѣлать. Взяли Господь людей да и намочили ихъ на семь недѣль въ помояхъ, чтобы „выкисли изъ нихъ грѣхи. Когда грѣхи выкисли, Господь просушили людей противъ солнца, а потомъ дунули на нихъ,—и стали люди живыми. И „прозвали“ Господь мужа Адамомъ, а жену—Евою; и дали Адаму заступъ и цѣпъ, а Евѣ—кудель и веретено, чтлбы они жили себѣ въ раю и работали.

Однажды вышли Господь съ Адамомъ пахать; Сами стали за „пугатора“, а Адама поставили „погоничемъ“. Въ полдень Господь остановили плугъ и сказали: „Адамъ, выпряги воловъ изъ плуга „на полудень“: пусть пока попасутся, а Я тѣмъ временемъ немножко отдохну подъ деревомъ. Ты же смотри—не спи; пообѣдай самъ, попаси, напой „худобу“ (скотину) и, когда солнце свертнетъ съ полудня, разбуди Меня“. Адамъ плотно пообѣдалъ, походилъ немного „за худобой“, потомъ присѣлъ подъ кустомъ, склонился на руки, да и заснулъ. Господь проснулись, взглянули на небо, а солнце уже „геть-геть надъ вечеръ спустилося“; между тѣмъ, ни Адама, ни воловъ нѣтъ.—„Адамъ, ау“!—зовуть Господь. Да гдѣ ужъ тамъ! И слуху нѣтъ!—Кинулись Господь къ кустамъ,—а Адамъ улегся подъ кустомъ да и спитъ себѣ, „ажъ храпѣ“. Тогда Господь его „гистикомъ“ (лопаточка, которой очищаютъ землю съ плуга), „гистикомъ“—разъ, другой разъ ударили да и говорятъ: „Проклятое же ты созданіе, опаскуженное дьяволомъ, такое же непослушное, какъ и онъ! не достойно ты жить со Мною въ раю! Иди же себѣ къ бѣсу“!.. Такъ и выгнали Господь изъ рая людей.—„Вотъ за что изгнали Господь людей изъ рая,—

добавляетъ отъ себя рассказчица,—за непослушаніе; а что говорятъ, будто за яблочко,—такъ то—неправда“¹⁾).

Безъ сомнѣнія въ легендѣ мы имѣемъ дѣло съ естественнымъ стремленіемъ пробудившагося народнаго сознанія *вполнѣ осмыслить*—на основахъ все того же легендарнаго преданія—какъ нѣкоторые *недочеты* въ богосозданномъ челоуѣкѣ, такъ и образъ жизни первыхъ людей въ раю, который они должны были, по заповѣди Божіей, *воздѣлывать и хранить*. Равнымъ образомъ, въ легендѣ видно стремленіе осмыслить и самое *грѣхопаденіе*, сущность котораго состоитъ не въ томъ собственно, что Адамъ и Ева съѣли яблоко, которое само въ себѣ и по себѣ не заключало рѣшительно ничего особеннаго, а въ томъ, что они преступили заповѣдь Божію, *ослужались* Господа. Грѣхопаденіе приписывается *Адаму*, по всей вѣроятности какъ *главѣ*; по крайней мѣрѣ, мы несколько не склонны видѣть перенесенія *первой* вины съ Евы на Адама потому только, что легенда идетъ изъ устъ *женщины*.

Но нашъ настоящій очеркъ былъ бы далеко не полнымъ, если бы мы не привели еще здѣсь въ высшей степени характерной „Вирши на Різдво“ (Рождество Христово), записанной въ г. Купянскѣ и необыкновенно колоритно съ неподражаемымъ украинскимъ народнымъ юморомъ пародирующей грѣхопаденіе первыхъ людей. Приводимъ „Виршу“ въ подлинникѣ, такъ какъ 1) языкъ ея, надѣмся, будетъ вполнѣ понятенъ для всякаго вообще русскаго челоуѣка, а 2) отъ перевода она слишкомъ много потеряла бы²⁾;

1) „Кіевская Старина“ 1895 г. Январь, стр. 122—123: „Дѣтскій эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла“. М. Ц.

2) Придерживаемся правописанія П. Кулиша, которое, между прочимъ, принято и въ недавно вышедшемъ въ свѣтъ переводѣ Евангелія Маттея на украинскій языкъ.

Чи чули ви, панове, зь рóду,
 Що Богъ явивсь до насъ ажъ Самъ?
 Та ще чого?! Щобъ побíти пiку, мóрду
 II очi вiколотъ бiсамъ.
 Бо старшiй бiсъ хотiвъ спiзнатися зь Богомъ:
 Надувсь якъ сичъ, ажъ бiчi лiзуть рóгомъ.
 А Богъ ёму i каже: „А зась, погáнный!
 „Немá тобi тутъ мiста зь нáми!“
 Зайшовъ чортъ зь iншого тутъ краю:
 Адáма вь гостi пригласiвъ,
 А самъ миршiей удрáвъ до рáю,
 Та Еву яблукомъ скусивъ,
 Тай Адама угостiвъ.
 Очнувсь Адамъ, ажъ бáче лихо:
 Чортъ сорóчку зь ёго знявъ.
 Адамъ питае Еву тiхо:
 — „А сь кимъ це вчóра я гулявъ,
 „Що винъ зь мéне сорóчку знявъ?..
 „А що, старá, i у тебе ii немá!
 „Не викупимось ми вiдь соромá!“
 Задумався Адамъ, сiвъ у кутóчку, тай заснувъ;
 А Богъ ёго збудiвъ тай каже:
 — „А де ти дiвъ свою сорóчку?“
 — „Менé, тáто, чортъ обманувъ.“
 — „Пiшовъ же геть, погáнный, зь рáю!
 „Це ти такъ рáю доглядiвъ,
 „Що чортъ зь Евою всi яблуки поiвъ!..
 „Дiй i ти, погáнко, зь рáю прáсти!
 „Тебé Адамъ щобъ доглядáвъ,
 „Щобъ бiльшъ не смiла яблукъ крáсти,
 „Такъ я Адáмовi нагáйку давъ...
 „А йди i ти, проклятий чóрте!
 „Ти що сь Адáмомъ це зробiвъ?
 „Старóго вь гóсти пригласiвъ,
 „А зь Евою всi яблуки поiвъ:

„Хозяіна рая на віки погубівъ“!
Чортъ гласу Божого злякався,
Утікъ тай у пекло ажъ забрався.
А щобъ Адама й Еву одягті,
Христось родівсь. Адамъ гуляе:
Є нова світа і кожухъ,
І Ева въ платі щеголяе,
І зновъ у всіхъ радіє духъ.
Гуляйте-же і ви, панове, хоть що дня,
Бо й ви Адамова рідня.
Такъ будьте зъ праздникомъ здорві!

Г. Булашевъ.

ЗАМѢТКИ.

а) Что задерживаетъ обновленіе приходской жизни.

На пастырскомъ собраніи Калужскаго епархіальнаго духовенства 18 февраля сего года предсѣдателемъ собранія былъ предложенъ вопросъ: „какіе тормазы задерживаютъ оживленіе приходской жизни?“—Однимъ Калужскимъ священникомъ по этому вопросу заявлено было, что „для оживленія приходской жизни священнику необходимо пользоваться вліяніемъ, а этого какъ разъ недостаетъ: такъ, въ Калугѣ духовенство находится въ зависимости отъ церковныхъ старость, предъ которыми привыкло низкопоклонничать“. Владыка подтвердилъ, что это печальное явленіе, дѣйствительно, имѣетъ мѣсто въ Калугѣ и указалъ на то, что вліятельныя въ приходѣ лица вмѣшиваются въ дѣла священника чисто пастырскаго характера. Такъ архипастырю извѣстно, что нѣкоторые торговцы дозволяютъ себѣ просить священника не говорить проповѣдей по воскреснымъ днямъ, когда надо имъ слѣзнуть на базарь,—и батюшки подчиняются этимъ просьбамъ. Послѣ того, другой священникъ указалъ, что „духо-

венство само разъединено, псаломщикъ плохо живетъ съ священникомъ, обижается на него предъ прихожанами—и это вредно вліяетъ на приходъ, посему надо обновиться самому духовенству“. Владыка замѣтилъ, что псаломщикъ не долженъ выносить на судъ міра свое недовольство священникомъ, но если гдѣ это явленіе существуетъ, то тамъ нельзя думать о призывѣ прихожанъ къ единенію и объ оживленіи приходской жизни вообще.—Калужскій священникъ, начавшій прѣнія, продолжилъ развитіе своей мысли, высказанной ранѣе— и иллюстрировалъ ее примѣрами изъ своей приходской практики. Тогда одинъ изъ священниковъ выяснилъ, что при настоящемъ положеніи вліяніе духовенства, необходимое въ дѣлѣ оживленія приходской жизни, понижается отъ сборовъ съ церковей; „пока денегъ не касается, все идетъ хорошо, но какъ только коснется дѣло новаго налога, то и косятся; это является причиной зависти, недовѣрія“. Другой священникъ (о. Залетаевъ) оговаривается, что „недовѣріе къ священству есть и въ другихъ общинахъ, напр. у старообрядцевъ, стало-быть, сборы—не единственное яблоко раздора, хотя и изъ главныхъ“. Послѣ этого владыка замѣтилъ, что не одно только высказанное здѣсь понижаетъ вліяніе священника въ приходѣ. Часто сами іереи не имѣютъ достаточной твердости противостоятъ вліянію церковныхъ старость и прихожанъ и соглашаются на ихъ требованія, не всегда основательныя. Такъ архипастыремъ замѣчено, что возбуждаются ходатайства о ремонтахъ церковей на крупныя суммы, когда это не вызывается необходимостію. Съ другой стороны, по мнѣнію владыки, не безъ значенія для того или другого вліянія священника въ приходѣ бываетъ поведеніе его семьи: къ сему внимательно присматриваются прихожане и плохо бываетъ для пастырскаго дѣланія, когда это поведеніе не соотвѣтствуетъ ихъ ожиданіямъ. Въ общемъ, по заключенію архипастыря, все зависитъ отъ того, какъ поставилъ себя священникъ въ приходѣ. Если онъ приобрѣлъ надлежащій авторитетъ и полное довѣріе, то онъ сдѣлаетъ съ прихожа-

нами все, что нужно для пользы дѣла, и для него не страшны всѣ тѣ препятствія къ оживленію приходской жизни, которыя указаны въ настоящемъ собраніи. (Кал. Цер. Вѣст. № 10).

в) 0 бесплатной раздачѣ прихожанамъ молитвослововъ и Евангелій.

На пастырскихъ собраніяхъ духовенства Костромской епархіи, 9-го благочинническаго округа, въ числѣ другихъ вопросовъ, обсуждался вопросъ о бесплатной раздачѣ прихожанамъ молитвослововъ и Евангелій на средства церковно-приходскихъ совѣтовъ, или, по крайней мѣрѣ, распространеніи ихъ чрезъ продажу при содѣйствіи же совѣтовъ.

По послѣднему вопросу священникомъ о. Соболевымъ было высказано, что въ то время какъ христіане всѣхъ инославныхъ исповѣданій считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ и непремѣнною обязанностью носить въ своихъ карманахъ молитвенники, вслѣдствіе чего могутъ молиться разумно во всякое время, наши православные христіане не всегда имѣютъ молитвенники и въ домахъ для совершенія молитвъ утреннихъ и вечернихъ; если прежде не было грамотныхъ, то теперь, когда почти въ каждомъ приходѣ есть одна или двѣ школы, въ грамотѣяхъ недостатка нѣтъ, не хватаетъ лишь книги. Поэтому желательно было-бы, не откладывая этого дѣла, сейчасъ же по открытіи приходскихъ совѣтовъ, поднять вопросъ о необходимости имѣть въ каждомъ христіанскомъ семействѣ хотя бы краткій молитвословъ изданія св. Синода, для чтенія каждый день, въ присутствіи всей семьи, утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Пусть священники озаботятся пріобрѣтеніемъ этихъ молитвенниковъ на первый разъ, хотя бы даже на средства церкви, и раздадутъ ихъ по своимъ школамъ приходскимъ каждому изъ учениковъ, пріучивъ ихъ сначала читать по этому молитвеннику утреннія и вечернія молитвы въ школахъ въ своемъ присутствіи, а

потомъ внушать каждому изъ нихъ—читать эти молитвы и въ своихъ домахъ въ присутствіи семейныхъ. Члены приходскихъ совѣтовъ также пусть будутъ въ этомъ дѣлѣ помощниками священнику и инициаторами дѣла въ своихъ домахъ. Взавшись за это дѣло, можно будетъ въ одинъ годъ достигнуть желаемой цѣли—дать возможность каждой христіанской семьѣ, съ ничтожными затратами на это дѣло, помолиться разумно—по книжному. Надо вѣрить, что многіе изъ прихожанъ, особенно грамотные, не зная, какъ должно имъ молиться за живыхъ и умершихъ, при чтеніи этихъ молитвъ по молитвослову, найдутъ для себя полное духовное удовлетвореніе. Пусть будетъ вопросъ этотъ однимъ изъ первыхъ на первыхъ же приходскихъ совѣтахъ (Костр. Е. Вѣд. № 8).

е) Миссія церкви въ борьбѣ съ пропагандою атеизма.

Этотъ, имѣющій теперь и для насъ существенное значеніе, вопросъ разсматривается въ февральской книгѣ „Deutsche Revue“ въ весьма дѣльной статьѣ Карла Газе. Въ ней рѣчь идетъ о католической и протестантской церкви, но опытъ западныхъ вѣроисповѣданій, добытый въ борьбѣ съ все распространяющимся невѣріемъ, можетъ быть съ пользою примененъ и нашею Православною Церковью къ обществу, въ которомъ ложныя воззрѣнія о существѣ и требованія свободы поколебали устой умственной и нравственной жизни.

Атеистическое міровоззрѣніе проникаетъ въ широкія массы народа путемъ популяризаціи матеріалистическаго и механическаго міросозерцанія и путемъ соціалистической агитаціи. Что можетъ церковь сдѣлать противъ этого?

Она должна попытаться въ большей мѣрѣ, чѣмъ доселѣ, популярно и публично обсуждать передъ этими массами, стремящимися теперь приобрѣсти познаніе и образованіе, есть ли Библия слово Божіе? Существуетъ ли Богъ? Существуетъ ли жизнь послѣ смерти?

Западная церковь, въ сознаниі своей задачи, за послѣдніа десятилѣтія сдѣлала весьма многое для спасенія своихъ членовъ отъ невѣрія и для помощи заблуждающимся. Она установила дѣтскія богослуженія, которыя дѣлають церковь милою дѣтямъ, она основала дѣтямъ союзы христіанскихъ молодыхъ людей, обладающіе спасительною и завлекающею силой; она учредила страннопріимные дома, христіанскія пристанища и госпитали. Своимъ строемъ она возбуждаетъ членовъ религіозной общины къ сотрудничеству. Христіанскіе журналы, брошюры и листки распространяются массами. Да, такая миссіонерская служба, это великое слово любви вѣрующей общины къ своимъ страдающимъ, отверженнымъ и заброшеннымъ членамъ, сдѣлалась значительною благодѣтельною силой. Болѣе 45000 протестантскихъ діаконисъ въ Германіи безмолвнымъ странствіемъ свидѣтельствуютъ о самоотверженности христіанской любви. Съ ними сотрудничаютъ съ равною преданностію католическія сестры милосердіа и другія учрежденія въ области благотворительности.

Какъ ни великъ вредъ, причиняемый атеизмомъ духовной жизни народа, церковь покоится на незыблیمомъ фундаментѣ всеобщей вѣчной вѣры въ Бога. Пастырство не должно падать духомъ, а сохранять мужество и на энергію безбожныхъ агитаторовъ отвѣчать неусыпностію проповѣди христіанской истины. Плевелы врагъ сѣетъ „намъ же спящимъ“. Народъ не можетъ обойтись безъ христіанской истины; онъ весь на сторонѣ Бога и церкви.

Къ пѣвцамъ и любителямъ церковнаго пѣнія.

Въ среду способовъ благотворнаго воздѣйствія на душу человѣческую христіанская церковь приняла пѣніе. Отъ первыхъ вѣковъ и до нашихъ дней церковное пѣніе служило наилучшимъ украшеніемъ богослуженія. Наши предки, прежде, нежели постигли спасительность ученія вѣры Христовой, бы-

ли расположены въ пользу принятія его слышаннымъ ими въ цареградскомъ храмѣ св. Софіи Премудрости Божіей ангелоподобнымъ пѣніемъ, сливавшимъ небо съ землею—по ихъ словамъ.

Признанная всѣми музыкальность русскаго народа нашла себѣ примѣненіе и наиболѣе выразилась въ церковномъ пѣснотворчествѣ сейчасъ же, какъ только народилось христіанство въ нашемъ отечествѣ. И въ девять вѣковъ русскіе пѣвцы сѣздали множество дивныхъ пѣсенъ во славу Божію, въ умиленіе и въ усладу души человѣка.

Всегда и всѣми любимое церковное пѣніе и въ наше время, теплотою вложеннаго въ него чувства, глубиною мысли, высокою художественностію, одно единить въ восторгахъ сердечныхъ не только горячо вѣрующихъ, но и равнодушныхъ къ вѣрѣ людей. То торжественное, то умилительное, то скорбное оно находитъ откликъ, оно будитъ добрыя, высокія чувства и въ душѣ праведника, и мытаря, и грѣшника. Дивныя пѣсни церковныя и теперь дѣйствуютъ и всегда будутъ неотразимо властно дѣйствовать на бьющееся сердце человѣческое.

Да, велико искусство нашего церковнаго пѣнія, оттого-то и славно оно между людьми.—Но служители его—творцы и пѣвцы святыхъ пѣсенъ—малы въ нашихъ глазахъ, и нѣтъ имъ чести по достоянію среди людей.

Въ этомъ кроется больше чѣмъ отсутствіе логики...

Прискорбно это для церковнаго пѣвца, и сугубѣе становится его боль сердечная, какъ подумаетъ онъ, что въ обиходѣ жизни „честь“ и „ѣсть“ едино есть.

Дальше говорить—раны беречь. Да и не помочь дѣлу сѣтованіями. Здѣсь надо такъ разсуждать:—Дѣло пѣва—святое дѣло. И если пѣвецъ достойно совершаетъ свое служеніе, то онъ долженъ стать выше всякихъ условностей существующаго дѣленія людей по общественному положенію. Ибо не то важно—за кого тебя считаютъ, а важно то—кто ты есть. Увѣренность же въ томъ, что дѣло пѣвца—нужное всѣмъ дѣ-

ло, даетъ пѣвцу право устроить свою жизнь возможно наилучшимъ образомъ. Вотъ ужъ именно — дѣло за себя говорить.

По одно дѣло имѣть право, и другое дѣло осуществить его.

Права на лучшую жизнь регенты давно, безъ сомнѣнія, приобрѣли своимъ полезнымъ трудомъ, но пользованіе правами до сихъ поръ имъ почти не удавалось. Происходило и происходитъ это оттого, что регенты почти всегда не въ силахъ защитить своихъ правъ отъ попраіія.

Разбросанные по городамъ и весямъ огромной Россіи, лишенные какой-либо общественной организаціи, регенты въ одиночку устраиваютъ свою судьбу. Сильный характеръ, недюжинныя способности и благопріятныя обстоятельства позволяютъ, хотя и при постоянной борьбѣ, нѣкоторымъ изъ этихъ труженниковъ завоевывать себѣ сколь нибудь соответственное мѣсто въ хранинѣ общественнаго положенія, получать свою законную долю отъ яствій жизненнаго стола. Большинство же—если не слабые, то весьма скромные—находятся внѣ этой хранины, съ „обуреваемыми“ вмѣняются, подобно Лазарю лежать у вратъ, желая насытиться крошками, падающими со стола богатаго. И все это случается оттого, что „одинъ въ полѣ не воинъ“, что „семь головней и въ полѣ горять, а одна головня и въ печи гаснетъ“.

Доколѣ регенты одиноки, доколѣ они не носятъ тяготы другъ друга, не избыть имъ вольныхъ бѣдъ жизни. Взаимопомощь во всѣхъ смыслахъ и видахъ, — только она можетъ измѣнить къ лучшему судьбу регентовъ. Только при сильной организаціи, при которой слабый (хотя бы временно) могъ найти опору у сильнаго и съ его поддержкой совершать свой жизненный путь; только при ней, говорю, для регентовъ исчезнетъ горечь настоящего и страхъ передъ будущимъ. Взаимопомощь моральная и матеріальная совершенно необходимы для улучшения участи регентовъ.

Поэтому, какъ не порадоваться и всѣми доступными средствами не помочь новооткрытому „Обществу взаимопомощи регентовъ церковныхъ хоровъ“.

Братья-пѣвцы! Возблагодаримъ Бога, что услышалъ Онъ молитвы наши, подавленные стоны наши вошли въ уши Его и вложилъ Благій въ сердца добрыхъ людей желаніе придти намъ на помощь.

Теперь, слава Богу, отъ насъ самихъ зависитъ, въ нашей доброй волѣ раздѣлить радости и горе наши съ „присными“.

Думаю, — не одинъ взоръ радости блеснетъ, не одно сердце дрогнетъ отъ благодарнаго умиленія, видя занимающуюся надъ главами безвѣстныхъ труженниковъ зарю свѣтлаго будущаго и отходящій въ прошлое мракъ жизни обездоленныхъ.

Въ добрый часъ! Помогни Господи!

Помогите и вы, кои пользуетесь трудами пѣвцовъ, услаждаясь ихъ искусствомъ; вы, — которые при помощи пѣнія надѣетесь украсить Богослуженіе, и вы, которые возбуждаетесь къ молитвѣ, этому первому и лучшему подвигу передъ Богомъ.

Герей-регентъ.

„Общество взаимопомощи регентовъ церковныхъ хоровъ“, согласно въ установленномъ порядкѣ утвержденному уставу своему, имѣетъ своею цѣлью доставленіе средствъ къ улучшенію матеріальнаго состоянія своихъ членовъ. Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица обоюдо пола православнаго исповѣданія, занимающіяся регентскимъ трудомъ, независимо отъ того, имѣютъ ли они или нѣтъ званіе регента. Общимъ собраніемъ, состоявшимся 28 марта 1907 г. въ Москов. Синод. училищѣ, опредѣленъ ежегодный взносъ для дѣйств. членовъ 3 руб., а членовъ соревнователей не менѣе 1 руб., (взносы дѣлаются единовременно — безъ разсрочки). Общее собраніе поручило Правленію:—

1) Организовать справочное бюро для сношеній между причтами церквей и регентами. (Сюда причты могутъ обращаться за указаніемъ имъ лицъ, могущихъ и желающихъ занимать должности регентовъ; равно и регенты — съ предложеніемъ своихъ услугъ. Объ открытіи дѣйствій бюро и объ условіяхъ пользованія имъ будетъ своевременно сообщено всѣмъ членамъ Общества особыми письмами; причты же извѣстятся объ этомъ объявленіемъ, напечатаннымъ въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ).

2) Заготовить къ слѣдующему Собранію проектъ устава похоронной кассы.

Членами Правленія состоятъ: Прокуроръ Москов. Святѣйш. Синода Конторы Ф. П. Степановъ, Директоръ Синод. училища В. С. Орловъ, Регентъ Синод. хора А. Д. Кастальскій. Регентъ-хоросодержатель Л. С. Васильевъ, Редакторъ журнала „Музыкальный Труженикъ“ И. В. Липаевъ, Регентъ П. М. Копосовъ, Регентъ П. Г. Чесноковъ и Завѣдующій нѣвческими хорами въ Москвѣ свящ. Д. В. Аллемановъ. Предсѣдатель Правленія Ф. П. Степановъ, Казначей и секретарь Свящ. Д. В. Аллемановъ. Взносы, пожертвованія и всякія обращенія въ Общество адресуются: Москва, Каретная-Садовая, домъ духовной семинаріи, Свящ. Дим. Вас. Аллеманову. При высылкѣ членскаго взноса Правленіе покорнѣйше проситъ добавлять 20 коп. на почтовые расходы по доставкѣ денегъ, отсылкѣ квитанціи, высылкѣ устава и проч. На отвѣты вообще прилагать марки.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Отъ Кіевского духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяетъ.
Кіевъ. 1907 г. 4-го іюля.

Цензоръ прот. С. Трезубовъ.

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

№№ 30—31.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года 29-го іюля—5-го августа.

Содержаніе: I. По-больше осторожности.—II. Предкрещальные чины (окончаніе).—III. Практическіе уроки по обученію пѣнію въ начальной школѣ (окончаніе).—IV. Украинскія легенды о жизни первыхъ людей послѣ изгнанія ихъ изъ рай и о „рукописаніи“ Адамовомъ.—V. Замѣтки. а) О колокольномъ звонѣ въ Россіи.—б) „Даросушительница“.

По-больше осторожности.

Въ настоящее время переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, ярыхъ и открытыхъ нападеній на все то, что доселѣ считалось дорогимъ и священнымъ для православныхъ людей, необходима самая крайняя осторожность со стороны писателей, касающихся вопросовъ религіозныхъ, предметовъ вѣры; исканіе здѣсь „новыхъ путей“ и новыхъ словъ нерѣдко ведетъ къ тому, что „теряется и затемняется смыслъ словъ старыхъ“, для всѣхъ ясныхъ и понятныхъ, вошедшихъ въ народную плоть и кровь. На такія мысли невольно наводитъ читателя статья: „О чудотворныхъ иконахъ“, помѣщенная въ 47 №

„Воскреснаго Благовѣста“ за 1906 годъ. Журналь, назначенный для широкаго распространенія среди только лишь грамотныхъ людей, не долженъ вмѣщать въ себѣ ничего двусмысленнаго, неяснаго, неопредѣленнаго. „Многія изъ иконъ,—пишетъ авторь,—на которыхъ изображенъ ликъ Пречистой, окружены особымъ почитаніемъ со стороны православно-вѣрующихъ христіанъ. Ихъ называютъ чудотворными. Что это значитъ? Значитъ ли это, что какая-нибудь икона лучше другой, святѣе или выше?—Кто дѣласть икону чудотворной?—Мы очень много сохранили или вновь пріобрѣли и пріобрѣтаемъ языческаго. Одно изъ языческихъ суевѣрій есть *наше* почитаніе чудотворныхъ иконъ. Я говорю *наше* почитаніе, потому что не хочу возражать противъ почитанія чудотворныхъ иконъ вообще. Мы изъ святого и добраго сдѣлали чисто языческое“. Происхожденіе и значеніе чудотворныхъ иконъ авторь объясняетъ такъ. Чудотворная икона—это такая икона, около которой исторически особенно сильно проявилась благодать Божія по обстоятельствамъ времени, по пуждамъ мѣста. Богъ всегда даетъ Свою помощь, но особенно ярко даетъ Онъ Свою помощь въ тѣ минуты, когда особенно сильно напряжено религіозное воодушевленіе, религіозный восторгъ. Въ минуты общественныхъ бѣдствій люди особенно способны молитвенно подниматься до Бога... Въ отвѣтъ на эти просьбы Богъ и приходитъ со Своею помощью. Такъ какъ именно передъ извѣстной иконой возносилась къ Богу горячая, усердная молитва и именно предъ мощами и чрезъ посредство даннаго святого угодника неслась эта молитва къ престолу Божію, то и проявленіе Божественной помощи связывается съ данною иконой или мощами св. угодника. Совершается чудо, повидимому, чрезъ посредство чудотворной иконы, хотя въ дѣйствительности это чудо совершается Богомъ по молитвѣ того святого, предъ иконой котораго молились... Отсюда прямой выводъ, что данная икона, конечно, по существу, ничѣмъ не можетъ считаться святѣе и выше темной иконки, которая виситъ, положимъ, въ углу

вашего дома, вашей квартиры. Каждая икона можетъ сдѣлаться чудотворной. И вашъ образокъ вы можете сдѣлать чудотворнымъ; для этого нужно только, чтобы ваша молитва была настолько сильной молитвой, чтобы могла совлечь и призвать Божественную помощь съ неба“... Вопросъ о томъ, отчего же чудеса творятся именно возлѣ чудотворныхъ иконъ, а не въ каждой избѣ, авторъ считаетъ... не легкимъ... „Это значитъ только, что святые воспоминанія, связанныя съ иконою, святая атмосфера молитвъ, которая окружаетъ ее, болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь около другой иконы, могутъ вызвать въ васъ молитвенное настроеніе, творящее чудеса отъ святыхъ иконъ. Отсюда вы видите, что благоговѣйное уваженіе къ нѣкоторымъ иконамъ имѣетъ свое оправданіе, но только въ нѣкоторой степени. Не забывайте ни на минуту, что икона свята лишь потому, что это—ликъ святого, или ликъ Божіей Матери; что все таки Ёю, а не Ёя иконою совершенно чудо. И этотъ ликъ одинаково святъ на всякой иконѣ, гдѣ бы она ни была, и какая бы она ни была. Всякая икона свята, и всякая, во всякій моментъ можетъ стать чудотворной, стоитъ только вамъ захотѣть“.

Таково, въ главнѣйшемъ, содержаніе указанной нами статьи. Авторъ ея задался цѣлью разъяснить, какъ нужно правильно относиться къ чудотворнымъ иконамъ, какъ на нихъ смотрѣть, и рядомъ съ правильными мыслями высказать кое-что такое, что не можетъ не вызывать сомнѣній, а среди простого люда — и прямо соблазна.

Въ самомъ дѣлѣ, неужели нашъ народъ, въ массѣ, конечно, настолько наивенъ и глухъ, что не знаетъ того, что Богоматерь была и есть одна, а не нѣсколько: Казанская, Тихвинская, Феодоровская. Нельзя думать и того, будто народъ, молясь предъ чудотворной иконою, отъ одной только иконы, отъ вещественнаго предмета, ждетъ себѣ помощи. Съ высоты своего интеллигентскаго величія мы слишкомъ наивнымъ, слишкомъ простымъ иногда представляемъ себѣ простой народъ и беремъ на себя смѣлость своими хитро-

умными рѣчами и размышленіями разъяснять ему то, что онъ давно уже постигъ сердцемъ и простымъ, незатуманеннымъ разсудкомъ. Авторъ изъ „Воскреснаго Благовѣста“ происхожденіе чудотворныхъ иконъ объясняетъ исключительно субъективнымъ путемъ: возлѣ какой иконы больше молятся, та скорѣе можетъ стать чудотворной; хочешь свою собственную икону сдѣлать чудотворной, тоже молись. Очень просто и ясно... Простой русскій народъ, сильный впутренней вѣрою, далеку отъ самолюбія и гордости, особенно въ дѣлѣ религіи, и первое мѣсто въ чудѣ отдастъ всемогущему и благодѣющему намъ Богу. При открытіи мощей онъ благодаритъ Бога и говоритъ: „Богъ послалъ намъ угодника“; и на чудотворную икону онъ смотритъ тоже, какъ на даръ Божій. Если мы вспомнимъ исторію нашихъ отечественныхъ святынь, то легко убѣдимся, что въ явленіи этихъ святынь дѣйствовалъ Промыслъ Божій, невидимо управляющій судьбами міра,—дѣйствовалъ часто независимо отъ людскихъ молитвъ. Это доказывается явленіемъ мощей такихъ угодниковъ Божіихъ, о которыхъ мало кто и зналъ изъ мѣстнаго населенія, явленіемъ чудотворныхъ иконъ, совершенно неожиданнымъ и для мѣстнаго населенія, а особенно нерѣдкими случаями наказанія кощунниковъ и оскорбителей святынь. Въ людяхъ разныя степени святости; то же можно сказать и о предметахъ. Величайшая святыня духовно-вещественнаго характера есть Тѣло и Кровь Господа нашего; ниже этой святыни—Богоявленская вода (*ἀγίασμα*),—ее святыне отцы со вѣтууютъ пить тѣмъ, кто лишенъ возможности приступать къ чашѣ жизни. Свята икона, изображеніе святого или Богоматери, помѣщенныя въ книжкѣ, въ журналѣ; но иконою можетъ стать только тотъ образъ, который освященъ особымъ священнодѣйствіемъ; еще выше, еще святѣе этой иконы будетъ та икона, чрезъ которую Богъ видимымъ образомъ оказывалъ и оказываетъ милости и благодѣянія Свои людямъ. Понимая это, народъ нашъ, въ существѣ своемъ религіозный, любитъ молиться и дома и въ убогомъ сельскомъ храмѣ;

но все же онъ десятками тысячъ устремляется туда, гдѣ есть народныя святыни, гдѣ земля освящена стопами Господа, апостоловъ и святыхъ Его. И не стократъ ли было бы полезнѣе вмѣсто того, чтобы туманными разсужденіями сбивать простой народъ съ толку, распатывать въ немъ простую дѣтскую вѣру; напротивъ, простыми, ясными словами еще больше укрѣплять въ немъ любовь къ христіански-народнымъ святынямъ?

Священникъ В. Пестряковъ.

Предкрещальные чины.

(Окончаніе ¹⁾).

II. *Нареченіе имени младенцу.* Въ настоящее время нареченіе имени положено уставомъ Церкви совершать въ 8-й день по рожденіи младенца. Обращая вниманіе на послѣднее обстоятельство, проф. Алмазовъ (въ соч.: „Исторія чинопослѣдованій крещенія и миропомазанія“) относитъ происхожденіе чина къ VIII вѣку, когда онъ впервые появляется въ памятникахъ церковной письменности. Но если изслѣдуемый чинъ сформировался лишь къ VIII вѣку, то самый обычай нареченія имени при крещеніи имѣетъ бесспорно раннѣйшее происхожденіе. Мы имѣемъ положительныя свидѣтельства, что перемѣна имени крещаемому въ нѣкоторыхъ случаяхъ существовала уже въ III вѣкѣ. Въ первый разъ подобный фактъ отмѣченъ въ Анналахъ Баронія подъ 259 годомъ, гдѣ повѣствуется о крещеніи епископомъ Стефаномъ возрастныхъ дѣтей Адриана и Павлины, при чемъ имъ наречены были новыя имена—Пеона и Марин. Въ другомъ случаѣ, при крещеніи нѣкоего Немезія и его дочери Луциллы, было перемѣнено имя лишь послѣдней. Позднѣе, въ V вѣкѣ, епископъ Атикъ при крещеніи переименовалъ супругу импе-

¹⁾ См. №№ 26—29-й за 1907 г.

ратора Осодосія Младшаго изъ Аѳинаиды въ Евдоксію ¹⁾. Съ этого времени фактъ принятія съ христіанствомъ христіанскаго имени становится очень распространеннымъ. Этому способствовали все болѣе и болѣе утверждавшійся въ Церкви обычай крещенія дѣтей. Поворожденный, естественно, нуждается въ какомъ-либо имени, дабы отличаться въ кругу прочихъ родичей. Вотъ почему всегда и у всѣхъ народовъ существовалъ обычай нареченія имени новорожденному. Въ этомъ фактѣ важно то, что самому обычаю приписывалось религіозное значеніе. У буддистовъ, напр., имена давались не иначе, какъ буддійскихъ святыхъ. Подобное встрѣчаемъ у персовъ, гдѣ дѣтямъ назначались имена изедовъ (свѣтлыхъ духовъ) или имена героевъ древности (Θ. Смирновъ. Богослуженіе христіанское со времени апологетовъ до IV вѣка). Если же язычникамъ былъ не чуждъ обычай соединять судьбу своихъ дѣтей съ именами національныхъ святыхъ, то нѣтъ ничего удивительнаго въ усвоеніи подобнаго обычая христіанскою Церковью, гдѣ постоянно поддерживалась вѣра въ связь живыхъ членовъ съ умершими, которые, по общему убѣжденію, оказывали свое покровительство живущимъ. Вотъ почему въ Восточной Церкви, по свидѣтельству Оеодорита, было обыкновеніе давать при крещеніи имена мучениковъ для пріобрѣтенія себѣ ихъ покровительства ²⁾. Златоустъ рекомендуетъ давать дѣтямъ имена не дѣдовъ и отцовъ, какъ это было въ практикѣ у многихъ, а имена святыхъ, которыя должны были возбуждать къ добродѣтели, ибо принятіе имени извѣстнаго святого выражало желаніе угодиться ему въ жизни. Тотъ же св. отецъ свидѣтельствуєтъ, что въ Антиохіи родители стремились давать своимъ мальчикамъ имя Мелетія, въ честь знаменитаго Мелетія, епископа Антиохійскаго, заявившаго себя благочестіемъ и особенною ревностью въ вѣрѣ.

¹⁾ Алмазовъ. *Op. cit.* стр. 142.

²⁾ Алмазовъ, стр. 141.

Обычай давать имя въ 8-й день по рожденіи, вѣроятно, сложился подъ вліяніемъ еврейской практики, гдѣ обрѣзаніе и нареченіе имени совершалось именно въ 8-й день. Примѣръ Иисуса Христа, безъ сомнѣнія, оказывалъ здѣсь извѣстное вліяніе. Когда явился этотъ обычай на христіанской почвѣ впервые—не извѣстно, но уже къ VIII вѣку онъ сформировался въ особый чинъ, который потомъ не прекращалъ своего существованія. Говоря, что къ VIII вѣку уже образовался чинъ нареченія имени, мы вовсе не разумѣемъ здѣсь нашего чина; тотъ былъ гораздо короче. Такъ, какъ онъ записанъ у Гоара, въ немъ нѣтъ ни предшествующихъ молитвъ нареченія обрядовыхъ дѣйствій, ни послѣдующихъ. Такъ называемый уставъ (т. е. указаніе, какъ совершать обрядъ) появился лишь съ XIV вѣка въ двухъ различныхъ одна отъ другой редакціяхъ. Согласно первой изъ нихъ, полагалось однократное назнаменованіе чела, усть и груди; по второй редакціи, назнаменованіе совершалось трижды, и кромѣ того еще совершалось троекратное дуновеніе. Современный чинъ нареченія имени сложился въ XVI вѣкѣ. Въ это время положено было однажды знаменовать чело, уста и перси, затѣмъ читать положенную молитву и послѣ нея, взявши дитя на руки, при чтеніи тропаря Срѣтенію, творить имъ (дитятей) изображеніе креста предъ вратами храма, гдѣ происходилъ самый обрядъ. Смыслъ обрядовъ нареченія арх. Веніаминъ выразилъ въ такомъ видѣ: „Чело знаменуется ради ума, уста—ради слова и дыханіе и перси—ради жизненной силы“ ¹⁾. Значеніе прочихъ обрядовыхъ дѣйствій нигдѣ не выясняется. Изъ обрядовъ „нареченія“, вышедшихъ изъ употребленія, нужно указать на обычай одѣянія младенца въ особую одежду по нареченіи ему имени,—обрядъ, практиковавшійся во времена Константина Порфирогенита ²⁾.

¹⁾ Новая Скрижаль, стр. 390.

²⁾ Иер. Іоаннъ. Обрядникъ Византійскаго двора, стр. 175.

На русской почвѣ обрядъ нареченія имени въ 8-й день по рожденіи былъ въ большемъ употребленіи. Въ житіи преподоб. Феодосія Печерскаго разсказывается, что онъ въ 8-й день по рожденіи былъ принесенъ къ іерею, „яко же есть обычай крестьяномъ, да имя дѣтешу нарекутъ“ ¹⁾. Любопытно то, что въ Русской Церкви долгое время существовалъ обычай давать два имени дѣтямъ—одно языческое, въ честь кого-либо изъ старшихъ родичей, которое давалось, вѣроятно, тотчасъ по рожденіи, и другое христіанское, нарекаемое въ 8-й день, въ честь кого-либо изъ сонма святыхъ. Большинство древнихъ князей Руси извѣстно съ двойными именами (Михаилъ—Святополкъ, Михаилъ—Олеги, Андрей—Мстиславъ и др.) ²⁾. Не знаемъ, практиковался ли такой обычай въ Восточной Церкви по отношенію къ дѣтямъ. По отношенію къ взрослымъ же, получившимъ крещеніе, онъ, несомнѣнно, долженъ былъ существовать, потому что они и до крещенія носили какое-либо свое имя. Подъ 311 годомъ записанъ фактъ допроса Северомъ мученика Вальсама. На вопросъ мучителя: „какъ зовутъ тебя?“ исповѣдникъ отвѣчалъ: „по имени рожденія называюсь я Вальсамомъ, а по крещенію моему Петромъ“ ³⁾. У насъ же на Руси этотъ обычай могъ сложиться естественнымъ путемъ. Своихъ святыхъ въ началѣ исторіи въ нашей Церкви еще не было; по-тому, приходилось давать имена святыхъ Греческой Церкви. А эти греческія имена были на первыхъ порахъ и не понятны для многихъ и, можетъ быть, даже трудны для произношенія и запоминанія. По-тому, съ официальными, если позволительно ихъ такъ назвать, именами христіанскими на ряду стали существовать неофициальныя съ точки зрѣнія Церкви имена

¹⁾ Одинцовъ. Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI вѣка. Душ. Чт. 1877 г., ч. I, стр. 157.

²⁾ Дмитріевскій. Богослуженіе въ Рус. Церкви въ XVI вѣкѣ, стр. 258.

³⁾ Алмазовъ, 139.

языческія, какъ болѣе легкія и понятныя. Въ силу этихъ причинъ, послѣднія въ обыденной практикѣ даже вытѣсняли имена собственно христіанскія. Въ позднѣйшее время христіанскія имена становятся все болѣе и болѣе распространенными, а языческія мало-по-малу начинаютъ выходить изъ употребленія. Но самый обычай давать два имени сохранялся долго еще—по крайней мѣрѣ, въ княжескихъ родахъ, съ тою лишь разницею, что теперь стали давать два христіанскихъ имени: первое давалось, кажется, во имя того святого, въ какой день прилучалось рожденіе младенца, второе—въ 8-й день, во имя святого этого дня или святого, праздновавшагося въ числа, недалеко отстоящаго отъ дня рожденія младенца. Для примѣра укажемъ два случая изъ Никоновой лѣтописи. Подъ 1441 г. записанъ фактъ рожденія „на Москвѣ у великаго князя Василія на день памяти св. ап. Тимоѣя мѣсяца Генваря въ 22 день, сына Тимоѣя, которому наречено было имя Иванъ“ (въ честь Златоуста—30 января, т. е. въ 8-й день по рожденіи). Другой фактъ значится подъ 1479 г. „мѣсяца марта въ 8-й часъ нощи противу дни собора Архангела Гавріила родися великому князю Ивану Васильевичу сынъ у царицы Софін и наречень бысть Василій Парійскій“. Этотъ княжичъ носилъ два имени—Гавріила (память 26 марта) и Василія Парійскаго (12 апрѣля). Царевичъ Димитрій, сынъ Ивана Грознаго, назывался еще Уаромъ¹⁾. Какъ долго существовалъ этотъ обычай, мы не можемъ сказать, но въ XVII вѣкѣ, кажется, его уже не существовало; въ это время были на ряду съ именами лишь прозвища: Добрыня, Перядецъ и др.—Право выбирать имя въ началѣ Церковью предоставлено было епископу, потомъ воспріемникамъ и, наконецъ, съ VII вѣка и до нашихъ дней это право какъ на востокѣ, такъ и у насъ *юридически* принадлежитъ родителямъ, *фактически* въ большинствѣ случаевъ—особенно у простаго народа—священнику, соверша-

¹⁾ Дмитріевскій, проф., стр. 262.

ющему крещеніе. Возрастные, какъ и естественно, сами избираютъ себѣ имя по собственному желанію.

Всякій актъ крещенія въ настоящую пору въ нашей Церкви обязательно регистрируется въ такъ называемыя метрическія книги, куда вносятся и имя самого крещаемого и имена его родителей и воспріемниковъ. Обычай записывать имена вновь вступающихъ въ христіанскую общину членовъ въ церковныя книги ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Указаніе—правда, не вполне ясное—на этотъ обычай есть еще въ Постановленіяхъ Апостольскихъ (VII, 39). Зато писатели IV вѣка не оставляютъ сомнѣнія въ существованіи этого обычая въ ихъ время. О немъ свидѣлствуютъ Василій Вел., Кириллъ Іерусал., Амвросій Медиоланскій, Григорій Нисскій. „Дайте мнѣ имена,—говоритъ послѣдній,—и я впишу ихъ въ книги чувственныя“. IV-й Карфагенскій соборъ особымъ канономъ постановилъ, чтобы приступающіе къ крещенію обязательно записывали свои имена. Въ V вѣкѣ, какъ значится въ сочиненіи: „О церковной іерархіи“ (ложно приписываемомъ Діонісію Ареопажиту, стр. 34), практиковалась уже запись, по распоряженію іерарха, священниками на ряду съ крещаемымъ и имя его воспріемника. Въ VI вѣкѣ для записи именъ крещаемыхъ былъ опредѣляемъ особый членъ клира. Въ дѣяніяхъ Константинопольскаго собора 536 года упоминается о діакопѣ Стефанѣ, которому поручено было записывать имена желавшихъ принять крещеніе ¹⁾. Мы не располагаемъ данными, чтобы съ несомнѣнностью отвѣтить, откуда взялся обычай записывать при крещеніи имена. Эта запись могла образоваться изъ естественнаго желанія Церкви знать всѣхъ членовъ поименно, чтобы за богослуженіемъ возносить о нихъ молитвы. Если бы можно было съ увѣренностью предполагать, что имена вносились въ церковныя диптихи (намекъ на это мы встрѣтили въ толкованіи Георгія Пахимера на соч. псевдо—Діони-

¹⁾ Азмазовъ, стр. 146.

сія Ареопагита, стр. 60), а не инья какія-либо книги, то наше мнѣніе о происхожденіи самаго обычая записывать имена могло бы расчитывать на извѣстную долю вѣроятности.

III. *Чинъ воцерковленія.* Обращаясь къ чину воцерковленія, предварительно считаемъ нужнымъ выяснитъ самый терминъ: воцерковленіе. Профессоръ Алмазовъ подъ воцерковленіемъ склоненъ разумѣть внесеніе въ алтарь дитяти (стр. 488). Намъ кажется это мнѣніе не вполне соответствующимъ дѣйствительности, потому что въ алтарь вносятся теперь только мальчики, между тѣмъ воцерковленіе совершается и надъ дѣтьми женскаго пола. Пельзя, думаемъ, понимать подъ воцерковленіемъ и введеніе въ число членовъ христіанской семьи, потому что въ такомъ случаѣ страннымъ былъ бы обрядъ, когда онъ совершается послѣ крещенія (а это теперь обычная практика), когда человѣкъ уже, въ силу принятія благодати Божіей, становится дѣйствительнымъ членомъ Церкви. Посему, болѣе правильнымъ слѣдуетъ считать то мнѣніе, которое подъ воцерковленіемъ—*τὸ ἐκκλησιασθῆναι* разумѣетъ первое введеніе въ храмъ, или первое начало хожденія въ церковь, послѣ какого-либо перерыва (Красносельцевъ. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургическихъ рукописяхъ Ватиканской бібліотеки, стр. 76), какъ это можно заключить изъ пояснительнаго замѣчанія къ слову: „воцерковитися“ въ нашихъ требникахъ: *ἐπὶ τὸ ἐκκλησιασθῆναι... ἔτ' οὖν ἀρχὴν λαβεῖν τοῦ εἰσάγεσθαι εἰς τὴν ἐκκλησίαν.* Такое толкованіе будетъ вполне соответствовать самой обстановкѣ воцерковленія. Дѣйствительно, при совершеніи указаннаго чина младенецъ, какого бы пола онъ ни былъ, первый разъ приносился въ храмъ (*ἐν τῷ ναῷ*), гдѣ совершалось надъ нимъ самое дѣйствіе, тогда какъ предшествующіе чины—молитвы женѣ родильницѣ и нареченіе имени—предписывалось совершать внѣ храма (*ἔξω τῆς ἐκκλησίας*). Кромѣ того, указанное толкованіе приложимо и къ лицамъ воцерковляемымъ. Справедливо полагаютъ, что воцерковленіе относится не только къ младенцу,

но и къ матери его (въ одномъ греческомъ требникѣ прямо значится—ἐπὶ τὸ ἐκκλησιασθῆναι αὐτήν.—Красносельцевъ, стр. 73). Какъ для ребенка съ воцерковленіемъ разрѣшается доступъ въ храмъ, такъ для матери признается дозволеннымъ постоянное посѣщеніе церкви послѣ извѣстнаго періода, не дававшего ей, по причинѣ тѣлесной скверны, права присутствовать въ Церкви. На основаніи этого, думаемъ, позволительно весь чинъ раздѣлить на два отдѣла—на воцерковленіе матери и воцерковленіе ребенка.

Можно считать положительно достовернымъ фактъ, что у большинства народовъ роженица считалась нечистою въ продолженіе опредѣленнаго періода времени по причинѣ извѣстныхъ физиологическихъ выдѣленій. Не говоря уже о послѣродовыхъ кровотеченіяхъ, даже при мѣсячныхъ нѣкоторыя женщины сами считаютъ себя нечистыми, и потому уклоняются отъ посѣщенія храма Божія. Въ книгѣ Левить (XII глава) уже означенъ и срокъ, въ продолженіе котораго женщина почитается оскверненною; срокъ при рожденіи дѣтей мужскаго пола вполне совпадаетъ съ нашимъ, указаннымъ въ практикѣ Церкви. Это—періодъ времени въ 40 дней, въ продолженіе котораго женщина не могла посѣщать скинии. Лишь по истеченіи этого срока, она, послѣ физическихъ очищеній и омовеній, являлась вмѣстѣ съ новорожденнымъ младенцемъ и дарами къ храму, чтобы тамъ получить освященіе. Этому установленію подчинилась и Пресв. Дѣва Марія, пришедшая въ храмъ въ 40-й день по рожденіи Иисусовомъ „поставити Его предъ Господемъ“. Нужно замѣтить, что обычай получать роженицамъ окончательное очищеніе въ храмѣ былъ извѣстенъ и язычникамъ. У римлянъ родильница получала полное очищеніе только по омовеніи и принесеніи жертвы въ храмѣ Діаны (Алмазовъ, стр. 481). Впрочемъ естественно, что еврейская практика оказала полное вліяніе на возникновеніе христіанскаго чина воцерковленія. Подобно еврейской практикѣ, и въ христіанствѣ установлено было, чтобы женщина, по рожденіи дитяти, въ 40-й день,

предварительно очистившись и омывшись отъ всякой тѣлесной скверны, приходила съ младенцемъ въ храмъ получить освященіе. Последнее состоитъ изъ двухъ молитвословій, гдѣ возсылается прошеніе къ Господу, дабы Онъ, спасши рабу Свою, очистилъ ее отъ всякія скверны и отъ всякаго грѣха, чтобы она могла входить въ храмъ и причащаться св. Таинъ. Молитвы эти родильница должна выслушивать съ наклоненною головою. По окончаніи ихъ нѣкоторыми чинами предписывалось матери класть сорокъ поклоновъ. Этимъ и заканчивается чинъ воцерковленія матери.

Далѣе—о чинѣ воцерковленія младенца. Всмотриваясь глубже, нельзя не замѣтить, что онъ представляетъ изъ себя совокупность нѣсколькихъ фрагментовъ изъ древняго крещальнаго чина и лишь въ первой своей половинѣ можетъ быть разсматриваемъ, какъ оригинальное явленіе. Какъ и воцерковленіе матери, воцерковленіе младенца начинается чтеніемъ молитвъ, въ которыхъ выражается прошеніе о дарованіи младенцу благодати крещенія („водою и духомъ отрожденія“) и о соприсчисленіи его „къ святому стаду словесныхъ овецъ, нарицающихся именемъ Христа“¹⁾). Подобно

---

¹⁾ На основаніи содержанія всѣхъ трехъ молитвъ чина воцерковленія слѣдуетъ признать, что онъ совершался еще надъ некрещеными младенцами. Да это будетъ и вполнѣ понятно, когда мы обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что и въ древней вселенской Церкви и въ нашей древне-русской обычно временемъ крещенія былъ или 40-й день по рожденіи (10 прав. Никейскаго Собора по Арабск. кодексу, изданному Мартенемъ, новелла Льва Философа, указаніе древн. Требниквъ, напр., 1633 г.) или даже по истеченіи 3-хъ лѣтъ (Григорій Богословъ, правило митрон. Іоанна), и лишь въ случаѣ слабости младенца позволялось крестить въ 8-й день и даже раньше. Посему, несправедливо проф. Алмазовъ настаиваетъ, что чинъ воцерковленія совершался всегда послѣ крещенія, и что въ Требникѣ онъ помѣщенъ впереди крещенія только потому, что крещенію предшествовали очистительныя молитвы матери, помѣщенные въ чинѣ воцерковленія, которыя могли быть произносимы и до крещенія младенца. Можно признать только, что заключительныя дѣйствія воцерковленія совершались уже послѣ крещенія. Правда, проф. Алмазовъ ихъ-то и признаетъ за воцерковленіе; но опять, по нашему мнѣнію, безъ достаточно убѣдительныхъ доказательствъ.

матери, младенецъ долженъ выслушивать эти молитвы съ наклоненною головою; но въ отношеніи къ нему практиковались еще и другія обрядовыя дѣйствія—назnamenованіе его и руковозложеніе, каковыми дѣйствіями выражалось преподаваніе ему благословенія и очищенія. Нужно думать, что въ началѣ воцерковленія этимъ и оканчивалось, какъ объ этомъ можно заключать по замѣчанію Требника, гдѣ по окончаніи молитвъ положено творить отпустъ въ томъ случаѣ, если младенецъ не крещенъ. Въ позднѣйшее же время къ этому собственно чину воцерковленія присоединили нѣкоторые обряды изъ чина крещенія и на нихъ потомъ сосредоточили почти все вниманіе, ихъ главнымъ образомъ и стали трактовать въ качествѣ самаго воцерковленія. Здѣсь нужно отмѣтить прежде всего внесеніе младенца въ самый храмъ и далѣе въ алтарь. Зачатки этого обычая мы можемъ наблюдать еще въ глубокой древности. Іустинъ Философъ (Творенія, стр. 106) свидѣтельствуетъ, что при крещеніи, послѣ того, какъ увѣровавшій омоется (водою крещенія), его вели „къ братьямъ для того, чтобы совершить общее усердное моленіе какъ о себѣ, такъ и о новопросвѣщенномъ“. Этотъ фактъ введенія новопросвѣщеннаго въ общину, гдѣ онъ становился участникомъ богослуженія, активнымъ членомъ Церкви, нѣкоторыми разсматривается, какъ фактъ воцерковленія. Это мнѣніе можно признать заслуживающимъ вниманія, только слѣдуетъ оговориться, что это—воцерковленіе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ данный терминъ долженъ быть понимаемъ согласно его употребленію въ современномъ Требникѣ. Между тѣмъ какъ нынѣшнее воцерковленіе есть только первое введеніе въ храмъ, древнее воцерковленіе было, такъ сказать, фактическимъ введеніемъ христіанина въ отправленіе его обязанностей, какъ члена Церкви. Получивъ имя члена Церкви *de jure* еще въ крещеніи, новый членъ при первомъ вступленіи въ христіанскую общину становился таковымъ уже *de facto*, какъ лицо активное, какъ дѣятельный участникъ въ самомъ богослуженіи. Если позволительно дѣ-

лать объясненія по аналогіи, то мы уподобили бы крещеніе назначенію кого-либо въ должность, а древнес воцерковленіе (введеніе въ общину христіанъ)—введенію въ отправление этой должности. Обычай такого воцерковленія держался въ Церкви до тѣхъ поръ, пока крещеніе соединялось съ литургіею. Съ прекращеніемъ послѣдняго оно утратило свое значеніе, хотя слѣды его постоянно сохранялись въ крещальномъ чинѣ. По свидѣтельствѣ Симеона Солунскаго (Op. cit., стр. 59), въ XIV вѣкѣ іерей, послѣ оглашенія и сочетанія со Христомъ, вводилъ крещаемого въ храмъ, какъ бы въ самое небо, и говорилъ: „радуйся, обрадовавшая Богородице Дѣво!“ Въ иныхъ потребникахъ (см. Дмитріевскаго стр. 298) это указано было дѣлать послѣ троекратнаго обхожденія вокругъ купели. Въ современномъ чинѣ это введеніе положено совершать тотчасъ по прочтеніи молитвъ воцерковленія, если младенецъ уже крещенъ, если же нѣтъ, то оно совершалось непосредственно послѣ крещенія.—Любопытно, что самый актъ введенія въ Церковь теперь уже разграничивается на три отдѣльные момента. Первый моментъ заключается въ начертаніи тѣломъ младенца креста предъ вратами храма съ произнесеніемъ формулы: „воцерковляется рабъ Божій...“, и по введеніи внутрь храма говорится стихъ псалма: „внидетъ въ домъ Твой...“ Второй моментъ заключается во внесеніи младенца въ центральную часть храма, гдѣ опять произносится формула воцерковленія и послѣ нея стихъ: „посредѣ Церкви воспоетъ Тя...“ Затѣмъ, третій моментъ начинается внесеніемъ въ алтарь при произнесеніи въ третій разъ формулы воцерковленія. Всѣ эти разграниченія, а равно и самая формула, несомнѣнно, плодъ позднѣйшаго времени. Въ древнѣйшихъ спискахъ Гоара ихъ совсѣмъ нѣтъ; точно также нѣтъ ихъ и въ древнѣйшихъ русскихъ спискахъ. Въ Барбериновскомъ спискѣ у Гоара указано лишь по внесеніи въ алтарь говорить: „Господу Богу Твоему поклонишия и Тому единому послужиши“. Кромѣ того, при внесеніи въ алтарь положено было читать тропарь Срѣтенія. Въ совре-

менномъ чинѣ его уже нѣтъ, а читается вмѣсто него: „Иы-
нѣ отпущаеши“. Троиаръ же Срѣтенію какимъ-то способомъ
перешелъ вмѣстѣ съ однимъ обрядомъ воцерковленія—кресто-
образнымъ знаменованіемъ тѣломъ младенца предъ вратами
храма—въ чинѣ нареченія имени младенцу въ 8-й день.—
Намъ остается отмѣтить еще остальные заключительные об-
ряды воцерковленія. Древніе русскіе требники (1627, 1639
годовъ) указываютъ обычай поднесенія священникомъ мла-
денца къ образамъ иконостаса для лобзанія ихъ. Современ-
ный требникъ не упоминаетъ объ этомъ, но на практикѣ
еще и до сихъ поръ остаются слѣды этого обычая. Намъ
приводилось видѣть, что при воцерковленіи дѣвочекъ, не
вносимыхъ въ алтарь, священникъ лишь подносилъ ихъ къ
царскимъ вратамъ и затѣмъ прикладывалъ къ иконѣ, изобра-
женной на сѣверной двери иконостаса. Не трудно убѣдиться,
что этотъ обычай представляетъ изъ себя не что иное, какъ
древнее цѣлованіе мира, которымъ привѣтствовали въ концѣ
литургіи новопросвѣщеннаго присутствующіе. — Вслѣдъ за
цѣлованіемъ иконъ въ древней практикѣ и заключительнымъ
моментомъ воцерковленія въ современной—является вношеніе
младенца въ алтарь для цѣлованія св. трапезы. Практика
этого обычая значительно разнится въ чинахъ древнихъ и
современныхъ. Въ настоящее время вносятся въ алтарь толь-
ко младенцы мужескаго пола и прикладываются только къ
одной сторонѣ престола. Не такъ было въ раннюю пору.
Большинство требниковъ показываетъ, что въ алтарь вноси-
лись одинаково дѣти и мужескаго и женскаго пола. А такъ
какъ послѣднимъ нарушались опредѣленія Церкви о невхо-
жденіи женщинъ въ алтарь, то литургисты пытались оправ-
дать этотъ фактъ искусственнымъ толкованіемъ воцерковле-
нія. Симеонъ Солунскій, говоря о воцерковленіи, рассматри-
ваетъ воцерковляемое дитя, какъ даръ, приношеніе со сто-
роны матери Господу Богу; а какъ даръ, воцерковляемые не
должны были различаться по полу, ибо во Христѣ Іисусѣ
нѣсть мужскій полъ, ни женскій. Древній обычай цѣлованія

св. трапезы были также отличены от современнаго. Пыль цѣлуется только одна сторона престола, между тѣмъ прежняя практика была гораздо сложнѣе. По однимъ требникамъ, священникъ при воцерковленіи мальчика трижды обходитъ св. престоль, творя на каждой его сторонѣ покло-неніе. При воцерковленіи младенца женскаго пола полагалось обхожденіе и цѣлованіе престола только съ трехъ сторонъ, минуя переднюю (Одницовъ. Душ. Чт. 1877 г., ч. II, 263). По другимъ требникамъ, полагалось безъ различія пола обходить однажды кругомъ св. трапезы при чтеніи: „Пыль отпущаеши“ и тропаря Срътенію (Краспосельцевъ, стр. 85). Наконецъ, нужно упомянуть еще и о тѣхъ требникахъ, которые совсѣмъ не указываютъ на обычай внесенія воцерковляемаго въ алтарь.—Самымъ послѣднимъ дѣйствіемъ воцерковленія служитъ изнесеніе дитяти изъ алтаря и положеніе его на церковный помостъ у сѣверныхъ дверей иконостаса, послѣ чего воспріемникъ, или чаще всего мать ребенка, положивъ три поклона, беретъ его и выходитъ, напутствуемая послѣднимъ благословеніемъ священника.

Ив. Фигуровскій.

Практическіе уроки по обученію пѣнію въ начальной школѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

Потный станокъ.

Учит. Изъ прошлыхъ уроковъ, дѣти, вы уже узнали, что музыкальные звуки различаются по высотѣ и длительности. Для записи пѣвческихъ звуковъ существуютъ особые музыкальные знаки.—Сереза! какъ мы называемъ эти знаки?

¹⁾ См. №№ 26—29 за 1907 г.

Учен. Нотами. Учит. Прекрасно. Вы уже умѣете и писать ноты? Учен. Умѣемъ (отвѣчаютъ хоромъ). Учит. Вася! пойди запиши, какія ноты мы знаемъ. (Ученикъ пишетъ ноты на классной доскѣ безъ нотнаго стана и уходитъ на мѣсто). Учит. Петя! скажи, какъ называется эта нота? А что она означаетъ? А эта нота? и т. д. (Учитель указываетъ на ноты, а ученики въ одиночку даютъ отвѣты). Учит. Въ чемъ же состоитъ различіе этихъ нотъ? кто мнѣ скажетъ? (если ученики сразу не дадутъ отвѣта, то учитель напоминаетъ имъ о длительности звуковъ, хотя бы при помощи воспроизведенія мелодіи начального „Господи, помилуй“). Учит. (поетъ „Господи, помилуй“). Вы уже знаете, въ чемъ состоитъ разность пѣвческихъ звуковъ этой молитвы; Коля! скажи. Учен. Въ длительности. Учит. А можемъ ли мы записать звуки этой молитвы нотами? Ученики. Можемъ. Учит. Постараемся записать. На слогахъ: „Го-спо-ди по“ звуки по сколько ударовъ? Ученики. По одному. Учит. Какъ называется нота въ одинъ ударъ? Ученики. Четверть. Учит. Вотъ мы и запишемъ надъ слогами „Го-спо-ди по“ ноты по четверти. (Учитель пишетъ). Учит. Дальше, надъ слогомъ „ми“ звукъ во сколько ударовъ? Учен. Въ два удара. Учит. Какой нотой запишемъ звукъ надъ этимъ слогомъ? Учен. Полунотой. (Учитель пишетъ). Учит. На слогъ „луй“ сколько мы тянули ударовъ? Учен. Четыре удара. Учит. Какая нота въ четыре удара? Учен. Цѣлая. (Учитель пишетъ). Учит. Итакъ, мы записали пѣвческіе звуки молитвы „Господи, помилуй“ нотами. А если звуки этой молитвы различаются только по длительности, то и ноты будутъ различны только въ чемъ? Учен. Въ длительности. Учит. Въ этой молитвѣ ноты по длительности какія? Учен. Четверти, полунота и цѣлая. Учит. А ноты, написанныя Васей, какъ мы назовемъ? Ученики. Цѣлая, половинная, четверть и осьмая. Учит. Вотъ, если мы такъ будемъ называть ноты, то это мы различаемъ только что? Ученики. Длительность. Учит. Да, только длительность. Но мы знаемъ, что звуки различаются еще и по

высотѣ, а потому намъ нужно научиться ноты писать и по высотѣ. (Учитель поетъ второе „Господи, помилуй“ съ ритмическимъ счетомъ на „Го“ 2 удара, на „спо-ди“ по 1 удару, на „по“ и „ми“ по 2 удара и на „луй“ 4 удара. Ученики съ такой же точностью повторяютъ). *Учит.* Скажите, какой длительности эти звуки? (Ученики называютъ). *Учит.* А по высотѣ различаются здѣсь звуки? *Учен.* Различаются. *Учит.* Укажите, на какихъ слогахъ? *Учен.* На слогахъ „по и ми“ звуки выдѣляются—они выше другихъ. *Учит.* Я запишу эти звуки нотами. (Пишетъ только ритмическое значеніе этихъ нотъ). Когда вы смотрите на эти ноты, то различаете ихъ только въ чемъ? *Учен.* Въ длительности. *Учит.* Хорошо. По звуку этого „Господи, помилуй“ различались и по высотѣ; а у насъ видна высота записанныхъ нотъ? *Учен.* Нѣтъ. *Учит.* Да, не видна; а нужно умѣть писать ноты такъ, чтобы видна была и высота ихъ звуковъ. Вотъ люди и придумали дать мѣсто для всякаго звука, какой бы онъ высоты ни былъ. А для этого ноты нужно записывать на особой нотной бумагѣ. (Показываетъ всему классу нотную бумагу; если классная доска разграфлена нотнымъ станомъ, то и классную доску, а если нѣтъ, то тутъ же нужно разграфить аккуратно при помощи шнура, намазаннаго мѣломъ).

Учит. По сколько тутъ линій вмѣстѣ? *Учен.* По пять. *Учит.* Считать эти линіи нужно снизу вверхъ—такъ: 1-я 2-я... Антоша! Откуда мы будемъ считать линіи? *Учен.* Снизу вверхъ. *Учит.* Вотъ ноты и пишутся на линіяхъ такъ. (Пишетъ на линіяхъ цѣлыя ноты). Но у насъ есть между пятью линіями пустыя мѣста,—они называются *промежутками*. Какъ они называются? *Ученики.* Промежутками. *Учит.* Сколько такихъ промежутковъ? сосчитайте! *Учен.* Четыре промежутка. *Учит.* Такъ ноты еще пишутся и между линіями, въ промежуткахъ. (Пишетъ ноты въ промежуткахъ линій). *Учит.* Саша! Расскажи же, гдѣ пишутся ноты? *Учен.* Ноты пишутся на линіяхъ и между линіями. *Учит.* Да, ноты пишутся на линіяхъ и между линіями въ такомъ порядкѣ. (Учи-

тель пишетъ черезъ весь нотный станъ цѣлыя ноты). *Учит.* Если мы посмотримъ на эти ноты, то будемъ видѣть, что эта нота выше этой, а эта ниже этой? (Учитель сравниваетъ любяя ноты). *Ученики.* Видно. *Учит.* Если одна нота выше другой, то и звукъ ея выше. Итакъ, по высотѣ ноты размѣщаются на пяти линіяхъ и въ промежуткахъ ихъ. Каждой нотѣ, сообразно ея высотѣ, мы даемъ опредѣленное мѣсто, какъ бы заключаемъ ее въ станокъ. А потому, и пять линій съ промежутками называются *нотнымъ станкомъ*, или просто—нотнымъ станомъ. Митя! скажи, что называется нотнымъ станомъ? *Учен.* Нотнымъ станомъ называется пять линій съ промежутками, на которыхъ пишутся ноты.

Урокъ заканчивается письмомъ нотъ на нотномъ станѣ.

Скрипичный ключъ „Соль“.

Изъ прошлыхъ уроковъ, дѣти, мы узнали названія нотъ по длительности. Теперь намъ нужно изучить названія нотъ и по высотѣ. Звуковъ, различныхъ по высотѣ, очень много. (Учитель на клавиатурномъ инструментѣ или на скрипкѣ показываетъ рядъ звуковъ), и дать каждому изъ нихъ особое имя было бы трудно. Вотъ и дали названія только семи слѣдующимъ звукамъ: до, ре, ми, фа, соль, ля, си. Остальные звуки будутъ повторяться такими же названіями. (Учитель пишетъ на доскѣ въ порядкѣ названія нотъ). Прочитайте всѣ сначала и обратно. (Ученики читаютъ нѣсколько разъ). *Учит.* Въ такомъ порядкѣ они слѣдуютъ одинъ за другимъ снизу вверхъ и обратно—сверху внизъ, и люди обычно говорятъ, что звукъ „ре“ выше „до“, „ми“ выше „ре“ и т. д. и наоборотъ. Но намъ нужно записать эти звуки на нотномъ станѣ. Можемъ ли мы сказать, что нота „до“ пусть стоитъ на этой линіи, а „ре“ будетъ стоять выше этой линіи и т. д.? (Учитель произвольно указываетъ мѣсто для нотъ). Пѣтъ. Для этого нужно указать точно, разъ навсегда, мѣсто для каждой ноты, чтобы всѣ поющіе люди могли пѣть

ноты по ихъ высотѣ. Вотъ для этого придумали условный знакъ, который точно укажетъ мѣсто для каждой ноты. Этотъ знакъ называется *ключомъ*. Пишется онъ такъ. (Учитель пишетъ на доскѣ скрипичный ключъ). Какъ называется этотъ знакъ? *Ученики*. Ключомъ. *Учит.* Пишется онъ въ началѣ нотнаго стана и открываетъ мѣсто для каждой ноты. Этотъ ключъ имѣетъ назвеніе „соль“ и пишется такъ, чтобы послѣднее закругленіе обнимало вторую линію. Повторите, какъ этотъ ключъ называется? *Учен.* Соль. *Учит.* Гдѣ онъ пишется? *Учен.* Въ началѣ нотнаго стана на второй линіи. *Учит.* Вотъ онъ точно указаль и мѣсто для ноты „соль“ на которой линіи? *Учен.* На второй. *Учит.* Запишемъ ноту „соль“. (Пишетъ). *Учит.* Которая по счету нота „соль“? *Учен.* Пятая. *Учит.* Если мы знаемъ, что пятая нота „соль“ стоитъ на второй линіи, то можемъ ли мы рассчитать, гдѣ пишутся ноты „до“, „ре“, „ми“ и т. д.? *Учен.* Можемъ. (Идетъ расчетъ мѣста для каждой ноты).

Въ заключеніе урока дѣти учатся писать ключъ „соль“¹⁾.

Д. О. С.

---

¹⁾ При этомъ расчетѣ названій нотъ учителю придется познакомить учащихся съ добавочными линіями вверху и внизу. Вслѣдъ за этимъ учитель перейдетъ къ сообщенію необходимыхъ теоретическихъ свѣдѣній объ интервалахъ, гаммѣ, знакахъ повышенія и пониженія, что можно найти въ любомъ учебникѣ теоріи музыки. Наши „уроки“ должны были только подготовить къ этой ступени обученія, уже не такой трудной, какъ изложенные нами первые уроки.

Украинскія легенды о жизни первыхъ людей послѣ изгнанія ихъ изъ рая и о „рукописаніи“ Адамовомъ ¹⁾).

На украинскія легенды и вирши о жизни первыхъ людей послѣ изгнанія ихъ изъ рая и о „рукописаніи“ Адамовомъ наиболѣе сильное вліяніе оказалъ тотъ же апокрифъ— „Слово о исповѣданіи Евинѣ“, подѣ вліяніемъ котораго составились и легенды о грѣхопадѣніи первыхъ людей и изгнаніи ихъ изъ рая. По изгнаніи изъ рая,—говорится въ апокрифѣ,—Адамъ и Ева сѣли противъ него и, приникнувши къ землѣ, стали плакать—и плакали 7 дней (по другой редакціи—15 дней).—„Изнемогла душа моя отъ голода,—сказала Ева:—пойдемъ, поищемъ *снѣднаго*“. Встали они, обошли всю землю—и не нашли ничего *снѣднаго*; возвратились къ Эдему и опять начали плакать: „Раю мой, раю, пресвѣтлый раю,—взывалъ Адамъ,—красота неизреченная! меня ради сотворенъ есть, а Евы ради затворенъ есть; Милостиве, помилуй мя падшаго!“ Тогда Господь умилосердился и послалъ ангела *Гоуля*, который отдѣлилъ имъ *седьмую часть рая*. Адамъ и Ева поѣли сначала *плода терновнаго*. Явился архангелъ Михаилъ, принесъ пшеницы и меду и сталъ наставлятъ Адама *на дѣла ручная*. Потомъ изгналъ изъ рая всѣхъ животныхъ, звѣрей, гадовъ и птицъ и предалъ ихъ Адаму, который нарекъ имъ всѣмъ имена. Адамъ началъ обрабатывать землю. Пришелъ діаволь и сказалъ: „Земля моя, а Божьи небеса и рай. Если хочешь быть моимъ, то обрабатывай землю; если же хочешь быть Божиимъ, то иди въ рай“. Адамъ возразилъ: „Божьи небеса и земля и *конецъ ея вселенныя*“ (вся вселенная).—„*Запиши ми рукописаніе*,—сказалъ діаволь,—тогда позволю тебѣ обрабатывать землю (и не давалъ ему отойти), и тогда будешь мо-

¹⁾ См. „Руков. для сельск. наст.“ за тек. годъ, № 26—29: „Украинскія легенды о грѣхопадѣніи первыхъ людей и изгнаніи ихъ изъ рая“.

имъ“. Адамъ сказалъ: „Чья земля, того и я и дѣти мои“. Обрадовался діаволь и сказалъ: „Запиши мнѣ все то, что ты сейчасъ сказалъ“. Адамъ взялъ „плечя“, написалъ „рукописаніе“ и сказалъ: „А инде писано во святомъ писаньи“. Адамъ жилъ въ раю, славя Бога съ архангелами и ангелами во свѣтѣ немерцающемъ; когда же онъ былъ изгнанъ изъ рая за преступленіе, то не зналъ еще того, что ночь и день прежде него сотворены Богомъ. Сѣлъ онъ „прямо раю“ и началъ плакать „по райскому житіи“. Наступила ночь, спустилась на землю тьма. И возопилъ Адамъ говоря: „Горе мнѣ, преступившему Божію заповѣдь, изгнану изъ свѣтлаго райскаго житія пресвѣтлаго немерцающаго свѣта. Свѣтъ мой пресвѣтлый,—продолжалъ онъ плача и рыдая:—уже не узрю сіянія твоего и немерцающаго свѣта, ни красоты райскія ни вижду. Господи, помилуй мя наднаго“. Пришелъ къ нему діаволь и спрашиваетъ: „Чего ты стонешь и рыдаешь?“ Адамъ отвѣчалъ: „Свѣта ради пресвѣтлаго, скрывшагося мене ради“. Діаволь сказалъ ему: „Азь ти дамъ свѣтъ, запиши ми рукописаніемъ и родъ свой и чяда“. Адамъ „свѣта ради“ далъ діаволу рукописаніе, въ которомъ написалъ такъ: „Чій есть свѣтъ, того азь и чяда мои“. И пришелъ день, и возсіялъ свѣтъ по всей вселенной. Діаволь же взялъ рукописаніе Адамово и скрылъ его въ Іорданѣ подъ камнемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии крестился Христосъ ¹⁾).

Сѣтованія Адама о потерянномъ раѣ породили цѣлую семью украинскихъ виршей и русскихъ духовныхъ стиховъ, извѣст-

¹⁾ Проф. Н. Тихонравовъ, „Памятники отреченной литературы“, Т. I, стр. 300—301.—Сказаніе о рукописаніи, данномъ Адамомъ діаволу о вѣчной работѣ и рабствѣ, составилось на основаніи ложно понятыхъ словъ ап. Павла: „и вась мертвыхъ сущихъ въ прегрѣшеніихъ и въ необрѣзаніи плоти вашей, сооживилъ есть съ Нимъ, даровавъ намъ вся прегрѣшенія: истребивъ еже на вась *рукописаніе* ученни, еже бѣ сопротивно намъ, и то взять отъ среды, пригвоздивъ е на крестѣ“ (Колос. 2, 13—14), а также и словъ церковной молитвы: „честнымъ Его крестомъ *рукописаніе* грѣхъ нашихъ растерзалъ еси“. Откуда вошло это сказаніе въ славянскій апокрифъ, не дознано еще.

ныхъ подъ заглавіемъ: „Плачь Адама“. Ничего особенно оригинальнаго какъ эти вирши, такъ и духовные стихи не представляютъ изъ себя и мѣстами буквально повторяютъ другъ друга и отдѣльныя выраженія апокрифа—„Слово о исповѣданіи Евинѣ“. Въ общемъ же они являются простымъ распространеніемъ слѣдующихъ стиховъ изъ церковныхъ пѣснопѣній Сыропустной недѣли: „Изгнанъ бысть Адамъ изъ рая снѣдію, тѣмъ же и сѣдя прямо сего рыдаше, стена умиленнымъ гласомъ, и глаголаше: увы мнѣ, что пострадалъ окаянный азъ! едину заповѣдь преступилъ Владычню, и благихъ всяческихъ лишихся. Раю свѣтлѣйшій, мене ради насажденный бывъ и Евы ради затворенный!..“ Поэтическія картины церковныхъ пѣснопѣній въ виршахъ дополнены соответствующими благочестивыми размышленіями о суетности человѣческихъ стремленій къ земной славѣ и земному богатству и завершаются въ нѣкоторыхъ изъ нихъ возвращеніемъ Иисусомъ Христомъ падшаго Адама въ рай. Строй виршей—церковный ¹⁾. Послѣднее обстоятельство—надо полагать—объясняется тѣмъ, что многіе изъ распѣваемыхъ въ настоящее время слѣницами псалмъ и духовныхъ стиховъ составлены южно-русскими писателями конца XVII и начала XVIII в.: Лазаремъ Барановичемъ, св. Димитріемъ Ростовскимъ, Іоанномъ Максимовичемъ и др. Такъ, напр., относительно Лазаря Барановича, архіеп. Черниговскаго, въ изслѣдованіи о его трудахъ прямо говорится, что онъ, „отвращая народъ отъ мірскихъ пѣсень и поучая, дабы пѣсни міра оставляли, вмѣсто же ихъ хвалу Богу и Богоматери воздавали, многія пѣсни обратилъ на божественныя и, безъ сомнѣнія, въ народъ передавалъ. Хотя согласіе было мірскихъ

¹⁾ См., напр., *два* вирши въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 86—88; ср. Калитовскій, „Русск. литер. апокриф.“, стр. 25—27; „Кіевская Старица“ 1887 г., іюнь—іюль, ст. проф. Сумцова: „Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсень“, стр. 249—250.

нѣсенъ, но текстъ сочиная божественный, дабы при случаехъ, вмѣсто пустошныхъ, божественныя слова были нѣты, и добромыслие въ сердцахъ вкоренялось“¹⁾.

Другія украинскія вирши отличаются совсѣмъ уже народнымъ характеромъ и, на ряду съ плачемъ Адама, отводить также мѣсто изображенію самой жизни первыхъ людей вскорѣ послѣ изгнанія ихъ изъ рая. Такова „Пісьня объ Адамі і Еві“, помѣщенная П. П. Чубинскимъ въ „Трудахъ Этнографически-статистической Экспедиціи въ западно-русскій край“ (т. I, стр. 147—148):

Сидить Адамъ просто рая
І наготу покривае.

„— А ти, Ево, не смутися,
„І до мене обернися,
„Прощу я тебе!“

Господь Адаму говорить:

„Де-жь ти, Адаме, живѣшь?“

„— Осьде—въ кутку,

„Охъ, мій смутку,

„І зъ Евою молодію

„Тішу біду своєю“.

Зановіди не хранивъ,

.... .. сотворивъ.

„— О, бачь, Ево,

„Смутна жѣно,

„Булó жить, не грішіть;

„Вибачай же теперъ.

„Лүчче булó въ райó жить,

„Солóдкі яблуки во рту ямїть.

„Теперъ трéба працювати,

¹⁾ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1849 г., февраль, стр. 171.

„Щобъ кова́локъ хлі́ба ма́ти
„До са́мої сме́рти“.

Зача́въ Ада́мъ розмышля́ть:

„Якъ бы намъ хлі́ба доста́ть:
„Укопа́ть я не вмію
„І не зна́ю, що поси́ю,
„Бо не ма́ю чо́го“.

Янго́ль къ йому́ яви́вся:

„— Іди́, Ада́ме, поучи́ся,
„Візьми за́ступъ та нагни́ся,
„Копай зе́млю, потруди́ся,
„Та побачи́шъ, що тобі вроди́ть“.
Прокля́та Ева і змія́,
Шо велі́ли вийти́ ізъ ра́я,
І по пущі́ блуді́ти,
І въ сирі́й землі́ жи́ти
По ко́нець віку́¹⁾.

Легенды на „Плачъ Адама“ почти не останавливаются, зато гораздо подробнѣе говорятъ о жизни первыхъ дюдей послѣ ихъ изгнанія изъ рая и о „рукописаніи“, данномъ Адамомъ діаволу. По легендѣ, записанной въ г. Купянскѣ, изгнанные изъ рая прародители сѣли противъ райскихъ дверей и горько оплакивали свое прегрѣшеніе и минувшее блаженство. Къ сознанію о горестной утратѣ примѣшивалось опасеніе за самую жизнь свою, боязнь смерти. Поставленный на стражѣ у дверей рая ангелъ слышалъ рыданія Адама и Евы, видѣлъ ихъ страхъ; сжалился онъ надъ плачевною участію первыхъ людей и сказалъ Богу объ ихъ печальномъ состояніи. Богъ, не желая допустить Адама и Еву до полного отчаянія, велѣлъ ангелу сказать имъ, чтобы они взяли

¹⁾ Ср. вариантъ, помѣщенный въ „Кіевской Старинѣ“ за 1888 г., ноябрь, стр. 290—291.

у райскаго порога земли, омоченной ихъ слезами, и эту землю посѣяли. Тамъ, гдѣ посѣялъ Адамъ, выросла изъ слезъ его, смѣшанныхъ съ землею, пшеница, а гдѣ посѣяла Ева, тамъ выросла конопля. Такимъ образомъ первые люди получили хлѣбъ и платье ¹⁾).

Въ легендѣ, записанной въ с. Хомутищахъ, рассказывается слѣдующее о началѣ земледѣлія и вмѣстѣ о сотвореніи коня.—Разсердился Адамъ, что Господь изгналъ его изъ рая. Копаешь землю да и не говоришь: „Господи, помоги!“ А чортъ и радъ тому. И вотъ, что Адамъ вскопаетъ за день, чортъ ночью и попереворачиваетъ снова вверхъ травую. Адамъ копаетъ на другомъ полѣ, думая, что поле въ томъ виновато; копаетъ да и копаетъ, а утромъ глянетъ—поле опять зеленѣетъ травую, какъ будто оно и не было вскопано. Бился онъ, бѣдный, побивался, а затѣмъ вздохнулъ къ Господу Богу да и говоритъ: „Господи Боже, *допомоги* мнѣ!“ И какъ онъ сказалъ это, такъ та земля, которую онъ копалъ, и зачернѣла полосую. Помолился Адамъ Богу и началъ засѣвать. Когда засѣялъ, то запрегся самъ въ борону и волочить. И такъ-то ему тяжело ту борону тянуть, а чортъ сидитъ сзади на боронѣ да и смѣется. Посмотрѣлъ на все это Господь и говоритъ Своему ангелу: „Видишь,—говоришь,—того чорта, что на Адамовой боронѣ?“—„Вижу“, отвѣчаетъ ангель.—„Поди же,—говоришь,—да сдѣлай изъ того чорта лошадь для Адама“. Ангель и пошелъ, да какъ закинетъ на чорта обротъ, такъ изъ него и стала лошадь. Тогда ангель говоритъ Адаму: „Распрягайся, человекъ, да запрягай коня: Господь даетъ тебѣ скотину“ ²⁾).

Легенда, записанная въ Купянскомъ уѣздѣ, повѣствуетъ, что когда діаволь изъ зависти соблазнилъ первыхъ людей на грѣхъ, то, изгоняя ихъ изъ рая, Богъ далъ Адаму

¹⁾ „Этнографическое Обзорѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 92—93.

²⁾ М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и рассказы“, стр. 92—93.

деревянную лопатку и велѣлъ ему копать землю и сѣять хлѣбъ, а Евѣ далъ гребень и веретено, чтобы пряла. Адамъ началъ копать землю. Является діаволь и говорить: „Не смѣй копать земли! она—не Божова, а моя: я досталъ ее съ морского дна. Развѣ дашь мнѣ что-нибудь, тогда позволю копать“.—„Что же я тебѣ дамъ,—говоритъ Адамъ,—когда у меня самого нѣтъ ничего?“ Діаволь сказалъ: „Пусть будетъ такъ: пока живетъ человѣкъ, онъ—Божій, а когда умретъ—мой“. Адамъ согласился. Тогда діаволь отрѣзалъ у Адама кончикъ мизинца и бросилъ его на камень,—кончикъ увязъ глубоко въ камень. Діаволь бросилъ тотъ камень въ рѣку Иорданъ и произнесъ заклѣтіе: „Пока не вынырнетъ этотъ камень изъ воды, до тѣхъ поръ умершіе люди будутъ мои. А вынырнетъ онъ только тогда, когда на землѣ явится такой человѣкъ, который трижды родится и трижды будетъ креститься!“ И вотъ, когда Іисусъ Христосъ крестился въ Иорданѣ, камень всплылъ наверхъ, вынырнулъ, потому что Іисусъ Христосъ и былъ Тотъ Человѣкъ, Который трижды родился—отъ Бога Отца предвѣчно, отъ Дѣвы Маріи во плоти и изъ гроба и трижды крестился—по закону Моисееву, въ рѣкѣ Иорданѣ и на крестѣ. Съ этихъ поръ умершіе люди стали Божими ¹⁾).

Въ сл. Пово-Николаевкѣ, Купянскаго у., записанъ слѣдующій вариантъ этой легенды. Послѣ спора Адама съ діаволомъ за землю, они стали дѣлить *народъ*. Адамъ еще не видѣлъ, какъ люди умираютъ, и не зналъ, что всѣ потомки его должны умереть; поэтому, діаволь обманулъ его легко, сказавши, что уступаетъ Адаму живыхъ людей, а себѣ беретъ мертвыхъ. Вотъ и заключили они между собою такое условіе и написали о томъ *рукописаніе*. Адамъ, вмѣсто подписи, приложилъ къ камню свою руку; она отпечаталась на камнѣ, и діаволь бросилъ этотъ камень въ рѣку Иорданъ. Съ того времени, какъ было сдѣлано *рукописаніе*, сталъ народъ

¹⁾ Этнографическое Обозрѣніе 1892 г., XIII—XIV, стр. 74—75

умирать, и всѣ умершіе стали попадать къ діаволу въ адъ: и грѣшныя, и праведныя, и преподобныя.—Разъ идетъ Господь по землѣ и съ Нимъ св. ап. Петръ, а навстрѣчу ѣдетъ, сидя важно въ колесницѣ, діаволь. Господь и говоритъ ап. Петру: „Пойди, спроси діавола, кто выведетъ умершихъ людей изъ ада“. На вопросъ Петра діаволь отвѣтилъ: „Тотъ исхититъ ихъ изъ рукъ моихъ и выведетъ изъ ада, кто *три* раза родится и во Иорданѣ крестится“. Тогда Спаситель пошелъ на рѣку Иорданъ къ Іоанну, крестился отъ него, стоя на камнѣ, и стеръ съ камня Адамову печать ¹⁾).

Легенда, записанная въ Радомысльскомъ уѣздѣ, повѣствуетъ о жизни первыхъ людей послѣ ихъ изгнанія изъ рая и въ особенности о рожденіи у Адама и Евы первыхъ дѣтей и объ убіеніи Каиномъ Авеля въ высшей степени наивно и своеобразно. Когда Богъ изгналъ Адама и Еву изъ рая, они сѣли въ лѣсу да и плачутъ—не знаютъ, что дѣлать. Господь послалъ къ нимъ ангела, который далъ Адаму горсть ржи и заступъ и говоритъ: „Возьми, вскопай клочокъ земли да посѣй эту рожь,—такъ и будетъ у тебя хлѣбъ“. А Евѣ далъ горсть коноплянаго сѣмени и говоритъ: „Вотъ тебѣ—посѣй,—изъ этого будетъ вамъ платье; а когда Богъ дастъ, что отъ той Жены, Которая сотворена Богомъ изъ цвѣтка, родится Сынъ Божій, то Онъ васъ снова введетъ въ рай“. Вотъ посѣяли они и сѣли отдохнуть. А тотъ ангель, который ихъ соблазнилъ въ раю, оборотился въ самаго старшаго ангела да и говоритъ: „Вы уже посѣяли себѣ такое, чтобы были у васъ и хлѣбъ и платье; однако нѣтъ у васъ такого, чтобы вы не умерли. Вы возьмите да *сойдитесь вмѣстѣ* „*ідно зъ друмиз*“, и тогда отъ Евы родится сынъ; этотъ сынъ выпроситъ у Сына Божія (Который родится отъ Жены, сотворенной изъ цвѣтка), чтобы снова ввелъ васъ въ рай“. А Ева говоритъ: „Да мы не знаемъ, какъ это *сойтись вмѣстѣ*? Вѣдь мы же и теперь *вмѣстѣ*“.

¹⁾ „Этнографическое Обзорѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 75—76.

Вотъ тотъ ангель какъ *показалъ Еву*, такъ у нея и родился сынъ Каинъ. Каинъ сильно не любилъ Адама: онъ зналъ, что его отецъ—тотъ ангель, котораго Богъ низвергнулъ съ неба.

Послалъ однажды Адамъ Каина сѣять рожь, а Ева и говорить Адаму: „Совокупимся,—можетъ быть, я *приведу* дочку, чтобы сѣяла конопля“. И родила Ева Авеля. Когда Абель выросъ, его послали пасти овецъ, а Каинъ понесъ ему обѣдать, да взялъ и сѣлъ тотъ обѣдъ. Когда Абель вернулся домой, то сказалъ Адаму, что онъ еще не обѣдалъ. Адамъ взялъ да и побилъ Каина. Каинъ разсердился на Авеля и убилъ его, а Богъ за это убилъ громомъ Каина ¹⁾.

Наконѣцъ, есть въ нашемъ распоряженіи и еще одна довольно оригинальная легенда о жизни первыхъ людей послѣ ихъ грѣхопаденія. Легенда эта записана въ сл. Кабаньей, Купянскаго у., при чемъ въ ней Адамъ представляется *первымъ монахомъ* и не только *изобрѣтателемъ письменности*, но даже и *первымъ писателемъ*.

По изгнаніи изъ рая Адамъ прожилъ много лѣтъ въ уединеніи, не имѣя никакихъ сношеній съ Евою: „Адамъ при древі живяше, монахомъ хвалу воздаваше, припѣвы ангеламъ складаше во славу Духу Святому“. Онъ писалъ божественныя пѣсни, писалъ псалмы и разные *листки изъ исторіи*. Сидѣлъ онъ подъ деревомъ за маленькимъ столикомъ и писалъ также монашескія пѣсни; написалъ онъ 43 „*аспидскихъ (?) псалми*“.—Говорятъ также, будто Адамомъ написаны *три книги*: 1) „Книга къ добру“, 2) „Книга наставленія на путь“ и 3) „Книга обращенія ко Господу“. За сочиненіе этихъ *трехъ книгъ* Господь даровалъ Адаму вѣчную жизнь ²⁾.

¹⁾ П. Чубинскій. „Труды Этнограф.-статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. I, стр. 146—147.—О братоубійствѣ Каина скажемъ еще нѣсколько словъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ будетъ рѣчь о *лунѣ*.

²⁾ „Этнографическое Обзорѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 93.

Ни сказанія о монашествѣ Адама, ни сказанія объ изобрѣтеніи имъ письменности и его „писательствѣ“ нѣтъ въ славянскихъ апокрифахъ. *Первое* могло явиться плодомъ домысла народнаго: Адамъ искренно каялся въ своемъ грѣхѣ; отсюда не далеко уже до мысли о монашествѣ его хотя бы на склонѣ жизни. Что же касается *второго* сказанія, то оно могло легко проникнуть въ украинскія легенды путемъ устной передачи отъ талмудистовъ, у которыхъ существуетъ сказаніе, будто Адамъ написалъ 91 псаломъ.

Г. Булашевъ.

ЗАМѢТКИ.

а) О колокольномъ звонѣ въ Россіи.

Нашъ маститый изслѣдователь русскаго церковнаго пѣнія Стефанъ Васильевичъ Смоленскій недавно напечаталъ интересную статью подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, приглашая музыкантовъ не жалѣть времени на изученіе этого, пока еще таинственнаго, какъ и наши родныя пѣсни и наши старинныя знаменныя распѣвы, отдѣла нашего искусства. Приводимъ небольшое извлеченіе изъ этой статьи.

„Есть у насъ на Руси особое искусство, на которое мы почти не обращаемъ вниманія,—это колокольный звонъ. Въ колокольныхъ большого состава, съ нѣсколькими большими колоколами, звонятъ нѣсколько человѣкъ—звонарей. Этотъ звонъ всегда представляетъ собою лишь громогласнѣйшую безтолковницу, въ которой теряются подробности звона мелодическаго и ритмическаго. Извѣстно, что языки большихъ колоколовъ не мѣняютъ скорости своего качанія по самой простой причинѣ: они тяжелы и подчинены законамъ маятника. Поэтому, одновременный звонъ въ 4—5 такихъ колоколовъ производитъ только ритмическій разнбой и помѣху для звонаря-художника. Художественный звонъ возмо-

жень лишь на малыхъ колокольняхъ, гдѣ всѣ колокола подчинены волѣ одного звонаря.

„Но есть прелесть и въ большомъ, массовомъ звонѣ. Правда, вблизи, эта оглушительная сила бываетъ иногда даже и несносна. Но нѣтъ тѣхъ словъ и красокъ рѣчи, которыми можно было бы изобразить, напр., величественный пасхальный звонъ въ Московскомъ Кремлѣ. Здѣсь, въ самомъ сердцѣ, въ самомъ „святое святыхъ Россіи“, тысячная толпа ждетъ перваго полночнаго удара въ огромный колоколь „Ивана Великаго“. Надо быть въ Москвѣ у соборовъ, чтобы самому испытать величіе этого ожиданія. Тысячную толпу не слышать,—она совершенно смолкла. Молчитъ и вся Москва. Но вотъ раздается первый ударъ необычайно мягкій, негромкій (кортра Ля) на Ивановской колокольнѣ. Онъ даетъ сигналъ всей Москвѣ. Черезъ 5—6 секундъ уже ударили всѣ „сорокъ-сороковъ“, и загорѣлись иллюминаціи всѣхъ колоколенъ. Загораются и свѣчи тысячной толпы у Кремлевскихъ соборовъ. Гудитъ мягкій басовый звукъ, вдругъ смѣняющійся торжественнымъ звономъ. Звонятъ „во вся тяжкая и во вся кампаны“, звонятъ съ необычайною силою звука. Въ этой силѣ исчезаетъ все: и начавшаяся пушечная пальба, и пѣніе хоровъ въ появившихся крестныхъ ходахъ, и вздохи волнующейся массы тысячей. Только и слышенъ одинъ звонъ, видны разомъ море свѣчей и какъ бы огненные змѣи, движущіяся между свѣчами многотысячной толпы. Этихъ движущихся огневыхъ потоковъ разомъ шесть... И надъ всей этой чудной картиной—звонъ, да вѣдь какой! Звонъ оглушительный, властный, сущее торжество!.. Невольно вспоминаю, какъ взволновалъ меня однажды встрѣтившійся въ эту минуту незабвенный Нв. Оед. Горбуновъ. Я слыхалъ и прежде, что великій артистъ-народникъ пріѣзжалъ въ Москву къ этому дню будто бы чуть не каждый годъ, чтобы насладиться величественною русскою красотой. На этотъ разъ Нв. Оедоровичъ стоялъ, наклонивъ голову, и сильно волновался, по лицу его текли слезы, и онъ нервно крестился...

„Замолчите!“—нервно крикнулъ онъ на какихъ-то сосѣдей, осмѣлившихся заговорить между собою въ такую истинно-торжественную минуту... По крестные ходы уже прошли.

Малый, голосистый „Ясакъ“, у алтаря Успенскаго собора, уже прозвонилъ „конецъ“, и Иванъ Великій сразу умолкъ. Тянуційся звукъ большихъ колоколовъ сразу наполняетъ соборную площадку несравненными аккордами, съ мощными переливающимися модуляциями въ цѣлыхъ ряяхъ призвуковъ и отзвуковъ. Это продолжается 1—1/2 минуты. Слышать этотъ мощный, таинственный гимнъ можно только въ Москвѣ и только въ тихую, теплую пасхальную полночь.

По совсѣмъ иное впечатлѣніе отъ массоваго звона получается издали. За городомъ слышится совсѣмъ особая музыка, несравнимая ни съ чѣмъ и только встрѣчаемая на лонѣ природы. Чуткіе люди живо чувствуютъ таинственную красоту тишины, напр., въ хвойномъ лѣсу, когда они вслушиваются въ тихій шумъ между вершинами сосенъ и елей... Лѣсъ шумитъ, лѣсъ дышитъ, лѣсъ говоритъ въ этой величественной тишинѣ. Колокольный звонъ, слушаемый издали, за городомъ,—это цѣлая симфонія, это колоссальная Эолова арфа, дающая самыя восхительныя впечатлѣнія. Я слышалъ нѣсколько разъ эти симфоніи, напр., на берегу Волги, въ 3—4-хъ верстахъ выше Нижняго-Новгорода, на Воробьевыхъ горахъ, подъ Москвою; хорошъ былъ звукъ на Ильменскомъ озерѣ отъ звона Новгорода Великаго, послылавшаго по Волхову мощный стонъ множества своихъ колоколенъ. Я слышалъ и чудесный органъ Ростова Великаго, обладающаго несравненною звонницею; здѣсь—созвучные, подобранные, большіе колокола; на озерѣ отъ нихъ—„звонъ въ небѣ“, который, кажется, только и можно сравнить съ торжественнымъ величіемъ сѣвернаго сіянія.

Такую музыку можно слышать только въ Россіи. Наши русскіе колокола, особенно же старыя, XVI—XVII вѣка, считаются самыми большими, самыми звучными въ мірѣ. У

насъ—множество колоколенъ,—у насъ и просторъ для такой музыки. Въ часъ лѣтней всеобщей смолкаетъ шумливая рабочая суета, и колокольная музыка тихо играетъ въ небѣ, давая красоту акустическихъ явленій высшаго порядка. Эту музыку можно слышать во множествѣ мѣстъ нашей необъятной Россіи. „Въ лѣсахъ“ и на берегу озера, или вдоль рѣчки въ каждый тихій вечеръ можно насладиться симфоніей сосноваго бора и звона въ отдаленномъ скитѣ.

Нѣтъ словъ, которыми можно было бы изобразить музыку, когда звонъ „сорока сороковъ“ Московскихъ колоколенъ обращается въ тихій гимнъ, отдаленно-слышимый на Воробьевыхъ горахъ. Видъ Москвы при заходящемъ солнцѣ смѣняется быстро новыми красками отъ свѣта іюньскаго полнолунія. Огневые отблески отъ оконъ и золоченыхъ крестовъ постоянно перемѣняются въ своемъ появленіи то тутъ, то тамъ. Вечеръ тухнетъ, тишина охватываетъ, и невольно смотрятся послѣднія дневныя краски. Вскорѣ мягкій зеленый оттѣнокъ проявитъ съ востока бѣлыя стѣны далекихъ домовъ, золотые огоньки смѣняются тихо свѣтящими серебряными отблесками отъ тѣхъ же крестовъ. И при такой красотѣ, при этой тишинѣ—музыка,—какая-то особая, упоительная музыка... И лѣсъ шумитъ, и Москва вздыхаетъ—молится что-ли, отходя ко сну, или думу думаетъ!

Въ Ростовѣ Великомъ нѣтъ такого огромнаго величія. Ростовъ, не только предъ Москвой, но и въ сравненіи съ прелестнымъ Ярославлемъ—чуть не малая деревушка. Но Ростовъ стоитъ на берегу большого озера, а старую соборную звонницу выстроилъ преостроумный акустикъ митрополитъ Іона III Сысоевичъ (1652—1691 г.). Этотъ удивительный художникъ догадался выстроить вмѣсто высокой колокольной широкую „звонницу“ и снабдить ее колоколами, выстроенными по камертону¹⁾. Онъ же, Іона, сочинилъ и му-

¹⁾ Эта невысокая (10 саж.) звонница имѣетъ 15 саж. длины и 5 саж. ширины. С. В. Смоленскій указываетъ на нотахъ строй колоколовъ.

зыку нѣсколькихъ звоновъ для такого оригинальнаго инструмента, указавъ дѣлать *crescendo*, *diminuendo*, указавъ модуляціи съ помощью звона то съ тѣмъ, то съ другимъ большимъ колоколомъ. Поэтому, здѣсь есть ускореніе и замедленіе въ звонахъ. Поэтому, нѣтъ въ Ростовѣ до сихъ поръ безтолковаго звона „во всѣ“, а исполняютъ, какъ „по-писанному“ старый „Сысоевскій звонъ“, „Акимовскій звонъ“. „Дашковскій“, „Егорьевскій звонъ“ и разные будничные звоны. Недавно сочинили еще „Ионафановскій звонъ“ и, какъ говорили мнѣ, возстановили музыкальную запись всѣхъ старыхъ и новыхъ звоновъ. И недавно, здѣсь же, нашелся „второй Іона“, акустикъ по колокольной части—о. А. А. Израилевъ, приведшій въ порядокъ не только Ростовскіе звоны, но и акустику новыхъ колоколовъ при ихъ литьѣ на заводахъ ¹⁾. Камертоныю. Израилева извѣстны, кажется, всей Россіи.

Ростовская звонница есть одна изъ красотъ необыкновенно интереснаго Ростовскаго Кремля. Она вполне замѣчательна, и какъ умная старина, и какъ художественное изобрѣтеніе. Здѣсь 13 колоколовъ, между которыми имѣются двѣ громадины въ 2 и 1 тысячи пудовъ; это двѣ тоники звоновъ, Це-дуръ Э-молль, — „Сысой“ и „Поліелей“. По ритму качанія ихъ языковъ производятся художественные Ростовскіе, мажорные и минорные, звоны съ разными измѣненіями скорости и силы ударовъ въ такіе колокола. Звоны разнообразятся всякими узорами, которые вызваниваются малыми колоколами, но эти дробные узоры всегда согласованы съ ритмомъ одного изъ консонирующихъ имъ наибольшихъ колоколовъ. Отъ такого чередованія группъ происходитъ то усиленіе Це-дуръ и его доминантъ-аккорда, то господство Е-молль, то появленіе изъ оберъ-тоновъ А-молль съ его до-

¹⁾ Этому оригинальному учебному принадлежитъ честь научнаго изслѣдованія и настраиванія колоколовъ и камертоновъ; его книга „Ростовскіе колокола и звоны“ (Спб. 1884) полна глубокаго интереса.

минантою... Интерференціи звуковъ (т. е. перебои тянущихся и колокольныхъ гуловъ,—*battements*) и производные оберъ-тоны даютъ вдали отъ колокольной массы новыхъ эффектовъ. Не трудно понять, сколько живости придается звонамъ съ помощью не только отъысковъ исполненія, но и ритмическихъ комбинацій всякаго рода. Праздничные звоны въ Ростовѣ болѣе сановиты, медленны; будничные звоны гораздо быстрѣе отъ участія только меньшихъ колоколовъ.

Но нужно отъѣхать съ версту отъ Ростова по озеру и послушать звонъ оттуда, въ тихую погоду, чтобы понять, что получается изъ Ростовскихъ звоновъ издали. Гармоніи тянутся долго, то замирая, то усиливаясь; интерференція звуковыхъ волнъ даетъ какъ бы вздохи звона, дѣлаетъ слышными то мажорный аккордъ, то минорный,—и въ воздухѣ какъ бы раздастся торжественный хораль необычайно мягкихъ, протяжныхъ аккордовъ. Они мѣняются совершенно неожиданно и изъ производныхъ звуковъ (оберъ-тоны) составляются какія-то чудныя сочетанія, переполняющія душу полнымъ восторгомъ. Это—именно „неземная музыка“, и не знаю я, есть ли еще въ Россіи что-либо сходное со звонами въ Ростовѣ Великомъ.

Но самые лучшіе звоны, артистическіе—въ монастыряхъ и особенно въ подмосковныхъ уѣздныхъ городахъ. Есть отличные звонари и въ Поволжьѣ. Здѣсь можно часто слышать много оригинальнаго въ фигураціяхъ и въ ритмическихъ пріемахъ. Главнымъ образомъ—это звоны малыхъ церквей, производимые однимъ звонаремъ ¹⁾. Хороши звоны и двухъ звонарей. Изъ нихъ одинъ, ударяя въ большой колоколь качающимся языкомъ, даетъ звону „*basso ostinato*“ и

¹⁾ Опытный звонарь можетъ владѣть одновременно двумя или тремя малыми колоколами въ правой рукѣ, двумя средними въ лѣвой, третьимъ среднимъ—подъ локтемъ лѣвой руки и однимъ (а иногда и двумя) большимъ колоколомъ, ударяемымъ ногою съ помощью педали къ веревкѣ подтянутаго языка. Въ случаѣ звона съ главнымъ, еще большимъ колоколомъ, этотъ звонарь подчиняется ритму „большака“.

въ то же время одинаковую скорость звона. Но звоны меньшіе—куда лучше. Въ коренной Руси очень часто случается встрѣтить виртуозовъ-звонарей, талантъ которыхъ родитъ иной разъ самые удивительные ритмическіе и мелодическіе экспромпты. Въ этой же Руси выработались и типы разныхъ звоновъ, напр., постныхъ, позывныхъ, похоронныхъ, встрѣчныхъ, проводныхъ, будничныхъ, праздничныхъ и т. п. Это—традиціонныя формы, въ содержаніе которыхъ, однако, вкладываются исполнителями иногда сущія вдохновенія—вполнѣ свободное творчество. Мнѣ случалось наблюдать у талантливыхъ звонарей точно размѣренные объемы частей, разработку темъ и даже, такъ сказать, оркестровые эффекты. Однажды мнѣ случилось услышать въ „разработкѣ“ звона неожиданно введенное контрапунктическое „увеличеніе“ темы, не говоря уже о частичномъ ея использованіи. Въ другой разъ звонарь, въ серединѣ быстрого звона, вдругъ ввелъ неожиданную тему, измѣнивъ ритмъ и начавъ „Andante“. (Здѣсь у С. В. Смоленскаго вставлена нотная строка). „Такая тема, къ моему полному изумленію, была затѣмъ повторена въ подходящемъ мѣстѣ въ мажорномъ тонѣ и вновь повторена въ первомъ видѣ при „возвращеніи“.

Талантливыхъ звонарей у насъ—сотни. Всѣ они передаютъ, по преданію, давнія, конечно, сочиненія весьма многихъ художниковъ старобытной Россіи и прибавляютъ къ нимъ свои вдохновенія. Бываютъ и истовые любители, кровные русаки. Мнѣ вспоминается рассказъ о какомъ-то солдатикѣ, изумившемъ болгаръ мастерствомъ звона въ присланные изъ Россіи колокола. Совершенно безтолковый звонъ у св. Крале въ Болгарской Софіи возмутилъ этого артиста, и онъ, неожиданно для себя, вдругъ далъ въ болгарской столицѣ „колокольный концертъ“... По тутъ же и сказалась „исторія“. Хотя впечатлѣніе было, очевидно, очень сильное, но оно не пробрало звонарей-болгаръ до сути колокольнаго искусства. И до сихъ поръ въ Болгаріи нѣтъ хорошихъ звоновъ. Впрочемъ, и удивляться нечему. Вѣдь у болгаръ

колокола появились всего четверть вѣка тому назадъ, а у насъ колокольному звону уже нѣсколько сотъ лѣтъ. Понятно, что церковный звонъ давно сталъ у насъ народнымъ искусствомъ. Именно на эту самобытную часть художественнаго русскаго мышленія мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе русскихъ музыкантовъ. Здѣсь видны и чувствуются родныя красоты и свои, русскія формы.

Если археологія музыкальнаго искусства имѣетъ практическія цѣли, если проявленія творчества народныхъ художниковъ обязываютъ насъ вниманіемъ къ формамъ ихъ вдохновеній, то отчего же не оказать вниманія къ церковному звону? Въ немъ вѣдь, несомнѣнно, имѣются на лицо всѣ составныя данныя музыкальнаго искусства и могутъ найтись особенности, можетъ быть, даже и поучительныя. Давно ли наши несравненные народные пѣсни пренебрежительно назывались „подлыми“, а наши древнезнаменные распѣвы даже и „волчьимъ воемъ“? Отчего не предположить, что по части малыхъ формъ, по части бойкихъ ритмовъ и фигурцій наши колокольные звоны, пожалуй, откроютъ что-либо новое любознательнымъ русскимъ „музикусамъ“?

„Полагаю, что музыканты не потеряютъ времени и не пожалѣютъ, если надумаютъ вникнуть въ русскій колокольный звонъ. Это такой же отдѣлъ нашего искусства, и таинственный пока, какъ и наши народные пѣсни и, особенно, наши старинные знаменные распѣвы. При всемъ порывѣ нашихъ музыкантовъ къ использованію завѣтовъ русской мелодической и ритмической старины, указываемые кладязи народной мудрости, остроумія, глубокаго чувства далеко еще не разгаданы, хотя бы въ области своей художественной свободы. Вообще, наша „музыка будущаго“ имѣетъ источники своей мощи именно здѣсь, въ своихъ началахъ, въ своей дорогѣ, въ своихъ идеалахъ, давно обдуманыхъ для насъ простыми пѣвцами, дьячками и звонарями. Простоту эту легко почувствовать, мудроно уловить и еще труднѣе объяснить въ своей совокупности. Но мы, несомнѣнно, близ-

ки уже къ пониманію незамѣнимой поучительности для насъ именно народныхъ искусствъ. Не отрицаясь отъ всего созданнаго гениями для музыкальнаго искусства вообще, мы должны быть у себя дома, должны быть русскими. Если мы постараемся сдѣлаться ими какъ можно скорѣе, то, конечно, мы не раскаемся. Мы только удивимся нашей мощи, нашему неисчерпаемому богатству въ имѣющихся наслѣдствахъ и откроемъ дороги блестящему русскому будущему“ (Русск. Музык. Газ. №№ 9—10).

в) „Даросушительница“.

Это—новый приборъ. Мысль о немъ многимъ іереямъ западала въ голову, когда въ Чистый четвергъ, на Страстной надѣлѣ, приходилось часами стоять надъ углями „на илинфахъ“... Оттуда несло жаромъ, жгло руки, болѣла спина и шея отъ усталости и напряженія...

Но вотъ г. Миловановъ воплотилъ мысль многихъ и создалъ небольшой металлическій приборъ, гдѣ автоматически происходитъ то, изъ-за чего столько хлопотъ и безпокойства іерею, задержка богослуженія и т. п. неудобства. Теперь этому конецъ. Въ новомъ приборѣ, „даросушительницѣ“, на золоченой тончайшей сѣточкѣ идеально иссушивается св. Причастіе, безъ опасности подгорѣть и проч. случайностей. Приборъ этотъ мы испытали 19 апрѣля 1907 г. Во время причастна и чтенія молитвъ предъ причащеніемъ частицы св. Агнца, напоенныя на дискосѣ, осторожно были сложены въ даросушительницу, и, пока приобщено было 80 чел. говѣльщиковъ, все уже было готово: частицы были совершенно сухи.

Не описывая подробно этого прекраснаго прибора, патентованнаго г. Миловановымъ, я рѣшилъ оповѣстить собратъевъ по сану, усиленно рекомендуя приобрѣтать даросушительницу. По бѣдности прихода, я смогъ выписать отъ

него самую дешевую—въ 16 р. 50 к.; съ пересылкой по почтѣ она обошлась 18 р. Но кто побогаче, выписывайте въ 25 р., съ изображеніемъ Тайной Вечери. Присланная намъ даросушительница простая, высеребренная подъ мать. Это—гладкій цилиндръ на постаментѣ, увѣнчанный куполомъ. Все въ немъ отлично приспособлено для того великаго дѣла, которое онъ обслуживаетъ. Все изящно и вмѣстѣ съ тѣмъ канонично. Можно предсказать блестящую будущность этому прибору. Снабженный постоянной вентиляціей, онъ съ успѣхомъ замѣнитъ современемъ дарохранительницу (Таврич. Церк.-Общ. Вѣстникъ № 15).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Отъ Кіевского духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

Кіевъ, 26-го іюля 1907 года.

Цензоръ, профессоръ Академіи священникъ *Александръ Глаголевъ.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

№№ 32—33.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года 12—19-го августа.

Содержаніе: I. Памяти нашихъ воиновъ, павшихъ на Дальнемъ Востоцѣ.—
II. Успеніе Пресвятой Богородицы.—III. Украинскія легенды о
„треблаженномъ древѣ“, смерти Адама и главѣ его.—IV. Забѣтка.
Почему сельское духовенство мало „печатается“ въ своихъ епар-
хіальныхъ органахъ, и какъ пріохотить его къ этому дѣлу?

Памяти нашихъ воиновъ, павшихъ на Дальнемъ Востоцѣ.

Больши сея любви никтоже
имать, да кто душу свою положитъ
за други своя (Іоанн. 15, 13).

Въ послѣднее время въ газетахъ стали появляться за-
бѣтки и обращенія о пожертвованіяхъ на сооруженіе памят-
никовъ на мѣстахъ упокоенія братьевъ нашихъ, polegшихъ
костями на Дальнемъ Востоцѣ въ послѣднюю войну, и о не-
обходимости надлежащаго ухода за могилами ихъ. Много,

много думъ, много чувствъ поднимается въ душѣ при чтеніи этихъ замѣтокъ и обращеній, и душа болитъ, сердце обливається кровью, когда вспоминаешь, что было, что пережилось, перечувствовалось за время этой ужасной войны. Одно начало войны чего стоитъ... Неслыханно дерзкій, нахальный, оскорбительный первый вызывающій ударъ со стороны врага до глубины души потрясъ русскихъ людей, причинилъ невыносимо жгучую боль. Высочайшій манифестъ краткій, по видимому, спокойный, но не проникнутый тѣмъ воодушевленіемъ, которымъ дышали царскіе манифесты прежнихъ временъ, когда у всего русскаго народа, безъ изъятія, было одно сердце съ Царемъ, не унималъ боли и тревоги, а какъ бы предвѣщалъ еще большее, еще горшее... Затѣмъ пошли Тюренченъ, Вафангоу, Ляоянъ, Мукденъ, Портъ-Артуръ и... Цусима. Господи! кто и теперь можетъ безъ слезъ, безъ стонъ вспомнить эти мѣста, эти потрясающіе моменты? Кажется, пройдутъ десятки лѣтъ, а скорбь, горе, тяжесть не улягутся, не остынутъ у насъ... Да, пережилось много,—на вѣка станеть! Думалось бы, что въ душѣ всѣхъ и каждаго тяжело отзывалось то, что происходило тамъ, гдѣ родные наши заливали кровью своею чужую страну, но... въ томъ-то и дѣло, что—не всѣхъ и не каждаго... И когда вспомнишь объ этомъ, когда подумаешь о томъ, что дѣлалось у насъ,—краска стыда покрываетъ лицо, огнемъ жжетъ, и чувствуется вся тяжесть позора, котораго, кажется, еще никогда и никто не переживалъ. Пишущему эти строки живо припоминаются эти ужасныя минуты, когда извѣстія о Тюренченѣ, Вафангоу, Ляоянѣ вызывали бѣшеный восторгъ нашихъ безумцевъ, которые съ распалившимися глазами, съ пѣной у рта, съ какимъ-то діавольскимъ злорадствомъ приносили роковыя вѣсти и крики: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!“ Эти клики и сейчасъ звенятъ въ ушахъ, и сейчасъ волнуютъ душу. Съ безумною радостью сообщали они и о тѣхъ „русскихъ“ людяхъ, которые посылали телеграммы японскому микадо съ привѣтствіями и пожеланіями дальнѣйшихъ побѣдъ надъ Россіей.

Все это вспоминается, и думаешь: правда ли это, не ужасный ли сонъ все это?.. О, если бы только сонъ!..

Но все это миновало, все то прошло. И слава Богу, что прошло! Быть можетъ, хоть теперь пора одуматься, дать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило тамъ, гдѣ лилась русская кровь, и что дѣлали мы здѣсь, дома, на родинѣ. Какъ отрадно было бы думать, что призывъ увѣковѣчить память братьевъ нашихъ сооружеиіемъ святынь на мѣстахъ ихъ вѣчнаго упокоенія и есть начало этой новой поры, что это новый лучъ въ сознаніи русскаго общества! Даль бы Господь, чтобы этотъ лучъ озарилъ всю Русскую землю и засіялъ яркимъ солнцемъ въ душахъ всѣхъ безъ исключенія... Отъ того, что было, и что есть въ далекой Манчжуріи и Японіи, какъ-то невольно переносится мысль въ другія времена, въ другія мѣста, столь же достопримѣчательныя, столь же для насъ дорогія и священныя,—мѣста Севастополя, знаменитаго Братскаго кладбища возлѣ него. Кто былъ тамъ, тотъ никогда не забудетъ тѣхъ чувствъ, которыя онъ испытывалъ: это—чувства глубокаго благоговѣнія, священнаго трепета предъ великой національной святыней. Предъ вами не могилы, не гробницы, а цѣлыя пещеры, изъ которыхъ каждая покоитъ въ нѣдрахъ своихъ не десятки, а сотни мучениковъ и родныхъ нашихъ страдальцевъ, пролившихъ кровь свою, сложившихъ кости свои за святую вѣру, за родную землю, за славу отечества. Предъ вами святой храмъ, какъ бы вѣнчающій собою эту великую общую могилу. Простой по своему внѣшнему устройству, имѣющій видъ огромнаго конусообразнаго намогильнаго памятника, осѣненнаго крестомъ, онъ производитъ неизгладимое впечатлѣніе этою своею простотою, своею основательностью и крѣпостью, какъ бы напоминающими намъ о томъ, какъ велика, основательна и крѣпка была вѣра и сила тѣхъ, чьи могилы осѣняетъ этотъ прекрасный храмъ. Еще глубже вы испытываете чувство благоговѣнія къ этому священному для каждаго русскаго сердца мѣсту, когда войдете внутрь храма и увидите множество прекрасныхъ св. иконъ и рядомъ

съ ними цѣлыя синодики сева­стопольскихъ героевъ, имена которыхъ начертаны здѣсь на мраморныхъ доскахъ, украшающихъ всѣ стѣны храма. Сколько святыхъ чувствъ, глубокихъ думъ, великихъ воспоминаній о минувшихъ судьбахъ нашей родной земли будить все это!.. Да, Братское кладбище вблизи Севастополя—это своего рода Лавра нашего Кіева, гдѣ долженъ былъ бы побывать каждый истинно-русскій человекъ. Все здѣсь такъ много говоритъ русскому сердцу, что не посѣтитъ этого священнаго мѣста—грѣшно. Но какъ ни величественно Братское кладбище, а намъ кажется, что здѣсь еще не все есть, что должно быть, чѣмъ Россія должна заплатить дань великой памяти сева­стопольскихъ героевъ. Намъ казалось бы, что нигдѣ такъ не кстати было бы устроить дома призрѣнія для престарѣлыхъ воиновъ, для пострадавшихъ на войнѣ и лишившихся возможности существовать своимъ трудомъ, пріюты для ихъ дѣтей и школы, какъ именно здѣсь, у Севастополя: думаемъ, что кровь и кости почивающихъ здѣсь героевъ-сева­стопольцевъ заслуживаютъ и большаго. Пишущему эти строки припоминается свиданье и бесѣда съ однимъ сева­стопольскимъ героемъ въ 1895 г. Старика-воина пришлось встрѣтить въ далекомъ Дагестанѣ. Въ бесѣдѣ многое, многое вспомнилось старику. О Севастополѣ, о страданіяхъ пережитыхъ тамъ, чудесахъ мужества, крѣпости и выносливости своихъ русскихъ солдатиковъ старикъ не могъ говорить безъ волненія и слезъ. Отъ него намъ пришлось выслушать чаяніе, что вотъ-де когда-нибудь Россія должна бы именно тамъ, у Севастополя, устроить пріюты, пансіоны для нашихъ воиновъ. Не знаемъ, суждено ли когда-нибудь осуществиться чаянію престарѣлаго воина, который со своей мечтой только недавно сошелъ въ могилу; но Братское кладбище и въ настоящемъ своемъ видѣ представляетъ весьма замѣтный памятникъ давно минувшему, от­радно свидѣтельствующій, что это славное минувшее нами не забыто. Невольно напрашивается при этомъ сопоставленіе сева­стопольскихъ могилъ со многими забытыми

или забываемыми могилами нашихъ воиновъ, которые сложили кости свои въ далекихъ чужихъ краяхъ. Одну изъ такихъ сиротъ-могилъ не такъ давно намъ пришлось видѣть въ Турціи, на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ—Халки. Здѣсь есть небольшой старинный монастырь, въ одномъ изъ зданій котораго помѣщается какое-то коммерческое училище. Какъ монастырь, такъ и училище производятъ грустное впечатлѣніе своею запущенностью и убожествомъ. Возлѣ этого монастыря находится могила русскихъ воиновъ, бывшихъ въ плѣну у турокъ въ 1828—9 гг. Ничего болѣе сиротливаго, одинокаго, безмолвно-печальнаго намъ не приходилось встрѣчать. Могила заросла кустарникомъ, густою зеленью, въ которой скрывается очень скромный мраморный памятникъ, покрывшійся отъ времени мхомъ и пылью. На одной сторонѣ памятника мы прочитали надпись: „Здѣсь покоятся русскіе воины, скончавшіеся въ плѣну въ 1828—29 годахъ“ и слова Евангелія: *Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоанн. 15, 13). На другой сторонѣ находятся слѣдующія слова псалма: *„Душа его во блазихъ водворится, и стѣмя его насльдитъ землю“* (Пс. 24, 13) и изъ Кн. Премудр. Ис. с. Сирах.: *„Кости ихъ да процвѣтутъ отъ мѣста ихъ, и имя ихъ премъняемо на сынѣхъ, прославленнымъ бывшимъ имъ“* (46, 14. 15); *„Премудрость повѣдятъ языцы, и хвалу его исповѣсть Церковь“* (39, 13). Такая же надпись сдѣлана на памятникѣ и по-гречески. Кто эти воины, нашедшіе себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія на далекой чужбинѣ, сколько числомъ ихъ полегло здѣсь, не знаемъ; но хорошо уже хоть то, что на могилѣ этихъ христіанъ - страдальцевъ есть скромный памятникъ, увѣнчивающійся крестомъ. Не знаемъ также, служатся ли здѣсь когда-нибудь панихиды причтомъ русской посольской церкви, находящейся въ Константинополѣ, какъ говорится, въ нѣсколькихъ шагахъ, но отраднo было бы думать, что причтъ не забываетъ этой сироты-могилы нашихъ родныхъ воиновъ...

Наша мысль снова возвращается къ далекой Манчжуріи и Японіи. Сколько тамъ мы имѣемъ сиротъ-могилъ! Если могила на островѣ Халки вызываетъ грустныя чувства, печальныя думы, то могилы въ Манчжуріи и Японіи вызываютъ боль душевную и тяжелое сознаніе грѣховъ нашихъ предъ тѣми, которые тамъ костями полегли, быть можетъ, съ горькими мыслями о родныхъ краяхъ и людяхъ родныхъ, не радовавшихъ ихъ своею любовью, самопожертвованіемъ и готовностью все отдать тѣмъ, кто кровь и жизнь свою отдавалъ за родину святую. Насколько тяжелы мысли объ этомъ, настолько отрадны напоминанія и призывъ къ тому, чтобы эти далекія могилы не были забыты, чтобы онѣ были осѣнены св. крестами, окружены заботливымъ уходомъ, котораго онѣ поистинѣ заслуживаютъ, чтобы устроены были храмы для поминовенія всѣхъ, въ послѣднюю войну живость свой положившихъ за отечество. Мы увѣрены, что всѣ истинно русскіе люди съ горячимъ сердцемъ откликнутся на этотъ благородный призывъ, и что могилы братьевъ нашихъ не останутся забытыми. Въ одной русской кievской газетѣ по этому поводу было напечатано слѣдующее. Во время русско-японской войны 72 тысячи нашихъ воиновъ, въ качествѣ военно-плѣнныхъ, очутились въ Японіи, и не всѣмъ имъ было суждено вернуться на родину. Многіе, получившіе на войнѣ серіозныя раны и различныя болѣзни, кончили жизнь свою въ этой чужой, далекой странѣ, и послѣднимъ словомъ, послѣднимъ желаніемъ умирающихъ была мольба, чтобы на родинѣ не умерла память объ ихъ далекихъ, безвѣстныхъ могилахъ. — Осуществленію этой мольбы положено начало. Офицеры и нижніе чины, жившіе въ Мацуямѣ, гдѣ погребено 97 нашихъ раненыхъ и больныхъ, умершихъ въ тамошнемъ госпиталѣ, пожертвовали на памятникъ на ихъ кладбищѣ, и памятникъ уже сооруженъ. Пожертвовали они также около тысячи рублей на постройку часовни или небольшой церкви для всегдшняго поминовенія нашихъ усопшихъ какъ въ Мацуямѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ

жили наши въ плѣну. На эти деньги, съ прибавленіемъ остатка отъ пожертвованій, собранныхъ въ Россіи на нужды нашихъ военноплѣнныхъ въ Японіи, куплено мѣсто для церкви внутри города Мацуяма. Другую церковь предположено построить въ Оосака, для поминовенія усопшихъ плѣнныхъ, жившихъ на островѣ Пипонѣ, а именно: въ Хаматера, близъ Оосака, гдѣ жили 22 тысячи порть-артурцевъ; въ Перасино, гдѣ жили 12 тысячъ; Начое, Кеото, Тохаси и друг. На церковь въ Оосака, какъ и на церковь въ Мацуяма, начали жертвовать сами плѣнные въ бытность ихъ тамъ. Мѣсто для церкви въ Оосака есть; но денегъ на сооруженіе упомянутыхъ церквей нѣтъ...

Денегъ нѣтъ! но деньги должны быть, и деньги будутъ. Мы въ этомъ глубоко убѣждены, какъ убѣждены въ благородствѣ сердца истинно-русскаго человѣка, горячо любящаго свою родину, братьевъ своихъ и глубоко вѣрующаго во все святое.

Честь и слава, искреннее русское спасибо и земной поклонъ начальнику японской духовной миссіи, архіепископу японскому Николаю, который принимаетъ горячее участіе въ этомъ святомъ дѣлѣ и обращается къ русскому обществу и ко всему русскому народу съ призывомъ вспомнить и никогда не забывать нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ, погибшихъ вдали отъ родины, и помочь увѣковѣчить ихъ память. Въ средѣ нашихъ духовныхъ пастырей этотъ призывъ долженъ встрѣтить самое искреннее сочувствіе и самую горячую поддержку, а они, чрезъ свое пастырское слово съ кафедръ церковной, внушать это сочувствіе всѣмъ своимъ пасомымъ, призывая ихъ къ пожертвованіямъ на святое дѣло.

Въ пожертвованіяхъ не должно стѣсняться ихъ размѣромъ: копейки, рубли—всѣ жертвы пойдутъ на святое дѣло, всѣ многоцѣнны въ очахъ Господа Бога. Облаченія, церковная утварь также будутъ принимаемы, какъ самыя желанныя и необходимыя жертвы для будущихъ храмовъ. Направлять пожертвованія можно непосредственно архіепископу

Николаю (Zurugadoy Tokyo Japan, Archibishop Nicolas), или отсылать въ комитетъ Е. П. В. Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны (Москва, Волхонка, 14), который беретъ на себя отправку пожертвованій въ Японію. Въ Кіевѣ добрый починокъ въ этомъ святомъ дѣлѣ уже положенъ Религіозно-Просвѣтительнымъ Обществомъ, которое въ своей церкви на видномъ мѣстѣ выставило печатное объявленіе о приѣмѣ пожертвованій и завело книгу для записи этихъ пожертвованій.

К.

Успеніе Пресвятой Богородицы.

„Пречистыя Дѣвы Маріи и Богородицы всего лѣта различныя празднованія и чествованія Церковь совершаетъ: но праздникъ Успенія ея всѣхъ превосходитъ“ (Исалт. съ возелѣд., мѣсяц. 12 авг.).

*I. Гробъ Богоматери. II. Воскрешеніе Ея пречистаго тѣла и вознесе-
ніе его на небо. III. Особенности богослуженія въ Геосиманіи на Успе-
ніе: геосиманскій чинъ погребенія Богоматери въ Россіи. IV. Праздникъ
Успенія въ старой Москвѣ при святѣйшихъ патріархахъ.*

I.

*Апостоли отъ конецъ земли совокупльшеся, въ Геоси-
манійстѣй веси погребите тѣло Мое¹⁾.*— таково было пред-
смертное завѣщаніе Богоматери, въ передачѣ его церковною
пѣснью, мысленно обращенное Ею изъ Іерусалима, изъ Сі-
онской горницы, къ апостоламъ-ученикамъ Ея Божественнаго
Сына. И вотъ, во исполненіе завѣта Богоматери, разсѣянные
по міру съ проповѣдью о Христѣ, апостолы чудеснымъ обра-
зомъ, на легкихъ облакахъ, собираются въ Іерусалимъ, окру-
жаютъ смертный одръ Богородицы и въ таинственномъ при-
сутствіи силъ небесныхъ надгробнымъ пѣніемъ провождаютъ

¹⁾ Свѣтилень въ службѣ Успенія Пресвят. Богородицы.

въ горній міръ, къ вѣчной „боголѣпной“ славѣ почившую Матеръ Живота. Руками своими апостолы относятъ нетлѣнное тѣло Богородицы въ Геосиманію и полагаютъ его въ пещерѣ, гдѣ уже ранѣе нашли себѣ упокоеніе праведные родители Пресвятой Дѣвы Іоакимъ и Анна и святой обручникъ Ея Іосифъ.

Уже однажды освященная предсмертною, въ ужасѣ и томленіи, молитвою Спасителя и потомъ вмѣстившая въ нѣдрахъ своихъ смѣртное ложе Богоматери, *Геосиманійская весъ* находится невдалекѣ отъ Іерусалима. Она лежитъ на востокъ отъ св. града, въ глубинѣ Іосафатовой долины, у подножія Елеона. Путешествовавшіе въ Св. Землю, передаютъ, что во всей Палестинѣ трудно найти другое мѣсто, болѣе подходящее къ молитвенному созерцанію, какъ этотъ необыкновенно тихій, полный поэзіи уголокъ въ Іосафатовой долинѣ¹⁾, „поистинѣ—святый домъ“ Богоматери, какъ выражается церковная пѣснь²⁾. Вѣрующее сердце ощущаетъ здѣсь незримое тѣлесными очами присутствіе Самой Богоматери, слышитъ вѣяніе Ея кроткаго и полного любви къ міру духа...

Особенно сильное впечатлѣніе производитъ на благочестиваго паломника внутренность пещеры гроба Богоматери. Вотъ что, напр., рассказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ у гроба Богоматери одинъ паломникъ, довольно подробно описавшій, при этомъ, и пещеру съ гробомъ Богоматери: „Спускаясь по широкой мраморной лѣстницѣ въ глубину пещеры, вы скоро начинаете обонять тонкую струю оиміама. Эта струя оиміама какъ бы напоминаетъ богомольцу, съ какою чисто-

¹⁾ „Въ глубинѣ Іосафатовой долины“, писалъ, напр., изъ Палестины *А. Н. Муравьевъ* митрополиту московскому Филарету, „отрадно зелѣнѣють свѣжія маслины древняго сада; хотя и нѣтъ потока Кедрскаго, но русло какъ будто струитъ еще живую воду. Нѣчто особенно пріятное наполняетъ душу въ этомъ мирномъ уголкѣ Св. Земли... поистинѣ, Геосиманія какъ будто создана для молитвъ“... (*Прибавленія къ твореніямъ св. отцовъ*, ч. IX, стр. 289).

²⁾ 1 стих. на „Госп. возвахъ“ въ службѣ в. вечерни на Успеніе: „Веселися, Геосиманіе, Богородичень святый доме“...

тою мыслей, чувствъ и прошеній онъ долженъ приближаться къ гробу Той, Которая облагоухала небо и землю благословеннымъ Плодомъ чрева Своего. На половинѣ лѣстницы—направо и налѣво—видны симметрически сдѣланныя большія углубленія въ стѣнахъ: это алтари на гробахъ праведныхъ Іоакима и Анны (справа) и св. Іосифа-обручника (слѣва)... Чѣмъ дальше вы спускаетесь по лѣстницѣ, тѣмъ въ большой спускаетесь мракъ. Вотъ вы уже на помостѣ храма; искомага гроба еще нѣтъ,—но нѣсколько шаговъ впередъ—и вправо открывается очень длинная, широкая и сама по себѣ чрезвычайно мрачная полоса Геосиманской подземной церкви, среди которой, осіяваемая изнутри, стоитъ часовня гроба Богоматери. Глубина, безыскусственность, полумракъ этого смертнаго ложа Высшей небесъ и Чистшей свѣтлостей солнечныхъ чрезвычайно поражаетъ душу и вполне поддерживаетъ ту настроенность ума и сердца, которая невольно является при посѣщеніи подобныхъ мѣстъ. Вотъ предъ вами и входъ въ часовню Богоматерянаго гроба или лучше—два довольно высокія и удобныя для прохода отверстія: одно съ западной, другое съ сѣверной стороны; оттуда широкою струею льется на васъ свѣтъ. Смертное ложе Богоматери изсѣчено въ восточной сторонѣ гробового вертепа. Внутренность часовни облита свѣтомъ. Драгоцѣнныя лампы неугасимо горятъ надъ гробомъ Пресвятой Дѣвы, и кромѣ ихъ во время служенія становятся другія лампы и подсвѣчники на самомъ гробѣ. Свѣтъ этого вертепа, особенно послѣ мрака самой Геосиманской церкви, дотога поразителенъ, что вступившій сюда чувствуетъ, такъ сказать, насквозь всего себя открытымъ предъ очами незримыхъ здѣсь обитателей, чистѣйшихъ духовъ, которые блюдутъ святое ложе Дѣвы, чистѣйшей херувимъ. Стѣны часовни покрыты шелковыми и парчевыми занавѣсами, но—такъ, что желающій легко можетъ видѣть самый природный утесъ, оставленный подъ нимъ безъ всякихъ украшеній. Одинъ только смертный одръ Богоматери покрытъ плитою бѣлаго мрамора, которая всегда

увлажнена росою слезъ и благовоній¹⁾. Гробовая часовня тѣсна; въ ней могутъ стоять и молиться не болѣе трехъ человѣкъ. На гробовой плитѣ Богоматери всегда стоятъ цвѣты. Ихъ красивые и разнообразные букеты съ благоговѣніемъ разбираются поклонниками²⁾...

Таковъ видъ Геосиманской пещеры, гдѣ руками апостоловъ была погребена Св. Дѣва.

Слѣдуетъ, однако, сказать, что, вопреки вѣрованію восточной Церкви, основанному на древнѣйшемъ преданіи³⁾, и авторитету преп. Іоанна Дамаскина и св. Козьмы Маюмскаго—составителей службы въ день Успенія, полной самыхъ ясныхъ свидѣтельствъ о мѣстѣ погребенія Богоматери, нѣкоторые—и въ самое послѣднее время нѣмецкій католическій ученый Іоганнъ Ниссенъ — хотятъ видѣть гробъ Богоматери не въ Геосиманіи, а въ Малой Азій, близъ Ефеса, гдѣ будто бы проживала остатокъ дней Богоматерь съ св. апостоломъ Іоанномъ Богословомъ, именно—въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ „Панагіа Капули“ (т. е. Врата Св. Дѣвы) на горѣ „Буль-буль-Дагъ“ (Гора соловьевъ)⁴⁾. Дѣйствительно, въ Малой Азій сохраняется изъ древности идущее преданіе объ Ефесѣ, какъ мѣстѣ погребенія св. Іоанна Богослова и Пресв. Дѣвы Маріи. Но тогда какъ мѣсто погребенія св. Іоанна Богослова въ Ефесѣ не подвергается сомнѣнію, преданіе о погребеніи въ Ефесѣ Богоматери не внушаетъ къ себѣ пол-

¹⁾ На гробѣ Богоматери поклонниковъ окропляютъ благовонною розовою водою, когда они прикладываются.

²⁾ „Геосиманіа“ (изъ записокъ путешественника). *Воскр. Чт.*, г. XVIII, стр. 180—184.

³⁾ Апокрифическія сказанія объ обстоятельствахъ кончины и погребенія Богоматери восходятъ къ IV вѣку. См. ст. *свяш. І. Смирнова*: „Апокрифическія сказанія о Божіей Матери и дѣяніяхъ апостоловъ“. *Правосл. Обзор.* 1873, I, стр. 569—614.

⁴⁾ Такъ предполагаетъ *І. Ниссенъ*. Объ его изслѣдованіи: „Панагіа-Капули, новооткрытое мѣсто жизни и смерти Св. Дѣвы Маріи“ (изданіе 1906 г.) сдѣлано сообщеніе въ *Церк. Вѣдомостяхъ* за 1906 г., стр. 2624—2625 „Прибавленій“.

наго довѣрія даже со стороны малоазійцевъ. Жители древняго Ефеса гордились своею святынею—гробницею св. Іоанна Богослова и показывали ее путешественникамъ; между тѣмъ, по замѣчанію *Фаррара* ¹⁾, они скорѣе показывали бы гробницу Богоматери и преимущественно на ней бы останавливали вниманіе паломниковъ, если бы преданіе о погребеніи Богоматери въ Ефесѣ пользовалось довѣріемъ.

Въ качествѣ *свидѣтельства древности*, защитники мнѣнія, что Богоматерь погребена въ Ефесѣ, приводятъ выраженіе изъ посланія отцовъ 3 всел. Ефесскаго собора (431 год.) къ константинопольскому клиру и народу объ отлученіи Несторія, въ каковомъ выраженіи видятъ указаніе на гробницы св. Іоанна Богослова и *Богоматери* въ Ефесѣ. Осудившіе Несторія отцы собора въ посланіи, между прочимъ, сообщаютъ въ Константинополь, почему состоялся заочный судъ надъ Несторіемъ: онъ не явился на засѣданіе собора, хотя и своевременно прибылъ въ Ефесъ, „гдѣ Іоаннъ Богословъ и Святая Дѣва Богородица Марія“, и нѣсколько разъ былъ приглашаемъ на соборныя засѣданія. „Несторій, возстановитель нечестивой ереси, когда прибылъ въ городъ Ефесъ, гдѣ Іоаннъ Богословъ и Святая Дѣва Богородица Марія, и изблнчаемый своею совѣстью держалъ себя вдали отъ собранія св. отцовъ и епископовъ, не смѣя приступить къ нему“ и пр. ²⁾. Безъ сомнѣнія, въ устахъ отцовъ собора слова: *идѣ Іоаннъ Богословъ и Святая Дѣва Богородица Марія* имѣли не простое значеніе, но также извѣстнымъ образомъ служили къ опроверженію ереси Несторіевой. Отцы хотѣли сказать, что въ самомъ Ефесѣ, какъ бы помимо и кромѣ собора, нашлись обличители Несторія: его обличили въ Ефесѣ Іоаннъ Богословъ—учитель правой вѣры въ Богочеловѣка и Пресв. Дѣва Марія, Которую ефесяне почитаютъ,

¹⁾ *Ф. В. Фарраръ*—„Первые дни христіанства“. Спб. 1888 г., кн. 5, примѣч. 42, стр. 924.

²⁾ *Дьянія вселенскихъ соборовъ*, изданныя въ рус. перев. при Казанской дух. академіи. Казань. 1859 г., т. I, стр. 623.

какъ Богородицу. Что же значить это? Значить ли то, что въ Ефесѣ сохранился гробъ Пресв. Дѣвы Маріи, какъ сохранился гробъ св. Іоанна Богослова, и что на эти гробы, какъ на нѣмые обличители ереси Несторія, хотятъ указать отцы собора, или—что въ приведенныхъ словахъ содержится только мысль о православномъ почитаніи въ Ефесѣ Богоматери и св. Іоанна Богослова, нагляднымъ свидѣтельствомъ чего служатъ тамошніе храмы въ честь св. Іоанна Богослова и Пресв. Дѣвы Маріи?—Если принять первое пониманіе, то нельзя избѣжать вопроса: почему имя Богородицы отцы собора поставили послѣ имени Іоанна Богослова, когда, по видимому, для ихъ цѣли—обличенія Несторія, хулившаго Пресв. Дѣву, и важно было *сначала* указать на православное почитаніе Богоматери, которое въ Ефесѣ должно было бы оказаться болѣе выразительнымъ, нежели почитаніе Іоанна Богослова, разъ на лицо была въ Ефесѣ гробница Пресв. Дѣвы, а затѣмъ уже—на почитаніе св. Іоанна Богослова? Но изъ распорядка святыхъ именъ въ посланіи отцовъ собора и открывается то, что культъ св. Іоанна Богослова выражался въ Ефесѣ ярче и сильнѣе, чѣмъ культъ Богоматери,—а это ведетъ къ заключенію, что гробницы Богоматери въ Ефесѣ не было; въ Ефесѣ былъ только очень почитаемый храмъ въ честь Богоматери. Слава этого храма не могла, однако, превзойти славу храма въ честь св. Іоанна Богослова, потому что онъ считался *патрономъ* Ефеса и вълѣдствіе этого особеннымъ образомъ почитался жителями Ефеса ¹⁾).

Насъ не должно удивлять названіе храмовъ собственными именами тѣхъ, кому они посвящены: „Іоаннъ Богословъ“ вмѣсто — „храмъ въ честь Іоанна Богослова“, „Св. Дѣва Марія“ вмѣсто — „храмъ въ честь Св. Дѣвы Маріи“. Таковъ обычный способъ выраженія древности, когда идетъ

¹⁾ Замѣчательно, что нынѣшнее названіе Ефеса у туземцевъ—*Айя Селукъ—святой Богословъ*.

рѣчь о храмахъ, не чуждый, впрочемъ, и нашему русскому языку, особенно въ разговорной рѣчи...

Насколько широко распространено вѣрованіе восточной Церкви, что въ Геосиманіи находится гробъ Богоматери, это доказываютъ, между прочимъ, мусульмане, относящіеся съ глубокимъ религіознымъ почтеніемъ къ Геосиманской пещерѣ и даже не рѣдко являющіеся сюда на молитву. Вотъ что, напр., писалъ въ 1850 г. *А. Н. Муравьевъ* въ своемъ письмѣ (отъ 4 янв.) къ м. Филарету изъ Св. Земли: „Турки поклоняются также гробу Пречистой Дѣвы, и у нихъ отгорожено мѣсто съ правой стороны, внѣ кувукліи. Я встрѣтилъ сегодня при выходѣ изъ пещеры нѣсколькихъ кавалеристовъ наши Акрсакаго, благоговѣнно туда спускающихся..., и вѣжливо уступилъ имъ дорогу“¹⁾. О благоговѣнномъ почитаніи геосиманскаго гроба Богоматери іерусалискими мусульманами, какъ, впрочемъ, и вообще людьми разныхъ религій и національностей, свидѣлствуютъ и современные путешественники въ Св. Землю²⁾.

Столь широкая распространенность вѣрованія, что именно въ Геосиманіи—гробъ Богоматери, не заставляетъ ли насъ твердо держаться древняго преданія восточной Церкви—основы этого вѣрованія и не склоняться въ сторону иного, мало распространеннаго, мѣстнаго и смутнаго малоазійскаго преданія, находящаго, однако, защитниковъ себѣ въ средѣ католическихъ археологовъ? Голосу ихъ можно противопоставить голосъ другихъ ученыхъ (напр., Пиршля и Барнабы), не раздѣляющихъ вѣры въ малоазійское преданіе о погребеніи

¹⁾ *Прибавл. къ твор. св. отцовъ*, ч. IX, стр. 291.

²⁾ См., напр., *проф. А. А. Дмитріевскаго*—„Празднества въ Геосиманіи въ честь Успенія Богоматери“. *Сообщ. Импер. Прав. Палест. О—ва*, т. XVI, в. 3, стр. 396. Авторъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что благоговѣнное почтеніе къ гробу Богоматери со стороны палестинскаго населенія и—преимущественно—*женщинъ* находитъ наиболѣе яркое выраженіе въ праздникъ Успенія. Іерусалимъ и всѣ пути въ Геосиманію съ ранняго утра и до поздней ночи бываютъ положительно переполнены поклонницами, направляющимися къ гробу Пресв. Дѣвы.

ніи Богоматери въ Ефесѣ,—это во-первыхъ; а во-вторыхъ, на сторонѣ преданія о Геѳсиманіи, какъ мѣстѣ погребенія Богоматери, авторитетъ восточной Церкви, которая внесла это преданіе въ богослужебныя книги, воспользовавшись творческимъ талантомъ преп. Іоанна Дамаскина и св. Космы Маюмскаго, и, такимъ образомъ, сообщила ему достоинство преданія *церковнаго*...

II.

Непродолжительно было пребываніе пречистаго тѣла Богоматери во гробѣ. Оно не только не увидѣло истлѣнія, но и не удержано было на землѣ, такъ какъ „земля не могла достойно вмѣстить его въ себѣ“¹⁾. Пречистое тѣло Богоматери было вознесено на небо, и вѣстникомъ этого чуда явился тотъ же св. апостоль Ѳома, который Промысломъ Божиимъ уже разъ былъ избранъ въ вѣстники и свидѣтели воскресенія Господа. Апостоль Ѳома не присутствовалъ на погребеніи Богоматери; онъ прибылъ въ Геѳсиманію на третій день послѣ погребенія. Желаніе взглянуть въ послѣдній разъ на лицо почившей Матери Живота заставило апостола Ѳому, вмѣстѣ съ прочими апостолами, открыть гробъ Богоматери; но здѣсь то и оказалось, что „гробъ и умерщвленіе не удержаста“ пресвятаго тѣла Богоматери: оно сокрылось... „Вселивыйся во утробу приснодѣвственную“ Божественный Сынъ приблизилъ къ Своему препрославленному по воскресеніи тѣлу пречистое тѣло Матери; воскресшій въ третій день и вознесшійся на небо къ престолу величества, Онъ взялъ и Матерь Свою въ тотъ міръ, гдѣ „слава Божія открывается высшимъ созданнымъ существамъ во всей возможно вмѣстимой для нихъ полнотѣ“ (архіеп. Сергій владим.). Сбылось пророческое слово ветхозавѣтнаго псалмопѣвца: *воскресни, Господи, въ покой Твой,*

¹⁾ Выраженіе *Сергія, архіеп. владим.*, въ словѣ на Успеніе Пресв. Богородицы.

Ты и Кивотъ святыни Твоея (131, 8) ¹⁾, а апостолы, чрезъ нѣкоторое время, удостоились свыше увѣренія въ безсмертіи и небесной славы Богоматери. Живая, окруженная сонмами ангеловъ, Она предстала предъ апостолами, когда тѣ возлежали за трапезою, и изрекла слова, наполнившія радостью сердца апостоловъ: „Радуйтесь“, сказала апостоламъ явившаяся въ дивной славы Богоматерь, „се—Азь съ вами есмь“.

Приникая вѣрующимъ умомъ къ *дивной тайнѣ* Богородицы, архіеп. Серій (Владим.) такъ рассуждаетъ о чудесномъ воспріятіи Богоматери съ плотію на небо: „Господь Богъ прославляетъ на землѣ тѣлеса святыхъ Своихъ нетлѣніемъ, знаменіями и чудесами, но есть предѣлы и для чудесъ; они творятся Богомъ въ такой степени, чтобы оставить мѣсто и вѣрѣ, чтобы вѣра и наши добрыя дѣла не были вынуждены; поэтому, и мощи святыхъ, несомнѣнно прославленные отъ Бога многими чудесами, съ теченіемъ времени, по грѣхамъ живущихъ людей, подвергаются общей участи преходящаго земного: дѣйствию огня, наводненій, землетрясеній и даже поруганію отъ невѣрующихъ. Преподобная Матерь Сына Божія не унижена предъ святыми Божиими, тѣла которыхъ прославлены на землѣ, но пречистое тѣло Ея и не предоставлено превратностямъ земного. Она воспріята съ пречистою плотію на небеса.“

„По непреложному свидѣтельству святаго Писанія (Быт. 5, 24; Сир. 44, 15; 49, 16; Евр. 11, 5), праведный Енохъ изъ міра допотопнаго и пламенный Ілія изъ міра подзаконнаго взяты были живыми на небо; тѣмъ болѣе достойна прославленія съ плотію на небесахъ Пресвятая Матерь Сына Божія, честиѣйшая херувимовъ и славиѣйшая серафимовъ.“

„Подлинно, не подлежитъ сомнѣнію издревле всею Церковію содержимое вѣрованіе о воспріятіи Пречистой Сыномъ Ея на небо съ плотію. Истинность этого вѣрованія утвер-

¹⁾ Филаретъ, архіеп. Черниговскій. „Житія святыхъ, чтимыхъ Правосл. Церковію“, авг., Сиб, 1885 г., стр. 102.

ждается необычайнымъ прославленіемъ Ея отъ Бога на землѣ. Оставленныя Ею ризы и поясъ совершили великія чудеса; отъ святыхъ иконъ Ея явлено въ родѣ христіанскомъ не-исчетное множество дивныхъ исцѣленій, знаменій и силъ. Исполнилось и исполняется пророческое слово, Святымъ Духомъ чрезъ Ея уста произнесенное и Духомъ же Святымъ чрезъ евангелиста міру возвѣщенное: *се отнынѣ ублажатъ Мя вси роди* (Лук. 1, 48). Со всѣмъ этимъ несообразна мысль, что пречистое тѣло Ея доселѣ хранится хотя и въ нетлѣніи, но въ неизвѣстности въ нѣдрахъ земли“ ¹⁾.

Достойно замѣчанія и то, что „ни въ одномъ углу христіанскаго міра нѣтъ ни малѣйшей части мощей Богоматери; это значитъ, что вѣра въ восшествіе Ея на небеса съ пречистою плотію весьма древня, современна апостоламъ и мученикамъ“ ²⁾.

И. Пальмовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Украинскія легенды о „треблаженномъ дровѣ“, смерти Адама и главѣ его²⁾.

Цикль украинскихъ легендъ объ Адамѣ и Евѣ заканчивается легендами о „треблаженномъ дровѣ“, смерти Адама и главѣ его. Вообще очень скудныя библейскія свѣдѣнія о жизни нашихъ прародителей отличаются еще большею скудостью, когда рѣчь идетъ о смерти ихъ. Благочестивая пытливость древнихъ христіанъ, желавшихъ тѣснѣйшимъ обра-

¹⁾ *Серія архіеп. Владимірскою* — „Годиный кругъ словъ на воскресные и праздничные дни“. Владимірь. 1868, стр. 68—69.

²⁾ *Его же* — „Полный мѣсяцесловъ Востока“, т. II, изд. 1 и 2, замѣч. къ 15 авг.

³⁾ См. „Руков. для сельск. част.“ за тек. годъ, № 30—31: „Украинскія легенды о жизни первыхъ людей послѣ изгнанія ихъ изъ рая и о рукописаніи Адамовомъ“.

зомъ связать ветхозавѣтныя событія съ новозавѣтными, въ особенности въ вопросѣ о величайшей и высочайшей тайнѣ христіанской религіи—искупленіи рода человѣческаго крестною смертію Богочеловѣка, окружила послѣдніе дни жизни Адама цѣлымъ рядомъ апокрифическихъ сказаній; а народная пытливость, на основаніи проникшихъ въ среду народную апокрифовъ, создала цѣлый рядъ легендъ о томъ же. Въ частности, что касается украинскихъ легендъ о „треблаженномъ дровѣ“, смерти Адама и главѣ его, то онѣ сложились подъ вліяніемъ все того же „Слова о видѣніи Евины“, „Слова о Адамѣ“ и „Сказанія о дровѣ крестномъ“, хотя въ *индексъ* и приписываемаго попу Іереміи, но не заключающаго въ себѣ *почти* ничего богомильскаго.

Въ „Словѣ о Адамѣ“ говорится, что Адамъ, родивши 30 сыновѣй, впалъ въ болѣзнь („чревную“). Предъ смертію онъ захотѣлъ собрать къ себѣ всѣхъ сыновей. Сыновья сошлись къ нему съ *трехъ* сторонъ земли и стали при дверяхъ дома, гдѣ Адамъ обыкновенно приносилъ молитвы Богу. Сноѣ спросилъ его: „Отче Адаме! какая болѣзнь постигла тебя?“ Адамъ отвѣчалъ: „Дѣти мои, великая скорбь объяла меня“. Они спросили: что это-за скорбь и болѣзнь? При этомъ Сноѣ спросилъ еще и отъ себя, не скорбитъ ли Адамъ о плодахъ райскихъ, которые вкушалъ прежде, и если это такъ, то онъ готовъ сходить и принести ихъ: „Я посыплю,—сказалъ онъ,—голову мою прахомъ, буду взывать и молиться, чтобы прекратилась скорбь твоя“.—„Нѣтъ, сынъ мой Сноѣ,—отвѣчалъ Адамъ,—но я испытываю скорбь и болѣзнь“. На вопросъ Сноа, отъ чего онъ страдаетъ, Адамъ рассказываетъ, какъ Богъ сотворилъ его и Еву, изъ-за которой онъ умираетъ, и запретилъ вкушать имъ отъ *древа жизни* (?): но въ тотъ часъ, когда ангелы, стражи Евы, находились предъ Богомъ на славословіи, врагъ, узнавшій, что съ Евою нѣтъ ни Адама, ни ангеловъ, далъ ей кусить отъ этого древа. Послѣ этого явился Богъ и потребовалъ Адама къ отвѣту. За преступленіе *завѣта* Господь послалъ

Адаму 70 болѣзней, изъ которыхъ *первая*—болѣзнь очей, а *вторая*—болѣзнь слуха.—Окончивъ разсказъ, Адамъ началъ вздыхать съ глубокою скорбію; Ева хочетъ раздѣлить съ мужемъ его страданіе, которому подвергся онъ по ея винѣ. Адамъ выражаетъ желаніе, чтобы Ева сходила вмѣстѣ съ Синоомъ въ рай и попросила Господа послать ангела, который далъ бы ему изъ рая елея для помазанія и утоленія болѣзни. Синоъ и Ева немедленно отправились. На пути на Синоа напалъ лютый звѣрь, „рекомый Горгоній“, и сталъ гнать его. Ева вступилась за сына и сказала звѣрю: „Ужели ты не боишься образа Божія, которому ты долженъ покоряться?“ Звѣрь на это отвѣчалъ, что Ева сама виновата въ потерѣ власти надъ звѣрями, природа которыхъ, вслѣдствіе грѣхопаденія первыхъ людей, совершенно измѣнилась. Наконецъ, Синоъ, хотя уже раненный, заставилъ замолчать звѣря и укротилъ его (заключилъ), указавъ ему на день суда. Пришедши къ раю, Синоъ и Ева начали плакать, посылая голову перстью, и просить елея. Явился архангелъ Михаилъ и сказалъ Синоу, что отъ болѣзни Адамовой нѣтъ лѣкарства, и далъ ему вѣтвь отъ дерева, изъ-за котораго Адамъ и Ева были изгнаны изъ рая (по другому сказанію, архангелъ далъ Синоу *три* вѣтви отъ *трехъ* деревьевъ: кедра, пегма и кипариса). Послѣ того Синоъ съ матерью возвратился къ Адаму, въ его палатку. Адамъ встрѣтилъ Еву упрекомъ, что по ея винѣ смерть пришла на весь родъ человѣческой, свилъ изъ вѣтви вѣнецъ и возложилъ его на свою голову... Между тѣмъ, Адаму оставалось жить всего только одинъ день. Ева сказала мужу: „Зачѣмъ я буду жить, когда ты умрешь?“ Адамъ успокаиваетъ ее тѣмъ, что и сама она скоро умретъ. Когда онъ умретъ,—продолжалъ Адамъ,—то должно покрыть его, но не прикасаться къ нему до появленія и особаго распоряженія ангела, котораго Богъ, конечно, пошлетъ, сжалившись надъ Своимъ твореніемъ; Ева съ своей стороны должна только молиться о немъ. Ева оставила Адама и стала молиться. Является ангелъ и объявляетъ ей о

смерти Адама; онъ зоветъ Еву посмотрѣть, какъ будетъ восходить душа Адама. Ева увидѣла свѣтлую колесницу на четырехъ орлахъ, управляемую ангелами, которая остановилась тамъ, гдѣ лежалъ Адамъ. Серафимы стояли между колесницей и тѣломъ Адама. При жертвенномъ куреніи ангелы возвышали свои голоса въ молитвѣ: „Святой *Иаиль*, помилуй его, потому что онъ Твой образъ и созданіе рукъ Твоихъ!“ Потомъ Ева увидѣла *два великія и страшныя таинства* предъ Богомъ. Она позвала Сноа посмотрѣть *семь* разверзшихся твердей и ангеловъ, молящихся около тѣла Адама. Ева сказала сыну: „Посмотри, дитя мое Сноѣ, кто эти *два* эѳіона, стоящіе на молитвѣ за отца твоего?“ Сноѣ отвѣчалъ, что это—солнце и луна, которыя вмѣстѣ съ ангелами сошли помолиться за Адама; только ихъ свѣтъ помрачился передъ свѣтомъ всего ¹⁾).

Таково содержаніе собственно апокрифа, извѣстнаго по греческимъ рукописямъ и лишь нѣсколько только видоизмѣненнаго въ славянскихъ редакціяхъ. При этомъ, въ разсказѣ о погребеніи Адама въ славянскомъ апокрифѣ—„Слово о исповѣданіи Евинѣ“—прибавлено нѣсколько совершенно новыхъ, сравнительно съ греческою редакціей, подробностей. Когда умеръ Адамъ,—говорится здѣсь,—съ неба явились кадильница съ ладаномъ и *три* ангела со свѣчами. Господь повелѣлъ архангелу Михаилу отнести тѣло Адама въ рай, а духъ его,—сказалъ Господь,—пусть пребываетъ на *третьемъ* небѣ.—По другой редакціи, принявъ душу Адама, Господь послалъ архангела „*спрятать тѣло*“ его: „И научи Сноа. и взяша тѣло его и внесоша на мѣсто рекомое *героусии бла-то*. егда ископа гробъ архангель знамена гробъ. и бысть гласъ съ небеси глаголя: Адаме. Адамъ рече: се азъ Господи, сицѣ рѣкохъ ти: *земля еси и въ землю пойдеши пакы*.

¹⁾ И. Порфирьевъ, „Апокрифическія сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ“, стр. 172—176; ср. А. Пынинъ, „Исторія русской литературы“, т. I, стр. 428—429.

и земли рече: *твоя отъ твоихъ тебе приносящи отъ всѣхъ*. и тако и погребоша Адама съ вѣнцомъ иже бѣ извить на главе его положенъ“. Послѣ погребенія Адама Ева начала молиться, чтобы Богъ присоединилъ ее къ мужу, такъ какъ она создана изъ его ребра. Архангелъ Михаилъ научилъ Сиѳа похоронить Еву, которая умерла черезъ *шесть* дней послѣ Адама: „и придоша *три* ангелы и взяша тѣло Евино и погребоша ея идеже лежитъ тѣло Адамово и Авелево сына ихъ“¹⁾.—Пѣтъ вѣнца, бывшаго на головѣ Адама, выросло чудное дерево, исторія котораго продолжается уже въ другихъ апокрифахъ и главнымъ образомъ въ апокрифѣ—„Сказаніе о древѣ крестномъ“.

Въ „Сказаніи о древѣ крестномъ“ содержится исторія происхожденія древа, послужившаго для креста, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Въ рукописяхъ „Сказаніе“ встрѣчается въ *двухъ* редакціяхъ. Въ одной оно приписывается Григорію Богослову, а иногда Григорію Двоеслову, хотя ни у того, ни у другого св. отца нѣтъ подобнаго сказанія²⁾. Въ другой редакціи „Сказаніе о древѣ крестномъ“ приписывается Северіану, еписк. Гавальскому, въ сочиненіяхъ котораго также нѣтъ подобнаго сказанія³⁾. Въ *первой* редакціи „Сказаніе“ начинается съ того, какъ передъ смертію Адама Сиѳъ принесъ изъ рая вѣтвь отъ древа познанія добра и зла, и какъ изъ этой вѣтви Адамъ сдѣлалъ себѣ вѣнецъ, въ ко-

¹⁾ Проф. Н. Тихонравовъ, „Памятники отреченной литературы“, т. I, стр. 303—304; А. Пыпинъ, „Памятники старинной русской литературы“, ч. 3, л. 1—7.

²⁾ Н. Тихонравовъ, „Памятники отреченной литературы“, т. I, стр. 305—313; А. Пыпинъ, „Памятники старинной русской литературы“, ч. 3, л. 14; ч. 1, л. 1—15; ч. 2, стр. 298—304; ср. Порфирьевъ, „Апокрифическія сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ“, стр. 109—114; Буслаевъ, „Историческіе очерки“, т. I, стр. 489—491.

³⁾ А. Пыпинъ, „Памятники старинной русской литературы“, ч. 3, л. 82—83: „Северіана епископа Авасильскаго о древѣ спасенаго креста, гдѣ обрѣтесе и како бысть“. Въ началѣ „Сказанія“ замѣчено, что оно списано въ *Виритѣ* съ посланія „нѣкоего Жидовина“.

ромъ его и похоронили. Изъ вѣнца, бывшаго на главѣ Адама, выросло громадное дерево, которое раздѣлилось на *три* части и было выше всѣхъ деревьевъ. Райское дерево, отъ вѣтви котораго оно произошло, выросло въ раю изъ сѣмянъ, брошенныхъ по срединѣ рая Сатаной въ то время, когда Богъ насаждалъ рай (въ этомъ только одномъ и сказалось на апокрифѣ вліяніе дуалистическихъ воззрѣній богомилства). Замѣтивши потомъ это дерево, Богъ сказалъ Сатанѣ: „Ту буду Азъ и тѣло Мое, и будетъ Тебѣ на прогнаніе“, такъ какъ изъ него вырастетъ дерево креста. Дерево познанія добра и зла выросло на *три* части: *одна* часть означала Адама, *другая* — Еву, *третья* — Самого Господа. Когда прародители согрѣшили, то Адамова часть дерева упала въ рѣку Тигръ, которая и вынесла ее изъ рая; Евина часть осталась въ раю до потопа, во время котораго она принесена была „къ Мѣрстѣй рѣцѣ“, т. е. къ водамъ Мерры; вѣтвь же отъ древа Господа была вручена ангеломъ Сноу для Адама, который и сдѣлалъ себѣ изъ нея вѣнецъ. Изъ этихъ *трехъ* частей древа познанія добра и зла сдѣланы были потомъ *три* креста: крестъ Спасителя изъ дерева, выросшаго изъ вѣнца на главѣ Адама; крестъ вѣрнаго разбойника—изъ Адамовой части райскаго дерева; крестъ невѣрнаго разбойника — изъ Евиной части того же райскаго дерева.

Всѣ эти *три* дерева очутились въ Иерусалимѣ слѣдующимъ образомъ.—Адамова часть райскаго дерева, вынесенная изъ рая Тигромъ, остановилась на пескѣ. Однажды Сноу захотѣлъ „помянуть“ отца своего Адама. Ангелъ указалъ ему на это дерево и велѣлъ разложить огонь *на рѣку Ниль (?)*. Огонь остался неугасимымъ, и его стерегли лютые звѣри. Когда впоследствии пришелъ къ Аврааму Лотъ и рассказалъ о своемъ грѣхѣ съ дочерьми, Авраамъ велѣлъ ему принести огня изъ той рѣки—въ полной увѣренности, что Лотъ тамъ непременно погибнетъ. Лотъ искусно воспользовался сномъ хранившихъ огонь лютыхъ звѣрей и благопо-

лучно вернулся къ Аврааму съ *тремя* головнями. Авраамъ былъ изумленъ и велѣлъ Лоту посадить эти головни на одной горѣ и поливать ихъ до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ вырастетъ дерево, что и будетъ знакомъ Божія прощенія Лоту. Головни, дѣйствительно, принялись и разрослись въ прекрасное дерево.—Унесенная потопомъ изъ рая Бвина часть райскаго древа остановилась при водахъ Мерры, и ею Моисей, по указанію ангела, усладилъ, во время странствованія евреевъ по пустынѣ Аравійской, воду въ источникѣ, посадивши его въ послѣднемъ крестообразно, при чемъ оно разрослось въ прекрасное дерево. Когда для постройки храма Соломонова собирали деревья по всей землѣ, то привезли въ Иерусалимъ и эти *три* дерева. Дерево, выросшее изъ вѣнца на головѣ Адамовой, было привезено съ корнемъ, въ которомъ находилась и голова Адамова. Сначала ея не замѣтили въ корнѣ, который отрубили отъ дерева и оставили безъ всякаго вниманія. Но вотъ разъ, во время охоты Соломона, одинъ отрокъ, оставши отъ свиты, случайно попалъ въ пещеру и, замѣтивши, что она состоитъ изъ кости, а не изъ камня, доложилъ объ этомъ странномъ явленіи царю. Соломонъ тотчасъ же приказалъ очистить кость отъ земли и кореньевъ и узнать, что это была глава Адамова. Ее перенесли въ Иерусалимъ. Соломонъ велѣлъ засыпать главу Адама камнями, изъ которыхъ и образовалась Голгоѳа. Ствола же никакъ не могли употребить на постройку храма, и онъ пошелъ только на подмости. Когда Южская царица, осматривая строившійся храмъ, ступила на это дерево, оно сильно покачнулось; но царица, вмѣсто проклятія, произнесла: „О треплаженное древо, на немъ же распяты Христосъ!“ По окончаніи постройки храма дерево попало въ Силоамскую купель, почему ангелъ *всякое лѣто* сходилъ въ нее и *возмущалъ* въ ней воду. Когда іудеи предали Иисуса Христа вмѣстѣ съ *двумя* разбойниками на распятіе, то Пилать приказалъ сдѣлать изъ тѣхъ деревьевъ *три* креста. Крестъ Спасителя былъ водруженъ на Голгоѳѣ на томъ самомъ мѣ-

стѣ, гдѣ находилась глава Адамова; кровію изъ ранъ распятаго Спасителя и водою изъ прободеннаго ребра Его крестился Адамъ (т. е. омочена была глава его, находившаяся подъ крестомъ Спасителя) и освободился отъ клятвы.—По „Сказанію“, приписываемому Северіану, „древо крестное“ произошло отъ дерева, которое выросло изъ головней, посаженныхъ Лотомъ. Оно принесено было въ Іерусалимъ въ то время, когда Соломонъ строилъ храмъ. Строители нѣсколько разъ примѣривали его на балки въ храмъ; но внизу, на землѣ, оно казалось длиннымъ, а когда поднимали его вверхъ, на постройку, оказывалось короткимъ. Такъ дерево и не было употреблено на постройку, и его оставили въ храмъ, гдѣ оно лежало до того времени, когда сдѣланъ былъ изъ него крестъ для распятія Спасителя; оно было обложено *тридцатью* серебряными вѣнцами, изъ которыхъ одинъ, какъ плата за преданіе Спасителя, былъ отданъ Іудѣ-предателю.

Подъ вліяніемъ приведенныхъ апокрифовъ въ средѣ украинскаго народа сложился цѣлый циклъ легендъ о „треблаженномъ древѣ“, смерти Адама и главѣ его. Иное въ нихъ, сравнительно съ апокрифами, народная фантазія видоизмѣнила, иное перепутала, исказила, иное присочинила; но основная мысль всѣхъ этихъ легендъ та, что *то самое* дерево, которое послужило причиною изгнанія прародителей изъ рая и введенія въ міръ смерти, *попало* на Голгоѣ смерть и *отверзло* людямъ *райскія двери*.

Въ легендахъ, записанныхъ въ г. Купянскѣ, рассказывается, что умирающей Адамъ послалъ сына своего Сноа къ вратамъ земного рая, чтобы онъ попросилъ тамъ у ангела *елея милосердія* (по другимъ легендамъ — общаннаго Богъ *съмени* въ буквальномъ значеніи этого слова). Адамъ далъ Сноу *три зерна* отъ райскаго древа познанія добра и зла (по другимъ легендамъ—*вѣтвь* отъ этого древа). Изъ этихъ *трехъ* зеренъ, посаженныхъ на могилѣ Адама, выросло *три* дерева. Они были срублены потомъ царемъ Давидомъ для храма, но при построеніи храма Соломономъ не пошли въ

дѣло, а остались лежать на горѣ, откуда однажды, во время сильнаго дождя, были снесены водою внизъ и попали въ купель (Силоамскую). Сюда ежегодно сходилъ съ неба ангель, чтобы очищать эти *три* сросшіяся въ *одно* дерева отъ ила, накоплявшася на нихъ въ теченіе года, при чемъ всѣ больные, искупавшіеся въ это время въ купели, тотчасъ же выздоравливали. Евреи, отыскивая подходящія для креста Спасителю деревья, вспомнили объ этихъ именно и, по своей злобѣ, *нарочито* сдѣлали изъ нихъ (сильно намокшихъ) крестъ, чтобы Спасителю *тяжелѣе* было нести его на Голгоѳу ¹⁾).

По легендѣ, записанной въ сл. Кабаньей, Купянскаго у., у Адама было два сына—*Петръ* и *Макрадомецъ*. Адамъ заболѣлъ и послалъ обоихъ своихъ сыновей найти ему цѣлебную траву. Петръ и Макрадомецъ пошли и на пути повстрѣчали ангела, который спросилъ у нихъ: „Куда вы идете?“—„Отецъ нашъ заболѣлъ,—отвѣчали братья,—и послалъ насъ за цѣлебной травой“. Ангель далъ имъ *три* какихъ-то зерна и велѣлъ вернуться домой. Когда братья вернулись домой, то оказалось, что Адамъ во время ихъ отсутствія умеръ и даже былъ уже похороненъ. Братья долго не знали, что имъ дѣлать съ зернами, данными ангеломъ; наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ: „Давай посадимъ эти зерна на могилѣ отца“. Посадили. Прошло много времени, и изъ зеренъ выросло *три* дерева: „дерево спасенія“, „дерево доброе“ и „дерево злое“ (худое). Когда деревья стали большими, то глава Адамова вышла изъ гроба и легла подъ „деревомъ спасенія“. Деревья эти росли на своемъ мѣстѣ до времени распятія Христа. Евреи, осудивъ Христа на распятіе, пошли искать подходящихъ деревьевъ, и нашли эти *три* дерева. Изъ „дерева спасенія“ былъ сдѣланъ крестъ для Спасителя, на крестѣ изъ „добраго дерева“ былъ распятъ вошедшій въ рай благоразумный разбойникъ, а на крестѣ

¹⁾ „Этнографическое Обзорѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 95.

изъ „злого дерева“—злой разбойникъ. Когда Христось и разбойники были распяты, то подь крестомъ Спасителя появилась голова Адамова. Съ тѣхъ поръ и стали рисовать у ногъ распятаго Христа главу Адама ¹⁾).

По одной легендѣ, записанной въ г. Купянскѣ, когда выгналъ Богъ Адама изъ рая, онъ началъ сѣять себѣ хлѣбъ. Но что только онъ вспашетъ, лукавый возьметъ и вытопчетъ. Если бы лукавый сдѣлалъ это одинъ разъ или два, такъ еще бы ничего; но такъ какъ лукавый дѣлалъ это постоянно, то совершенно „опротівивъ“ Адаму. Вотъ Адамъ и спросилъ его: „Зачѣмъ ты мнѣ дѣлаешь зло?“ А лукавый ему въ отвѣтъ: „Я дѣлаю это для того, чтобы ты отдалъ мнѣ мертвыхъ; и знай, что не перестану, пока ты мнѣ не отдашь мертвыхъ!“ Долго Адамъ не соглашался, но такъ какъ лукавый не переставалъ вредить, то Адамъ и отдалъ ему всѣхъ мертвыхъ. А чтобы Адамъ не нарушилъ своей клятвы, лукавый сказалъ ему: „Обрѣжь свой мизинецъ и кровью сдѣлай знакъ себѣ на головѣ, что ты не будешь измѣнять своей клятвѣ; а я, какъ только встрѣчусь съ тобою и увижу у тебя на головѣ красное, уже и буду знать, что ты еще не измѣнилъ своей клятвы“. Такимъ образомъ грѣхъ Адама былъ начерченъ на его челѣ. Передъ смертью Адамъ ушелъ на то мѣсто, гдѣ теперь Иерусалимъ; здѣсь онъ умеръ и былъ погребенъ на Голгоѣ. Мѣсто, гдѣ лежала глава Адама, назвали *Краниевымъ*, или *Лобнымъ*; надъ этимъ самымъ мѣстомъ былъ потомъ поставленъ крестъ Христу. Кровь, истекшая изъ прободеннаго ребра Спасителя, омыла на главѣ Адама знакъ договора, заключеннаго имъ съ діаволомъ, и тѣмъ освободила всѣхъ умершихъ отъ власти діавола.—Къ этому прибавляютъ еще, что то мѣсто на Голгоѣ, на которое излилась кровь Спасителя, обложено теперь золотомъ въ видѣ кольца, въ центрѣ котораго находится дыра, углубляющаяся въ землю до чела Адамова:—здѣсь и есть *путь земли* ²⁾). Очевидно, подробность

¹⁾ „Этнографическое Обзорѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 94—95.

²⁾ „Этнографическое Обзорѣніе“, 1892 г., XIII—XIV, стр. 94.

эта вошла въ легенду изъ „Хожденія“ игумена Даниїла въ Іерусалимъ, гдѣ въ главѣ о церкви Воскресенія Христова говорится: „ту есть возлѣ стѣны за олтаремъ: пунъ земный... Есть бо Распятіе Господне отъ Воскресенія къ востоку лицъ на камени высоко было, яко стрія возвыше, кругъ же сего камени яко горка мала, посреди же камени того на верху высѣчена есть скважина яко локтя въ глубину, а ширѣ пяти, кругло. И ту былъ водруженъ Крестъ Христовъ. Исполди же подъ тѣмъ камнемъ лежитъ глава Адама перваго. Въ распятіе Господнѣ, егда на крестѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предасть Духъ Свой, тогда раздрася церковная катетазма, и каменія распадеся, тогда же той камень пресѣдеся надъ главою Адамовою, и тою разсѣлиною сниде и вода изъ ребръ Іисусъ Христовыхъ на главу Адамлю, и омыи грѣхи рода человѣча. Есть бо разсѣлина та на камени томъ знать и до сего дня; и есть Распятіе Господне камень той святыня одѣланъ стѣною все каменною, и горѣ надъ Распятіемъ Господнимъ создана камора, исписана бысть мусією дивно“¹⁾.

Легенда, записанная въ с. Хомутипчахъ, отличается чисто народнымъ духомъ и складомъ.—Жиль себѣ Адамъ,—говоритъ легенда. Вотъ уже его Господь и дѣтками поблагословилъ. Такая-то ему утѣха и радость, что, кажется, хотѣлъ бы жить вѣчно; а ко всему этому и здоровье „йому служило“. Вотъ и говоритъ Адамъ Богу:

— Боже, Боже! не умру я, потому что я очень крѣпкій человѣкъ.

— Крѣпкій-то ты, крѣпкій, — говоритъ ему Богъ,—а все же долженъ будешь умереть. Разболится у тебя голова, зацемятъ руки, начнетъ ломить ноги—и ты-таки умрешь!

Не вѣрилъ Адамъ, пока былъ помоложе, а пришла пора—долженъ былъ повѣрить. Разболѣлась голова, стало ло-

¹⁾ И. Сахаровъ, „Сказанія русскаго народа“, т. II, стр. 14.

мить кости, — извѣстно, какъ вообще у стараго человѣка. Видить Адамъ, что не далеко уже до смерти, и говорить своему сыну:

— Сынъ мой, — говоритъ, — сынъ! пойди, — говоритъ, — къ раю и принеси мнѣ изъ рая золотое яблочко, потому что приходятъ уже мои послѣдніе дни.

Пошелъ сынъ къ раю, но вмѣсто яблочка принесъ тотъ пруть, которымъ Богъ выгналъ Адама изъ рая. Адамъ велѣлъ сдѣлать изъ прута *три* обруча (вѣнца) и одѣть ихъ себѣ на голову. Ну, да развѣ же отъ смерти чтò-нибудь поможетъ! Оно-то голова какъ будто и перестала болѣть, а умереть — все же умеръ. И какъ онъ съ тѣми обручами на головѣ умеръ, такъ его съ ними и похоронили. И вотъ изъ тѣхъ обручей выросло *три* дерева: кипарисъ, кедръ и треблаженное древо.

Еще про треблаженное древо, — продолжаетъ легенда, — рассказываютъ, что Матерь Божія съ Спасителемъ однажды споткнулась на него и сказала въ испугѣ: „О треблаженное древо! на тебѣ будетъ распять Сынъ Мой!“ А Сынъ на это промолвилъ: „Правда, Мать Моя!“ — И дѣйствительно, сколько потомъ ни подбирали крестовъ, ни на одномъ не могли распять Его, а только на треблаженномъ дрѣвѣ, которое еще тогда, какъ росло, имѣло видъ креста ¹⁾).

Во *второй* легендѣ, записанной въ сл. Кабаньей, рассказывается, что когда Адамъ согрѣшилъ, то Господь сказалъ ему: „Пойди, Адамъ, по раю и найди *плодъ крѣпости человѣка*“. Долго ходилъ Адамъ по раю въ поискахъ за *плодомъ крѣпости человѣка*, горько оплакивая свою слабость; наконецъ, нашелъ этотъ плодъ и подалъ его Господу. Господь, взявши плодъ, сказалъ Адаму: „Хотя ты и согрѣшилъ, но за то, что усердно искалъ и нашелъ *плодъ крѣпости человѣка*, Я представляю тебя предъ Собою“. Адамъ *записалъ*

¹⁾ М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и рассказы“, стр. 93—94.

слова Господни въ книгу, а самую книгу передалъ сыну своему Сиоу и заповѣдалъ хранить ее въ потомствѣ. Когда Христа распяли, то еврейскіе ученые, на основаніи словъ, сказанныхъ Адаму: „Я тебя представлю предъ Собою“, приказали нарисовать на крестѣ у ногъ Спасителя главу Адама.— По другимъ вариантамъ, когда начали ставить кресты для Спасителя и *двухъ* разбойниковъ, то крестъ Спасителя, какъ и гдѣ его ни ставили, все проваливался въ землю. Уже рабочіе совсѣмъ измучились, а креста все же не могли поставить. Тогда Спаситель сжалился надъ ними и сказалъ: „Найдите *перваго* человѣка, возьмите главу его и положите подъ крестъ“. Евреи отыскали черепъ Адама, положили подъ крестъ, утвердили послѣдній на немъ и потомъ распяли Спасителя ¹⁾.

Легенда, записанная въ сл. Тарасовкѣ, Куянскаго у., сообщаетъ совершенно новыя данныя о томъ же. Рыли на Голгоѣ яму для креста Спасителя и вырыли при этомъ черепъ человѣка. Выбросили его изъ ямы; черепъ покатился и упалъ къ ногамъ Спасителя. Кто-то изъ стоявшихъ здѣсь сказалъ: „Чей бы это былъ черепъ?“— „Адамовъ“, отвѣтилъ самъ черепъ. „—Ого!—засмѣялись воины:—не хочешь ли, Адамъ, пожить съ нами? Вотъ Чудотворецъ: попроси Его,—Онъ воскреситъ тебя!“ Черепъ сказалъ имъ на это: минута смерти такъ страшна, что онъ и жить не желаетъ, лишь бы только не переживать этой минуты вновь.—По другимъ разсказамъ, записаннымъ тамъ же, вырыли не *одинъ*, а *два* черепа и выбросили ихъ изъ ямы, при чемъ воины отталкивали ихъ отъ себя ногами, а стоявшіе здѣсь евреи разсуждали, что, быть можетъ, это были также храбрые воины, а то, пожалуй, даже и цари, теперь же ихъ топчутъ ногами. Тогда одинъ изъ череповъ, катясь съ горы, проговорилъ: „Я—царь Салима“; а другой, остановившійся около креста Спасителя, сказалъ: „Я—Адамова голова“ ²⁾.

¹⁾ „Этнографическое Обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 96.

²⁾ Тамъ же.

Въ заключеніе сказаній объ Адамѣ и Евѣ приведемъ рассказъ неграмотной старухи, записанный въ слободѣ Ново-Николаевкѣ, Купянского у. Рассказъ этотъ заключаетъ въ себѣ простодушно-наивное рѣшеніе нѣкоторыхъ антропологическихъ вопросовъ, охватываетъ затѣмъ всю послѣдующую жизнь рода человеческого и заканчивается выраженіемъ эсхатологическихъ идей, проникнутыхъ, конечно, грубымъ матеріализмомъ, но зато очень наглядно выясняющихъ характеръ религиозныхъ воззрѣній простого деревенскаго люда.

Когда зачинался свѣтъ, жили себѣ двое людей: Ева (мужчина) и Марія; у нихъ тѣло было такое, какъ у насъ теперь ногти. Увидали они разъ на одной яблонѣ два яблока; долго любовались ими, а потомъ одно вмѣстѣ съѣли,—и тотчасъ же у мужчины Евы образовалась на горлѣ кость (кадыкъ—„Адамово яблоко“), а тѣло у нихъ сдѣлалось такое, какое и у насъ теперь. Тутъ же они и *согнѣшили*. Марія съ этого же разу „затяготила“ и родила сына. Вотъ они созвали ангеловъ и стали думать и гадать, какое ему имя дать. Дали ему имя—*Петръ*,—Марія это имя „не злюбила, всѣхъ янголівъ засмутила“. Стали опять думать и гадать, какое же ему имя дать. Дали ему имя—*Николай*,—Марія это имя „злюбила, всѣхъ янголівъ звеселила“¹⁾. Отъ этой пары—

¹⁾ Эпизодъ нареченія имени первому сыну Евы и Маріи близко напоминаетъ собою эпизодъ нареченія имени Богомладенцу въ колядкѣ, напечатанной Хр. Ящуржинскимъ на страницахъ „Кіевской Старины“ (1895 г., февраль, стр. 209—211):

Ой въ Русалині, у Віелеемі—

Грай, море, грай!

Радуйся, земле,

Сынъ Божій народився! (этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха).

Пресвята Діва тамъ Христа мала,

Въ ризи Его вповивала.

Тамъ всі святі по-за стіль сіли.

Взяли писати, взяли чптати,—

Дали вони (п)мя святого Петра.

Пресвятая Діва того мя не хотіла.

Евы и Маріи—стали размножаться люди, пока не *выжили* (перваго) *вѣка*. Когда сталъ приходить къ концу вѣкъ, святыя люди начали строить ковчегъ и пускать туда людей по парѣ—мужчину и женщину, и всякой птицы летающей по парѣ, и всякихъ животныхъ по парѣ. Овражковъ и жабъ—тѣхъ не брали,—они вывелись потомъ изъ земли; волковъ и зайцевъ тоже не брали, да только не знаю, откуда они потомъ взялись. Когда всего набрали, тогда пошелъ дождь. И шелъ онъ *сорокъ* дней и *сорокъ* ночей. Всѣ люди потонули, и всѣ хаты, и все, что было; а тѣ люди остались, которые были въ ковчегѣ. Когда дождь пересталъ итти, пара людей вышла изъ ковчега, и стали они жить на землѣ; стали жить—стали *грѣшнить*, а въ нихъ стали вселяться и отъ нихъ стали раждаться утонувшія души, только имъ давали уже другія имена. Послѣ того, какъ *измѣнился свѣтъ*, и люди измѣнились: прежде были большіе да сильные, а чѣмъ дальше, тѣмъ становились все меньше, а еще дальше, послѣ насъ, будутъ такіе, что въ одной печкѣ будутъ молотить по *семь* человекъ въ одно время. Вотъ, и мы уже тотъ вѣкъ *выжили*, что Богъ назначилъ, потому что прежде дѣти слушались отцовъ и матерей и боялись ихъ, а теперь не слушаются и не почитаютъ,—сами-де больше знаютъ, чѣмъ отцы и матери. Это мы ту послѣднюю сотню лѣтъ доживаемъ, которую прибавили святыя отцы. Господь разгнѣвался на отцовъ, что они прибавили вѣку людямъ, сказалъ, что все будетъ терпѣть, что бы ни творилось на бѣломъ свѣтѣ: хоть кто человекъ убьетъ или что-нибудь иное сдѣластъ, то Онъ и

Взяли читати, взяли писати.

Яке Ему мя дати,—

Дали вони мя святого Павла.

Пресвята Дѣва того мя не хотѣла.

Взяли писати, взяли читати.

Яке Ему мя дати,—

Дали вони мя Исуса Христа.

Пресвята Дѣва то мя любила...

не наказываетъ. Когда доживемъ эту послѣднюю сотню лѣтъ, то будетъ Страшный судъ,—будетъ насъ Господь судить, опредѣлять, кого куда. Гдѣ солнце всходитъ, тамъ будетъ рай; гдѣ солнце бываетъ въ полдень, тамъ—„пекло“; а гдѣ солнце никогда не бываетъ, тамъ—адъ. За великіе грѣхи посаждать въ адъ, за меньшіе—въ „пекло“, а безгрѣшныхъ опредѣлять въ рай. Въ раю жить хорошо—тамъ хорошо пьютъ и ѣдятъ; а въ аду „комашкаютыця“ (непрерывно суетятся, какъ муравьи): тотъ подпираетъ тынь; тотъ везетъ лозу; тотъ кричитъ—„пить!“—а у него черезъ горло вода льется; тотъ въ смолѣ кипитъ. Тынь подпираютъ—это за то, что когда жилъ на этомъ свѣтѣ, то если что-нибудь дѣлалъ дурное, и ему говорили: „не дѣлай—грѣхъ, а когда умрешь, то на томъ свѣтѣ будутъ тобою тынь подпирать“,—онъ отвѣчалъ: „*ripixъ и мѣшкъ*), *та ше ѿ звѣрху сѣвъ!*—тамъ, на томъ свѣтѣ, пускай хоть тынь подпираютъ моею душою“; а также за то, что когда у кого-нибудь повалится тынь, и тотъ проситъ помочь, онъ не пойдетъ на помощь, и вотъ на томъ свѣтѣ и будетъ тынь подпирать. Кто кричитъ: „пить!“—такъ это за то, что на этомъ свѣтѣ не даешь другимъ напиться воды, въ особенности „жнивѣми“. Лозу возитъ за то, что на этомъ свѣтѣ кралъ ее. Отъ грѣховъ освобождается тотъ, кто на этомъ свѣтѣ даетъ милостыню. Жила себѣ одна скупая женщина. Вотъ пришелъ къ ней нищій и попросилъ маленькую луковицу. Она этого не пожалѣла—дала; а когда умерла и мучилась въ смолѣ, то тотъ самый нищій пришелъ, спустилъ къ ней луковицу,—она ухватила за луковицу и вылѣзла изъ смолы.—Тѣ женщины, которыя умерли беременными, теперь мучатся, и бабы пупорѣзныя за ними ходятъ, дожидаются Страшнаго суда. А послѣ Страшнаго суда ихъ опредѣляютъ прямо въ рай вмѣстѣ съ маленькими дѣтками и съ бабами: онѣ за столько лѣтъ до суда оттерпѣли уже мученія.—Люди всѣ перемѣнятся, а земля только обернется, солнце зайдетъ за тучку, свѣтъ же не перемѣнится; намъ будетъ казаться, что будетъ горѣть земля и все,—но

ничего этого не будетъ. А вотъ что будетъ. Передъ Страшнымъ судомъ будутъ ходить ворожеи и изъ той золы, изъ которой бабы дѣлають щелокъ для стирки бѣлья въ пятницу, и выбрасываютъ комъ мокрой золы на дворъ, сдѣлають изъ этой послѣдней булку и будутъ предлагать ее людямъ: кто возьметъ, того душу и переманятъ къ себѣ“¹⁾.

Слишкомъ ужъ грубыми, бызыскусственными мазками набросана въ этомъ разсказѣ великая эпопея человѣчества; но ее отъ перваго и до послѣдняго штриха ярко пронизываетъ животворный лучъ вѣры въ безсмертіе и будущее праведное воздаяніе, которая неизмѣнно служитъ нашему простолюдину отрадной путеводной звѣздой въ его многотрудной и многопечальной жизни.

Г. Булашевъ.

ЗАМѢТКА.

Почему сельское духовенство мало „печатается“
въ своихъ епархіальныхъ органахъ, и какъ при-
охотить его къ этому дѣлу?

Письмо въ Редакцію ²⁾.

Извѣстно, что въ нашихъ епархіальныхъ органахъ
лишь изрѣдка помѣщаются проповѣднич. труды сельск. ду-
ховенства въ видѣ популярныхъ поученій, рѣчей, виѣбого-
служеб. чтеній и проч. Что за причина такого явленія? Кос-
ность сельск. духовенства, не желающаго, либо не могущаго
почему-нибудь печататься, въ такое притомъ критическое
время, когда бы ему слѣдовало съ особенною ревностію воз-
вышать свой пастырскій голосъ? Я не рискну сказать, чтобы
собратія мои плохо сознавали и помнили свой первѣйшій

¹⁾ „Этнографическое Обзорѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 83—85.

²⁾ Авторъ письма говоритъ о печатаніи проповѣдническихъ опы-
товъ духовенства въ епархіальномъ органѣ; но рѣчь его можетъ быть
расширена и приложена вообще къ литературной дѣятельности духовен-
ства.

долгъ *учить* своихъ прихожанъ вѣрѣ и благочестію *благо-
временно и безвременно* (2 Тим. 4, 2), ограничиваясь однимъ
требосправленіемъ; тѣмъ болѣе не скажу, чтобы они не
прилагали къ себѣ грозныя слова великаго апостола Хри-
стова: *горе мнѣ, аще не благовѣствую, нужда бо ми нале-
жить* (1 Кор. 9, 16). Духовенство, безъ сомнѣнія, благо-
вѣствуетъ въ храмахъ Божіихъ и внѣ ихъ, особенно въ на-
родныхъ и церковныхъ школахъ, которыя нынѣ умножаются
болѣе и болѣе въ самыхъ захолустныхъ мѣстностяхъ. Но не
видно, чтобы оно усердно печаталось хотя бы въ своемъ-то
собственномъ органѣ, долженствующемъ служить звучнымъ
отголоскомъ его просвѣтителгной дѣятельности. Неужто въ
нашей братіи нѣтъ владѣющихъ литературнымъ перомъ?..
Есть въ средѣ духовенства, я знаю, избранники печатнаго
слова, но они печатаются въ газетахъ, а свой дух. органъ
обходятъ. Правда, писать въ газеты провинціальныя извѣстія
и замѣтки далеко попроще и полегче, чѣмъ популярныя и
назидательныя *вещи* для духовныхъ изданій, при строгости дух.
цензуры и редакторской. Но много ли нужно таланта, умѣнья,
навыка, досуга и труда, чтобы составить краткое и простень-
кое сочиненьице для простонародья, годное для помѣщенія
въ епархіальномъ органѣ? Вѣдь тутъ не требуется семинар-
ское умничанье, и совѣтъ не умѣстна стародавняя схоластика,
а нужно лишь больше всего достаточное знакомство, кромѣ,
конечно, Слова Божія, съ твореніями св. Тихона Задонскаго,
этого нашего русскаго Златоуста, съ Четьями-Минейми, Про-
логами, Патериками, чѣмъ живо интересуется и назидается
нашъ народъ, особенно когда говоришь съ нимъ языкомъ,
конечно, никакъ не вульгарнымъ, а все-таки его, такъ ска-
зать, роднымъ, типичнымъ (поговорки), образнымъ, нагляд-
нымъ, изобилующимъ олицетвореніями, уподобленіями, при-
мѣрами изъ его быта. А кому же сподручнѣе знать этотъ
рѣдкостный языкъ, какъ не сельскому духовенству, живущему
десятки лѣтъ среди народа! И между тѣмъ, много ли у насъ
въ такомъ родѣ простонародныхъ поученій, брошюръ, тѣмъ

болѣ цѣлыхъ сборниковъ? Какъ хотите, но тутъ большой и прискорбный пробѣлъ, для заповнення котораго не нужно, по моему пятидесятилѣтнему опыту, пренебрегать и самыми простѣйшими формами назиданія, въ родѣ, наприм., слѣдующихъ, практиковавшихся моимъ родителями. Онъ, бывало, подберетъ нужное ему сказаніе или извлеченіе изъ упомянутыхъ источниковъ, прочтетъ его и сдѣлаетъ безъ всякихъ натяжекъ самый естественный выводъ примѣнительно къ потребностямъ своихъ слушателей, что вотъ, дескать, какъ жили люди и спасались. А мы такъ ли живемъ? Не замѣчается ли у насъ того-то и того-то?.. Надо намъ исправиться.—Поученіе, такимъ образомъ, готово. И какъ его охотно слушали и отчетливо усвоили, хотя церковь была холодная, и любимый старецъ-проповѣдникъ поучалъ и въ стужу, въ нагольномъ тулупѣ, съ поднятымъ воротникомъ и въ замшевыхъ рукавицахъ. И много ли тутъ уходило времени, и много ли требовалось мудрости? Подобныя стародавнія поученія слѣдуетъ ли считать неумѣстными и нынѣ въ захолустныхъ приходдахъ, гдѣ царить непроглядная тьма невѣжества и суетвѣрій?.. Какъ бы то ни было, все-таки нашимъ деревенскимъ младенчествовающимъ чадамъ свойственна не твердая пища, а, по выраженію апостола, *млеко словесное и телестное* (1 Петр. 2, 2),—назиданіе, вполне доступное ихъ понятіямъ и соответствующее ихъ религіозно-нравственнымъ нуждамъ и интересамъ... Мнѣ хочется думать, что наше сельское духовенство, живя въ глуши, просто *по несмыслности* не печатаетъ своихъ проповѣдическихъ опытовъ въ епрах. органахъ, и его надо бы какъ-нибудь заохотить, заинтересовать этимъ дѣломъ. Напр., почему бы редакціямъ не предложить духовенству своихъ услугъ по исправленію незрѣлыхъ его опытовъ? Почему бы не открыть краткій отдѣлъ практическихъ указаній и совѣтовъ писательства? Почему бы не пообщать за болѣе удачныя и назидательныя поученія и собесѣдованія даже и денежный гонораръ, хотя не крупный, но достаточно заманчивый для тощей мошны? Почему бы,

наконецъ, не завести въ клировыхъ вѣдомостяхъ особыхъ отмѣтокъ не о выслугѣ лѣтъ разныхъ искателей, а особенно о печатающихся усердныхъ проповѣдникахъ и ихъ преимущественно представлять епархіальной власти къ наградамъ, какъ объ этомъ данъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ прекрасный совѣтъ въ „Церк. Вѣстникѣ“, издающемся при С.-Пб. Академіи? Не напрасно и великій учитель языковъ сказалъ, что *должно оказывать сугубую честь особенно тѣмъ, которые трудятся въ словъ и ученіи* (1 Тим. 5, 17). При такомъ или подобномъ поощреніи наша печатная проповѣдническая дѣятельность навѣрно бы оживилась и усилилась, и тогда можно было бы издавать къ концу года, какъ и дѣлается уже кое-гдѣ, особый сборникъ проповѣдей и разсылать его по всѣмъ церквамъ за особую плату, которая окупала бы какъ самое изданіе, такъ и авторскій гонораръ и лишніе труды редакторскіе. Если же съ теченіемъ времени наплывъ проповѣдей усилился бы и потребовалъ бы расширенія объема епархіальнаго органа, то почему бы не издавать тогда проповѣди въ качествѣ особаго приложенія въ видѣ Проповѣдническаго Листка? Само собой разумѣется, что тутъ потребуются денежныя затраты, особенно на первыхъ порахъ; но позволительно думать, что духовенство изыщетъ прибавку, только бы поощряли его просвѣтительную дѣятельность.

Свящ. *Θ. Богородскій.*

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Отъ Кіевского духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

Кіевъ. 6-го августа 1907 года.

Цензоръ, профессоръ Академіи священникъ *Александръ Глаголевъ.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
цію журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года августа 26-го дня.

Содержаніе: I. Рѣчь К. П. Побѣдоносцева о конституціи. — II. Успеніе Пресвятой Богородицы (окончаніе). — III. О психической силѣ въ проповѣди Д. С. Кенпапа (продолженіе). — IV. Дополнительные космогоническія украинскія легендарныя сказанія и преданія о чело-вѣкѣ. — Замѣтки. а) Примѣръ, достойный подражанія. — б) Легенда о приближеніи царства антихриста.

Рѣчь К. П. Побѣдоносцева о конституціи.

(Произнесена 8-го марта 1881 года въ Зимнемъ дворцѣ).

Ваше Величество! По долгу присяги и совѣсти, я обя-занъ высказать вамъ все, что у меня на душѣ. Я нахожусь не только въ смущеніи, но и въ отчаяніи. Какъ въ прежнія времена предъ гибелью Польши говорили: „Finis Poloniae!“ такъ теперь едва ли не приходится сказать и намъ: „Finis Russiae!“ При соображеніи проекта, предлагаемаго на уваженіе Ваше, сжимается сердце. Въ этомъ проектѣ слышится фальшь, скажу болѣе: оно дышитъ фальшью. Намъ говорятъ, что для лучшей разработки законодательныхъ проектовъ нужно приглашать людей, знающихъ народную жизнь, нужно выслушивать экспертовъ. Противъ этого я ничего не ска-

заль бы, если бы хотѣли сдѣлать это только. Эксперты вызывались и въ прежнія времена, но не такъ, какъ предлагается теперь. Нѣтъ! Въ Россіи хотятъ ввести конституцію и если не сразу, то по крайней мѣрѣ сдѣлать къ ней первый шагъ... А что такое конституція? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ Западная Европа. Конституціи, тамъ существующія, суть орудія всякой неправды, источникъ всякихъ интригъ. Примѣровъ этому множество, и даже въ настоящее именно время мы видимъ во Франціи охватившую все государство борьбу, имѣющую цѣлью не дѣйствительное благо народа или усовершенствованіе законовъ, а измѣненіе порядка выборовъ для доставленія торжества честолюбцу Гамбеттѣ, номышляющему сдѣлаться диктаторомъ государства. Вотъ къ чему можетъ вести конституція. Намъ говорятъ, что нужно справляться съ мнѣніемъ страны черезъ посредство ея представителей; но развѣ тѣ люди, которые явятся сюда для соображенія законодательныхъ проектовъ, будутъ дѣйствительными выразителями мнѣнія народнаго? Я увѣряю, что нѣтъ. Они будутъ выразять только личные свои взгляды...

И эту фальшь, но по иноземному образцу, для насъ не пригодному, хотятъ къ нашему несчастью, къ нашей гибели, ввести и у насъ... Россія была сильна благодаря самодержавію, благодаря неограниченному взаимному довѣрію и тѣсной связи между народомъ и его царемъ. Такая связь Русскаго царя съ его народомъ есть неоцѣнимое благо. Народъ нашъ есть хранитель всѣхъ нашихъ доблестей и добрыхъ нашихъ качествъ; многому можно у него поучиться! Такъ называемые представители земства только разобщаютъ царя съ народомъ. Между тѣмъ правительство должно радѣть о народѣ, оно должно познать дѣйствительныя его нужды, должно помогать ему справляться съ безысходною часто нуждою. Вотъ цѣль, къ достиженію которой нужно стремиться, вотъ истинныя задачи новаго царствованія. А вмѣсто того предлагаютъ устроить у насъ говорильню, въ родѣ Французскихъ „états généraux“. Мы и безъ

того страдаемъ отъ говорилень, которыя, подь вліаніемъ негодныхъ, ничего не стоящихъ журналовъ, разжигаютъ только народныя страсти. Благодаря пустымъ болтунамъ, что случилось съ высокими предназначеніями покойнаго незабвеннаго Государя, пріавшаго подь конецъ своего царствованія мученической вѣнецъ? Къ чему привела великая святая мысль освобожденія крестьянъ?.. Къ тому, что дана имъ свобода, но не устроено надъ ними надлежащей власти, безъ которой не можетъ обойтись масса темныхъ людей. Мало того, открыты всюду кабаки ¹⁾; бѣдный народъ, предоставленный самому себѣ и оставшійся безъ всякаго о немъ попеченія, сталъ пить и лѣниться къ работѣ, а потому сталъ несчастной жертвой цѣловальниковъ, кулаковъ, жидовъ и всякихъ ростовщиковъ. Затѣмъ открыты были земскія и городскія учрежденія, говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривъ и вкосъ о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнію говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положеніе занимаютъ лица, не живущія съ своими семействами, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту. Потомъ открылись новыя судебныя учрежденія, новыя говорильни, говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными. Дали наконецъ и свободу печати, этой самой ужасной говорильнѣ, которая во всѣ концы необъятной земли Русской, на тысячи и десятки тысячъ верстъ, разноситъ хулу и пори-

¹⁾ Вспоминаются хвастливыя слова Огрызки И. С. Аксакову (переданныя намъ снѣмъ послѣднимъ). „Вы ихъ освободили, а мы съ Гротомъ ихъ спонимъ“. Вслѣдъ за раскрѣпощеніемъ отмиѣнены ссуды для дворянъ изъ Опекуцкихъ Совѣтовъ и заведены земельныя банки, эти „мышеловки“, какъ называлъ ихъ В. А. Кокоревъ. П. Б.

цаніе на власть и посѣваетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ ужаснымъ беззаконіямъ. И когда, Государь, предлагаютъ учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню? Теперь, когда прошло лишь нѣсколько дней послѣ совершенія самаго ужаснаго злодѣянія, никогда не бывшаго на Руси, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежитъ въ Петропавловскомъ соборѣ непогребенный прахъ благодушнаго Русскаго царя, который средь бѣла дня растерзанъ Русскими же людьми. Я не буду говорить о винѣ злодѣевъ, совершившихъ это ужасающее, безпримѣрное въ исторіи преступленіе. Но и всѣ мы, отъ перваго до послѣдняго, должны каяться въ томъ, что такъ легко смотрѣли на совершившееся вокругъ насъ; всѣ мы виноваты въ томъ, что, не смотря на постоянно повторявшіяся покушенія на жизнь общаго нашего благодѣтеля, мы въ безлѣтельности и апатіи нашей не сумѣли охранить праведника. На насъ всѣхъ лежитъ клеймо несмываемаго позора, павшаго на Русскую землю. Всѣ мы должны каяться.

(Изъ „Русскаго Архива“ 1907 г. кн. 2, стр. 103—105).

Успеніе Пресвятой Богородицы.

(Окончаніе ¹⁾).

III.

Богослужебная практика современной Иерусалимской Церкви относительно праздника Успенія Пресв. Богородицы замѣчательна тѣмъ, что въ ней проведено разграниченіе событій погребенія и взятія на небо Богоматери, и въ память того и другого событія совершаются особыя празднества.

---

¹⁾ См. №№ 32—33 за 1907 г.

14-го августа въ геосиманскомъ храмѣ торжественно отправляется *чинъ погребенія Пресвятой Богородицы*, а 15-го августа правится праздничная служба Успенію, положенная подъ этимъ числомъ въ минеѣ. Такимъ образомъ, торжество Успенія Богоматери въ Иерусалимской Церкви какъ бы распадается на двѣ части: въ одной преобладаетъ элементъ скорби и печали при воспоминаніи о кончинѣ Богоматери, въ другой, напротивъ, находятъ себѣ преимущественно выраженіе элементъ свѣтлой радости, наполняющей душу вѣрующаго въ великій праздникъ Богоматери.

Насколько можно судить по рукописнымъ памятникамъ, *чинъ погребенія Богоматери* не восходитъ ранѣе XV в. ¹⁾, но разграниченіе событій успенія и взятія на небо Пресв. Богородицы составляетъ положительный фактъ въ практикѣ древней греческой церкви, какъ и древнихъ церквей—коптской и абиссинской. Древніе коптскій и абиссинскій календари отмѣчаютъ подъ 16 янв. праздникъ Успенія Пресв. Богородицы, а подъ 16 авг.—праздникъ Вознесенія Богоматери на небо. И западная церковь, съ древнѣйшихъ временъ, различаетъ особымъ чествованіемъ Успеніе (*Depositio*) и Взятіе на небо блаженнѣйшей Богородицы (*Assumptio Beatissimae Dei Genetricis*), каковыя событія въ древнемъ Иеронимовскомъ мартирологѣ отмѣчены—первое 18 янв. и второе—15 авг. Императоръ Маврикій (592—602), одержавши большую побѣду надъ персами въ день Успенія, повелѣлъ торжественно праздновать этотъ день 16 авг., при чемъ въ празднованіи Успенія 15 авг. нашли себѣ соединеніе оба священныя воспоминанія: и успеніе Богоматери и чудесное взятіе Ея на небо. Однако, древній церковный обычай отдѣлять названныя событія одно отъ другого и каждому посвящать особое богослужебное чествованіе давалъ о себѣ знать, вылившись, въ концѣ концовъ, въ цѣлый чинъ погребенія Богоматери, от-

¹⁾ *Архим. Владиміра*—„Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной Библіотеки“. М. 1894, ч. I. стр. 423.

правляемый въ Геѳсиманіи наканунѣ праздника Успенія. Къ сожалѣнію, наука еще не располагаетъ свѣдѣніями по исторіи праздника со времени распоряженія императора Маврикія чествовать Успеніе въ 15-ый день августа мѣсяца и не можетъ ничего сказать о тѣхъ богослужебныхъ формахъ, въ которыхъ выражалось чествованіе собственно Успенія Пресв. Богородицы до XV в. Восполнить этотъ пробѣлъ и пролить свѣтъ на совершаемый нынѣ въ Геѳсиманіи чинъ погребенія Пресв. Богородицы—задача будущаго историка-литургиста ¹⁾).

Богослуженіе 14-го августа обставлено въ Геѳсиманіи большою торжественностью, даже большею, чѣмъ богослуженіе въ самый праздникъ Успенія ²⁾). Чинъ погребенія Богоматери совершаетъ самъ іерусалимскій патріархъ съ архіереями—членами синода и со всѣмъ святогробскимъ духовенствомъ. На богослуженіи въ храмѣ присутствуютъ высшія гражданскія власти Іерусалима; безчисленная толпа богомольцевъ не только занимаетъ всѣ свободныя мѣста въ храмѣ, но тѣснится и на лѣстницѣ и еще больше—снаружи. Войска мѣстнаго турецкаго гарнизона съ оркестромъ музыки отдають честь патріарху и духовенству, когда тѣ слѣдуютъ изъ патріархіи къ Геѳсиманіи. Въ Геѳсиманіи, на площадкѣ лѣстницы при спускѣ въ глубину погребальной пещеры Богоматери, патріарху устраивается торжественная встрѣча игуменомъ и братіей геѳсиманской обители, причѣмъ участіе въ встрѣчѣ патріарха принимаетъ и армянскій игумень съ своей братіей: онъ, какъ и греческій игумень, подноситъ патріарху

¹⁾ Историческія свѣдѣнія о праздникѣ Успенія Пресв. Богородицы собраны въ статьѣ *Н. Сергіевскаго* — „Праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы“ (историческій очеркъ) въ *Моск. Церк. Вѣдомостяхъ* за 1901 г. № 32, стр. 367—371. Напрасно лишь авторъ сомнѣвается въ разграниченіи двухъ событій Успенія въ греческой церкви.

²⁾ Подробное описаніе геѳсиманскаго торжества 14-го авг. можно найти въ ст. *проф. А. А. Дмитріевскаго* — „Празднества въ Геѳсиманіи въ честь Успенія Богоматери“ (по личнымъ воспоминаніямъ) въ *Сообщеніяхъ Импер. Правосл. Палест. Общества* за 1905 г., т. XVI, в. 3, стр. 396 и дал. Этимъ описаніемъ мы и пользуемся сейчасъ.

розовую воду и өиміамъ. Облачившись здѣсь, на площадкѣ, въ мантию и взявъ въ лѣвую руку жезлъ, а въ правую крестъ, патріархъ спускается по лѣстницѣ къ гробу Богоматери. Лѣстница горитъ огнями множества свѣчей; духовенство непрерывно поетъ тропарь праздника „Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси“; діаконы кадятъ предъ патріархомъ, а онъ—въ величиніи своего сана—всю дорогу осѣняетъ крестомъ тѣснящійся справа и слѣва на лѣстницѣ народъ... Наконецъ, патріархъ вступаетъ внутрь геосиманскаго храма, залитаго свѣтомъ лампадъ, преподаетъ еще разъ благословіе народу и духовенству, облачается и приступаетъ къ службѣ. Съ кадиломъ въ рукѣ, сопровождаемый діаконами съ дикиріями и трикиріями и выносными свѣчами, патріархъ входитъ внутрь пещеры гроба Богоматери и кадитъ особый *одръ*, на который возложена богато украшенная плащаница съ изображеніемъ Успенія ¹⁾). За обычнымъ началомъ, при пѣніи трисвятаго и пр. по Отче нашъ, одръ съ плащаницею выносятся на средину храма. Его окружаютъ архіереи и духовенство, размѣщаясь зъ принятомъ порядкѣ по старшинству. Снова патріархъ входитъ въ погребальную пещеру, кадитъ ее и начинаетъ умиленное пѣніе первой статіи: „Жизнь во гробѣ полагается“. Затѣмъ, по выходѣ изъ пещеры, патріархъ кадитъ одръ съ плащаницею, весь храмъ, духовенство и народъ. А въ это время сослужащее патріарху духовенство поетъ по стихамъ первую статистию погребенія. По окончаніи пѣнія первой статіи, діаконъ произноситъ ектенью, возгласъ на которую дѣлаетъ самъ патріархъ.

Во второй части службы видное участіе принимаетъ старѣйшій изъ архіереевъ—членъ синода. Съ кадиломъ въ рукѣ, онъ входитъ въ пещеру Богоматери, кадитъ ее и поетъ начало второй статіи: *Достойно есть величати Тя*. Пѣніе статіи продолжается духовенствомъ на срединѣ храма, а

¹⁾ Эта драгоценная плащаница пожертвована русской графиней А. А. Орловой-Чесменской.

архістей тѣмъ же порядкомъ, какъ патріархъ во время пѣнія первой статіи, кадитъ священный одръ, духовенство и народъ. Послѣ ектеніи этотъ же архіерей дѣлаетъ положенный возгласъ.

Третью статію: *Роди вси пѣснь погребенію Твоему приносятъ, Дѣво*, начинаетъ слѣдующій по старшинству архіерей, совершая все согласно предыдущему порядку.

Послѣ третьей статіи сразу же слѣдуетъ пѣніе тропарей *Анѣльскій соборъ удивися*, передѣланныхъ примѣнительно къ празднику Успенія Богородицы съ особыми припѣвами въ честь Богородицы, какъ то: а) Благословенна еси, Богородице! покрый, сохрани пѣснословящихъ Тя; б) Благословенна еси, Пречистая! соблюди всѣхъ насъ неосужденными; в) Благословенна еси, Чистая! сохрани всѣхъ насъ безгрѣшными; г) Благословенна еси, Пречестная! даруй всѣмъ намъ спасеніе.

Далѣе—ектенья, свѣтилень: *Апостолы отъ конецъ...*, стихиры на хвалитѣхъ, во время которыхъ духовенство прикладывается къ плащаницѣ, и великое славословіе.

При протяжномъ и сладкогласномъ пѣніи „Святый Боже“, священники берутъ одръ съ плащаницею и, медленно поднимаясь по лѣстницѣ, выносятъ свящ. одръ на верхнюю площадку. Здѣсь архидіакономъ произносится ектенья о здравіи участниковъ торжества и поклонниковъ живоноснаго гроба Богоматери, а патріархъ преподаетъ благословеніе народу. Послѣ этого одръ снова вносится въ храмъ и ставится на средину его. Слѣдуетъ пѣніе еще трехъ стихиръ и—отпустъ.

Тогда народъ въ порядкѣ начинаетъ подходить къ плащаницѣ, чтобы приложиться, а патріархъ съ духовенствомъ удаляется изъ храма въ особо выстроенную на этотъ случай и украшенную гирляндами зелени и цвѣтовъ палатку, гдѣ оддыхаетъ и принимаетъ поздравленіе отъ свѣтскихъ властей.

Для поклоненія богомольцевъ плащаница оставляется въ геосиманскомъ храмѣ до 25-го авг., т. е. до отданія праздника. Въ этотъ день послѣ литургіи одинъ изъ іеромо-

наховъ, или самъ геѳсиманскій игуменъ, относитъ плащаницу въ геѳсиманское подворье. Перенесеніе плащаницы изъ геѳсиманскаго храма въ подворье совершается также при довольно торжественной обстановкѣ. Монастырская братія несетъ кресты и свѣчи; въ процессіи участвуютъ иѣвцы и духовенство въ облаченіяхъ. Улицы, по которымъ идетъ процессія, убираются зеленью; съ крышъ домовъ подъ ноги духовенству бросаютъ цвѣты. Народъ въ большомъ количествѣ сопровождаетъ процессію до подворья отъ самой Геѳсиманіи...

Какъ показываетъ изложеніе геѳсиманскаго чина погребенія Богоматери, по составу своему онъ весьма сходенъ съ чиномъ погребенія Спасителя на утрени Великій Субботы и, вѣроятно, составленъ по образцу послѣдняго. Такимъ образомъ очевидно, что научное изслѣдованіе чина погребенія Богоматери должно быть соединено съ предварительнымъ изслѣдованіемъ исторіи происхожденія „похвалъ“ и обряда выноса плащаницы на утрени въ Великую Субботу ¹⁾.

Въ Русской Церкви чинъ погребенія Богоматери, или, какъ этотъ чинъ назывался въ Россіи, „надгробное пѣніе“, иначе—„похвалы“, становится извѣстнымъ, судя по сохранившимся славянскимъ богослужебнымъ рукописямъ, отъ того же XV в., отъ котораго сохранился и греческій оригиналъ чина ²⁾. Въ XVI в. „надгробное пѣніе“ пользовалось широкою распространенностью въ Россіи ³⁾.

Митрополиту московскому Филарету былъ извѣстенъ греческій чинъ погребенія Богоматери, совершавшійся тогда въ Геѳсиманіи, и настолько нравился митрополиту, что былъ введенъ имъ,—конечно, въ славянскомъ переводѣ,—въ бого-

¹⁾ Историческія замѣчанія о совершающемся нынѣ въ Геѳсиманіи чинѣ погребенія Богоматери (изданія 1885 г.) см. у А. А. Дмитріевскаго въ цит. ст., стр. 400, примѣч. 2.

²⁾ См. „Описаніе рукописей Моск. Синод. Библіотеки“, отд. 3. М. 1869 г. стр. 310.

³⁾ А. А. Дмитріевскаго—„Богослуженіе въ Русской Церкви въ XVI в.“ ч. I. Каз. 1884 г., стр. 190-191.

служебную практику Геосиманскаго, возлѣ лавры преп. Сергія скита, надъ созданіемъ и благоустройствомъ котораго такъ много трудился великій московскій святитель ¹⁾). Надо замѣтить, что храмовой праздникъ Успенія Богородицы празднуется въ скиту, со временъ м. Филарета, не 15-го авг., а 17-го, при чемъ въ этотъ день воспоминается славное *вознесеніе* Богоматери на небо въ третій день по Ея усненіи. За всенощной службой 17 авг. и поются послѣ „Богъ Господь“ *погвалы* Богоматери, раздѣленныя на три статіи ²⁾).

IV.

Въ „первопрестольной“ Москвѣ главный храмъ посвященъ Успенію Пресв. Богородицы, и если теперь богослуженіе въ престольный праздникъ отличается въ Большомъ Успенскомъ московскомъ соборѣ торжественностью, далеко превосходящею торжественность храмовыхъ службъ въ каѳедральныхъ соборахъ губернскихъ городовъ Россіи, то во времена патріаршества, когда и цари являлись въ главный храмъ ихъ царства на молитву, и патріархъ принималъ живое участіе въ богослуженіи вмѣстѣ съ другими архіереями и архимандритами, не говоря уже о соборномъ протопопѣ съ братією, торжественность службъ въ праздникъ Успенія Пресв. Богородицы достигала самой высокой степени.

Сохранилась въ рукописи запись о службахъ Б. Успенскаго собора, обнимающая періодъ времени съ 1671 г. по 1691 г., и эта запись даетъ много интересныхъ свѣдѣній ка-

¹⁾ Въ письмахъ къ намѣстнику Троице-Сергіевой Лавры *арх. Антонію* м. Филаретъ трактуетъ о чинѣ погребенія Богоматери и указываетъ, что нѣкогда іерусалимскій чинъ совершался подъ Успенье и въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. См. *т. 2 писемъ* м. Филарета къ арх. Антонію, изд. 1878 г. стр. 272, 278—280.

²⁾ „Геосиманстіи скитъ близъ Троице-Сергіевой Лавры въ его прошедшемъ и настоящемъ“ *Моск. Церк. Вѣд.* за 1894 г. № 40, стр. 506—507.

сательно того, какъ праздновался храмовой праздникъ въ Б. Успенскомъ соборѣ при патріархахъ Іоакимѣ и Адріанѣ¹⁾).

Приготовленіе къ храмовому празднику въ Успенскомъ соборѣ начиналось заблаговременно. За *два недѣли* соборные ключари отдають распоряженіе чистить иконы („Дейсусы“ и „мѣстные“) и всѣ паникадила. Работу эту исполняютъ мастера изъ торговыхъ рядовъ, которыхъ „емлютъ“ и ставятъ къ работѣ, „гдѣ кто надобенъ“. По мѣрѣ приведенія въ порядокъ и надлежащій видъ паникадилъ, подсвѣчниковъ и лампадъ въ нихъ заправляютъ восковыя свѣчи и наливають деревяннаго масла. „А свѣчи емлютъ съ патріаршаго двора; а ставятъ свѣщи подвѣнники, а въ поликандила и у мѣстныхъ иконъ свѣщи ставятъ сторожа; а въ лампады наливають (масла) во дворцѣ“; изъ дворца же соборные получаютъ къ празднику и „пудовыя свѣщи“.

За *недѣлю* до праздника патріархъ отправляется во дворець приглашать къ службѣ „царей съ властями“. Патріарха сопровождаетъ ключарь съ крестомъ и со святою водою на „мисѣ“.

Когда оставалось уже *два дня* до праздника, изъ собора оповѣщали дворцоваго дьяка, „чтобъ сѣно готовилъ въ соборную церковь мелкое, дробное“. Это сѣно разстилають по церкви и въ алтарѣ съ придѣлами и на государевомъ и патріаршемъ мѣстахъ соборные сторожа *наканунъ* праздника. Для освѣженія воздуха ключари кропятъ по собору „гуляфной водкой“²⁾ и масломъ мятнымъ или укропнымъ, полива-

¹⁾ Запись еще не опубликована въ печати. Выдержки изъ нея сдѣланы о. діакномъ Н. Успенскимъ въ статьѣ: „Торжественное богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ въ день Успенія Божіей Матери при патріархахъ Іоакимѣ и Адріанѣ, по книгѣ записей о службахъ собора“ (Историческая справка). См. *Московск. Церк. Вѣдомости* за 1901 г. № 32, стр. 371—372. Этими выдержками мы и пользуемся.

²⁾ Гулявникъ (Sisymbrium)—трава, извѣстная своимъ благотворнымъ дѣйствіемъ на дыхательные органы, См. „Энциклоп. Словарь“ *Брокгауза*, т. IX а, с. 877, изъ нея приготовлялся въ старину душистый спиртъ—„Гуляфная водка“.

ють также гуляфной водкой и мятнымъ масломъ „мѣста“ „для духу“. Эти благовонія доставались въ аптекъ.

Наканунѣ же праздника ключари вынимають изъ ризницы дорогіе жемчугомъ украшенные покровы и пелены къ иконамъ и на раки святителей, также—большое евангеліе и самыя лучшія облаченія для духовенства.

Къ началу звона на вечерню всѣ приготовленія и работы въ соборѣ оканчивались. Раздавался благовѣстъ ¹⁾). Часъ благовѣста не всегда былъ одинаковъ: начинали благовѣстить по распоряженію патріарха или „по указу царей“; поэтому иногда благовѣстили на вечерню „за полпяты“ часовъ, „за пять“, а въ 1690 и 1691 гг.—„въ четыре часа“. На вечерню и молебень послѣ нея являлись „во всемъ царскомъ одѣяніи“ цари Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ; съ ними же приходила въ соборъ и царица Софія. „Приказать сторожамъ“, стоитъ замѣчаніе въ записи, „чтобъ у ясака стояли: какъ пойдетъ патріархъ въ церковь, не звонилибъ; звонъ царемъ бываетъ“.

По окончаніи малой вечерни, отправляемой по обычному уставному чину, все духовенство съ патріархомъ во главѣ выходитъ на средину собора, гдѣ на аналоѣ положенъ образъ „Богородицы Согбенной“ ²⁾). Начинается молебень. Канонъ на немъ поютъ пѣвчіе; молитву Успенію читаетъ самъ патріархъ. Онъ же творилъ отпустъ, а протодіаконъ возглашалъ обычные многолѣтія ³⁾).

Послѣ вечерни, проводивши царей и патріарха съ высшимъ духовенствомъ, соборный протопопъ съ соборною братіей отправлялись на патріаршій „погребъ“, гдѣ угощались

¹⁾ Въ колоколь подъ названіемъ „реуть“.

²⁾ По преданію, эта икона Успенія Пресв. Богородицы написана на гробовой доскѣ св. Алексія. Нынѣ она находится надъ входомъ въ Петропавловскій придѣлъ собора.

³⁾ За многолѣтіе въ присутствіи царя и патріарха протодіаконъ получалъ особую плату—по три рубля всякій разъ.

„медомъ краснымъ и бѣлымъ и пивомъ“¹⁾, въ подкрѣпленіе силъ къ предстоящему всенощному бдѣнію¹⁾.

Благовѣсть²⁾ на всенощное бдѣніе начинался „въ часть“ или „въ полтора часа“ ночи. На всенощную въ соборъ являлись и цари и патріархъ съ высшимъ духовенствомъ. Подъ 1683 годомъ такъ описано начало всенощнаго бдѣнія: „вначалѣ протопопъ кадилъ царя (Іоанна Алексѣевича; Петръ Алексѣевичъ отсутствовалъ), изпослѣ патріарха, потомъ царевну³⁾—по трижды, послѣ—державу, потомъ посохъ, и начиналъ⁴⁾. По началѣ,—архіереовъ и всю церковь⁵⁾, и паки кадилъ образы, и государя, и патріарха, а царевны не кадилъ,—за то былъ государевъ гнѣвъ“⁶⁾. Ошибка протопопа была поправлена въ дальнѣйшемъ теченіи службы протодіакономъ. „На Господи воззвахъ протодіакоу патріархъ указалъ кадить въ началѣ государя и себя, потомъ царевну, и державу, и посохъ, и архіереевъ и, окадя всю церковь,—паки образы, царя, царевну и потомъ патріарха“⁶⁾. Въ такомъ же порядкѣ, указанномъ патріархомъ, было совершено кажденіе и на 9-ой пѣсни канона.

На литіи благословлялись патріархомъ хлѣбы⁶⁾, вино и елей, но за всенощной благословенные хлѣбы не раздавались, а раздавались они послѣ литургіи на другой день. *Цѣлованіе* бывало образу; „царямъ и царевичъ самъ патріархъ подносилъ образъ“⁶⁾. Канонъ исполняли пѣвчіе, священники же на клиросѣ запѣвали пѣсни канона.

Вообще, всенощная по обычаю шла въ строгомъ порядкѣ и благочиніи, при томъ особенномъ благолѣпін и торжествен-

¹⁾ См. статью о діаконѣ Н. Успенскаго — „Причтъ Успенскаго собора“ (историческая сирава) *Моск. Церк. Вѣдомостяхъ* за 1902 г., № 33, стр. 387.

²⁾ Въ новый большой колоколь.

³⁾ Софію.

⁴⁾—всенощную, по принятому въ соборѣ обычаю.

⁵⁾ - кадилъ.

⁶⁾ Хлѣбы на литію—большіе, благодарные—получались изъ государева хлѣбнаго двора.

ности, которыми отличались соборныя службы, когда въ нихъ принималъ участіе патріархъ съ сонмомъ высшаго духовенства, и присутствовала царская фамилія.

Литургія въ самый день праздника начиналась въ 8 ч. утра; только въ 1691 г. начали ее въ 10 ч. „того ради, что ожидали царя Петра, а какъ отказъ пришолъ, начали благовѣсть“: Послѣ службы патріархъ собственноручно раздавалъ освященные наканунѣ „благодарныя“ хлѣбы, при чемъ государямъ подносили на серебрянномъ блюдѣ цѣлый хлѣбъ, а для архіереевъ, боярь и спальниковъ ключари раздробляли „единъ хлѣбъ“, а иногда—два. „Патріархъ самъ раздавалъ всѣмъ“.

При торжественномъ звонѣ колоколовъ, цари возвращались во дворець, а спустя нѣкоторое время шолъ туда со святой водой патріархъ въ сопровожденіи соборной братіи. Послѣ приѣма во дворцѣ, патріархъ приглашалъ служащее духовенство къ себѣ на праздничную трапезу. Иногда цари у себя устроили трепезу для патріарха съ духовенствомъ, но—рѣдко. Большею частью въ день Успенія власти обѣдали у патріарха, при чемъ къ праздничному столу приглашалась и *нищяя братія*. Такъ, подъ 1689 г. записано: „у святѣйшаго ¹⁾ фли хлѣбъ въ сѣняхъ, а въ крестовой нищіе фли. Святѣйшій самъ одѣлялъ“.

Мѣняются времена, измѣняются съ ними и обычаи; но главное и существенное—благоговѣнное почитаніе и прославленіе мирно почившей и славно воскресшей Матери Живота и Заступницы міра должно оставаться неизмѣннымъ во всѣ времена и во всѣ роды. „Придите же“, скажемъ словами преп. Іоанна Дамаскина: „станемъ окрестъ чистѣйшаго гроба и почерпнемъ изъ него божественную благодать. Придите, понесемъ на раменахъ души плоть приснодѣвственную; войдемъ во гробъ и умремъ вмѣстѣ съ нею: умремъ для плот-

¹⁾—С. Іоакима.

скихъ страстей, поживемъ же съ нею жизнью безстрастною и непорочною. Приложимъ слухъ къ божественнымъ пѣснямъ, которыя исходятъ изъ ангельскихъ невещественныхъ устъ. Войдемъ и поклонимся, и познаемъ преславное чудо,—познаемъ, какъ Матерь Божія взята и вознесена отъ земли, какъ взошла на небо, какъ предстоить теперь Сыну выше всѣхъ чиновъ ангельскихъ, потому что нѣтъ никакого средостѣнія между Матерію и Сыномъ“¹⁾...

И. Пальмовъ.

О психической силѣ въ проповѣди Д. С. Кен- нара.

(Продолженіе ¹⁾).

Глава II.

Какія глубины тайны и чуда заключаются въ этомъ словѣ „сила“! Кто въ состояніи опредѣлить силу? Кто можетъ намъ сказать, гдѣ ея сѣдалище и источникъ? Кто можетъ измѣрить ея величину, описать ея видъ, открыть ея сущность? Она пребываетъ въ яркомъ свѣтѣ и освѣжающей росѣ; въ невѣсомомъ воздухѣ и подвижномъ льду: въ сѣмени, которое вырастая поднимаетъ скалу, и въ электрическомъ токѣ, двигающемъ поѣздъ. Сила физическая—тайна; но сила психическая производитъ чудеса. Чувство подымаетъ народъ; страсть ниспровергаетъ государство. Сила души! Кто можетъ воспѣть ея эпопею? Какая наука установитъ ея значеніе и образъ ея дѣйствія? Въ какой послѣдней нервной клѣточкѣ или въ какомъ незначительномъ кровяномъ тѣльцѣ она обитаетъ? „Однажды сказалъ Богъ, и дважды слышалъ я это, что сила у Бога“ (Пс. 61, 12). И человѣкъ, создан-

¹⁾ Преп. Іоанна Дамаскина—„Слово (3) на Успеніе Пресвятыи Богородицы“. Христ. Чтеніе 1836 г., ч. 3, стр. 145—146.

²⁾ См. №№ 26—29-й за 1907 г.

ный по образу Его, имѣть свою скромную часть этой божественной способности.

Лютеръ говорилъ: „тотъ, кто можетъ говорить людямъ съ силою, есть человѣкъ“. Безъ сомнѣнія, подъ человѣкомъ онъ разумѣлъ не просто ученаго, гомилета, богослова, оратора; но человѣка въ абсолютномъ, коренномъ и *сильномъ* смыслѣ слова.

Значительная часть недѣйствительныхъ проповѣдей, пробуждающихъ уснувшій слухъ или обращенныхъ къ инертной и неподвижной аудиторіи, не лишена характера того, что въ школахъ назвали бы образцомъ слова. Въ нихъ можно найти хорошо и должнымъ образомъ выраженную истину, образующую цѣлое логически связанное, съ соответствующими образами и разумнымъ приложеніемъ. Однако же аудиторія не слушаетъ. Чего недостаетъ во многихъ случаяхъ,— это человѣка сзади слова, дающаго ему импульсъ, или человѣка въ словѣ, придающаго ему человѣческую жизненность, захватывающую и побѣждающую энергію. Проповѣдь—это божественная истина *илюст*р челѣкъ. Съ половины прошлаго вѣка наука о проповѣди обогатилась огромной литературой, и однако же, она меньшаго достигла въ отношеніи вліянія на общественное мнѣніе, сравнительно съ другими науками или періодической печатью, и особенно сравнительно съ высокой свѣтской литературой.

Благопріятнымъ признакомъ является то, что каеэдра въ настоящее время менѣе, чѣмъ прежде, руководится лицемѣрнымъ страхомъ новыхъ идей и методовъ и что она скорѣе усвоитъ и утилизируетъ всѣ открытія и результаты, которые предлагаетъ ей истинная наука. Глубоко знаменательно отмѣтить возрастающій интересъ пастырства къ новой психологіи. Выходя изъ туманнаго состоянія, въ которомъ царствуютъ эмпиризмъ и суевѣріе, явленія и законы психическіе принимаютъ характеръ и значеніе науки и, конечно, нигдѣ они не могутъ наилучшимъ образомъ проявить свое вліяніе, какъ въ развитіи силы проповѣдника.

Теорія накопленія, сохраненія и переработки енергїи въ области физической имѣеть значительный интересъ и важность. Она дала новую гипотезу и болѣе широкіе взгляды на Бога и человѣка. Но въ области психической есть невидимая енергїя и тѣмъ не менѣе силы безконечной,—энергїя, дѣйствїя которой не менѣе реальны, и изученіе которой имѣеть существенную важность и сулитъ чудесные результаты.

По мѣрѣ того, какъ будутъ лучше познаваемы источникъ и свойства психической енергїи, все больше и больше будетъ появляться пастырскихъ изслѣдованій. Связь между психическими фактами и силами и наукой о проповѣди не можетъ быть пренебрегаема безъ невознаградиимаго ущерба какъ для дѣла пастырскаго, такъ и для дѣла собственно церковной каѳедры. Эти факты и силы тщательно выдѣлены учеными нашего времени отъ всего фантастическаго, ложнаго и случайнаго и стали доступны изслѣдованію, богатому по своимъ результатамъ. Та тайная сила, которая производитъ явленія, сгруппированныя подъ именемъ гипнотизма, месмеризма, животнаго магнетизма, двойнаго зрѣнія и телепатїи, не представляетъ новаго открытія. Есть доказательства того, что ею пользовались на Востокѣ уже много вѣковъ тому назадъ.

Скептики утверждаютъ, что изученіе этихъ психическихъ явленій окажется роковымъ для христіанскаго ученія; но какъ другіе успѣхи въ реальной наукѣ—напр., въ астрономїи, геологїи, біологїи и археологїи—послѣдовательно одинъ за другимъ были провозглашены ведущими къ разрушенію библіи и однако же, наконецъ, получили благословеніе за то, за что ожидали себѣ проклятїя, такъ и новая психологїя, подобно всякой добросовѣстной наукѣ, должна будетъ сдѣлаться служительницей каѳедры. Истинѣ нечего бояться истины же.

Опыты, произведенные въ продолженіе послѣдней четверти вѣка многими выдающимися учеными, доказываютъ чу-

деспную власть, которую можетъ имѣть одна душа надъ другой, производя у субъекта не только душевныя движенія, но также умственныя дѣйствія и нравственныя эмоціи. „Если правда, говоритъ одинъ извѣстный психологъ, что одинъ духъ можетъ вліять на другой и передавать ему мысли, не пользуясь обыкновенными путями внѣшнихъ чувствъ, то этотъ фактъ, говоря научно, гораздо необыкновеннѣе, чѣмъ было бы разрушеніе нашей планеты другимъ небеснымъ тѣломъ“. Однакоже фактъ вліянія одной души на другую достаточно и неоспоримо установленъ трудами различныхъ психологическихъ обществъ и другими достойными вѣры свидѣтельствами. Если, такимъ образомъ, одинъ духъ можетъ оказывать вліяніе на другой независимо отъ внѣшнихъ чувствъ (подобно тому, какъ происходитъ передача электрическаго тока безъ проволоки), то каеэдра должна была бы получить новый импульсъ въ развитіи своей силы. Эта эволюція должна была произойти одновременно въ двухъ направленіяхъ: въ приращеніи силы психической и силы духовной, внутренне связанныхъ одна съ другой.

Подъ психической силой проповѣдника я разумѣю его личную силу, отличную отъ силы его логики, краснорѣчія и самой истины съ одной стороны; а съ другой—отличную и отъ сверхъестественной силы Св. Духа. Это—энергія души проповѣдника, развивающаяся отъ соприкосновенія съ душой слушателя. Бихеръ (Beecher) сказалъ: „Живая сила живой души, воздѣйствующая на живыя души въ видахъ ихъ преобразованія, есть основной принципъ проповѣди“.

Психическая сила представляетъ активный элементъ въ сильной, т. е. вліятельной проповѣди. Я могу указать слѣдующіе три фактора, производящіе вліятельную проповѣдь: 1) изложеніе, соотвѣтствующее истинѣ; 2) психическую силу и 3) Божественное вліяніе. Это—порядокъ восходящій, по относительной важности этихъ факторовъ. Психическая сила имѣетъ свою особенную функцію и свое дѣйствіе такъ же реальныя, какъ и функція и дѣйствіе электричества въ при-

родѣ. Электричество можетъ двигать машину или освѣщать городъ; но оно не можетъ образовать цвѣтка или дать слухъ глухому. Точно такъ же и психическая сила не можетъ открыть истину, ни переродить сердце; ея функція состоитъ въ томъ, чтобы усилить жизнь души, овладѣть волею, пробудить дѣятельность. Что такое она по своей сущности, этого мы не можемъ сказать при современномъ состояніи нашихъ знаній такъ же, какъ мы не можемъ въ настоящее время опредѣлить происхожденіе и сущность электричества. Быть можетъ, если бы можно было подняться до самаго высокаго начала той и другого, то открыли бы, что это начало у нихъ общее.

Человѣкъ можетъ обладать здравымъ умомъ, быть доброй души, имѣть любящій духъ и, однакоже, мало имѣть силы воли. Можно поставить его въ какую угодно форму и въ то же время онъ не сохранить отпечатка ни одной изъ нихъ. Съ другой стороны, онъ можетъ имѣть только умѣренныя способности и тѣмъ не менѣе достигать высшей степени успѣха потому только, что онъ обладаетъ сильной волей. Воля именно позволяетъ человѣку переводить свои умственные концепціи въ духъ другихъ. Примѣръ такой силы воли представляетъ, напр., Б. Дизраэли, котораго, какъ иноплеменика, въ началѣ не хотѣли слушать въ палатѣ общины. „Вы будете слушать меня!“—воскликнулъ онъ и настойчивостью достигъ положенія перваго министра Англіи. Такіе же примѣры представляютъ и другіе великіе люди: О. Кромвель, Наполеонъ, Бисмаркъ, Дж. Кноксъ, Лютеръ, Савонарола и проч.

Англійскій проповѣдникъ Г. Даусонъ, разнообразное краснорѣчіе котораго такъ сильно трогало всякіе виды аудиторій, имѣлъ привычку говорить: „всякій разъ, какъ я обращаюсь къ слушателямъ, я рѣшаюсь заставить ихъ слушать“. И его слушали до конца съ восхищеніемъ. Вильямъ Газлитъ замѣчаетъ, что „истинный ораторъ имѣетъ единственную цѣль—дать мужественную твердость волѣ, укрѣпить энергію духа.

Ораторъ самъ въ себѣ долженъ быть непоколебимъ, непреодолимъ и побѣдоносенъ въ отношеніи всякаго сопротивленія своей горячностью и пылкостью. Мы повелѣваемъ другими своей силой, страстью и волей“.

Но если степень этой силы различается по различію людей и видоизмѣняется въ каждомъ индивидуумѣ, то, по всей вѣроятности, никто по природѣ совершенно не лишень ея. У всѣхъ насъ есть скрытыя силы, которыя нуждаются только въ возбужденіи посредствомъ твердой рѣшимости вести людей къ Богу и правдѣ и войти во внутреннее общеніе съ источникомъ всякаго свѣта и всякой силы. Вслѣдствіе бездѣйствія или распутства эта сила можетъ уснуть и ослабѣть; посредствомъ же правильнаго упражненія и обрязованія ее можно развить. Человѣкъ, природа котораго выражаетъ и передаетъ жизнь моральную и аффективную, тратитъ гораздо больше силы (замѣчаетъ онъ это или нѣтъ), чѣмъ обыкновенный смертный. Соприкосновеніе съ человѣчествомъ опоражниваетъ его психическій резервуаръ подобно тому, какъ олива источаетъ свое масло при малѣйшемъ нажимѣ, или какъ ладонь издаетъ благоуханіе отъ прикосновенія къ огню. „Есть люди, говоритъ проф. Твенъ (Twining), жизнь которыхъ изливаетъ сильное и острое благоуханіе, если только они умѣютъ развязать и освободить содержаніе своего существа. Но они всю свою жизнь находятся подъ какимъ-либо принужденіемъ — психическимъ, социальнымъ или нравственнымъ. Безъ сомнѣнія, эта благородная и откровенная природа отчасти представляетъ даръ; но ею овладѣваютъ особенно тогда, когда культивируютъ ее. Кто обладаетъ этимъ тонкимъ свойствомъ воодушевлять людей, тотъ знаетъ, что онъ можетъ это сдѣлать или удержать въ своей волѣ. Онъ можетъ сберегать принадлежація ему психическія силы, чтобы пользоваться ими только тогда, когда онъ находится въ сношеніи съ душами воспріимчивыми. Тогда онъ открываетъ шлюзы своего богатаго существа и обогащаетъ другихъ всѣмъ тѣмъ, что въ немъ накоплено“.

Но проповѣдникъ, который является внутренней основой единенія душъ и дружескія бесѣды котораго полны ума и мысли, на кафедрѣ уже оказывается подъ давленіемъ души и слова. Это—уже не человѣкъ; внезапно онъ дѣлается простымъ совершителемъ богослуженія, религіознымъ воспитателемъ, заботящимся о сохраненіи клерикальныхъ приличій и о томъ, чтобы не уменьшить разстоянія между кафедрой и скамьями. Довѣріе, сочувствіе, доброхотность, взаимность— всего этого ему недостаетъ и не по преднамѣренности, а вслѣдствіе ошибочности идеала, или вслѣдствіе нервнаго напряженія, или по недостатку сердечнаго и постояннаго общенія съ своими вѣрными, или по какой-либо иной далеко неисправимой причинѣ, если только онъ готовъ принести въ жертву свое „я“ и свое то, что въ немъ заключается.

В. П.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Дополнительныя космогоническія украинскія легендарныя сказанія и преданія о челоуѣкѣ¹⁾.

Кромѣ основныхъ космогоническихъ легендарныхъ сказаній и преданій о челоуѣкѣ, на Украинѣ и по сію пору живетъ еще не мало, такъ сказать, *дополнительныхъ* сказаній, имѣющихъ главною цѣлью своею—удовлетворить народную пытливость. Таковы, напр., легенды о происхожденіи міроѣдовъ, о людскомъ вѣкѣ, отчего женщины больше работаютъ, чѣмъ мужчины, о главенствѣ мужчины въ семьѣ и др.

Народъ столько видѣлъ и видитъ горя отъ *міроѣдовъ*, что отказалъ даже имъ въ происхожденіи отъ людей. Когда Богъ замѣтилъ,—говоритъ легенда, записанная въ Стародуб-

¹⁾ См. „Руков. для сельск. наст.“ за тек. годъ, № 32—33: „Украинскія легенды о жизни первыхъ людей послѣ изгнанія ихъ изъ рая и о рукописаніи Адамовомъ“.

скомъ уѣздѣ,—что самый старшій ангелъ Его задумалъ Его смѣстить, чтобы взять въ свои руки управленіе всѣмъ міромъ („шобъ у свои рѣки віжки взійти“), то прежде всего повидергалъ ему перья изъ крыльевъ, забралъ у него всю свою одежду, заростилъ всего его шерстью, увѣнчалъ голову рогами, прицѣпилъ сзади хвостъ да столкнулъ съ неба „въ пѣкло“. Когда низверженный ангелъ катился туда (а дорога-то, знать, была не ровная), хвостъ у него отвалился, упалъ на землю и породилъ изъ себя міроѣдовъ; а чортъ сталъ, такимъ образомъ, *куцымъ* ¹⁾.

Сотворилъ Господь человѣка,—разсказываетъ легенда, записанная въ Купянскомъ уѣздѣ,—и назначилъ ему жить на землѣ всего только *тридцать* лѣтъ; сотворилъ и звѣрей, и назначилъ и имъ вѣкъ: ослу, верблюду и собакѣ—также по *тридцати* лѣтъ. Человѣкъ жилъ себѣ на землѣ, блаженствовалъ и ничего не дѣлалъ, только все горевалъ, что короткій вѣкъ Богъ ему назначилъ. Пожилъ, пожилъ осель да и говорить: „Чѣмъ мнѣ мучиться тридцать лѣтъ все въ работѣ да въ горѣ,—не хочу жить столько; пойду къ Богу и попрошу, чтобъ уменьшилъ мнѣ вѣку“. Богъ снялъ съ осла *десять* лѣтъ и думаетъ: кому ихъ отдать? Вдругъ является человѣкъ и проситъ прибавить вѣку. Богъ снялъ съ осла *десять* лѣтъ и отдалъ ихъ человѣку, такъ что, стало быть, послѣ *тридцати* лѣтъ человѣкъ живетъ уже *ослиный вѣкъ*.— Пожилъ себѣ, пожилъ и верблюду да и говорить: „Худо жить! все таскаешь да таскаешь на себѣ,—нѣтъ тебѣ и покою никогда! Не хочу жить столько; пойду къ Богу и попрошу уменьшить мнѣ вѣку“. Богъ снялъ и съ верблюда *десять* лѣтъ и думаетъ: куда ихъ дѣть? Когда приходитъ человѣкъ и говорить: „Я на землѣ не живу, а красуюсь, какъ цвѣточекъ; ничего не дѣлаю, всѣ звѣри послушны мнѣ, птицы утѣшаютъ меня пѣснями; одно только горе: осталось

¹⁾ В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ., т. I, стр. 385.

мало жить!“ Богъ и *десять* верблюдовыхъ лѣтъ отдалъ чело-
вѣку. Стало быть, послѣ *сорока* лѣтъ человѣкъ живетъ уже
верблюжій вѣкъ.—Пожила, пожила собака и говоритъ: „Худо
на свѣтѣ жить! Чѣмъ мнѣ все на холодѣ да съ голоду про-
падать, да горло драть, да побои принимать,—не хочу больше
жить; пойду къ Богу и попрошу убавить вѣку“. Богъ и съ
собаки снялъ *десять* лѣтъ и думаетъ: куда ихъ дѣть? Когда
тутъ опять приходитъ человѣкъ и голосить—причитываетъ:
„И жить мнѣ есть гдѣ, и ходить есть въ чемъ, и ѣсть могу,
что только захочу, и звѣрями и птицами повелѣваю,—вѣкъ
только мой коротокъ!“ Богъ и собачьи *десять* лѣтъ отдалъ
ему. Такимъ образомъ, послѣ *пятидесяти* лѣтъ человѣкъ
живетъ уже *вѣкъ собачій*¹⁾.

Дѣти не ходятъ до году еще со временъ Адама и Евы—
и вотъ по какой причинѣ. Когда у Евы родился сынъ, Богъ
явился къ ней въ образѣ Старичка и велѣлъ перекинуть дитя
черезъ ворота. Евѣ жаль стало родного дитяти, и она послу-
шалась Божьяго повелѣнія.—„Ну, такъ *носи* же съ нимъ!“—
сказалъ ей тогда Старичокъ. И вотъ съ тѣхъ поръ дѣти до
году не ходятъ (Черниг. губ.)²⁾.

Положеніе женщины въ украинской семьѣ крайне не-
завидное. *Двушка* и *сестра* въ народныхъ пѣсняхъ дѣй-
ствительно окружены высокимъ поэтическимъ ореоломъ. По
картина слишкомъ рѣзко мѣняется съ выходомъ дѣвушки
замужъ. Безъ согласія мужа, часто очень деспотичнаго и
грубаго, жена ничѣмъ рѣшительно не можетъ распорядиться
самостоятельно въ домѣ, не можетъ даже продать для сво-
ихъ надобностей десятка яицъ или курицу. Въ обществѣ
тѣмъ болѣе не имѣетъ она никакой силы и никакого значе-
нія. Она считается существомъ низшей породы, чѣмъ муж-
чина: „жінка не чоловікъ, а баба, и бабський у неї розумъ“,
говорять въ Старобѣльскомъ уѣздѣ. Нѣсколько лучше поло-

¹⁾ „Этнографическое обозрѣніе“ 1892 г., XIII—XIV, стр. 91—92.

²⁾ Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, в. I, стр. 83.

женіе пожилой женщины: ей являются, по крайней мѣрѣ, подвластными младшіе члены семьи—дѣти, невѣстки и внуки; но мать очень часто въ этомъ случаѣ злоупотребляетъ своею властью, что служитъ одной изъ главныхъ причинъ семейныхъ раздоровъ. Женщины трудятся, не покладая рукъ, отъ зари до зари—и въ этомъ, впрочемъ, сами же виноваты, какъ говоритъ о томъ слѣдующая легенда, записанная въ Новоградволынскомъ уѣздѣ.

Когда-то *людямъ* (разумѣются *крестьяне*) было очень худо жить на свѣтѣ, хуже, чѣмъ теперь, въ особенности вслѣдствіе непрерывной работы: только и дѣлали, что все работали, не переставая ни на одну минуту. Вотъ и стали *мужики* думать, что бы такое сдѣлать, чтобы хотя немного сбавилось съ нихъ работы, и чтобы хотя когда-не-когда имѣть свободный часокъ для отдыха. Думали это они—думали, совѣтовались—совѣтовались, да и пришли къ такому рѣшенію: „Обратимся,—говорять,—съ просьбою къ Богу, пусть явить Онъ Свое милосердіе надъ нами—вернетъ какъ-нибудь на иной строй наше житье, чтобы съ насъ хотя немного сбавилось безконечной работы“. Порѣшили обратиться съ просьбою къ Богу и стали совѣтоваться, черезъ кого бы переказать все это Богу? — „Извѣстно, — говорятъ, — нужно поискать между птицами, между ними выбрать надежнаго посланца,—однако —кого же именно?“ Одинъ *мужикъ* и совѣтуетъ: „Пошлемъ, люди добрые, *сокола-винозора!* Онъ—самая подходящая для насъ птица: очи у него зоркія, крылья быстрыя,—полетитъ на самое небо къ Богу и повѣдаетъ Ему все про наше горе-горькое житье-бытье“!...—„Прекрасный совѣтъ! прекрасный!—послышалось со всѣхъ сторонъ:—выберемъ сокола,—самое подходящее дѣло“! Все, такимъ образомъ, наладилось, какъ слѣдуетъ; но вдругъ бабы что-то пошептались промежду собой, да какъ загалдятъ: „Нѣтъ! нѣтъ! не согласны! мы не желаемъ посылать сокола! Посылайте его, если хотите, отъ себя, отъ *мужской громады*, а мы, бабы, подыщемъ кого-нибудь другого!“—„Почему же

такъ?“—спрашиваютъ *мужики*.—„А потому, — отвѣчаютъ бабы,—что мы уже знаемъ, какъ въ такихъ случаяхъ дѣла обдѣлываются,—тутъ безъ предварительнаго сговора не обойдется. Одно то, что соколъ къ вамъ, *мужикамъ*, больше льнетъ, до нашего же бабьяго горя ему и нужды мало. А второе—вы ему про себя больше наскжете, такъ онъ вашу руку и будетъ больше тянуть и передъ Богомъ неодинаково будетъ правду говорить про бабъ и про *мужиковъ*. Сюда вернется—и здѣсь будетъ крутить: вамъ перескажетъ всю Божью ласку, а отъ насъ многое и утаитъ. А по чемъ знать—можетъ быть, Богъ къ намъ, бабамъ, былъ и милосерднѣе, чѣмъ къ вамъ, *мужикамъ*?... Однимъ словомъ, мы не желаемъ посылать сокола!“—„Ну, тогда, можетъ быть, пусть будетъ такъ,—говорятъ *мужики*:—мы пошлемъ сокола, а вы—соколиху: она, вѣдь, тоже баба,—стало быть, ужъ васъ не оплететь?“—„Не желаемъ посылать и соколиху,—запротестовали бабы:—она будетъ бояться сокола и не осмѣлится перечить ему передъ Богомъ. Онъ ей такъ памороки забьетъ, что дѣло выйдетъ, нивѣсть по-каковски. Насъ, все равно, и въ такомъ разѣ оплетутъ. А наилучше пускай будетъ такъ: не цѣпляйтесь вы къ намъ, а мы къ вамъ не будемъ цѣпляться; посылайте вы себѣ сокола или кого тамъ другого, а мы отъ себя кого-нибудь отрядимъ къ Богу, кто намъ самимъ больше понравится.“—„Ладно!“—говорятъ *мужики*:—коли такъ—то и пусть будетъ такъ! Только глядите же: если, часомъ, слишкомъ ужъ перемудрите, и вамъ съ вашими затѣями придется проиграть дѣло, чтобы потомъ не пеняли на насъ!“ Условившись на этомъ, разошлись.—Чѣмъ же только все это кончилось?—*Мужичья* „громада“ послала таки сокола, крѣпко-на-крѣпко наказавши ему при этомъ, чтобы онъ про однихъ только *мужиковъ* зналъ, а про бабъ чтобы и не поминалъ даже,—про нихъ, молъ, другой ужъ кто-то доложить Богу. Соколъ себѣ скорѣхонько справился—слеталъ на небо и принесъ такой отвѣтъ отъ Бога, что Богъ-де, снисходя къ просьбѣ *мужиковъ*, уменьшаетъ имъ нѣ-

сколько работу и хлопоты. Такъ и выгадала себѣ облегченія *мужицья* „громада“.—А бабы вотъ какой корысти добыли себѣ своими хитростями да мудростями. Посовѣтовавшись промежду собою, надумались онѣ послать къ Богу сову. Онѣ-то, разумѣется, хотѣли какъ лучше, а случилось такъ, что изъ того совиного *посланьства* ровно ничего не вышло, потому что, хотя сова, можетъ быть, и очень была расположена къ бабамъ и, можетъ быть, очень рада была оказать имъ съ своей стороны добрую услугу, да вся бѣда въ томъ, что она никакъ не могла долетѣть до Бога. Съ вечера, вотъ, снимется и полетитъ. Летитъ, летитъ вверхъ—всю ночь летитъ безъ передышки; а только станетъ разсвѣтать—и конецъ ея летанью: ее начинаетъ мало-по-малу одолѣвать сонъ, наконецъ, она—„пуць на зѣмлю“, да и спитъ себѣ. Такая ужъ у нея природа, что какъ только настаеъ день, она непремѣнно должна спать. Надъ вечеръ снова подхватится, снова летитъ на небо всю ночь,—да только что же изъ того?—Сколько бы она ни пролетѣла за ночь, все такъ и пропадаетъ ни за что—ни про что: утромъ опять и упадетъ на то же самое мѣсто, съ котораго вечеромъ поднялась. Такъ сова никогда и не могла донести до Бога вѣсти про горькое бабье житье, и онѣ и по сію пору не дождались до себя милосердія Божія. Вотъ почему *мужики* хотя и сильно заняты, и много работаютъ, а все же—нѣтъ-нѣтъ, да и выпадетъ имъ такой часъ, что они бывають безъ работы и отдохнуть какъ слѣдуетъ; а бабы никогда не знаютъ спокойной минуты—все, знай, толкутся да толкутся: сдѣлають одно, гляди—другое поснѣло; справятся съ этимъ, а тамъ уже за что-нибудь другое нужно браться,—и нѣтъ конца ихъ хлопотамъ. То ужъ кто его знаетъ—сами ли бабы такъ приучили себя, или что, но только дѣйствительно никогда не увидите, чтобы баба была безъ дѣла. Вотъ ужъ, кажись, все подѣлаеъ, нѣтъ, повидимому, больше рѣшительно никакой работы,—а она все ковыряется около чего-нибудь: тамъ, смотри, загнетокъ подмазываетъ, или перья дереть, а

все не гуляетъ; если же нѣтъ настоящаго дѣла, то хоть по хатѣ *плутается*, какъ будто что дѣлаетъ: подойдетъ къ „мѣснику“ (открытый посудный шкафъ съ полками), переставитъ съ мѣста на мѣсто горшки, или что-нибудь пересыплеть изъ одной миски въ другую; а тамъ подойдетъ къ столу, да хлѣбъ съ одного мѣста на другое передвинетъ. И такъ вотъ никогда не переводятся у бабъ работы да хлопоты. А кто въ томъ повиненъ ¹)?..

Г. Булашевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ.

а) Примѣръ, достойный подражанія.

Священнику І. І. Кедрову (моск. еп.) пришла счастливая мысль самому организовать помощь голодающимъ. Съ этой цѣлью онъ завязалъ сношенія съ дѣятелями по оказанію помощи на мѣстахъ въ Самарской и Казанской губерніяхъ и обратился сначала къ посѣтителямъ своего храма и знакомымъ, а затѣмъ чрезъ печать къ болѣе широкому кругу жертвователей. Такимъ образомъ ему удалось собрать до 7,000 руб., и открыть нѣсколько столовыхъ въ голодныхъ губерніяхъ. Въ январѣ текущаго года, съ благословенія епископа Трифона и при его матеріальной поддержкѣ, о. І. Кедровъ поѣхалъ въ Самарскую и Казанскую губерніи и увидалъ на мѣстахъ страшный голодъ. Не щадя силъ своихъ, о. І. Кедровъ продолжаетъ работать по ознакомленію сытыхъ съ положеніемъ голодныхъ и по сбору пожертвованій. Его призывъ привелъ къ благимъ результатамъ. Пожертвованія потекли въ большомъ количествѣ. Предъ нимъ открылись склады вещей, которыя могли бы быть полезны для голод-

¹⁾ М. Драгомановъ, „Малорусскія народныя преданія и рассказы“, стр 170—172.

ныхъ, деньгами же до сего времени собрано имъ до 40,000 руб. Для помощи себѣ о. І. Кедровъ пригласилъ двухъ священниковъ и раньше еще особенно сочувствовавшихъ его дѣятельности и, хотя не въ такомъ масштабѣ, проявившихъ собственную инициативу по оказанію помощи голодающимъ (о.о. В. Кудринъ и Н. Цвѣтковъ), которые вмѣстѣ съ семьей о. І. Кедрова составили дружный, чисто семейный кружокъ, получившій благословеніе на свою дѣятельность отъ преосвященнаго Трифона. Теперь о. Кедровымъ уже содержатся 40 столовыхъ въ голодныхъ губерніяхъ и постоянно поступаютъ новыя и новыя заявленія и просьбы изъ голодныхъ мѣстъ о немедленной помощи. („Вѣкъ“).

в) Легенда о приближеніи царства антихриста.

„Дн. Каз.“ передаетъ легенду, циркулирующую за послѣднее время среди темныхъ черемисъ Козмодемьянскаго уѣзда.

По этой легендѣ антихристъ уже давно родился, въ настоящее время ему тридцать лѣтъ. По внѣшнему виду онъ кажется обыкновеннымъ человѣкомъ. Онъ образованіе получилъ въ академіи, обладаетъ даромъ слова, и всякій послушавшій его дѣлается его послѣдователемъ. Всѣ его послѣдователи должны подписаться собственною кровью, подписавшіеся навсегда лишаются спасенія души. По Россіи онъ разъѣзжаетъ въ видѣ студента и распространяетъ свое ученіе. Онъ обладаетъ огромнымъ состояніемъ, раздаетъ деньги, печатаетъ прокламаціи. Главный его противникъ—духовенство со своими проповѣдями, и онъ старается объ уничтоженіи духовенства, старается о конфискаціи монастырскихъ и церковныхъ земель. Его послѣдователей уже много и съ каждымъ днемъ еще прибавляется. Послѣ воцаренія въ Россіи антихристъ одно за другимъ покоритъ себѣ всѣ государства земли и будетъ на землѣ только одно царство антихриста.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 19-го августа 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.